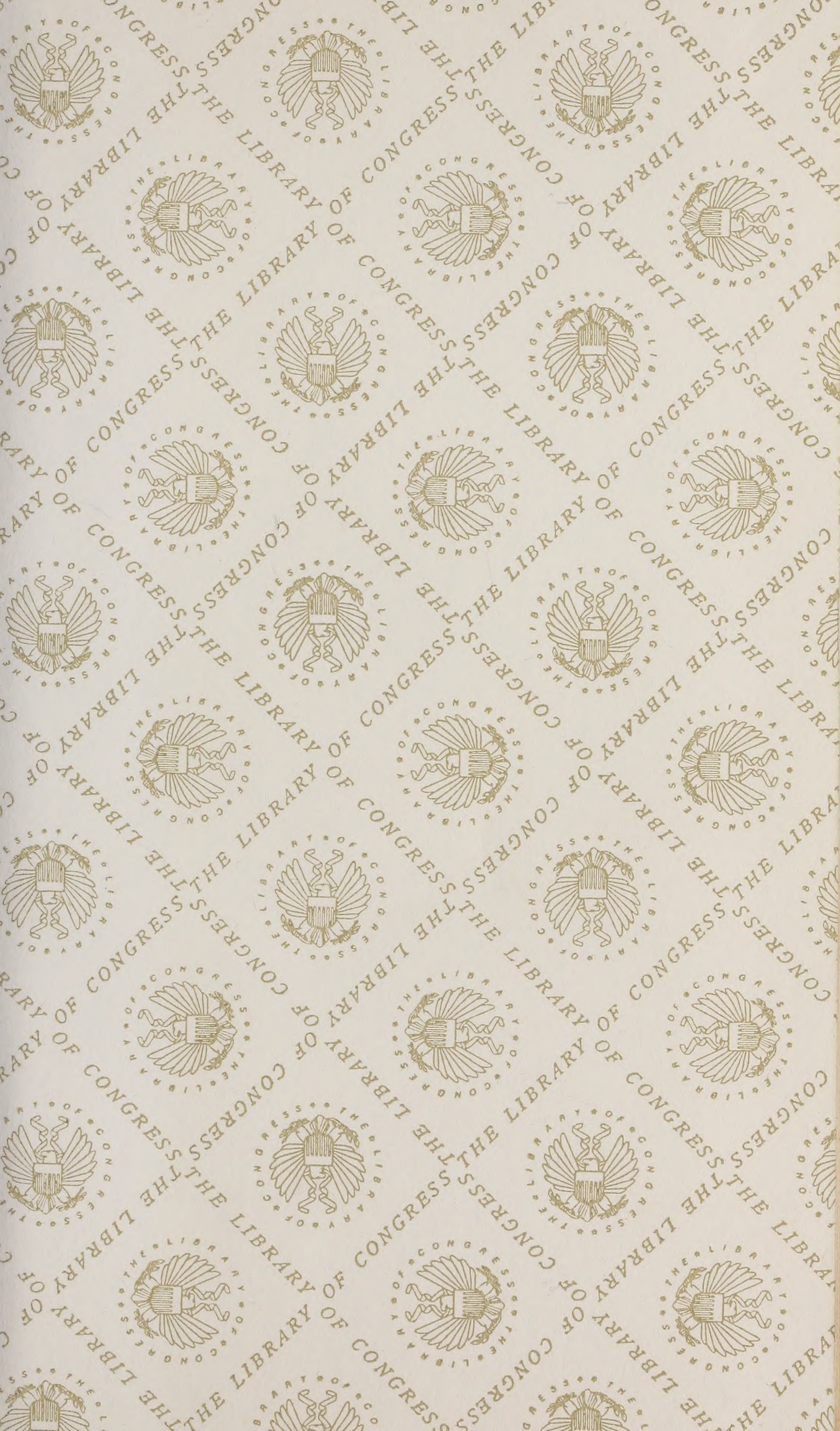
THE LIBRARY OF CONGRESS


THE LIBRARY OF CONGRESS

Sushkov, Nikolaĭ Vasil'evich, comp
"Raut na 1852 god.

РАУТЪ

НА 1852 ГОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ, ВѢДОМСТВА ДАМСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ВЪ МОСКВѢ.

ИЗДАНІЕ

Н. В. Сушкова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Вѣдомост. Москов. Город. Полиціи.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 19 дня 1852 года.

Ценсоръ. *И. Снегиревъ*

По усердію жертвователей, ради добраго дѣла, и при богатствѣ моего архива старинныхъ бумагъ, у меня набралось столько историческихъ и литературныхъ запасовъ, что, вмѣсто одного сборника, я долженъ издать два, почти-вмѣстѣ. — Для втораго на 1852 годъ *историческаго и литературнаго сборника* я имѣю уже: 1). стихотворенія А. С. Хомякова, Авд. П. Глинки, Ю. Жадовской, М. С. Родзянки. Ѳ. Н. Глинки, Л. Мея, В. И. Панаева, К. Петерсона, Д. фонъ-Лизандера и другихъ; 2). прозаическія сочиненія: Евгеніи Туръ, отрывокъ изъ новаго ея романа, письмо Святогорца съ Аѳонской горы изъ «Русика» къ одному изъ заслуженныхъ ветерановъ — писателей у насъ — Н. И. Гречу, разсказы Кушнерева, Петерсона и проч.; 3). ни гдѣ не напечатанные стихи А. С. Пушкина, В. В. Капниста, сатирика М. Милонова, остряка А. С. Хвостова; 4). тетрадь А. В. Храповицкаго (біографическая статья); тутъ нѣсколько изъ его стихотвореній, въ томъ числѣ посланія къ Г. Р. Державину, В. В. Капнисту, В. А. Озерову, И. И. Дмитріеву, А. С. Хвостову; письма А. В. Х. къ брату его М. В. Х., о которомъ здѣсь (стр. 204) напечатана отдѣльная статья; двѣ записки о посѣщеніи Императрицею Екатериною II Кременчуга, Бакчисарая и Севастополя; и нѣсколько выписокъ изъ *записокъ* А. В. Х. и 5). старинныя бумаги: всепод. донесеніе Ген. Фермера, планъ лоттереи на содержаніе отставныхъ и раненыхъ Оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ; свѣденіе о дневникѣ Барона Минниха; всеподан. письмо и прошеніе Гр. фонъ-Миниха, гдѣ описана вся его служба; краткое начертаніе знаменитыхъ произшествій въ

теченіе послѣдней войны Шведской и Турецкой (1787, 1788, 1789, 1790, 1791 г), съ приложеніями: донесенія К. Потемкина Таврическаго и Принца Нассау де Зигенъ; постановленіе о торжествѣ мира съ Оттоманскою портою и т. д.

Не упоминаю объ ожидаемыхъ статьяхъ, въ стихахъ и прозѣ, отъ нѣкоторыхъ изъ писателей нашихъ, для втораго сборника. Что до настоящаго, онъ передъ глазами читателей. Мнѣ остается только поблагодарить безвозмездныхъ вкладчиковъ, настоящихъ, прошедшихъ (для раута въ 1851 г.) и будущихъ; да кстати указать читателямъ на промахъ мой: «героическая эклога на заключеніе мира съ Портою» (стран. 206) приписана М. В. Храповицкому: она найдена мною въ старыхъ бумагахъ между его сочиненіями и я не обратилъ вниманія на выставленное на ней имя брата моего М. В. Сушкова, который сочинилъ эту эклогу. Кстати же укажу и на главнѣйшіе опечатки и пропуски.

Стр.	Строка.	Читай.
215	11 почитая но себя	почитая, не ихъ своими слугами, но и т. д.
200	подпись И. Б. . . . ій.	И. . . . й.
233	4 къ пріятностямъ	къ пріятствамъ
239	4 сильно	столь сильно
246	6 желанія	желаетъ
249	1 объясненія	объяснить
263	2 минуты,	минуя
264	8 порты	пороги
265	13-14 обливались	обваливались
290	10 встрѣчаю	встрѣчая
318	2 посмотритъ тесакъ	поосмотритъ тесакъ
—	25 мелькнула	мелькнули
319	14 Да сила ужь плоха.	Да силы ужь плохи!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ОДАРЕННОЙ».

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,

ВЗЯТАЯ ИЗЪ ВОЛШЕБНЫХЪ СКАЗОКЪ XVII ВѢКА,

въ 5 картинахъ, съ прологомъ, вольными стихами.

Дѣйствіе происходитъ въ Богеміи (въ XVII столѣтіи).

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Hohes Sinn liegt oft im Kindschen Spiel! (Schiller).

ВЪ ЗАМКѢ БЕНЕТЪ.

Дѣтская Нины, большая полу-готическая комната, чисто-убранная, съ балкономъ въ садъ. Дѣти занимаются игрушками, куклами, Китайскими фонарями; Нина, свѣтлорусая, голубо-окая, лѣтъ семи, не участвуетъ въ этихъ забавахъ и, задумавшись, смотритъ изъ окна на небо; на ней и около нея куча разныхъ цвѣтовъ. Нѣсколько нянекъ разговариваютъ, занимаясь рукодѣльемъ.

Вѣнцеслава *(нянька Нины).*

Смотрите: дѣти всѣ какъ дѣти!
Моя лишь — словно нелюдимъ: —
Не пристаетъ, не сядетъ къ нимъ,
Стоитъ, какъ вкопаная, смотритъ....
На что? спрошу: — на облака!...

2-я Няня.

Да! своенравна и дика!

3-я Няня.

И, говорятъ, чрезъ чуръ капризна? ..

Вѣнцеслава.

Нѣтъ! грѣхъ сказать! — Балуетъ мать —
Да какъ-бы ей не баловать?
Одна у ней! — и въ цѣломъ домѣ,
Въ роднѣ, всѣ Ниной дорожатъ,
Ее лелѣятъ и дарятъ:
Она добра, кротка, на ласки
Ужь мастерица, — не сыскать
Другой ей равной! только нуженъ
Съ ней глазъ да глазъ! ну, — а не то, —
Не углядишь за ней! приказы,
Слова и брань, ей ни во что!
Всегда, какъ бѣлочка лѣсная,
Неукротима и рѣзва!
Не посидится ей на мѣстѣ!
Весь день въ саду, и, вѣдь, едва
За ней поспѣешь: такъ далеко,
Такъ прытко убѣжитъ — себѣ!
Поди — лови!... Гдѣ старой мнѣ?...
За дикой серной по горамъ,
За мотыльками по полямъ,
Уйдетъ, безъ спроса.... пропадетъ....
Въ лѣсу очутится.... заснетъ,
Безъ страха, въ чащѣ, у болота....
Все рветъ цвѣты; — у ней охота
Ужасная къ цвѣтамъ! — ко всѣмъ —
Къ садовымъ, къ полевымъ, къ заморскимъ....
Еще что водится за нею:
Далась ей пляска, — неучась,
Какъ запорхаетъ — право чудо!
Нельзя безъ радости смотрѣть!
Какъ.... гдѣ, успѣла подглядѣть,
И перенять, — ни кто не знаетъ!
Дивимся мы, и я, и мать,
Любуемся.... Вотъ, иногда,
Начнетъ кружиться, долго, долго....

На цыпочкахъ.... легка, какъ птица....
Тогда ужь просто съ ней бѣда, —
Не остановишь!... И что странно:
Чѣмъ долѣе она вертится,
То все живѣе, все быстрѣй....
Все выше.... выше, — даже страшно!
И не поспѣетъ глазъ за ней!...
И что-жь потомъ? — кричитъ и только:
«Летать хочу!... летать хочу!..
«Хочу быть птицей легко-крылой!...
«Какъ въ небѣ весело-бъ мнѣ было!...»
Я часто на нее ворчу, —
Не слушаетъ и не внимаетъ,
Какъ будто говоришь не ей!
Что хочешь дѣлай: въ старомъ платьѣ
Веди въ гостиную ее,
Размой ей букли, въ наказанье,
Возьми игрушки отъ нее,
Не дай обѣдать, все равно ей!...
Одно у ней лишь на умѣ:
Садъ, пляска, рѣзвость, да букеты!
И дома, точно, какъ въ тюрьмѣ,
Скучаетъ все!

2-я Нянька.

Когда-жь учиться
Начнетъ она?

Вѣнцеслава.

А Богъ-же вѣсть!...
Не хочетъ мать на то рѣшиться, —
Здоровье Нины бережетъ; —
У ней одна, вѣдь, дочь, такъ вотъ
За дочь-то все она боится. *(обращается къ дѣвочкѣ).*
Ну гдѣ-жь ты, Нина? что? опять
Ты сочинила убѣжать
Куда-то въ уголъ?... покидаешь

Своихъ гостей?... за чѣмъ ушла ты
Такъ далеко?...

Нина *(держитъ въ рукѣ цвѣты).*

Хочу сплести
Вѣнокъ изъ розъ.

Вѣнцеслава.

Успѣешь послѣ!
Къ гостямъ ступай! да будь мила,
Учтива!

Нина *(продолжаетъ заниматься гирляндою).*

Мнѣ не весела
Забава ихъ! они играютъ
Все въ куклы, въ кухню, зажигаютъ
Фонарь китайской; что мнѣ въ томъ?...
Фонарь ужь мнѣ давно знакомъ!
А куклы глупы!... Вотъ — букеты,
Такъ хороши! они одѣты
Въ такіе нѣжные цвѣта,
И какъ душисты!... занята
Я ими, — а потомъ хотѣлось
Мнѣ-бъ поплясать!...

Вѣнцеслава.

Опять свое!...
Что за дитя! не угодишь ей!

Нина.

Мнѣ скучно въ комнатѣ!

Вѣнцеслава.

Пустое!
Здѣсь очень весело и живо?
Поди къ гостямъ, я говорю,
Играй, болтай,—не то, увидишь,
Я разгоню хандру твою!

Нина.

Мнѣ съ ними скучно!—не могу я!

Вѣнцеслава.

Не можешь? вотъ-что? такъ, смотри,—
Скажи-ка цвѣтикамъ прости!...

(Вырываетъ у нея изъ рукъ всѣ цвѣты и бросаетъ ихъ за окно. Потомъ отводитъ Нину въ уголъ. Нина плачетъ. Одна изъ дѣвочекъ подкрадывается къ ней, обнимаетъ ее и старается утѣшить).

Дѣвочка.

Не плачь!... какъ няня зла твоя!...
Она всегда тебя такъ дразнитъ?

Нина *(утираетъ себѣ глаза).*

Всегда!... ей скучно, что со мною
Ей надо часто такъ гулять,
Что не люблю я долго спать;
Что въ гости ѣхать съ ней порою
Или въ театръ я у мама́
Не попрошусь, что я сама,
Безъ шума, какъ люблю, какъ знаю,
Пляшу, рѣзвлюся и играю....

Дѣвочка.

Такъ, стало быть, ее не любишь,
Ея боишься очень ты?...

Нина.

Я? — нѣтъ? за чѣмъ же мнѣ бояться —
И не любить?... Мнѣ все равно!
Объ ней не думаю!

Дѣвочка.

Смѣшно!
И ты не жалуешься, Нина,
Своей мамашѣ на нее?...

Нина *(разсѣянно).*

За что?...

Дѣвочка.

Ахъ! Боже! какъ, за что?...
Ну вотъ теперь, хоть за гирлянды,
Что бросила она въ окно.

Нина.

Богъ съ ней!... что было, то прошло!
Другихъ цвѣтовъ себѣ достану....
Послушай! станемъ мы кружиться,
Скользить, порхать....

2-я Нянька.

Пора намъ спать!
Мнѣ все казалося, что рано,
А вотъ ужь смерклось, скоро ночь!
Пойдемте, дѣти!

3-я Нянька.

Прочь! прочь! прочь!
Оставьте всѣ сей часъ игрушки....
Берите шляпы, пелеринки....
Скорѣй домой!

Дѣти *(другъ другу)*.

Какъ жаль!... пора!...
Прощай!... До завтра!... До утра!...

Вѣнцеслава.

Прощайте, господа! прощайте!
Почаще домъ нашъ навѣщайте;
Мы вамъ такъ рады!

2-я и 3-я няньки.

Да! придемъ!
У васъ такъ весело живемъ!
Такъ все здѣсь лакомо! такъ вкусно!...

Вѣнцеслава.

А мнѣ безъ васъ всегда такъ грустно!
И пустота и тишина....
И слова не съ кѣмъ тутъ промолвить —
Сиди-себѣ съ чулкомъ, одна....

Няньки и дѣти уходятъ съ шумомъ.

Вѣнцеслава провожаетъ гостей.

Нина *одна.*

Ушли!... Все тихо!... Слава Богу!...
Какъ надоѣли!... Ну, теперь
Открою я съ балкона дверь —
И въ садъ цвѣтистою дорогой
Слетаю мигомъ! тамъ поютъ
Все птички Божіи, такъ мило!...
Тамъ липы старыя цвѣтутъ....
Тамъ мотылекъ золотокрылый
Надъ розой вьется!... онъ счастливъ!
Его полетъ, его порывъ
Ни что не держитъ, не неволитъ....
Мама мнѣ часто говоритъ,
Что мотылекъ, когда летитъ,
Что соловей, когда поетъ,
Что дерево, когда цвѣтетъ,
Все Бога славитъ, Бога молитъ!
О чемъ?... чего бы имъ желать?
Имъ хорошо!... Какъ мнѣ-бы стать
Иль мотылькомъ, иль птицей вольной,
Была-бы я совсѣмъ довольна!...
Какъ лёгки перья — ихъ нарядъ!...
Нѣтъ, нѣтъ! они довольны тоже —
И если съ небомъ говорятъ,
Не просятъ ни чего, о Боже,
Но лишь тебя — благодарятъ!...
(задумывается, потомъ начинаетъ кружиться и поетъ).

Здѣсь душно! здѣсь скучно! на воздухъ! на волю!
Тамъ весело сердцу, тамъ Нинѣ житье;
Тамъ вѣчно довольна своею я долей,
Тамъ небо, природа, просторъ, все мое!
(Убѣгаетъ, напѣвая и танцуя).

Графиня Евдокія Ростопчина.

ВОСПОМИНАНІЕ

О

ПАВЛѢ ИВАНОВИЧѢ АВЕРИНѢ (*).

Исторія, увѣковѣчивая славные подвиги героевъ, не должна молчать и о дѣлахъ смиренныхъ тружениковъ на поприщѣ гражданской службы. Здѣсь конечно мало грома и блеска; но за то также не рѣдко встрѣчаются уроки самоотверженія, безкорыстія, правды и чистоты.

Павелъ Ивановичъ — сынъ Московскаго купца Ивана Климовича Аверина, честнаго и умнаго человѣка, который, переселившись въ Ригу, служилъ тамъ при таможнѣ пакгаузнымъ надзирателемъ, женился на тамошней уроженкѣ и имѣлъ большое семейство. Павелъ Ив. былъ изъ его меньшихъ дѣтей. Онъ родился въ 1775 г. Когда ему минуло 14 лѣтъ, отецъ отправилъ его въ

(*) Воспоминанія объ Аверинѣ, думаю, могутъ быть любопытны въ историческомъ отношеніи, по обстоятельствамъ, по времени и по лицамъ, о которыхъ упоминается въ нихъ.

Издатель.

Москву къ дядѣ, который записалъ его (въ 1789 г.) въ разночинскую гимназію (*). Въ 1794 онъ произведенъ въ студенты. Ему хотѣлось остаться въ Университетѣ; но, по убѣжденію старшаго своего брата Петра Ив., который служилъ въ Курскѣ при Генералъ-Губернаторѣ, онъ опредѣлился въ должность секретаря, Курской губ., Корочинской Нижней Расправы. Александръ Андреевичъ Беклешовъ скоро перевелъ его къ себѣ секретаремъ, испыталъ, оцѣнилъ, полюбилъ, какъ сына и во всю жизнь свою уже, почти, не разставался съ нимъ. У него-то Аверинъ научился почитать службу—высокимъ долгомъ, безкорыстную правду—единственною цѣлью, самоотверженіе, если дѣло шло о пользѣ или чести отечества, неизбѣжностію. Находясь при Беклешовѣ, сперва въ Курскѣ, потомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, наконецъ въ Кіевѣ, когда Беклешовъ былъ назначенъ Генералъ-Прокуроромъ, Аверинъ опредѣленъ былъ помощникомъ Правителя Канцеляріи. Способности, дѣятельность и неутомимость его были таковы, что преемникъ Беклешова, Обольяниновъ, не только оставилъ Аверина въ прежней должно-

(*) Знаменитый Шуваловъ, при началѣ Моск. Университета, учредилъ при ономъ двѣ гимназіи для дворянъ и для разночинцовъ, которые, хотя были помѣщены особенно другъ отъ друга, но сходились въ общихъ классахъ вмѣстѣ и получали за успѣхи въ наукахъ, разумѣется, равныя награды. См. Воспоминанія о Моск. Ун. Благ. Пансіонѣ Н. В. Сушкова.

(Сочинительница).

сти и оказывалъ ему полное довѣріе, но даже почти не отпускалъ его отъ себя. Обязанный являться всякой день во дворецъ съ докладомъ, Обольяниновъ ѣздилъ туда не иначе, какъ въ сопровожденіи Аверина, который, съ портфелемъ подъ рукою и съ бумагами въ карманахъ, слѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ, чтобъ излагать объясненія на замѣчанія и вопросы Императора Павла I. При сихъ-то случаяхъ онъ имѣлъ счастье обратить на себя вниманіе Государя и получать отъ Его Величества приказанія, которыя всегда исполнялъ къ совершенному удовольствію Монарха.

Когда Императоръ Александръ I вступилъ на Престолъ, Беклешовъ снова возведенъ былъ на степень Генералъ-Прокурора.

Вскорѣ въ высшемъ государственномъ управленіи произошли большія перемѣны. Съ учрежденіемъ Министерствъ званіе Генералъ-Прокурора въ первоначальномъ его значеніи измѣнено. Александръ Андреевичъ, уволенный вторично, удалился отъ дѣлъ и мѣсто его заступилъ поэтъ Державинъ, въ званіи уже Министра Юстиціи. Поэтъ-Министръ не любилъ Беклешова потому, что Беклешовъ не довольно уважалъ поэтовъ. Аверинъ принужденъ былъ оставить на время службу. Его причислили къ Герольдіи, съ жалованьемъ, впредь до опредѣленія къ мѣсту. Обезпеченный нѣкоторымъ образомъ въ средствахъ жизни, онъ удалился въ Дерптъ, гдѣ занялся опять науками, къ которымъ имѣлъ всегда не-

одолимое стремленіе, даже записался въ число Университетскихъ слушателей, познакомился съ многими учеными и вполнѣ погрузился въ сферу, которая ему была такъ по душѣ. Между тѣмъ Беклешовъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ. Александръ Андреевичъ уговаривалъ его оставить Дерптъ, написавъ между прочимъ: «хотя справедливо, что ученье свѣтъ, а неученье «тьма; но, имѣя первоначальную основу свѣта, «полезнѣе для человѣка въ коловратномъ свѣтѣ «быть опредѣленнымъ.» Аверинъ отказался отъ службы. Беклешовъ вторично написалъ къ нему письмо, въ которомъ прибавилъ, что, если онъ откажется снова, то будетъ въ глазахъ его неблагодарнымъ человѣкомъ. Эти слова намѣчены были прямо въ сердце Аверина. Онъ пріѣхалъ въ Москву и 1804 г. опредѣленъ къ Московскому Военному Губернатору *для исправленія дѣлъ*, а на слѣдующій годъ пожалованъ въ Статскіе Совѣтники и кавалеромъ орд. св. Анны 2 ст. По увольненіи Беклешова, Аверинъ причисленъ снова къ Герольдіи, съ жалованьемъ и съ позволеніемъ отправиться на годъ въ чужіе края; но едва доѣхавъ до Кенигсберга, онъ получилъ предписаніе возвратиться въ Россію на службу. При открывшейся войнѣ съ Французами, учреждалась милиція и А. А. Беклешовъ назначался главнокомандующимъ второй области милиціи. Онъ счелъ нужнымъ призвать къ себѣ снова Аверина, который, разумѣется, оставилъ мысль о путешествіи

и явился къ своему начальнику. Беклешовъ, отправляясь для обозрѣнія ввѣренной ему области, взялъ его съ собою. Но едва достигли они Риги, какъ принуждены были остановиться: Александръ Андреевичъ захворалъ сильнымъ припадкомъ подагры и рѣшился поручить Аверину обозрѣть сборные пункты милиціи—въ Дерптѣ, Ревелѣ и Псковѣ. Аверинъ вовсе не былъ знакомъ съ военною службою; но принялъ порученіе съ обычнымъ рвеніемъ, надѣлъ милицейской мундиръ, помолился Богу и отправился въ путь. Въ Дерптѣ, гордые Лифляндскіе дворяне, встрѣтили не очень дружелюбно молодаго Русскаго чиновника, котораго неопытность была имъ слишкомъ подозрительна. Начальникъ тамошней милиціи Генералъ Кноррингъ, не желая показывать войска Статскому Совѣтнику, уѣхалъ въ деревню. Въ Ревелѣ, напротивъ того, начальникъ того округа Баронъ Икскуль, впрочемъ знакомый Аверину, изъявилъ всю готовность показать ему войско и доставить всѣ нужныя свѣдѣнія. Въ Псковѣ между начальникомъ милиціи и начальникомъ губерніи возникли нѣкоторыя недоразумѣнія. Аверинъ успѣлъ прекратить ихъ несогласія и подвигнуть ссорящихся къ миру. Они, забывъ самолюбіе, исполнили все, что требовали отъ нихъ долгъ и обстоятельства. Произведя обозрѣніе съ возможною точностію, Аверинъ воротился въ Ригу. Беклешовъ, довольный всѣми его наблюденіями, отдалъ отчетъ съ своей стороны, Госуда-

рю Императору и получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ. Аверинъ же награжденъ орден. св. Владиміра 4-й ст. и арендою въ 1,500 руб. сер. Начались мирные переговоры съ Наполеономъ. Государь потребовалъ Беклешова въ Тильзитъ. Но опытный и всѣми уважаемый сановникъ ѣхалъ медленно; когда, больной и страждущій, онъ прибылъ въ Тильзитъ, миръ уже былъ заключенъ — и онъ оставался безъ всякаго дѣла. Бывая, каждый день у Государя, онъ былъ вполнѣ счастливъ Его милостивымъ къ себѣ вниманіемъ. Аверинъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: онъ видѣлъ вблизи двухъ мощныхъ Императоровъ-союзниковъ! Здѣсь же онъ имѣлъ случай видѣть въ другой разъ замѣчательнаго соотечественника своего—Матвѣя Ивановича Платова, съ которымъ въ первый разъ познакомился когда-то въ крѣпости, имѣя порученіе къ нему отъ Генералъ-Прокурора. Платовъ узналъ его и припомнилъ, какимъ радостнымъ вѣстникомъ былъ тогда для него Аверинъ. Въ простотѣ души онъ выразилъ ему дружество свое присылкою нѣсколькихъ бутылокъ вина, привезеннаго съ роднаго Дона, которое Аверинъ и выпилъ съ пріятелями за здоровье Атамана храбрыхъ казаковъ.

По заключеніи мира, земское ополченіе было пріостановлено. Розданы медали—военнымъ чиновникамъ на Георгіевской лентѣ, невоеннымъ на Владимірской; въ числѣ послѣднихъ и Аве-

ринъ получилъ медаль. Но какъ войско не было распущено, а, по Высочайшей волѣ, удержано на случай новыхъ военныхъ дѣйствій, то Беклешовъ, возвратясь въ Ригу, оставался еще въ званіи Главнокомандующаго второй области. Тутъ вскорѣ болѣзнь его сильно развилась. Никакія средства не могли поддержать угасающей жизни мужа, въ истинномъ смыслѣ служившаго отечеству и Царю до послѣдняго издыханія. Аверинъ не оставлялъ своего благодѣтеля ни на минуту, окружая его, какъ сынъ, всѣми возможными попеченіями. Наконецъ доктора объявили, что больному остается не долго жить Онъ самъ требовалъ отъ нихъ рѣшительнаго слова и выслушавъ ихъ приговоръ, съ твердостію занялся духовною. Онъ не забылъ въ ней ни кого: родныхъ, врачей и служителей наградилъ щедро. Аверину, котораго назначилъ исполнителемъ духовнаго завѣщанія, отказалъ значительную сумму денегъ, въ сихъ словахъ: «другу моему Павлу Ивановичу, котораго люблю, какъ сына, оставляю, въ знакъ памяти и благодарности за все полезное, оказанное имъ мнѣ и проч.». Аверинъ долженъ былъ писать это завѣщаніе по его словамъ. Когда онъ не могъ удержать слезъ своихъ и закрылъ глаза платкомъ, Александръ Андреевичъ замѣтилъ ему, что не должно предаваться слабости и просилъ быть твердымъ. Потомъ онъ потребовалъ Священника, пріобщился св. Тайнъ и оплаканный всѣми, окружавшими его, скончался.

По смерти Беклешова, Аверинъ здалъ оставшіяся на рукахъ его дѣла, по предписанію Министра внутреннихъ дѣлъ Князя Куракина. Чувствуя себя, какъ бы осиротѣлымъ, онъ, для развлеченія своей печали, отправился въ Крымъ, пробылъ тамъ лѣто и воротился на родину, въ Ригу, гдѣ и прожилъ почти три года, въ пріятномъ, нѣмецкомъ обществѣ, которымъ былъ очень любимъ.

Въ 1811 году, при проѣздѣ Императора чрезъ Ригу въ Эрфуртъ, Аверинъ увидѣлся съ М. М. Сперанскимъ. Прежній сослуживецъ уговаривалъ его вступить снова въ службу. Аверинъ не рѣшался — онъ имѣлъ на это свои причины. На возвратномъ пути однакоже Сперанскій убѣдилъ его. Онъ отправился въ Столицу — и явился къ Министру Полиціи Балашову, который опредѣлилъ его чиновникомъ для особыхъ порученій. Эту должность онъ занималъ и при Вязмитиновѣ, до 1813 года. Тутъ обстоятельства открыли ему новое поприще. Въ одинъ день, прогуливаясь по Невскому Проспекту, онъ встрѣтился съ Министромъ Юстиціи И. И. Дмитріевымъ, который остановилъ его и предложилъ ему должность въ Герцогствѣ Варшавскомъ, куда отправляли чиновниковъ изъ Петербурга, по новому распорядку дѣлъ. Этотъ вызовъ такъ былъ неожиданъ, что Аверинъ не могъ отвѣтить ничего рѣшительнаго; но молчаніе его принято за согласіе и когда онъ пришелъ къ своему начальнику, Вязмитиновъ

встрѣтилъ его словами: «что это, Павелъ Ивано-«вичъ! ты не хочешь оставаться со мною служить? «напрасно! я былъ другомъ А. А. Беклешова, «помню его, знаю, что ты былъ имъ любимъ; я «бы тебя неоставилъ и могъ бы доставить тебѣ «награды, такъ—какъ и другіе.» Аверинъ отвѣчалъ, что онъ еще не давалъ согласія на опредѣленіе свое въ Варшаву и пришелъ просить у него совѣта въ этомъ дѣлѣ.—«Какъ! совѣта? вскричалъ Министръ; но мы уже подписали опредѣленіе; дѣлать теперь нечего, поѣзжай съ Богомъ!» Возвратясь домой, Аверинъ нашелъ уже и бумагу отъ Министра Юстиціи, въ которой было сказано, что, по Высочайшей волѣ, Аверинъ назначается для служенія въ Герцогствѣ Варшавскомъ по гражданской части и долженъ чрезъ 5 дней отправиться въ Прусской городъ Калишь и тамъ, явясь немедленно къ Князю Кутузову, представить его Свѣтлости свои атестаты и послужной списокъ.

Аверинъ отправился въ Варшаву. Генералъ-Лейтенантъ А. С. Ланской былъ тогда Генералъ-Губернаторомъ Герцогства Варшавскаго. Онъ принялъ его дружелюбно и ласково.

Главная квартира была уже не въ Калишѣ, а подъ Бауценомъ. Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ лежалъ на одрѣ смерти.... Все было повержено въ уныніе кончиною старца-героя. Аверинъ возвратился въ Варшаву. Вскорѣ (30 апр 1813 г.) онъ былъ опредѣленъ въ Краковскій департаментъ областнымъ начальникомъ.

Пріѣхавъ въ Краковъ, онъ нашелъ его совсѣмъ пустымъ. Генералъ Сакенъ, который овладѣлъ имъ, пошелъ далѣе, не оставивъ въ городѣ никакого гарнизона. Коменданта не было. Префектъ уѣхалъ въ деревню. Всѣ чиновники и значительные обыватели бѣжали. Осталась только мелочь и буйная чернь, присягнувшая Саксонскому Королю. Посреди этого хаоса Аверинъ оставался одинъ. Чиновниковъ при немъ еще не было, былъ только одинъ писарь. Напослѣдокъ прислали ему въ помощь два полка казаковъ. Тутъ онъ получилъ повелѣніе: 1) отобрать оружіе у жителей; 2) деньги изъ всѣхъ казначействъ выслать въ Варшаву, для доставленія въ главную квартиру; 3) привести Поляковъ къ присягѣ Русскому Царю. Первое было исполнено безъ шума и помѣхи; второе сопровождалось затрудненіями: въ Краковѣ директоръ скарба (казначей), хитрилъ и уклонялся отъ исполненія требованій начальства. Наконецъ угрозы помогли. Чтобъ не встрѣтить въ другихъ мѣстахъ подобныхъ помѣшательствъ, Аверинъ, безъ огласки, поѣхалъ самъ по городамъ и въ двухъ имѣлъ полный успѣхъ. Въ прочихъ Поляки всѣ казначейства опустошили. Важнымъ же дѣломъ было послѣднее. Требовалось много присутствія духа, чтобы одному стоять противъ толпы. Собранные въ залѣ дворца, Поляки храбрились, спорили, шумѣли. Аверину пришла счастливая мысль: онъ призвалъ къ себѣ одного Префекта и съ

кротостію представилъ ему всю неосновательность ихъ поступковъ, всѣ выгоды, которыя могутъ они доставить краю покорностью, и всѣ несчастія, какія сами навлекутъ на себя упорствомъ. Тронутый его добродушіемъ и убѣжденный красноречіемъ Префектъ, дотолѣ пылкій и непреклонный, возвратился въ залу собранія, совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа, нежели прежде. Выслушавъ его, Поляки мало по-малу утихли — и прежде, чѣмъ день стемнѣлъ, всѣ присягнули, безъ малѣйшаго принужденія, Русскому Царю.

Императоръ, проѣзжая чрезъ Краковъ, удивленъ былъ порядкомъ и тишиною въ городѣ. Покорность и даже восторгъ къ Нему Поляковъ тронули Государя. Приписывая такое расположеніе умовъ стараніямъ Аверина, Онъ весьма милостиво обошелся съ нимъ.

Между тѣмъ начальникъ Кракова видимо пріобрѣталъ довѣріе жителей его. Твёрдость и строгость внушали уваженіе, а справедливость и человѣколюбіе родили наконецъ любовь: стихами, музыкою, громкими одобреніями они превозносили его. Университетъ Краковскій сначала не хотѣлъ открыть ему своей библіотеки; потомъ, видя изъ всѣхъ поступковъ Аверина, уваженіе его къ правамъ собственности и любовь къ просвѣщенію, не только открылъ всѣ свои сокровища, но даже поднесъ ему дипломъ на достоинство Доктора правъ.

Человѣколюбіе Аверина явилось также въ яркомъ блескѣ, когда, при одномъ несчастномъ случаѣ, ему удалось спасти отъ гибели Австрійскихъ воиновъ въ Краковѣ. Это произшествіе доставило ему всеобщія похвалы, благодарность Генерала Свинбурна и особенное вниманіе Императора Австрійскаго. Въ Рус. Вѣстникѣ 1814 г., (кн. II.), было напечатано:

«Когда герои Русскіе на поляхъ чести и славы «пожинаютъ безсмертные лавры, пріятно слышать, «что въ то же время Русскіе чиновники мирными «добродѣтелями обращаютъ на себя взоры наро«довъ и Царей! Вотъ тому примѣръ: въ концѣ «Октября 1813 было въ Краковѣ и во многихъ «мѣстахъ ужасное, необычайное наводненіе, ка«кого не было за полтораста лѣтъ, а можетъ «быть, и никогда; ибо не сохранилось никакихъ «преданій о подобномъ произшествіи. Вода поняла «всѣ предмѣстія города Кракова, котораго низ«менную часть отдѣляетъ Висла и та часть за«нята теперь Австрійцами. При сильномъ разливѣ «воды, они едва не погибли. Областной Началь«никъ Краковскаго Департамента Статскій Совѣт«никъ П. И. Аверинъ поспѣшилъ къ спасенію «ихъ, съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ бы «дѣйствовалъ и для своихъ соотечественниковъ. «Неутомимый въ исполненіи своей должности и «въ поддержаніи чести имени Русскихъ, сей чи«новникъ приложилъ всѣ старанія. Слава Богу! «погибавшіе Австрійцы исторгнуты были изъ

«челюстей смерти. Ихъ перевезли на другую «сторону; Русскій чиновникъ принялъ новыхъ «своихъ гостей по-Русски: ласково и съ сердеч- «нымъ участіемъ. Онъ успокоилъ ихъ и содер- «жалъ до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность «отъ наводненія. Австрійцы, спасенные отъ по- «гибели, возвращаясь домой, говорили: Вотъ под- «линно братскій пріемъ! Русскіе всегда намъ «были братья и друзья »

«Слухъ о человѣколюбивомъ подвигѣ Русскаго «чиновника дошелъ до Австрійскаго Императора «и сей Государь удостоилъ нашего соотечественни- «ка слѣдующимъ рескриптомъ: «Господинъ, Стат- «скій Совѣтникъ, Аверинъ! въ сообщенныхъ мнѣ «свѣдѣніяхъ начальствомъ Галиціи съ величай- «шимъ уваженіемъ отзываются о усердіи, че- «ловѣколюбіи и великодушной вашей рѣшимости «по случаю наводненія, постигшаго Краковъ: «не могу не изъявить вамъ моей признательности. «Мнѣ весьма было пріятно отдать справедливость «вашему подвигу предъ лицемъ вашего Августѣй- «шаго Монарха. Не упущу также собственно отъ «себя изъявить вамъ моего уваженія.»

Франкфуртъ. 5-го Декабря 1813 года.

На подлинномъ подписано: *Францъ.* (Прил. 2.).

«Пріятно читать соотечественникамъ все то, «что относится къ чести ихъ соотечественниковъ. «Нынѣ слава Россіянъ блеститъ и въ Парижѣ! «И тамъ узнали, что сыны Россіи умѣютъ отом- «щать врагамъ человѣколюбіемъ и великодушіемъ.»

Въ Іюнѣ 1814 г. Русскія войска возвращались въ Россію. Авангардный корпусъ, подъ начальствомъ извѣстнаго Генерала Ермолова, долженъ былъ вступить въ Краковъ на временныя квартиры. Верховный Совѣтъ Герцогства Варшавскаго постановилъ, чтобы продовольствіе доставляли сами жители Краковскаго Департамента, съ полученіемъ, непосредственно, и слѣдовавшаго имъ за поставки вознагражденія. Генералъ Интендантъ Герцогства Варшавскаго Графъ Санти сообщилъ объ этомъ Аверину; а Генералъ-Губернаторъ Ланской, между прочимъ, написалъ ему: «Алексѣй «Петровичъ Ермоловъ, истинный Русской, хоро«шій мой пріятель, съ большими достоинствами «человѣкъ, будетъ имѣть квартиру въ Краковѣ, «а войска его займутъ и другіе Департаменты. «Онъ будетъ имѣть часто дѣла съ вами. Онъ «васъ знаетъ по моей рекомендаціи, слѣдственно «съ хорошей стороны. Сойдитесь съ нимъ и по«старайтесь пріобрѣсти его довѣренность. Взаим«ными силами успѣшнѣе можно дѣйствовать отно«сительно продовольствія войскъ ... Честь, слава «и благодарность будутъ вамъ принадлежать по «законному праву.... Честность и безкорыстіе «ваши надежныя поруки и т. д.».

Аверинъ распорядился такъ, что войска, вступивъ въ Краковскую область, увидѣли себя какъ-бы дома и не имѣли ни въ чемъ никакой нужды. Когда онъ явился къ Ермолову, Генералъ принялъ его очень благосклонно.

Между тѣмъ войска, которыя пришли въ Краковскую область только на двѣ недѣли, должны были, по обстоятельствамъ, остаться тамъ на неопредѣленное время. Понятно, до какой степени увеличились затрудненія въ ихъ расположеніи, продовольствіи и особенно въ учрежденіи госпиталей. Аверинъ, по обыкновенію своему, трудился день и ночь—и вдругъ получаетъ отъ Фельдмаршала Графа Барклай-де-Толли грозное письмо, изъ котораго узналъ, что на него пало какое-то подозрѣніе. «Для изслѣдованія и обнаруженія на мѣстѣ, —сказано, между прочимъ, въ письмѣ Графа—и въ самомъ существѣ причинъ: отъ чего зло происходитъ и кто тому виною, приказалъ я командировать въ Краковъ Полеваго Генералъ-Провіантмейстера Гове, которому вы должны доставить тотчасъ всѣ свѣдѣнія, по предмету продовольствія войскъ, ему нужныя. Между тѣмъ, долгомъ ставлю предварить васъ о неизвѣстномъ, можетъ быть, вамъ узаконеніи въ полевомъ уголовномъ уложеніи, что преступленіе тѣхъ, кто не выставляетъ и не отпускаетъ продовольствіе и подвергаетъ чрезъ то войска опасности, причисляется къ измѣнѣ.... Коль скоро слѣдствіемъ доказано будетъ, что вы — тотъ, кто, по особымъ какимъ-либо видамъ, или хоть бы то и по невниманію къ должности, упустилъ время и способы къ обезпеченію продовольствія, или не употребилъ должнаго о томъ попеченія и старанія, то, я конечно и всенепремѣнно,

настою, чтобы надъ вами приведено было въ исполненіе выше изображенное узаконеніе въ полной его силѣ и въ страхъ другимъ.»

Аверинъ, получивъ и отъ Генералъ-Губернатора подобную бумагу, опровергнулъ всѣ взведенныя на него обвиненія, сильно высказавъ все, что тѣснилось въ его взволнованномъ умѣ и огорченномъ сердцѣ. Вотъ пріѣхалъ изъ Варшавы Начальникъ Штаба Сабанеевъ, для осмотра Госпиталей. Быть можетъ, онъ присланъ былъ въ-слѣдствіе того, что и Генералъ-Губернаторъ Ланской посылалъ отъ себя чиновника: «не слѣдовать, (какъ писалъ онъ Аверину въ дружескомъ письмѣ), но узнать причину, побудившую вооружиться противъ васъ»—и этотъ чиновникъ узналъ истину, которая, вѣроятно, дошедши до Фельдмаршала, заставила его прекратить слѣдствіе военной коммиссіи. Какъ бы то ни было, Генералъ Сабанеевъ пріѣхалъ въ Краковъ. Три дня осматривалъ онъ всѣ госпитали, входилъ во всѣ подробности и самъ своими глазами удостовѣрился, что больные солдаты были въ наилучшемъ порядкѣ, снабжены всѣмъ нужнымъ и не терпѣли ни въ чемъ недостатка. Аверинъ ждалъ, что Сабанеевъ потребуетъ его къ себѣ; но какъ ожиданіе его не исполнилось, то и рѣшился идти къ нему самъ, со всѣми объясненіями, оправданіями, бумагами. Сабанеевъ принялъ его очень хорошо. «Мнѣ пріятно васъ видѣть, г. Аверинъ, сказалъ онъ: что вамъ угодно? — Я пришелъ объясниться,

отвѣчалъ Аверинъ; вотъ, если угодно, доказательства.... «За чѣмъ это? какія доказательства? я и такъ знаю, что вы самый исправный и безкорыстный чиновникъ.... — Но другіе.... — Другіе неправы. — Въ бумагахъ моихъ вы изволите найти.... Зачѣмъ мнѣ ваши бумаги? повторялъ Сабанеевъ, ходя по комнатѣ и не глядя на Аверина; я знаю все, я осматривалъ госпитали, они въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Про васъ писали, не зная что. Будьте совершенно покойны, я представлю все Фельдмаршалу. Вамъ нечего опасаться.»

На другой день послѣ этого разговора, слѣдственная коммиссія была распущена и дѣло прекращено: о чемъ вскорѣ былъ увѣдомленъ и Аверинъ. Отъ полнаго сердца возблагодаривъ Бога, что Онъ защитилъ его невинность и разсѣялъ черную тучу, собравшуюся надъ его головою, Аверинъ имѣлъ еще и то утѣшеніе, что видѣлъ, какое живое приняли въ судьбѣ его участіе и вмѣстѣ съ нимъ радовались многіе благополучному окончанію затѣяннаго дѣла. Ланской писалъ къ нему: «Благодарю васъ, что вы оправдали мое доброе о васъ мнѣніе; вы тѣмъ спасли не только свою, но и мою честь.» Графъ Барклай-де-Толли послѣ этого остался расположенъ къ нему самымъ лучшимъ образомъ и въ послѣдствіи всегда оказывалъ ему уваженіе и довѣріе. Жители Кракова изъявляли полное удовольствіе, что областной начальникъ противосталъ съ такимъ успѣхомъ грозившему ему несчастію.

Послѣ сего Аверинъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы уѣхать въ Варшаву и просить о переводѣ его въ другое мѣсто; но въ этомъ не успѣлъ. Ланской отказалъ ему, *не имѣя въ виду такого чиновника, которымъ бы можно замѣнить его.* Фельдмаршалъ, когда онъ явился къ нему, принялъ его отлично и, взявъ за руку, сказалъ окружавшимъ его Генераламъ: «Вотъ, Господа, «областной начальникъ Кракова, рекомендую его «вамъ: онъ долженъ быть всѣмъ начальникамъ «примѣромъ.» И такъ Аверинъ возвратился въ Краковъ. Наконецъ въ Маѣ 1815 г. онъ получилъ предписаніе, по начальству, сдать должность свою и ѣхать въ Вѣну: въ отношеніи Генералъ-Адъютанта Князя Волконскаго къ Генералъ-Губернатору объявлено Высочайшее повелѣніе: «слѣдовать Аварину, какъ наискорѣе въ Вѣну и явиться къ Генералъ-Интенданту Канкрину; а ежели бы не нашелъ его здѣсь, то къ Дѣйств. Ст. Совѣтнику Бюлеру, отъ котораго получитъ свѣдѣніе о назначеніи ему при арміи должности.»

Канкринъ извѣстилъ его съ своей стороны, что во Франкфуртѣ составляются Коммиссіи ликвидаціонная и особая о продовольствіи Россійскихъ войскъ въ Германіи и что Государь Императоръ назначаетъ его (Аверина) Коммиссаромъ Россійскаго раіона. При открывшейся вновь войнѣ съ Франціей, для того, чтобы удобнѣе шло продовольствіе союзныхъ войскъ, положено было раздѣлить Германію на три раіона: Россійскій, Ав-

стрійскій и Прусскій, и въ каждомъ учредить особую коммиссію. Въ Россійскій раіонъ входило 19 владѣній: Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ, Саксенвеймаръ, Курфишество Гессенское, Саксенкобургъ, Гота и Альтенбургъ-Мейнингенъ, Гилбургсгаузенъ, Нассау, Фульда, Рейсъ, Шварцбургъ-Рудольштадъ, Зондерсгаузенъ, Изембургъ, Флерсгеймъ и Франкфуртъ. Въ послѣднемъ открыта была коммиссія. Членами были назначены: Военный Генералъ—Сухаревъ, медикъ—Эйнерлингъ, и главный коммиссаръ—Аверинъ. Обязанность коммиссіи состояла въ томъ, чтобы доставлять жизненные припасы въ резервные магазины, означенные по маршруту войскъ, поставлять дрова для пекаренъ, представить форшпаны на 800 фуръ, устроить госпитали на 30,000 кроватей и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ.

Ликвидаціонная коммиссія обязана была вести вѣрные счеты всѣмъ поставкамъ, дѣлаемымъ отъ депутатовъ мѣстныхъ начальствъ, и всѣмъ деньгамъ, уплачиваемымъ за тѣ поставки коммиссіею. Въ ней Аверинъ былъ председателемъ. Вотъ отзывъ къ нему Фельдмаршала Графа Барклая-де Толли: «Получивъ предварительно отъ Генералъ-Адъютанта Князя Волконскаго увѣдомленіе о назначеніи васъ, по Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ, на службу при арміи, мною предводительствуемой, и въ слѣдъ за тѣмъ донесеніе отъ Генералъ-Интенданта Канкрина объ отправленіи вашемъ въ Франкфуртъ къ должнос-

ти Главнаго Коммиссара въ коммиссіи Россійскаго раіона по продовольствію войскъ нашихъ въ Германіи, и что, при занятіяхъ сею должностію, на васъ же возложено председательство въ ликвидаціонной коммиссіи во Франкфуртѣ,—я съ моей стороны, полагаясь на засвидѣтельствованіе г. Канкрина о вашихъ способностяхъ и усердіи къ службѣ, съ удовольствіемъ одобряю его распоряженіе и утверждаю васъ въ званіи перваго члена и председателя въ ликвидаціонной Франкфуртской коммиссіи. Видѣвъ изъ инструкціи, отъ Генералъ-Интенданта вамъ данной и ко мнѣ представленной, кругъ важнѣйшихъ занятій, для васъ предначертанныхъ, мнѣ остается, вмѣстѣ съ требованіемъ точнаго исполненія той инструкціи, въ особенности предложить, что обезпеченіе арміи, принятою, съ общаго согласія союзныхъ Державъ, системою, въ вѣрномъ продовольствіи есть предметъ величайшей важности и такой, отъ коего наиболѣе зависѣть будутъ предстоящія военныя операціи и самые успѣхи нашего оружія. А потому, съ первой минуты вашего занятія должностьми, вамъ порученными, вы обязываетесь употребить неутомимую дѣятельность и неусыпное стараніе, чтобы, не только недостатокъ въ продовольствіи, при сближающемся сосредоточіи арміи, не имѣлъ мѣста; но даже и всѣ виды къ тому всеконечно предотвращены были; чтобы порядокъ и успѣшность въ сборахъ, въ поставкахъ, въ пріемахъ, въ расходованіи продовольствія

и въ счетахъ объ ономъ наблюдены были съ строжайшею точностію и наконецъ, чтобы всѣ части, вамъ повѣренныя, были въ томъ быстромъ и наилучше устроенномъ теченіи, какъ сіе нужно для благосостоянія арміи, къ дѣйствію приготовляемой.... и проч. 26 Маія 1815 г.» (*).

Всѣ дѣйствія коммиссіи шли очень успѣшно и счастливо; но если бы война продлилась, можетъ быть, открылись бы большія затрудненія въ продовольствіи арміи. Къ счастью союзныхъ Державъ, вторичная борьба Европы съ Наполеономъ кончилась скорѣе, чѣмъ надобно было предполагать, и кончилась къ его гибели. Миръ водворился снова. Увѣнчанные лаврами герои готовились насладиться прочнымъ покоемъ. Не меньше того, потребности войскъ, проходившихъ впередъ и назадъ по Германіи, оставались всё тѣже; только лазареты были на цѣлую треть ограничены, потому-что не было раненыхъ. Дѣйствуя по обѣимъ коммиссіямъ, устраняя часто возникавшіе споры со стороны Германскихъ уполномоченныхъ депутатовъ, и распоряжаясь огромными суммами, Аверинъ, въ два года невступно, привелъ всѣ дѣла почти къ окончанію, такъ-что обратилъ на себя всеобщее вниманіе, пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, независимо отъ Орд. Св. Станислава 2 ст. со звѣздою, за службу его въ Краковѣ, и отъ многихъ Владѣ-

(*) Главная квартира въ замкѣ Зеегофъ близь Бамберга.

тельныхъ особъ получилъ разныя награды, о чемъ ниже упомянуто. Между тѣмъ ему открылось новое поле трудовъ.—Еще въ 1813 г. состоялась въ Калишѣ конвенція между Дворами Россійскимъ и Прусскимъ, по коей положено учредить въ Кенигсбергѣ ликвидаціон. коммиссію, для взаимныхъ расчетовъ и приведенія въ извѣстность количества припасовъ и прочихъ предметовъ, Прусскимъ Правительствомъ въ минувшую войну для Русскихъ войскъ отпущенныхъ, и суммъ, за оныя въ уплату подлежащихъ. Дѣла этой коммиссіи были въ такой запутанности, что Главное Интендантство арміи не знало, какъ найти исходъ изъ этого лабиринта и чѣмъ отвратить чрезвычайные убытки. Президентъ, по болѣзни, просился въ отставку и былъ уволенъ. Ген. Интен. Канкринъ просилъ Фельдмаршала, на мѣсто убылое опредѣлить Аверина, который уже оказалъ свои способности во Франкфуртѣ. Фельдмаршалъ охотно на это согласился и Канкринъ, увѣдомляя о семъ Аверина, выражалъ увѣренность свою, что онъ, какъ чиновникъ, извѣстный своею ревностію къ службѣ, не откажется отъ предложенія, дѣлаемаго ему начальствомъ. Averинъ отвѣчалъ, что просилъ-бы уволить его вовсе отъ службы за границею и позволить ему воротиться въ отечество. «Впрочемъ, присовокупилъ онъ, «привыкнувъ повиноваться начальству, я и въ семъ случаѣ предаюсь на вашу волю, увѣренъ будучи, что не оставите употребить посредство къ тому, что для меня полезнѣе.» На

это Канкринъ отвѣчалъ, что онъ весьма обязалъ его своимъ согласіемъ принять должность президента Кенигсберг. ликв, ком. При семъ Франкфуртская ликв. ком. ходатайствовала о передачѣ и своихъ дѣлъ въ Кенигсбергскую, такъ-какъ главнѣйшіе, со всѣми почти Владѣніями, расчеты были кончены ею, и только небольшія суммы еще оставались къ учету. Такъ высоко было мнѣніе о Россійскомъ Императорскомъ коммиссарѣ въ Германіи, что многія Области или Владѣнія, не назначили отъ себя повѣренныхъ въ Кенигсбергъ; а предоставили свои интересы попеченію Аверина, поставя его такимъ образомъ своимъ уполномоченнымъ,—случаї почти невѣроятный. Какъ онъ оправдалъ довѣріе иностранцевъ, это доказываютъ благодарственныя письма къ нему изъ Бадена, Саксоніи, Дармштата, и награды, присланныя ему отъ ихъ Государей. (Прилож. 3)

Въ ожиданіи разрѣшенія на представленіе коммиссіи, Averинъ захотѣлъ освѣжить душу свою поѣздкою по Рейну. Онъ нанялъ маленькую коляску и отправился осматривать живописныя мѣста по берегамъ классической рѣки. Сложивъ съ себя грузъ служебныхъ обязанностей, наслаждаясь прелестью климата, радушіемъ добрыхъ жителей и краткою независимостію беззаботнаго положенія, онъ былъ вполнѣ счастливъ въ продолженіе своего путешествія. Возвратясь, чрезъ мѣсяцъ, 10 Іюня во Франкфуртъ, онъ нашелъ

тамъ ожидаемое разрѣшеніе, съ назначеніемъ его старшимъ депутатомъ въ Кенигсбергс. ликв. ком. Онъ нашелъ тамъ же и награду за свои труды: Орд. Св. Владиміра 3 ст. и множество писемъ отъ всѣхъ уполномоченныхъ депутатовъ Германскихъ владѣній, которые спѣшили изъявить ему свою благодарность за обязательное обращеніе и справедливость его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣніе свое, что должны прекратить непосредственныя съ нимъ сношенія по службѣ.

Собравшись въ путь и помолясь отъ полноты души Богу-подателю силъ, онъ отправился въ Кенигсбергъ, куда и прибылъ 10-го Іюля 1817. Неутомимо углубляясь въ безконечные счеты, разрѣшая всѣ ихъ запутанности, охраняя, съ дѣятельностію вѣрнаго стража, пользы своего правительства, Аверинъ нерѣдко встрѣчалъ противудѣйствіе. Возникла даже огромная переписка между министрами обѣихъ державъ и жалобы на президента ликв. ком (Аверина). Но онъ, получая отъ своего начальства (*) похвалы и одобренія, продолжалъ дѣйствовать смѣло и ревностно. Огромныя суммы были имъ сбережены для Россіи. Давно уже была въ ходу мысль, чтобы всѣ рас-

(*) Вотъ что Канкринъ писалъ Аверину: In der letzten Zeit haben Sie über alle Begriffe viel und schnell gearbeitets und ich bin überzeugt daß der Kaiser das Hauztquartier und die Herrn Diplomaten die beste Meinung von Ihnen haben. etc. т. е. въ послѣднее время В. П. сверхъ всякаго вѣроятія, много и скоро работали, и я увѣренъ, что Императоръ, Главная квартира и Его дипломаты имѣютъ о васъ самое лучшее мнѣніе.

четы кончить гуртомъ (en bloc). Теперь, по политическимъ обстоятельствамъ, по дружбѣ и по родству Россіи съ Пруссіею, представилась возможность осуществить ее. Прусской посланникъ при Россійскомъ дворѣ, Шелеръ сообщилъ мнѣніе Генералъ-Интенданта Солума по сему предмету и Графъ Нессельродъ извѣстилъ, по Высочайшему соизволенію, объ этомъ Канкрина, приглашая его въ Москву, (Государь былъ тогда въ Москвѣ), для окончательныхъ переговоровъ съ посланникомъ Прусскимъ. Канкринъ обратился къ Аверину, который и доставилъ изъ Кенигсберга генеральное обозрѣніе ликвидаціи, по которому ясны были и всѣ требованія Пруссіи и всѣ исключенія изъ нихъ, сдѣланныя коммиссіею. Подробныя свѣдѣнія о ходѣ всего дѣла доказали правоту Россіи. Пруссія согласилась наконецъ на предложеніе послѣдней, ратификація подписана $^{19}/_{31}$ авг. 1818 г. и Кенигс. коммисія закрыта. Главнокомандующимъ тогда былъ уже Баронъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. Такимъ образомъ Аверинъ привелъ къ концу, съ пользою для Россіи и къ удовольствію иностранныхъ Державъ, въ одинъ годъ дѣло, которое могло продлиться нѣсколько лѣтъ. Награжденный, орд. св. Анны 1-й ст. онъ больше всего радовался лестному о себѣ мнѣнію Государя. Эту эпоху его службы можно назвать самою блистательною: представитель своей націи въ дѣлѣ затруднительномъ и особой важности, по обоюднымъ интересамъ союз-

ныхъ державъ, онъ праводушіемъ, твердостью и благоразуміемъ своимъ заслужилъ всеобщее уваженіе и награды: отъ Императора Австрійскаго—Командорскій крестъ ор. Леопольда, отъ королей: Баварскаго—ор. Баварской короны, Саксонскаго—большой крестъ за гражданскія заслуги, Прусскаго — ор. краснаго орла 2 клас. и табакерку съ шифромъ, отъ Герцоговъ: Нассаускаго—табакерку съ алмазнымъ вензелемъ, Веймарскаго — табакерку съ его портретомъ, Гессенскаго — Командорскій крестъ ор. Лудовика, Баденскаго — большой крестъ Церингскаго льва. Сохранивъ милліоны для государства и не пріобрѣтя себѣ ни рубля «отъ крупицъ падающихъ», онъ могъ съ покойною, чистою совѣстію прямо всѣмъ смотрѣть въ глаза, не таясь ни предъ кѣмъ, и не завидуя никому. Сдавъ въ Шкловѣ, гдѣ была главная квартира дѣйствующей арміи, отчетныя табели о заключенныхъ ликвидаціяхъ и суммы, бывшія у него на рукахъ, Аверинъ прибылъ въ Петербургъ—и въ Мартѣ 1820 г. опредѣленъ Генералъ-Провіантмейстеромъ въ 1-ю армію, съ переименованіемъ въ 4-й классъ.—Онъ долго отговаривался. Наконецъ его потребовали во дворецъ. Государь милостиво приблизился къ нему и когда Аверинъ хотѣлъ пасть на колѣни, удержавъ его, сказалъ: «у тебя глаза болятъ?»—Ваше Величество! не болятъ еще, но будутъ болѣть, отвѣчалъ Аверинъ, намекая на трудность новой должности. «Отъ службы не должно отказываться», было ему отвѣтомъ.

Аверинъ отправился въ Шкловъ; но, послѣ двукратныхъ прошеній, въ Сентябрѣ получилъ, по болѣзни, увольненіе. Тутъ онъ женился на прекрасной и образованной иноземкѣ, Амаліи Эйнике, съ которою познакомился за границею, и переселился въ Дерптъ, гдѣ и жилъ около полугода спокойно и счастливо. Но вотъ Фельдъегерь привезъ отъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, Графа Кочубея письмо слѣдующаго содержанія: «Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, доставляя мнѣ, прилагаемое при семъ на имя В. Пр. предписаніе, по коему имѣете вы отправиться немедленно въ Лейбахъ, для исполненія нѣкоторыхъ, возлагаемыхъ на васъ Государемъ Императоромъ порученій, сообщилъ мнѣ Высочайшее повелѣніе, дабы я, въ-случаѣ отсутствія вашего, м. г. мой, изъ столицы, сдѣлалъ, чрезъ нарочнаго, надлежащее распоряженіе къ неукоснительному вашему отбытію. Въ-слѣдствіе чего я честь имѣю препроводить у сего паспортъ заграничный, подорожную и на путевыя издержки 700 червонныхъ и 500 руб. асс. Прося покорно увѣдомить меня какъ о полученіи оныхъ, такъ и о времени вашего отъѣзда, я увѣренъ, что В. Пр. не замедлите исполнить сію, Высочайшую волю, столь для васъ лестную.»

Въ то время, какъ извѣстно, возникли въ Италіи безпокойства. Инсуркція, подъ названіемъ Карбонаріевъ, возстала противъ Австрійскаго Правительства и побудила оное принять сильныя

мѣры, чтобы потушить пламя возмущенія въ самомъ его началѣ.—Императоръ Александръ, главный возстановитель Бурбонской династіи, не могъ остаться неутральнымъ и не подать руку помощи союзной Державѣ. Въ Лейбахѣ шли переговоры и соображенія о назначеніи войска и о продовольствіи онаго. Аверинъ опредѣленъ Генералъ-Интендантомъ — и велѣно ему явиться къ Государю. И такъ Аверинъ вторично удостоился счастья видѣть Монарха своего лицемъ къ лицу. Императоръ изложилъ ему въ короткихъ словахъ настоящее положеніе дѣлъ. Получивъ милостивое приказаніе являться каждый день къ обѣденному столу, во Дворецъ Государя, гдѣ собирались всѣ находившіеся въ Свитѣ Его Величества Генералы и Министры, онъ видѣлъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей той эпохи и познакомился съ знаменитыми лицами, по характеру ихъ и значенію въ свѣтѣ, въ томъ числѣ и съ Графомъ Каподистріемъ, который вскорѣ долженъ былъ играть важную роль въ Греціи.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Православный Царь встрѣтилъ Свѣтлое Воскресеніе въ церкви, на этотъ случай устроенной. Священникъ былъ призванъ отъ гроба Королевы Виртембергской, Екатерины Павловны. Царь христосовался съ своими, нѣкоторымъ пожаловалъ награды, Аверину пожизненную пенсію. Ему хотѣлось побывать въ Венеціи. Скоро представился къ этому счастливый случай. Во время прогулки, нечаянно

онъ встрѣтился съ Государемъ. Императоръ, за границею, часто прогуливался безъ свиты и тѣмъ возбуждалъ восторженное изумленіе иностранцевъ, которые не понимали, чтобы можно было Государю быть столь безстрашнымъ, какимъ тогда являлся Русской Царь. — Аверинъ остановился. Государь спросилъ: «Конечно ты осматриваешь здѣшнія любопытныя мѣста?—Я бы осмѣлился— отвѣчалъ Аверинъ — испросить себѣ дозволеніе посѣтить еще примѣчательнѣйшія — «Какія?» — Венецію. — «А! хорошо, хорошо! поѣзжай, я люблю это.»

Не долго надобно было сбираться въ путь Аверину: въ тотъ же день онъ отправился, сперва въ Тріестъ, а потомъ и въ Венецію.

Политическіе переговоры между тѣмъ кончились. Дѣла приняли благополучный оборотъ. Карбонаріи покорились законной власти. Вопросъ о войнѣ рѣшился самъ собою. Императоръ отбылъ въ Вѣну, чтобы оттуда возвратиться въ отечество. Аверинъ воротился въ Дерптъ. Здѣсь жилъ онъ также тихо и уединенно, какъ прежде, въ продолженіи 4 лѣтъ; ибо хотя и искалъ въ 1824 г. черезъ Министра Финансовъ Канкрина, должности Вицегубернатора въ Митавѣ; но Его Величество, считая Вицегубернаторское мѣсто не соотвѣтствующимъ тѣмъ должностямъ, которыя уже занималъ Аверинъ, повелѣлъ внести его въ списокъ кандидатовъ на Губернаторскія мѣста. Въ 1825 г. домашнія обстоятельства его измѣ-

нились: неизвѣстно, по какой причинѣ, однакожъ, онъ навсегда разстался съ своей женой. Она уѣхала за границу, онъ въ Петербургъ. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ управлялъ тогда В. С. Ланской. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ прежняго своего подчиненнаго и тотчасъ опредѣлилъ его Чиновникомъ по Особымъ Порученіямъ. Въ 1827 г., Аверинъ ѣздилъ, по Высочайшему повелѣнію, на Кавказъ, для освидѣтельствованія, съ докторомъ Савенкою, заведеній при тамошнихъ минеральныхъ водахъ и соображенія мѣръ къ ихъ усовершенствованію. Онъ изслѣдовалъ качество всѣхъ водъ, собралъ всѣ свѣдѣнія, какія нужны были, и представилъ Начальству. По предположеніямъ, имъ доставленнымъ, учрежденъ особый въ С. Петербургѣ комитетъ для устроенія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Членами въ немъ были: Аверинъ, Генералъ-Маіоръ Сазоновъ и Лейбъ-медикъ Ея Величества Крейтонъ. Въ то же время Аверинъ былъ назначенъ членомъ и комитета для разсмотрѣнія проэкта о дворянскихъ выборахъ. Но онъ не долго здѣсь трудился, будучи отправленъ на Волынь Гражданскимъ Губернаторомъ.

Волынская Губернія, гранича съ двумя иностранными Государствами, самымъ уже положеніемъ своимъ, при нѣсколькихъ таможняхъ и при скопищахъ Евреевъ, хитрыхъ провозителей запрещенныхъ товаровъ, тогда представляла необыкновенное множество дѣлъ и переписки.

Много оставалось нерѣшеныхъ дѣлъ. Корыстолюбіе, какъ зараза, пустила далеко корни въ краѣ. Аверинъ пріѣхалъ въ Житоміръ одинъ, устранился отъ всѣхъ партій и интригъ, которыя почти всегда существуютъ въ провинціяхъ; а занялся только дѣлами: днемъ гражданскими и военными, а ночью уголовными, оставляя себѣ на сонъ только 4 или 5 час. въ сутки. Движеніе гвардейскихъ войскъ, при войнѣ съ Турціей, переписка съ пограничными владѣніями, рекрутскіе наборы и въ томъ числѣ два изъ Евреевъ, все это должно было увеличить обыкновенныя занятія Начальника Губерніи; но онъ почерпалъ новыя силы въ благоволеніи къ себѣ Государя Императора, Главноуправлявшаго Царствомъ Польскимъ, Цесаревича Константина Павловича, и Великаго Князя Михаила Павловича. По ходатайству Цесаревича, съ окончаніемъ срока арендѣ, получаемой Аверинымъ, Высочайше повелѣно въ 1829 г. производить ему, вмѣсто аренды, не въ примѣръ другимъ, въ теченіе 12-ти лѣтъ по 2000 руб. въ годъ.

25 Ноября 1830 г. пришло въ Житоміръ извѣстіе о безпорядкахъ въ Варшавѣ. Аверинъ, принявъ нужныя, по обстоятельствамъ края, мѣры, отправилъ нарочнаго въ Петербургъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ съ этою вѣстью. Въ Житоміръ назначенъ былъ временный Военный Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Потемкинъ; но онъ вскорѣ, по прибытіи своемъ умеръ отъ

холеры, которая тѣмъ болѣе казалась страшною, что тогда считали ее заразительною. Устроивъ больницы, Аверинъ поступалъ тутъ истинно по Евангелію: посѣщалъ, утѣшалъ и ободрялъ страждущихъ, независимо отъ столькихъ трудовъ по управленію губерніею, по продовольствію войскъ на мѣстѣ, по заготовленію, для доставленія, согласно предписанію Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканскаго, въ дѣйствующую армію болѣе 100 т. четв. хлѣба и по заготовленію самыхъ судовъ, для сплавки запасовъ по р. Бугу.

Наконецъ, утомясь отъ усиленныхъ трудовъ Аверинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ своей должности. Волынь жалѣла о немъ. Побывавъ сперва въ Курскѣ, чтобы повидаться съ братомъ своимъ, отвести душу въ родной семьѣ и послѣ долгой разлуки съ нею, вспомянуть былое, потолковать о превратностяхъ жизни, о свѣтѣ, о людяхъ; (пр. 4.) потомъ заглянувъ въ Петербургъ, гдѣ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ общества для поощренія лѣснаго хозяйства, наконецъ отправясь съ добрымъ своимъ пріятелемъ пасторомъ Муральтомъ на пароходѣ въ Финландію, гдѣ осмотрѣлъ въ подробности Гельзингфорсъ, Свеаборгъ и Або, Аверинъ возвратился въ Петербургъ, и въ 1833 г. опредѣленъ Губернаторомъ въ Бессарабію. Здѣсь первымъ дѣломъ его было—оградить Область отъ голода, по неурожаю хлѣбовъ: вмѣсто денежныхъ ссудъ и раздачи хлѣба неимущимъ, онъ исходатайство-

валъ, чрезъ Графа М. С. Воронцова, отсрочку во взысканіи казенныхъ податей и недоимокъ; другое — остановить переходъ Царанъ (*) съ помѣщичьихъ на казенныя земли: въ народѣ распространился слухъ, будто, по составленіи новой переписи, Царане лишатся прежнихъ правъ своихъ. Простымъ и яснымъ внушеніемъ, разосланнымъ, на Русскомъ и Молдавскомъ языкахъ, Аверинъ успокоилъ легкомысленныхъ и пресѣкъ ложные толки. При обозрѣніи Бессарабской области, онъ собралъ много мѣстныхъ свѣдѣній, сдѣлалъ много разныхъ предположеній, наполнилъ портфель свой замѣтками; но, по пріѣздѣ въ Кишеневъ, кончилась его служебная дѣятельность.

Павла Ивановича любили, какъ въ Волыни, такъ и въ Бессарабіи. Доступность его особенно привязывала къ нему простой народъ. Приведу, для примѣра, одинъ случай: однажды, задумчиво прогуливаясь, увидѣлъ онъ крестьянина, который сидѣлъ возлѣ своей бѣдной хижины, и спросилъ его: почему онъ не работаетъ и не разведетъ сада на землѣ, которой у него довольно? — Да какой же мнѣ развести садъ? сказалъ тотъ печально: на это надо деньги, а ихъ у меня нѣтъ. — А сколько тебѣ было бы нужно?—Да рублей 10.—

(*) Царанами назывались въ Бессарабіи свободные поселяне на помѣщичьихъ земляхъ, обязанные работать на нихъ извѣстное число дней и платить имъ десятину съ произведеній земли, подобно, какъ Татары въ Крыму. *Издатель.*

Павелъ Ив. вынулъ деньги, отдалъ ихъ ему и потомъ забылъ объ этомъ случаѣ. Осенью доложили ему, что какой-то мужикъ пришелъ съ виноградомъ. Онъ вышелъ къ нему и спросилъ, что ему надобно?—Батюшка, сказалъ мужичокъ, примите этотъ виноградъ, онъ вашъ; я тотъ самый, которому вы помогли развести его.

Хотя не разъ представлялся ему случай вступить снова въ службу, но онъ ужь не рѣшался на это, чувствуя въ себѣ упадокъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Въ продолженіи своей службы Павелъ Ив. снискалъ расположеніе многихъ знаменитыхъ людей, (не повторяя уже объ отеческой, можно сказать, любви къ нему А. А. Беклешова): Князь Любецкій, видя вблизи всѣ дѣйствія Аверина, по службѣ его въ Краковѣ, остался навсегда привязаннымъ къ нему дружественно; Аверинъ съ своей стороны высоко чтилъ Князя, какъ мужа превосходнаго характеромъ и извѣстнаго, не только въ Россіи, но и по всей Европѣ своимъ глубокимъ умомъ и обширными свѣдѣніями въ Финансахъ. По его ходатайству, возобновлена ему пенсія, вмѣсто аренды, на 6 лѣтъ. Графъ Канкринъ, А. С. Ланской, Обольяниновъ, Вязмитиновъ, постоянно доброжелательствовали ему, какъ полезнѣйшему для службы человѣку. Архимандритъ Нарсезъ, извѣстный своими, во время Персидской войны, въ Эчміадзинѣ, дѣйствіями къ пользѣ Русскимъ, такъ полюбилъ Аверина въ быт-

ность свою въ Кишеневѣ, что, когда, избранный народомъ Армянскимъ и утвержденный Государемъ Императоромъ въ санѣ Патріарха, онъ увидѣлъ явившагося къ нему, по его желанію, Аверина, принять Пастырское благословеніе, кинулся стремительно обнять его, прижалъ къ сердцу со всею выразительностію восточныхъ чувствъ и съ живостью говорилъ: какъ радъ его видѣть, какъ всегда и вездѣ помнилъ его, какъ любилъ и никогда не перестанетъ любить его. Эту сцену Павелъ Ив. не могъ забыть до конца жизни своей и разсказывалъ о ней всегда съ наслажденіемъ. Сперанскій, нѣкогда сослуживецъ его и Петра Ив. Аверина, дружески съ нимъ переписывался (прил. 1). Областной Бессарабской Предводитель Дворянства Димитріу остался ему душевно преданъ. Словомъ, кто любилъ правду и добро—любилъ Павла Ив. Пріятный его видъ, и обхожденіе ласковое, частью осторожное, и вмѣстѣ непринужденное, влекло къ нему сердца всѣхъ, и знакомыхъ и незнакомыхъ. Честная и чистая душа эта умѣла дѣлать добро, какъ на обширномъ поприщѣ общественной дѣятельности, такъ и въ маломъ кругу частной жизни: дѣломъ, словомъ, мыслію—это былъ благодушный, добрый человѣкъ. Вся тайна его бытія находится въ двухъ его выраженіяхъ: «я поставлялъ чест-«ность непремѣннымъ правиломъ жизни» — «я «желалъ, съ покойнымъ сердцемъ и чистою со-«вѣстію, протекать путь жизни сей».

Если въ немъ не было большой набожности, то все же, съ дѣтства сохранивши впечатлѣніе благочестія, онъ умѣлъ чтить все святое и великое. Его любимое мѣсто въ Евангеліи — слова Спасителя: «*научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.*» Это ученіе онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ и руководясь имъ, даже въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, не позволялъ себѣ предаваться гнѣву и тѣмъ удерживался въ границахъ справедливости и снисхожденія съ подчиненными, терпѣнія и великодушія съ врагами своими.

Вкусъ къ удовольствіямъ въ немъ былъ всегда умѣренъ и подчиненъ разсудку. Особенно любилъ онъ чтеніе и путешествіе, и часто говорилъ: «жизнь есть путешествіе и путешествіе—жизнь: «во время его забываешь всѣ печали и непріят-«ности свѣта.» Онъ многократно предпринималъ путешествія: въ 1840 г. ѣздилъ въ Швецію, въ Любекъ и думалъ пробраться въ Парижъ; но простудился и остановился въ Гамбургѣ. Въ 1845 г. былъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пасторомъ Муральтомъ, въ Англіи, Франціи и Германіи. Въ 1847 г., въ Италіи, Римѣ и Южной Франціи. Съ какимъ восторгомъ наслаждался онъ всѣмъ великимъ и прелестнымъ въ искусствахъ и благодатной природѣ тѣхъ странъ! въ упоеніи душевной радости благодарилъ Бога за то, что Онъ дозволилъ ему видѣть давно желанное! Поюнѣвъ, такъ сказать, жизнію, онъ съ самыми пріятными

впечатлѣніями, въ памяти и сердцѣ, возвратился въ Петербургъ. Въ 1849 г., уже больной неизлечимо, онъ отправился въ Курскъ, въ семью вдовы и дочери своего брата. Болѣзнь, развившаяся изъ закоренѣлаго катара, кончилась нервною горячкой. Понявъ свое положеніе, онъ пожелалъ причаститься Святыхъ Тайнъ и исполнилъ послѣдній христіанскій долгъ съ большимъ чувствомъ и вѣрою въ Спасителя. Жизнь примѣтно въ немъ угасала— и онъ умеръ въ ночь на 21-е Ноября.

Погребеніе, по желанію покойнаго, было безъ всякой пышности. Въ сопровожденіи родныхъ, нѣкоторыхъ изъ коротко знакомыхъ и поселянъ, онъ отнесенъ на общее кладбище и преданъ общей матери землѣ. Прахъ его покоится возлѣ праха брата его. Гранитная пирамида, съ бронзовымъ на верху крестомъ, возвышается надъ его могилою.

Павелъ Ивановичъ не оставилъ послѣ себя состоянія; небольшой капиталъ—плодъ многолѣтней бережливости, онъ раздѣлилъ между роднымъ братомъ и племянницею; библіотеку, содержащую въ себѣ много драгоцѣнныхъ изданій, Русскихъ и Нѣмецкихъ, завѣщалъ Курской Губернской Гимназіи. Тамъ, гдѣ онъ началъ службу свою и гдѣ кончилъ жизнь, тамъ, на алтарь просвѣщенія, которое ему было такъ любезно, принесъ онъ и драгоцѣннѣйшее изъ своего имущества — свои любимыя книги.

Кончу мои воспоминанія письмомъ — теперь ужь голосомъ изъ-за могилы—пастора Муральта: «вы можете легко вообразить, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня кончина моего друга Павла Ивановича Аверина. Первую вѣсть о томъ я прочиталъ въ Сѣверной пчелѣ. Передъ отъѣздомъ онъ далъ обѣщаніе писать ко мнѣ; но ни я и никто другой не получили ни строки. — И вдругъ.... смерть—въ ту минуту, когда я и самъ лежалъ больной при смерти и Богъ знаетъ долголи проживу. Въ Аверинѣ я потерялъ вѣрнаго друга. Со всѣми его причудами я понималъ его самымъ лучшимъ образомъ. Я довольно съ нимъ вмѣстѣ жилъ. Я очень желалъ знать, не говорилъ ли онъ съ вами обо мнѣ, не поручилъ ли онъ вамъ свои послѣднія ко мнѣ слова? вы очень меня одолжите, когда потрудитесь мнѣ написать о томъ, также о родѣ его смерти и о всемъ, что до него касается. Добрыя, превосходныя качества покойнаго я вполнѣ умѣлъ цѣнить» и т. д.

П. Аверина.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

Два письма Графа М. М. Сперанскаго.

1. (Времени не видно). Я не отвѣчалъ вамъ, любезный мой Павелъ Ивановичъ, на письмо ваше, съ Петромъ Ивановичемъ Воронцовымъ писанное,

надѣясь со дня на день видѣть окончаніе его дѣла и желая, вмѣстѣ съ отвѣтомъ, извѣстить васъ и объ исполненіи воли Александра Андреевича. (*) Онъ разскажетъ вамъ подробно всѣ препятствія, въ дѣлѣ его намъ встрѣтившіяся. и надѣюсь, оправдаетъ меня передъ вами; а вы, любезный другъ, оправдаете меня передъ Александромъ Андреевичемъ. Я признаюсь вамъ искренно, мнѣ весьма прискорбно бы было, еслибы случай сей привелъ его въ малѣйшее сомнѣніе о моей душевной къ нему преданности, которой не привыкъ я перемѣнять по обстоятельствамъ, въ коихъ служба и внѣшнія обстоятельства противъ воли иногда поставляютъ.

Прощайте, мой любезный! Будьте здоровы! Надѣюсь, что, если желаніе А. А. объ увольненіи совершится (къ чему однакоже, искренно вамъ скажу, не вижу я близкой вѣроятности), тогда увижу и обниму васъ въ Петербургѣ. Представленіе о васъ и прочихъ чиновникахъ принято здѣсь со всемъ движеніемъ: но ничего еще не приказано къ исполненію. Душевно обнимаю васъ.

2. Премного обязали вы меня, любезный другъ мой Павелъ Ивановичь! вашимъ воспоминаніемъ и участіемъ во мнѣ. Любя васъ искренно и во всѣхъ положеніяхъ вашей жизни слѣдуя за вами моими желаніями, я весьма радъ видѣть, что и

(*) Вѣроятно Беклешовъ. *Издатель.*

вы меня помните и любите. Вѣрьте, что съ моей стороны связь сія, службою и добрыми свойствами вашей души положенная, всегда сохранится также, какъ хранится она между мною и Петромъ Ивановичемъ.

Прощайте, мой любезный, поздравляю васъ съ праздникомъ и по христіански искренно въ душѣ моей васъ обнимаю. 13 Апр. 1807 г.

Вашъ вѣрный и покорнѣйшій другъ и слуга

М. Сперанскій.

II.

Списокъ съ рескрипта Имперотора Австрійскаго.

Monsieur le Gouverneur civil d'Avarin ! Les rapports qui me sont parvenus par mon gouvernement de Galicie, font une mention infiniment honorable du zêle, de l'humanité et de devouement que vous avez deployés à l'occasion de l'inondation de la ville de Cracovie. Je ne puis Me refuser de vous en temoigner toute Ma satisfaction. Il M'a été trés-agreable de pouvoir rendre justice à votre conduite auprès de votre auguste Maitre, et je saisirai avec plaisir les occasions que je trouverai pour vous marquer Mon estime particulière.

Sur ce, Je prie Dieu, Mousieur le Gouverneur civil d'Avarin, qu'il vous ait en sa Sainte garde. a Francfort, le 5 Decembre 1813.

François.

IIII.

Изъ множества писемъ Нѣмецкихъ депутатовъ; два, отъ Фонъ Нау, Баварскаго уполномоченнаго, любопытнѣе прочихъ тѣмъ, что сильно и краснорѣчиво выражаютъ, какъ благодарна была Германія Императору Александру и какое высокое понятіе тамъ имѣли и тогда уже о нашемъ отечествѣ. Вотъ онѣ въ переводѣ.

Маінцъ, 7 Августа.

О счастливомъ пріѣздѣ Вашего Прев. въ Кенигсбергъ 10 Іюля, я узналъ по письмамъ, полученнымъ здѣсь изъ Франкфурта и спѣшу выразить о томъ радость мою; ибо я увѣренъ, что 300 часовъ отдаленности не могутъ произвести никакой перемѣны въ сердцѣ благороднаго, праводушнаго человѣка.

Теперь, когда между нами лежитъ великое пространство, я могу откровенно сказать вамъ, что я столько же васъ люблю, сколько почиталъ благородный образъ мыслей вашихъ; теперь это не можетъ показаться лестью, потому-что, какъ кажется, наши дѣла кончены.

Наши дѣла! годы убѣдили меня, что при такомъ сотрудникѣ, я могъ бы спать, и что мнѣ можно было спокойнымъ быть за своего Государя и за его требованія, когда вы работали въ моихъ отдѣленіяхъ. Это не вездѣ возможно, а такъ, какъ при васъ, никогда; потому, мнѣ бы

надобно было говорить о вашихъ, а не о нашихъ дѣлахъ.

Если вашъ добрый Императоръ когда нибудь узнаетъ васъ, такъ-какъ я знаю, и ввѣритъ вамъ Министерство, и тогда, если мой Государь черезъ меня чего нибудь будетъ искать у вашего, я ничего другаго не сдѣлаю, какъ предамъ мое порученіе въ руки справедливаго Аверина.

Неурожай кончился и люди могутъ опять ѣсть хлѣбъ до-сыта. Что многіе не погибли отъ голода, этимъ мы обязаны вашему великому Императору, который своими избытками спасъ Германію отъ отчаянія. Я надѣюсь, что командорскій крестъ гражданскихъ заслугъ уже посланъ Вашему Прев. изъ Мюнхена.

Майнцъ, 17 Іюля 1819 года.

По письму Генералъ-Интендаита Канкрина, полученному въ Мюнхенѣ, В. П. отправляетесь скоро изъ Кенигсберга. Сколько мнѣ желательно поздравить васъ съ счастливо оконченнымъ дѣломъ, которое, при величайшей запутанности, такъ много требовало трудовъ и тяжкихъ усилій ума, столько-же, откровенно долженъ я признаться, что тѣ, которые имѣли честь работать съ В. П. нашли въ васъ такого дѣльца, который, не только умѣлъ устранить всѣ препятствія и величайшія затрудненія, но который исполнилъ сіе съ правдолюбіемъ, не оставившемъ, по моему мнѣнію, желать ни-

чего лучшаго.... (Это — человѣку дѣловому).... Высокочтимый и уважаемый другъ и благодѣтель удаляется отсюда къ прекраснѣйшимъ назначеніямъ въ великой Имперіи. Но еслибы вы еще на столько же удалились, мое сердце послѣдовало бы за вами, потому — что я никогда не перестану васъ любить и почитать.

Вы узнали теперь Германію. Неосновательная въ своемъ правленіи, шаткая въ своихъ правилахъ, безсвязная въ своемъ соединеніи, какъ можетъ въ ней произойти что нибудь великое?

Русская Имперія возвышается могущественно, потому—что ея правленіе твердо, основные принципы (начала) непоколебимы и система премудра. Когда В. П. опредѣленные къ новой должности, позволите мнѣ узнать ваше пребываніе, то я готовъ буду сообщать вамъ, покрайней-мѣрѣ, каждые 3 мѣсяца свѣдѣнія о томъ, что произойдетъ замѣчательнаго въ мірѣ наукъ и искусствъ.

Повторяю увѣреніе моего почтенія и проч.

Пау.

IV.

Курскъ. 4 Февраля 1831 года.

Любезный братецъ Павелъ Ив. сердечный мой другъ! Съ удовольствіемъ и благодарностію получилъ я твое письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что началъ опасаться о твоемъ здоровьѣ, забывъ совсѣмъ, сколько у тебя дѣлъ и хлопотъ.—Ну, братецъ! подлинно—что—повора-

чивайся только въ твоемъ положеніи!... У меня, глядя на тебя, уже голова съ плечь валится, особливо, когда еще подумаю, какъ часто, чѣмъ больше трудовъ, тѣмъ больше отвѣтственности. Умѣй, за усердное исполненіе долга своего находить въ самомъ себѣ награду и утѣшеніе, котораго никто ни дать ни взять не можетъ.

Изъ доставленныхъ мнѣ бумагъ я вижу, что твоя необыкновенная дѣятельность испугала добрыхъ людей, которые, не зная дѣлъ и обстоятельствъ, опасаются, не занесла бы тебя ретивость твоя слишкомъ далеко, а другіе не почитаютъ то за хорошее, что сдѣлано, не по ихъ руководству, хотя и сами требуютъ наставленія: *какъ, что*, и *почему?* Я бы совѣтовалъ тебѣ остерегаться произвести ревнивость и зависть, которыя и самую заслугу могутъ превратить въ прослугу. Особливо поберегись задѣть чувствительную струну. Твое положеніе, такое, что требуетъ особливаго осмотрѣнія. Сколько можно меньше выказывай себя самъ; пускай увидятъ другіе. Покойный нашъ благодѣтель (*) не во всемъ можетъ намъ служить примѣромъ, и онъ, на своей степени, стараясь отличить себя, болѣе себѣ сдѣлалъ вреда, нежели принесъ пользы. Если я много и лишнее написалъ, то это отъ сердечной моей заботливости о тебѣ, какъ о самомъ себѣ, полагая, что актеру помогаетъ судъ

(*) Вѣроятно А. А. Беклешовъ.

зрителя. Но никакъ не желаю тѣмъ охладить или ослабить твоего чистѣйшаго къ службѣ усердія; чего я не опасаюсь, такъ—какъ и того, чтобы ты все это принялъ за похожее на отеческое наставленіе. Впрочемъ ты болѣе имѣешь опытовъ, и люди и обстоятельства тебѣ ближе видны, и потому я очень радъ буду, если ты посмѣешься моей трусливости. Однакожь прибавлю еще одно замѣчаніе: что во всякомъ случаѣ занимать людей подробностями, которыхъ они не разумѣютъ, или которыя ихъ интересовать не могутъ, не можетъ быть пріятно, и даже тягостно, а показывать имъ недостатки, которыхъ исправить не отъ нихъ зависитъ, щекотливо. Припишутъ не усердію, а суетности. *Sapienti sat.*

ПРИТВОРЩИЦѢ.

Что смѣешься такъ лукаво,
И идешь и не идешь!
Смотришь влѣво, смотришь вправо?
Знаю я: кого ты ждешь!

Не краснѣй! меня напрасно
Станешь ты разувѣрять.
Я колдунъ! я все прекрасно
По глазамъ могу узнать.

Чтожь? вѣдь дѣло не дурное
Полюбить кого нибудь:
Вѣдь не даромъ ретивое
Жжетъ, томитъ, волнуетъ грудь!

К. Петерсонъ.

МИЗОГИНЪ

(НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ).

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. В. Сушкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Яковлевичъ Анапцовъ.
Глафира Петровна Минская.
Милена — сестра ея.
Андрей Петровичъ Дебречинскій — братъ ихъ.
Антонъ Михайловичъ Наперстинъ.
Графиня Бобруйская.
Баронесса фонъ - Ревельская.
Князь Костромичевъ.
Графъ Холмогоръ.
Овечкинъ.

Дѣйствіе (въ 1821 г.) въ С.-Петербургѣ, въ домѣ Дебречинскаго.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анапцовъ и Наперстинъ.

Анапцовъ углубленъ въ чтеніе. Столъ, передъ которымъ онъ сидитъ, закиданъ книгами и ландкартами. Съ другой стороны рояль.

Наперстинъ *(входя)*.

Позволено-ль войти? *(остановясь)* Вотъ новость! книги,
столъ,
Ландкарты и мудрецъ!... На чтенье я пришолъ?
Учебный кабинетъ — въ Глафириной пріемной!...
(Подходя къ Анапцову).
Простите вы меня, что я прерву нескромно....
(Анапцовъ, обернувшись, бросается къ Наперстину).

Оба *(обнимаясь)*.

Возможно-ль!

Наперстинъ.

Анапцовъ!

Анапцовъ.

Наперстинъ!

Наперстинъ.

Какъ я радъ!

Анапцовъ.

Вотъ встрѣча!

Наперстинъ.

Какъ давно пріѣхалъ, мой Пиладъ?
Откуда?

Анапцовъ.

Изъ Москвы. Ты какъ живешь?

Наперстин.

Я въ службѣ.

Присядемъ.

Ананцовъ.

Посвятимъ часъ мѣста старой дружбѣ.

Наперстин.

Скажи: какой судьбой пожаловалъ сюда?

Ананцовъ.

О мѣстѣ хлопотать.

Наперстин.

Что наши господа
Студенты? Все ли такъ, какъ было въ Пансіонѣ?

Ананцовъ.

Все, все по прежнему; всѣ помнятъ объ Антонѣ
Наперстинѣ. Отъ всѣхъ тебѣ привезъ поклонъ.
Да разскажи скорѣй, любезнѣйшій Антонъ,
Всѣ многолѣтнія съ тобою приключенья.

Наперстин.

Ты помнишь, какъ въ Москвѣ, окончивъ курсъ ученья,
Въ двѣнадцатомъ году я въ армію вступилъ;
Въ ней незабвенную войну я прослужилъ,
Увидѣлъ Генриховъ престольный городъ старый —
И, за отличіе, переведенъ въ гусары
Лейбъ-Гвардіи. Теперь я здѣсь почти семь лѣтъ.
Всегда въ большомъ кругу, знакомъ мнѣ цѣлый свѣтъ.
И, право, не видалъ, какъ пролетѣло время!
А служба наша мнѣ военная — не бремя:
Ученье по утру — и правъ на цѣлый день.
Изъ Царскаго Села, въ купе, когда не лѣнь,
Скачу, то въ Петергофъ, то въ городъ, а отсюда
По дачамъ, островамъ, въ Мурзинку (*) и оттуда

(*) Петербургцы знаютъ Мурзинку, какъ лѣтнее мѣстопребываніе Нестора Дипломатическаго въ Петербургѣ круга, Дюка Серра-Капріоллы, умершаго въ 1822.

Я лётомъ въ Пулково, по кочкамъ, по мостамъ...
Закутаюсь въ шинель — плѣнительнымъ мечтамъ
Предавшись.... по-просту: храплю во всю дорогу;
А поутру — готовъ ко смотру, слава Богу!
И зиму провожу, я здѣсь, — почти-что такъ:
Ночь въ обществѣ, а день лѣнюсь, курю табакъ;
Въ манежѣ поутру; а вечеромъ на балѣ;
То шпоры на смотру — Бижу, то глазки въ залѣ —
Мими, или Тата, Додо, или Катишъ.

Ананцовъ.

И ты не по-людски — какъ слышу — говоришь?

Наперстинъ.

Вотъ, видишь, каково не знать большаго свѣта
И на людей смотрѣть кротомъ изъ кабинета.
Твой греческій языкъ и вся твоя латынь
Предъ нашимъ языкомъ затѣйливымъ — хоть кинь!
Въ хорошемъ здѣсь кругу, съ ученостью твоею,
Ты шутомъ прослывешь.

Ананцовъ.

За то, что не умѣю
Такую дичь нести! поди себѣ — пойми:
Каску, Тата, Додо, Питашка, да Мими —
Затѣйливый языкъ!

Наперстинъ.

И вотъ онъ въ переводѣ.
Мы новый лексиконъ составили по модѣ.
Касъ-ку — кабріолетъ; карета, иль ландо —
Купе; Питашка — Петръ; а Дунюшка — Додо.
Милена....

Ананцовъ.

По-просту: Маланья.

Наперстинъ.

Только, милый,
Ты долженъ здѣсь теперь употребить всѣ силы —

Ананцовъ.

На что?

Наперстинъ.

Да надобно-жь съ людьми по-людски быть.
Ну, можно-ль, посуди, такъ тяжело ходить?...
Такъ пасмурно глядѣть?... садиться неуклюжо!...
Ты все, какъ ученикъ, тетрадокъ съ кипой дюжой!...
Смотри, какъ я войду: тутъ шаркну, здѣсь кивну,
Той звякну шпорами, на ту мелькомъ взгляну,
Тому, взявъ за руку, промолвлю два-три слова;
Улыбка же ко всѣмъ и каждому готова.
Хозяйка ласково — присѣсть, даетъ мнѣ знакъ.
Спускаюсь на козёсъ ... О! прямъ, какъ шестъ! не такъ!
Небрежно развались.... вотъ такъ — чего простѣе?
Безъ принужденія, старайся быть вольнѣе,
Развязнѣе; гляди на всѣхъ ты веселѣй,
Шути, разсказывай, съ прикрасами, смѣлѣй,
И словомъ: будь вездѣ — какъ дома.

Ананцовъ.

Все прекрасно.
Да отъ чего, скажи, любитель свѣта страстной!
Я въ десять дней тебя нигдѣ не повстрѣчалъ?
А я во всѣхъ полкахъ пріятеля искалъ.

Наперстинъ.

Я здѣсь почти всегда; да эти дни — на чудо —
Я дома просидѣлъ, за кашлемъ.

Ананцовъ.

Это худо.

Наперстинъ.

Теперь-же пустимся по всѣмъ мы вечерамъ.
Ты только не дичись. Всѣ будутъ рады намъ.
Здѣсь весело живутъ.

Ананцовъ.

Благодарю за дружбу;
Но я отечеству, начавъ, какъ должно, службу,

Усердный гражданинъ, полезнымъ быть хочу,
Быть можетъ: нѣкогда, сверша....

Наперстинъ.

Я хохочу!
Такъ, ты еще своихъ мечтаній не оставилъ?
И думаешь —

Ананцовъ.

Своихъ я не покину правилъ.
Мы всѣ отечеству по смерть служить должны.
И мы не для того, конечно, созданы,
Чтобъ, суетно всегда желая наслажденій,
Ничтожныхъ, чувственныхъ, свой подавляли геній....
Тотъ геній, въ комъ горитъ, пылаетъ сильно кровь
Любовью къ родинѣ! священная любовь
И съ ней развитыя ученьемъ дарованья,
Да нравы строгіе, да жизнь безъ нареканья —
Вотъ патріоту всѣ права́, уставъ, законъ.
Нѣтъ нужды, чей онъ сынъ? въ безвѣстности-ль рожденъ,
Иль въ знатности своей гордится древнимъ родомъ....

Наперстинъ *(впадая въ его голосъ).*

А все же можетъ быть порядочнымъ уродомъ!

Ананцовъ *(не слушая его).*

Будь благородныхъ чувствъ полна душа его:
Богатство, почести, порода —

Наперстинъ *(насмѣшливо).*

Ничего?!!. *(захохотавъ)*
О, благородный духъ! о, Графъ! о, Князь! Свѣтлѣйшій!
О, вѣка нашего Ликургъ, Солонъ мудрѣйшій!
Не знаю, право, я: какъ васъ и величать?

Ананцовъ.

Ты будешь тутъ свой умъ напрасно истощать, —
Я къ правиламъ твоимъ, конечно, не пристану,
И шаркать, да болтать нелѣпицы не стану,
Чтобъ щеголихъ плѣнять у васъ въ кругу большомъ.

Прославиться хочу я службой предъ лицемъ
Царя, отечества, въ глазахъ потомства, свѣта...

Наперстникъ.

И вѣкъ изъ своего не выйти кабинета,
Зарывшися въ архивъ указовъ, тяжбъ и правъ!
Эхъ, милый! посмотри, Министръ, поработавъ
По утру, — вечеромъ конечно ужь въ бесѣдѣ.
А иногда еще на холостомъ обѣдѣ.
А тутъ шампанское...

Ананцовъ.

Да пить я не люблю!

Наперстникъ.

Есть карты, билліардъ....

Ананцовъ.

Игры я не терплю!
А впрочемъ, что за-вздоръ! мы такъ давно знакомы,
Что мысли, правила, привычки, всѣ пріемы,
Мой нравъ и странности — тебѣ не узнавать!
И такъ, прошу тебя....

Наперстникъ.

Да могъ я ожидать,
Что, черезъ столько лѣтъ, мой другъ перемѣнился,
Какъ должно сталъ смотрѣть на вещи, изцѣлился
Отъ предразсудковъ.

Ананцовъ.

Нѣтъ! нѣтъ, милый! не бывать!
Знать съ предразсудками ужь мнѣ и умирать.

Наперстникъ.

Я радъ хоть одному и съ восхищеньемъ вижу,
Что.... кажется... теперь.... ты женщинъ —

Ананцовъ.

Ненавижу!
Какъ прежде говорилъ, такъ и теперь скажу,
Что въ нихъ весь вредъ, все зло, всю гибель нахожу!

Онѣ.... на муку намъ отъ самаго рожденья!
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, онѣ, безъ исключенья,
Всѣ....

Наперстинъ.

Погоди! позволь замѣтить, что съ тѣхъ поръ
Бывали женщины примѣрныя!

Ананцовъ.

Все вздоръ!
Морочили людей, обманщицы! хитрили!

Наперстинъ.

И зà носъ мудрецовъ во всѣхъ вѣкахъ водили?

Ананцовъ.

Къ несчастію! раскрой исторію: что бѣдъ,
Что зла отъ этихъ женъ произошло на свѣтъ!...
Периклъ, Аѳинянъ честь! мужъ, доблестьми прекрасной!
Когда бы не любилъ Аспазіи опасной,
Ни чѣмъ бы не затмилъ и славы онъ своей;
Но за безбожную, въ слезахъ, молилъ Судей!...
А твой Алкивіадъ, во вѣки непонятный:
То добродѣтельный и твердый, то развратный!
Кто страсти низкія въ душѣ его родилъ?
Кто пагубныя въ немъ наклонности развилъ?
Кто? — женщины! Безъ нихъ,—духъ пылкій! умъ высокой!
Алмазомъ бы сіялъ онъ въ древности глубокой....
А Македонскій Царь? завоевавъ Востокъ —
Въ цѣпяхъ прелестницы, растлѣнный, изнемогъ!
А древній Геркулесъ, — Атлетъ благословенный!
Въ объятіяхъ жены, коварствомъ уловленный,
Гроза противниковъ! любовью усыпленъ —
И силы и волосъ чудесныхъ вдругъ лишенъ!...
О, женскій родъ!...

Наперстинъ.

Умѣрь свой гнѣвъ несправедливый.
Кто женщинъ не любилъ? и гдѣ же тотъ счастливый,
Который бы безъ нихъ спокойно прожилъ вѣкъ?

Ананцовъ.

Я — вѣрь ты мнѣ! Я — тотъ счастливый человѣкъ.

Наперстинъ.

Однакожь и Сократъ, и твой мудрецъ любимый,
Онъ ихъ....

Ананцовъ.

Терпѣлъ—какъ зло.... какъ ядъ необходимый...

Наперстинъ.

Необходимы же? хоть въ этомъ спору нѣтъ!
Признайся-жь, что безъ нихъ скучненекъ былъ бы свѣтъ!
И счастья въ жизни мы не вѣдали-бъ....

Ананцовъ.

Пустое!
Мы были-бъ счастливѣй, покрайней-мѣрѣ, втрое.

Наперстинъ.

Нѣтъ, женщины! безъ васъ я не хотѣлъ бы жить!
Рожденные отъ васъ — мы васъ должны любить,
Хоть — правда — рѣдкимъ вы мужчиной не играли!
Не вы ли первое намъ воспитанье дали?
Не всѣ-ль понятія, привычки, чувства въ насъ,
Всѣ впечатлѣнія начальныя отъ васъ?
И пусть мой другъ кричитъ: отъ васъ погибла Троя!
Да вы же, я скажу, награда, цѣль героя,
Артиста, генія, поэта!

Ананцовъ.

Экой бредъ!
Убійцы генія! виновницы всѣхъ бѣдъ
Питомца пылкаго причудливой природы!
Опутанный сѣтьми, онъ молодые годы
Проводитъ въ праздности; потухъ небесный жаръ
Любви къ безсмертію! забытъ врожденный даръ
И генія печать, которой Провидѣнье
Любимца отличить судило при рожденьѣ!
Въ прельщеніяхъ любви онъ губитъ каждый день —

И дороги ему его покой, да лѣнь....
Нѣтъ! я обрекъ себя отчизнѣ! не зарою
Я свой талантъ! служить! служить ей всей душою —
И женщинъ убѣгать, какъ язвы, до конца!
И ненавидѣть ихъ! ..

Наперстинъ.

Посмотримъ мудреца.

Ананцовъ.

Есть женщина.... душой люблю!. .

Наперстинъ.

И это?

Ананцовъ.

Слава!

Наперстинъ.

Любовница твоя куда подъ часъ лукава!
Нерѣдко видимъ мы, что слава — пуфъ! молва!
Иной слыветъ, что въ немъ набита голова
Умомъ—да все чужимъ, а самъ — дуракъ набитый!
Иной въ такой чести — онъ воинъ знаменитый;
Но выстрѣлъ—посмотри! храбрецъ дрожитъ, какъ листъ.
Иной — въ Судѣ: такъ строгъ, такъ справедливъ и чистъ!
Въ передней — никого; просить его — обидишь;
А съ задняго крыльца *ходатаевъ* увидишь.
Да что намъ до того. Какъ это согласить:
И женщинъ убѣгать — и съ женщиною быть!
Подумай самъ: гдѣ ты? въ палатахъ у Армиды,
Цирцеи при дворѣ, иль въ капищѣ Киприды?
Да — полно знаешь ли богиню-то свою?
Я прозакладывать радъ голову мою,
Что скажешь ты тотчасъ: хозяйка здѣсь колдовка!...
Нѣтъ мужа у нее, однако же плутовка
Ни чуть не дѣвушка! и не вдова она.

Ананцовъ.

Такъ кто же!

Наперстинъ.

Угадай!... разводная жена.
За то ужь какъ мила! любезная вертушка!
Ей шутка — полюбить; и разлюбить — игрушка!
Ты на бѣду свою къ ней переѣхалъ въ домъ!
Не устоять тебѣ холоднымъ бирюкомъ!
Глафира такъ хитра, ловка и осторожна,
Что всякая, божусь, побѣда ей возможна.

Ананцовъ.

Напрасно! я отнюдь не у нее живу.
Я и не зналъ объ ней, какъ покидалъ Москву.
А къ Дебречинскому меня отецъ отправилъ,
Чтобъ, чрезъ знакомыхъ, онъ мнѣ должность здѣсь доставилъ,
За что тотчасъ взялся ея почтенный братъ,
По дружбѣ къ батюшкѣ.

Наперстинъ.

И бьюся объ закладъ,
Что помѣстить тебя къ Маркизу онъ трудится.
Но у него тебѣ добру не научиться.
Да и у многихъ баръ — какъ говорили встарь —
Узнаешь, что у нихъ все знаетъ секретарь.
Однакожъ не тужи объ этомъ, мой любезный!
Я дамъ тебѣ совѣтъ, не новый, да полезный,
Какъ въ люди выходить и пробиваться въ знать.
Вотъ средства легкія, вѣрнѣе не сыскать:
Не дѣлавъ ничего — кричи повсюду смѣло,
Что времени тебѣ не достаетъ на дѣло!
Съ поклонами спѣша къ вельможамъ по утрамъ —
Всѣмъ чувствовать давай, что позванъ по дѣламъ.
Ласкай и одолжай, кого у нихъ ни встрѣтишь;
Брани, кого бранятъ; хвали, кого замѣтишь
Ласкаютъ. Прослыви *открытою душой!*
Въ тѣснѣйшей дружбѣ будь и съ дальней ихъ родней.

Будь третьимъ въ вистѣ ихъ, хоть пятымъ съ знатоками,
Хоть за болвана будь — лишь бы сидѣть съ тузами! ..
Не худо бы примкнуть ихъ дочекъ къ женихамъ.
Будь рыцаремъ ихъ женъ, и вейся къ сыновьямъ,
Услуги всякаго оказывая роду.
Смотри вѣрнѣй на флагъ и замѣчай погоду:
Точнѣе наблюдай, ты, свѣтскій барометръ —
И самъ клонись туда, куда подуетъ вѣтръ.
Такъ скоро будешь ты и знатенъ и извѣстенъ

Ананцовъ.

Ай, ай! да какъ же ты испортился, Наперстинъ!
Не смѣйся! Я тебя не узнаю отнюдь!...
Къ чему такая злость? лишь бы умомъ блеснуть —
Такъ, вѣрно, никому не будетъ ужь пощады!
И вотъ — у васъ въ кругу отличномъ — всѣ вы рады
Другъ друга раздирать, злословить цѣлый свѣтъ!...
Побереги, Антонъ, другимъ такой совѣтъ
И кончимъ разговоръ, такъ многимъ непріятной.

Наперстинъ.

Ты правъ. Теперь скажи: Глафира — вѣроятно —
Порядочно тебя узнала въ десять дней?

Ананцовъ.

Безъ всѣхъ обиняковъ, уловокъ и затѣй,
На шуточки твоей Глафиры: «что, конечно,
«Мнѣ скучно будетъ здѣсь, любя Москву сердечно,
«Гдѣ, вѣрно, обо мнѣ какой-нибудь предметъ
«Тоскуетъ?» заявилъ я тутъ же ей въ отвѣтъ:
Что въ жизнь я не имѣлъ предмета въ цѣломъ мірѣ;
Что тридцать лѣтъ почти проживъ съ страстями въ мирѣ,
Пріѣхалъ я сюда, не по Москвѣ вздыхать;
А службу должную отечеству начать;
Что я всегда любилъ занятія, науки....

Наперстинъ.

Довольно. Приберетъ тебя Глафира въ руки.
Я здѣсь ужь чувствую ученый духъ!... когда

Здѣсь было столько книгъ? Бывали иногда
Валерія, Сбогаръ, разумница — Корина,
Матильда — скромница, иль Вертеръ, иль Мальвина;
Альбомъ какой-нибудь, стишки Карамзина,
Людмилла и Русланъ, да Модная жена,
И, для Мелетскаго романсовъ, Каченовскій (*).
Недавно положенъ на туалетъ Жуковскій
И нѣжный Батюшковъ и фабулистъ Крыловъ.
Теперь: Кювье и Дантъ и Локкъ!... ба! Мерзляковъ:
Разборъ Димитрія, Эдипа, Россіады!
Прелестно: Гнѣдича двѣ пѣсни Иліады!
Два Русскихъ Пиндара! романы-жь — подъ столомъ!
На! весь Карамзина разрѣзанъ первый томъ
Исторіи!... Ну, братъ! тебѣ не отыграться!
Глафира знала, какъ за умника приняться —
И выбьетъ школьную твою и дурь и спѣсь
Клинъ клиномъ.

Ананцовъ.

Вздоръ! ея читая книги здѣсь,
Я отъ того еще Глафирой не плѣнился!
Да я ужь нелюбить всѣхъ женщинъ побожился.

Наперстинъ.

Увидимъ — не божись. Теперь, конечно такъ,
Почти не сыщется нигдѣ такой чудакъ,
Который бы всегда вздыхалъ, прельщался явно
Красавицей своей. Смѣшно и не забавно
Такою странностью насмѣшницъ веселить,
И послѣ, за труды, всего обиднѣй, быть
У нихъ же на счету *старинной волокитой!..*
Не должно никогда ухаживать открыто
За женщиной, хотябъ влюбленъ и страстно былъ.
Вотъ я, я такъ давно жестокимъ здѣсь прослылъ,

(*) Вѣстникъ Европы, изд. Каченовскимъ, гдѣ помѣщались пѣсни и романсы Нелединскаго-Мелетскаго.

Хотя — передъ тобой не стану я таиться —
Какъ другу старому хочу тебѣ открыться....
Подумай самъ — и я — вотъ какъ любовь сильна!...
Милена такъ мила, разумна и скромна,
Что съ ней я самъ не свой! и

Ананцовъ.

И тебѣ не стыдно!
Мнѣ, право, на тебя ни мало не завидно!

Наперстинъ.

Подумай: какъ она невинна и добра!

Ананцовъ.

Еще бы Институтъ покинула вчера —
И свѣтской женщины казалась не простѣе!
Аспазіи самой она была бы злѣе,
Когда бъ въ два мѣсяца не такова была!

Наперстинъ.

Я признаюсь: она съ ума меня свела
Своей веселостью и дѣтской простотою
И откровенностью!... Разъ, шуткой, стороною,
Недѣли двѣ назадъ, пробывъ весь день съ утра
Здѣсь въ домѣ, намекнулъ я Минской, что сестра
Ея прекрасная мнѣ голову вскружила —
И.... если бы она меня благословила
Въ Миленѣ поискать.... то жизнію своей
Готовъ пожертвовать — лишь бы мнѣ только ей
Понравиться!... и чтожь? Глафира позволенье,
Съ улыбкой Ангельской....

Ананцовъ.

Какое восхищенье!

Наперстинъ.

Смѣешься?... этого ни въ жизнь я не прощу.
Со злости—на тебя всѣхъ женщинъ напущу!..
Забудешь, Мизогинъ! съ твоей *женобоязнью*
Трунить....

Анапцовъ *(перебивая).*

Да это мнѣ ужь просто будетъ казнью!

ЯВЛЕНИЕ II.

Анапцовъ, Наперстинъ, Дебречинский.

Дебречинскій *(Анапцову).*

Ну-кажется-теперь поздравить можно насъ! *(Наперстину)*
А! здравствуйте! что такъ давно невидно васъ!

Наперстинъ.

Я очень занятъ былъ.

Анапцовъ.

И занятъ не на шутку!

Дебречинскій.

По службѣ?

Наперстинъ.

Не совсѣмъ.

Анапцовъ.

Онъ объѣзжалъ бижутку *(Наперстину)*
И какъ ты не сломилъ на мѣстѣ головы?

Дебречинскій.

А! вѣрно славную себѣ достали вы
Верховую.

Наперстинъ.

Досталъ! Да что же вы хотѣли
Ему сказать?

Дебречинскій.

А то, что до конца недѣли
И раньше, можетъ быть, онъ будетъ помѣщенъ
Къ Маркизу.

Наперстинъ.

Очень радъ!

Дебречинскій.

Да вамъ откуда онъ
Знакомъ?

Наперстинъ.

Мы съ нимъ въ Москвѣ воспитывались вмѣстѣ.
Да что же намъ сказать хотѣли вы о мѣстѣ?

Дебречинскій *(Анапцову)*.

Маркизъ насъ посѣтилъ пріятельски вчера.
Былъ веселъ и шутилъ до ужина; сестра,
Прощаясь, о тебѣ его предупреждала;
А ныньче и письмо съ Овечкинымъ послала.
Однако же тебѣ ее благодарить,
Пока придетъ отвѣтъ, нѣтъ крайности спѣшить.

Анапцовъ.

Я васъ благодарю за это одолженье?

Наперстинъ.

Могу ли сдѣлать я сестрицѣ посѣщенье?

Дебречинскій.

Глафира только — лишь пустилась со двора.
Вы впрочемъ знаете: мы дома вечера.

Наперстинъ.

Куда поѣхала?

Дебречинскій.

За шляпкой къ Анединѣ;
А нарядившися, мнѣ кажется, къ Графинѣ
Фонъ-Ревельской. *(Анапцову)* Вотъ въ ней намъ надобно искать.
Авось-ли-бъ муженьку она взялась сказать,
Чтобъ для особыхъ онъ тебя хоть порученій
Опредѣлилъ къ себѣ. Онъ строгъ и упущеній
Не терпитъ никакихъ, по должности, ни въ комъ;
За то и справедливъ; знакомъ иль не знакомъ
Чиновникъ прежде былъ, даетъ ли тетка балы,
Пріятель ли отецъ, просили ль генералы,
Богатый баринъ онъ, иль безъ связей бѣднякъ —
Несправедливости не сдѣлаетъ никакъ:
Кто хорошо служилъ — тому и награжденье.

Наперстинъ.

Такой почтенный мужъ — прекрасное явленье!
Ну — а попасть къ нему немного и труда.

Анапцовъ.

Все такъ, да въ двухъ мѣстахъ служить-то?

Наперстинъ.

Не бѣда
Здѣсь служатъ многіе, прославясь головою.
И въ двухъ и трехъ мѣстахъ и больше, съ похвалою.

Анапцовъ.

Опять занесъ!

Наперстинъ.

Прощай!

Дебречинскій.

Куда же такъ спѣшить?.
На вечеръ будете?

Наперстинъ.

И прежде, можетъ быть.

Дебречинскій.

Не забывайте насъ! Мы рады вамъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Дебречинскій и Анапцовъ.

Дебречинскій.

Ахъ, милой!
Когда бы счастіе намъ только послужило,
Чтобъ согласился Графъ тебя къ себѣ принять —

Анапцовъ.

Я очень бы желалъ.

Дебречинскій.

Нельзя и не желать.
Такихъ начальниковъ немного.

Анапцовъ.

А порою....
Куда досадуешь.... какъ слышишь ... стороною —
Гдѣ покровительства, гдѣ связи, гдѣ родня —

Дебречинскій.

Конечно... но — подъ часъ — все это — болтовня!

Ананцовъ.

Ахъ! ежели бы я поставленъ былъ судьбою
На степени вельможъ! какъ съ пламенной душою —
Я смѣло бы обрекъ себя отчизнѣ въ даръ!
Я славныхъ въ древности напомнилъ бы бояръ!
И Долгорукаго и твердость и рѣшимость
И благородную предъ тѣмъ неустрашимость,
Кого страшился міръ и Карлъ вострепеталъ!
Хвала! хвала Петру! Онъ истинѣ внималъ!
Хвала и вамъ: Лефортъ, ты, другъ Царя примѣрный!
Ты, Ромодановскій! ты, Шереметевъ вѣрный!
Ты, пылкій Меншиковъ! ты, мудрый Головинъ!...
Летѣлъ бы я вамъ въ слѣдъ, какъ истый Славянинъ!...
Не побоюсь толпы завистниковъ ничтожной,
Не погонюсь, равно, и за хвалою ложной....
Намъ, совѣсть чистая—отъ злобы крѣпкій щитъ!

Дебречинскій *(цѣлуя его).*

Прекрасно! какъ умно! какъ свято говоритъ!
Какія правила! и въ молодыя лѣта!

Ананцовъ.

Мнѣ слышалось, къ крыльцу подъѣхала карета.

Дебречинскій *(смотря въ окно).*

Я думаю, сестра пріѣхала домой.
Да, такъ и есть! она ... ахъ! можно-ль? милый мой!
Какое счастіе! вѣдь и Графиня съ нею!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Глафира и Графиня фонъ-Ревельская.

Дебречинскій.

Графиня! какъ я радъ! какъ кстати! честь имѣю
Представить ...

Глафира.

Господинъ!...

Графиня.

Какъ вижу — Анапцовъ?

Дебречинскій.

Онъ, онъ ...

Глафира *(тихо ей).*

Догадливы?

Дебречинскій.

Пріятель нашъ таковъ....

Глафира.

Мы только-что объ немъ въ каретѣ говорили.

Графиня.

Прошу знакому быть. Мнѣ такъ васъ расхвалили!

(Анапцовъ кланяется молча и неловко).

Графиня *(тихо Глафирѣ).*

Мнѣ кажется, что онъ застѣнчивъ?

Глафира *(тихо).*

Нелюдимъ.

Дебречинскій *(Графинѣ).*

Такъ можно будетъ мнѣ явиться къ Графу съ нимъ?

Графиня *(Анапцову).*

Я познакомлю васъ.

Анапцовъ *(кланяясь).*

Весьма, весьма пріятно!

Въ большую честь вмѣню.

Графиня *(тихо Глафирѣ).*

Мнѣ, право, непонятно,

За что сердито онъ косится такъ на насъ?

Глафира *(тихо).*

Дичится.

Дебречинскій.

Я хочу просить, Графиня, васъ....

Обязывать людей вамъ такъ легко и сродно....

По вашей добротѣ и сердцу —

Графиня.

Что угодно?

Дебречинскій.

Чтобъ сдѣлалъ милость Графъ: опредѣлилъ его.

Графиня.

Охотно. *(Анапцову)* Если вы желаете того —
Я съ удовольствіемъ сказать ему берусь.

Анапцовъ.

За счастіе почту.

Дебречинскій.

А я вамъ поклянуся:
Имъ Графъ останется доволенъ навсегда.

Глафира.

Безъ дѣла мы его не видимъ никогда.

Графиня.

Тѣмъ лучше.

Глафира.

Онъ влюбленъ въ занятія, въ науки! *(Анапцову)*
За то вы, думаю, не знаете и скуки?
Унасъ же, кажется, вамъ есть что почитать?

Анапцовъ.

Да мнѣ и мудрено-бъ — признаться вамъ — скучать.
Всегда въ занятіяхъ — и времени не вижу.
А праздность и въ другихъ браню и ненавижу.

Глафира.

Да въ этомъ и никто не будетъ противъ васъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ: въ домашней жизни насъ
Къ спокойствію ведутъ — науки, да искусства,
То просвѣщая умъ, то услаждая чувства.

Анапцовъ.

Такъ... правильно!... нето, къ чему бы намъ служилъ
И умъ и слова даръ, которымъ отличилъ
Отъ всѣхъ созданій насъ Всевышній при рожденьѣ?...
Когдабъ, не думая ни чуть о просвѣщеньѣ,
О пищи не пеклись разсудка и души....

Дебречинскій *(перерывая)*.

Куда бы, право, мы всѣ были хороши!

Глафира.

И такъ, согласны всѣ: науки — счастье наше!

Графиня.

Ахъ, правда! съ чѣмъ сравнить искусство можно ваше,
Когда вы, съ арфою, поете!

Глафира.

Съ чѣмъ сравнить?
Да съ музыкой моей должна я уступить
Искусству вашему, Графиня, въ рисованьѣ.

Дебречинскій.

О! въ васъ завидное, божуся, дарованье!
Подобнаго теперь здѣсь въ городѣ и нѣтъ!

Графиня.

А, кстати! привезла на судъ я вамъ портретъ.
(Вынимая изъ ридикюля).
Для Графа, въ зеркало, сама съ себя списала.

Глафира.

Прекрасно!

Дебречинскій.

Признаюсь!

Графиня.

Я очень бы желала,
Что-бъ вы нашли его похожимъ.

Дебречинскій.

Страхъ похожъ!
Притомъ же ваша кисть....

Графиня.

Какъ подлинникъ хорошъ!
И чуть не говоритъ!

Дебречинскій.

А сколько выраженья!

Глафира *(Анапцову).*

А вотъ я вашего еще не знаю мнѣнья.
Угодно разсмотрѣть поближе вамъ портретъ?
(Отдаетъ Анапцову портретъ).
Какъ вы находите? похожъ ли? или ...

Анапцовъ *(отдавая портретъ).*

Нѣтъ!

Дебречинскій.

Нѣтъ!

Глафира.

Нѣтъ!

Графиня.

Какъ! нѣтъ?

Анапцовъ.

Да, нѣтъ!

Глафира.

Вотъ смѣхъ! вы пошутили?

Анапцовъ.

Не думалъ!

Графиня.

Въ чемъ же тутъ несходство?

Анапцовъ.

Вы.... польстили

Графиня.

Польстила!... можетъ быть. Мы видимъ всѣ себя
Не такъ, какъ видятъ насъ другіе.

Дебречинскій *(тихо).*

Отъ тебя
Я этого не ждалъ.

Анапцовъ.

Охъ! ждали, хоть не ждали, —
Да для чего жъ мое и мнѣнье знать желали?
Неужь-то съ вами—льстить, чтобъ не нажить хлопотъ?...
Ея Сіятельство.... конечно.... не уродъ:
Но здѣсь представлена Венера на картинѣ!...
И чтобы я польстилъ! да ни самой богинѣ.
(Уходитъ. Графиня и Глафира въ слѣдъ ему смѣются принужд.).

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, кромѣ Анапцова.

Дебречинскій.

Графиня! я на васъ не смѣю и глядѣть.
Простите вы его!

Глафира *(съ большимъ смѣхомъ).*

Нѣтъ способа терпѣть!...
Ужь онъ смѣшонъ, а ты его смѣшнѣй.... *(Графинѣ)*
Скажите!
Вы знаете теперь всю тайну?...

Графиня.

Не смѣшите!
Женобоязнію онъ боленъ!

Глафира.

Мизогинъ!

Графиня.

А чтобъ утѣшиться, я ѣду къ Анединъ!
Безъ шутокъ, вы совсѣмъ меня обворожили
Своею шляпою! вѣдь у нее купили?

Глафира

И весь нарядъ ея.

Графиня *(цѣлуясь съ Глафирой).*

И я ей закажу.
Кудажь?

Глафира.

Я только васъ до залы провожу.
(Хозяинъ и хозяйка идутъ за гостьей).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

ЯВЛЕНІЕ I.

Глафира и Дебречинскій.

Дебречинскій.

Ахъ! какъ досадно мнѣ, сестра, на Анапцова!

Глафира.

Что стоило сказать пріятныхъ два-три слова —
И похвалить портретъ!

Дебречинскій.

Я отъ стыда сгорѣлъ,
Какъ тутъ онъ грубости передъ Графиней пѣлъ!...
Когда бъ не этотъ нравъ тяжелый и мудреный —

Глафира.

Да, признаюсь, мудренъ твой филосовъ хваленый!

Дебречинскій.

Изъ молодыхъ людей онъ чудо въ этотъ вѣкъ!
Прекраснѣйшей души и качествъ человѣкъ!
Степенность, правила, познанія, такія,
Что будутъ за него мнѣ люди дѣловые
По гробъ обязаны; дай—только имъ узнать:
Каковъ онъ; а тогда, ужь вѣрно, выйдетъ въ знать.

Глафира.

Ну да, перемѣня свой нравъ чистосердечной.
А впрочемъ много въ немъ и добраго.

Дебречинскій

Конечно!

Глафира.

Да только черезъ чуръ ужь какъ-то онъ угрюмъ!
Для этихъ лѣтъ его степененъ слишкомъ умъ!
И нужно-бы ему немножко развязаться.
А пуще-то всего мнѣ мило въ немъ, признаться,
Хоть—правда, не смѣшно, досадно ужь подъ часъ,
Что онъ, изъ глупыхъ книгъ возненавидя насъ,
Всѣхъ женщинъ до одной бранитъ и проклинаетъ!
А кажется совсѣмъ онъ женщинъ и не знаетъ.
Отъ этой странности питомца своего
Старайся вылечить....

Дебречинскій.

Ты лучше моего,
Глафира, сладишь съ нимъ.

Глафира

Вотъ странное желанье!
Чтобъ я доканчивать взялася воспитанье,
Начатое людьми учеными! а! нѣтъ!
Нѣтъ, братецъ! неберусь!

Дебречинскій.

Охъ! выслушай, мой свѣтъ!
Вѣдь я не женщина — мнѣ спорить не пристало;

И ссориться за васъ нехочется нимало.
Тебѣ приличнѣе съ нимъ этотъ споръ завесть;
Какъ женщина, твоя тутъ также страждетъ честь!
Къ тому-жъ и онъ съ тобой въ словахъ своихъ умѣренъ,
Охотно говоритъ —

Глафира.

Ты думаешь?

Дебречинскій.

Увѣренъ.

Глафира.

Ты дѣло трудное изволишь предлагать.

Дебречинскій.

Попробуй!

Глафира.

Я тебѣ не въ силахъ отказать.

Дебречинскій.

Теперь всего нужнѣй ему дать навыкъ свѣта:
Онъ лучшія свои за книгой прожилъ лѣта
И съ общежитіемъ нисколько незнакомъ!

Глафира.

Я думаю: сперва его представить въ домъ
Вдовы фонъ-Ревельской; а — право — Баронесса
Пріятнаго ума и бойкая —

Дебречинскій.

Повѣса!

Глафира.

Да, не строга на счетъ двусмысленныхъ рѣчей.

Дебречинскій.

И очень!

Глафира.

У нее всегда найдешь людей.
Тамъ — Князь Костромичевъ, Графъ Холмогоръ, прекрасный!
Хоть звѣзды на небѣ отъ нихъ и безопасны....

Дебречинскій.

О! не хватаютъ звѣздъ!

Глафира.

И Боже сохрани!
Но, будучи всегда въ большомъ кругу, они
Довольно смѣтливы и ловки въ обращеньѣ.

Дебречинскій.

Имѣютъ въ обществѣ они свое значенье!
Да.... пустъ Костромичевъ! да.... пустъ и Холмогоръ!

Глафира.

Однакожъ поддержать умѣютъ разговоръ —

Дебречинскій.

О вздорѣ.

Глафира.

Къ ней зимой ѣзжалъ и нашъ бывало
Наперстинъ.

Дебречинскій.

Говорунъ, шаркунъ; а умный малый.

Глафира.

Немножко—Адонисъ.

Дебречинскій.

Распрысканъ, раздушонъ!

Глафира.

А мнѣ онъ, признаюсь, ничѣмъ такъ не смѣшонъ,
Что вычернивъ усы, играя волосами,
Крутитъ, вертитъ въ кольцо — и занятъ весь усами!

Дебречинскій.

Да, что ни говори, а лучше моего
Пріятеля ты здѣсь не сыщешь никого.
Дай — только ты ему понатереться въ свѣтѣ —
У многихъ матушекъ онъ будетъ на-примѣтѣ.

Глафира.

Мнѣ хочется его съ Миленой подружить.
Видавшись всякой день, нетрудно получить
Привычку.... ,дружество.... взаимное участье....
А тамъ — со временемъ — кто знаетъ —

Дебречинскій.

Вотъ-бы счастье,
Какъ ей, такъ и ему! а тамъ — и подъ вѣнецъ!
Дай Богъ, чтобъ полюбилъ сестру онъ наконецъ!
Дай Богъ, мой другъ!

Глафира.

Дай Богъ, чтобъ къ женщинамъ сначала
Вражда его прошла.

Дебречинскій.

Пройдетъ!... когдабъ ты знала,
Какъ эта мысль меня, Глафира, веселитъ!
Я въ восхищеніи!... Вотъ и она бѣжитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Милена.

Милена.

Сестрица — душенька!

Дебречинскій.

Легка ты на-поминѣ!... *(Глафирѣ)*.
А ты пока его за грубости Графинѣ
Порядкомъ пожури. Я позову его

ЯВЛЕНІЕ III.

Глафира и Милена.

Милена.

Сестрица!

Глафира.

Что, мой другъ?

Милена.

Вы слова своего
Не позабыли?

Глафира.

Нѣтъ.

Милена.

Поѣдемъ? какъ я рада!
О! лѣтній для меня Таврическаго сада
Въ сто разъ прекраснѣе!

Глафира.

И въ двѣсти веселѣй?

Милена

Въ Таврическомъ — тоска! а въ Лѣтнемъ — тьма людей!
Какъ торопилась я покончить рисованье,
Чтобъ съ вами мнѣ поспѣть скорѣе на гулянье!
А Мȁтесъ, какъ на смѣхъ, и разсидѣлся тутъ!
Легко-ль? сверхъ двухъ часовъ онъ пробылъ семь минутъ!

Глафира.

Какъ, право, у тебя терпѣнія достало?

Милена.

Ужь что и говорить! мнѣ даже грустно стало!
Чтожь, милая, пора!

Глафира.

Куда же?

Милена.

Третій часъ.

Глафира.

Все рано.

Милена.

Никогда недозовешься васъ!
Все рано! погоди! а тамъ давно гуляютъ!
Что-жь пользы пріѣзжать тогда, какъ уѣзжаютъ?

Глафира.

Ребенокъ! .. Прикажи покуда заложить
Ландо....

Милена.

Тотчасъ, мой другъ!

(Бѣжитъ къ дверямъ, встрѣчается съ Анапцовымъ, приcѣдаетъ и уходитъ. Глафира взяла книгу и читаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Глафира и Анапцовъ.

Анапцовъ.

О чемъ-то говорить —
Мнѣ братецъ вашъ сказалъ — со мною вы желали.

Глафира.

Хотѣла показать вамъ книжку *(подавая)*. Не читали?

Анапцовъ.

Позвольте! *(читаетъ заглавіе)* «Правила для молодыхъ людей
И старика—отца замѣтки для дѣтей.»
Печатано въ Москвѣ. Нѣтъ, не читалъ! *(отдаетъ книгу).*

Глафира.

Прочтите!
Тутъ много дѣльнаго.

Анапцовъ.

Я очень радъ. Ссудите!

Глафира.

Вотъ первое письмо; въ немъ говоритъ отецъ,
Что въ свѣтѣ главное — познаніе сердецъ:
Умѣнье жить съ людьми — претрудная наука!
Людская же любовь — намъ въ счастіи порука.
Но чтобы въ обществѣ вниманье заслужить,
Умѣйте, съ нѣжностью, порокамъ снисходить
И слабостямъ прощать, стараясь, сколько можно,
Вести себя вездѣ учтиво, осторожно,
По силѣ каждаго ласкать и одолжать
И откровенности себѣ непозволять

Отнюдь при тѣхъ, о комъ мы думаемъ дурное....
Мнѣ кажется, и вамъ не худо бы иное
Замѣтить. Вы теперь вступили только въ свѣтъ.
У васъ большихъ связей еще, конечно нѣтъ?
Вы сами правила должны себѣ составить:
Какъ быть съ людьми, чтобъ всѣхъ любить себя заставить;
Вамъ надо наживать друзей, а не вражду.
А съ вашей пылкостью легко попасть въ бѣду!
Бываютъ въ обществѣ и споры и сужденья....
Безъ шума, безъ обидъ.... какъ ссориться за мнѣнья?
Вы службы ищете; какъ можно вамъ служить
При вашей пылкости!...

Анапцовъ.

Что-жь, подлецомъ мнѣ быть?

Глафира.

И, нѣтъ. Но давича — признайтесь откровенно —
Что стоило сказать вамъ женщинѣ почтенной,
Что — словно подлинникъ — хорошъ ея портретъ —
И схожъ и живо онъ написанъ....

Анапцовъ.

Если-жъ нѣтъ?

Глафира.

Пусть нѣтъ! Да ей отъ васъ была бы это ласка.

Анапцовъ.

Насмѣшка!

Глафира.

Почему?

Анапцовъ.

Обида, бредни, сказка.

Глафира.

Вашъ судъ она сочла-бъ за правду.

Анапцовъ.

Чудный свѣтъ!
Ложь — правда! правда — ложь!

Глафира.

Себѣ же этимъ вредъ
Вы сдѣлали.

Ананцовъ.

Ни чуть!

Глафира.

Вамъ не служить при мужѣ.
Не станетъ хлопотать теперь за васъ....

Ананцовъ.

Тѣмъ хуже!
Тѣмъ хуже для нее! я радъ душою всей,
Что благодарности имѣть не долженъ къ ней.
Вотъ — женщины! вы всѣ одна другой подобны!
Вы всѣ, до времени, и милы и не злобны;
Но самолюбіе задѣнь лишь-только въ васъ —
Личина падаетъ — и видишь въ тотъ же часъ
Одно тщеславіе! предъ нимъ всё въ мірѣ мало!
Оно всѣхъ вашихъ дѣлъ причина и начало,
Оно у васъ въ виду; оно всему конецъ;
Тщеславіе у васъ — и доброта сердецъ
И помощь бѣдному и грустнымъ состраданье;
Тщеславіе у васъ — добро, благодѣянье;
Тщеславіе у васъ — и дружба и любовь!
Имъ дышете, оно въ васъ движетъ души кровь!

Глафира.

Не стану защищать отнюдь свой полъ напрасно.

Ананцовъ.

Не станете?

Глафира.

Никакъ.

Ананцовъ.

Похвально и прекрасно!
И дѣльно вздумали! къ чему слова терять?

Глафира.

А вамъ же я совѣтъ еще хочу подать:
Остерегайтеся вы женщину обидѣть!...
Когда имѣете причину ненавидѣть,
Вы, женщинъ,—къ нимъ вражду въ душѣ питать вольны;
А признаваться въ томъ никакъ имъ не должны.
Онѣ злопамятны, чрезъ чуръ самолюбивы,
Ужасно мстительны; но хитры, молчаливы,
И часто сердце ихъ не лучше головы,
Всегда превѣтренной!...

Апанцовъ.

Ужь женщина ли вы?

Глафира.

Вы удивляетесь?

Апанцовъ.

Премудрое сужденье!

Глафира.

Я безъ пристрастія

Апанцовъ.

А я въ недоумѣньѣ.

Глафира.

Я въ спорѣ личности, упрямства не люблю.

Апанцовъ.

Я безпристрастіе и въ женщинѣ хвалю.

Глафира.

Давайте-жь разсуждать открытою душою.
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, мы въ ссорѣ межъ собою:
Мужчины насъ бранятъ; а мы мужчинъ бранимъ;
Кто виноватъ, кто правъ? мы съ вами не рѣшимъ.
Два пола, межь собой хоть ссорься, хоть мирися,
Другъ безъ друга никакъ не могутъ обойтися.
Но знаете ли что? повѣрите ли мнѣ,
Что правила у васъ со мной почти однѣ?
Вы ненавидите нашъ женскій полъ, несчастный;
А я? о! для меня мужчины всѣ ужасны!

Ананцовъ.

Не уже ли? какъ я васъ — женщинъ не люблю....

Глафира.

Я столько же мужчинъ, повѣрьте, не терплю.
Съ той разницей, что я ихъ прежде обожала!
Я только не изъ книгъ, изъ опыта узнала,
Что лучше было бы ихъ вовсе и не знать,
Не только-что любить; о, нѣтъ! бѣжать, бѣжать
На край земли отъ нихъ! Всѣ, всѣ они коварны,
Всѣ, всѣ измѣнники, и всѣ неблагодарны!
Мужчины! я страшусь и ненавижу васъ!
Рабы, когда поймать желаете вы насъ:
Добры, внимательны, послушны, боязливы,
Въ неволѣ кажетесь неволею счастливы!
Не смѣете имѣть и мысли вы своей!
И притворяяся младенца не хитрѣй —
Вы, замѣчая все, слова, улыбки, взгляды,
Въ угодность женщины, хоть умереть, такъ рады!...
Тираны гордые, когда полюбишь васъ!
Личина падаетъ — и видишь въ тотъ-же часъ
Одно тщеславіе! предъ нимъ все въ мірѣ мало!
Оно всѣхъ вашихъ дѣлъ причина и начало!
Оно у васъ въ виду, оно всему конецъ!
Тщеславіе у васъ — и доброта сердецъ:
И помощь бѣдному, и грустнымъ состраданье;
Тщеславіе у васъ — добро, благодѣянье!
Тщеславіе у васъ — и дружба и любовь!
Имъ дышете, оно въ васъ движетъ души, кровь!

Ананцовъ.

Да, вы, мои слова, какъ слышу, повторили!

Глафира.

Быть можетъ; только вы того не говорили,
Что говорила я и что могла-бъ сказать.
Да лучше, думаю, о прочемъ помолчать. —
Что любопытнаго для васъ въ моемъ несчастьѣ?

А если-бъ и могло родиться въ васъ участье,
То и тогда могу-ль надѣяться на васъ?
За вашу скромность мнѣ кто....

Апапцовъ.

Съ дѣтства учатъ насъ

(Указывая на сердце):

Чужія таiны тутъ хранить....

Глафира.

Такъ вы хотите,
Чтобъ разсказала вамъ....

Апапцовъ.

Пожалуй! говорите!

Глафира.

На берегахъ Днѣпра, гдѣ мать моя жила,
Я дѣтство милое въ деревнѣ провела.
Четырнадцати лѣтъ, невинная душою
И сердцемъ пылкая и порохъ головою,
Должна была себя тому на вѣкъ отдать,
Кто не умѣлъ меня, къ несчастью, понимать!...
Скучая ласками и нѣжностью моею,
Онъ убивалъ меня холодностью своею!
Такъ важенъ и угрюмъ со мною былъ всегда!...
На третiй годъ мой мужъ привезъ меня сюда.
Проживши лучшiя свои въ деревнѣ лѣта,
Вотъ я—въ большомъ кругу, въ шуму и вихрѣ свѣта,
Всегда въ разсѣяньи! не проходило дня
Безъ удовольствiя! все ново для меня:
Толпа вздыхателей; Нарцисовъ увиванье;
И старыхъ волокитъ то ревность, то вниманье;
И зависть дѣвушекъ и женщинъ молодыхъ;
Досада матушекъ и брань за дочекъ ихъ —
Все — признаюсь — меня въ то время утѣшало!
Я молода была. Ужь меньше огорчало
И равнодушiе отъ мужа моего.
Какъ брата, какъ отца, любила я его....
Насытясь наконецъ веселостями свѣта,

Безъ цѣли, для души не повстрѣчавъ предмета,
Мнѣ опротивѣлъ свѣтъ! Вотъ друга для себя
Въ толпѣ мужчинъ искать пустилась жадно я.
И вотъ, одинъ изъ нихъ, наружности пріятной,
Любезнаго ума, но хитрый и развратной!
Легко успѣлъ меня такъ адски очадить!...
Я думала тогда, что можно полюбить —
И быть невинною; но я мужчинъ не знала....
Я чувствъ къ нему своихъ въ то время не скрывала,
Всю душу я ему открыла — ахъ! злодѣй!
Онъ гибели хотѣлъ единственно моей!...
По счастью, во-время еще остановилась.
Въ раскаяньи, съ стыдомъ, я къ мужу обратилась;
Напрасно!... хитрый мужъ!... онъ не любилъ меня!
Онъ ждалъ лишь случая, чтобъ нагло обвиня,
Разстаться навсегда съ несчастною женою
И ускакать въ Парижъ съ извѣстною вдовою.
Онъ до женитьбы съ ней въ Одессѣ связь имѣлъ.
Теперь — я слышала — женатъ, ужь съ годъ.

Ананцовъ.

Пострѣлъ!

(Глафира продолжительно вздыхаетъ. Молчаніе).

Глафира.

Мужчины! .. ахъ! какъ вы коварствомъ мнѣ ужасны!
А мы, несчастныя!

Ананцовъ.

Конечно — вы — несчастны!

(Глафира закрываетъ глаза платкомъ. Молчаніе).

Вы плачете?

Глафира.

Нѣтъ!... я.... не смѣйтесь надомной!...
Воспоминаніе ... да ... плачу! Боже мой!...
Ахъ!... Ахъ!...

Ананцовъ.

Что съ вами?

Глафира.

Такъ—мнѣ дурно—спазмы—нервы.

Анапцовъ.

Я кликну дѣвушку.

Глафира.

Ненадобно.... Вы — первый, *(рыдая)*
Которому мои страданія, съ тѣхъ поръ....

Анапцовъ.

Оставьте этотъ вамъ прискорбный разговоръ....

Глафира *(задыхаясь).*

Ахъ!... Бога ради!... тамъ—есть стклянка—потрудитесь!
(въ сторону)
Онъ очень добръ и милъ!

Анапцовъ *(подавая).*

Вы спиртомъ освѣжитесь.

Глафира *(взявъ).*

Другая тамъ была—*(онъ подаетъ другую)* какъ мнѣ стѣснило грудь!
(развязываетъ на себѣ пелеринку).
Мнѣ душно!
(машется опахаломъ; потомъ, откупоривъ стклянку, отдаетъ Анапцову—и указывая на голову:)
Вотъ сюда.... вотъ такъ.... еще чуть-чуть....
Смотрите, какъ горятъ виски.... затылокъ... темя...
(онъ по словамъ чуть дотрогивается, съ остраской и оглядываясь безпокойно на всѣ стороны; она улыбается, и отдавая стклянку:)
Прошу!

Анапцовъ.

На тотъ же столъ?
(Глафира отвѣчаетъ головою. Онъ отходитъ).

Глафира *(въ сторону).*

Терять не надо время!
(Въ слухъ.)
Мнѣ, право, совѣстно...

Анапцовъ.

Что нужно вамъ?

Глафира *(подавая руку).*

Слегка

Потрите спиртомъ пульсъ.

Анапцовъ.

Какъ ледъ у васъ рука!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Овечкинъ.

(При входѣ послѣдняго Анапцовъ, смѣшавшись, покидаетъ руку Глафиры и отходитъ угрюмо въ сторону.)

Глафира

Ну что? Овечкинъ мой!

Овечкинъ.

Отвѣтъ такой, какъ надо,

Маркизъ прислалъ.

Глафира.

Прислалъ? подайте! какъ я рада!

Овечкинъ.

Нѣтъ-съ, даромъ не отдамъ! вы ручку дать впередъ
Подателю должны. *(Она даетъ ему руку. Онъ цѣлуетъ.)*
Вотъ это такъ!

Анапцовъ *(въ сторону).*

Уродъ!

Овечкинъ.

Вы капли красныя, я слышу, принимали?

Глафира *(оторвала отъ записки то, что сама писала къ Маркизу и бросила; а отвѣтъ его отдаетъ Анапцову)*

Маркизъ исполнилъ все, чего мы пожелали.

Овечкинъ.

Вы — вѣрно — плакали?

Глафира.

И! нѣтъ!

Овечкинъ.

Вы грустны?

Глафира.

Вотъ!

Овечкинъ.

Такъ чѣмъ-нибудь больны?

Глафира.

Ахъ! какъ онъ пристаетъ!
Отстаньте отъ меня; а лучше вы подите
И брату о письмѣ Маркизовомъ скажите.

(Овечкинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анапцовъ и Глафира.

Глафира.

Мнѣ кажется, что вы не очень-то письму
Обрадовались?

Анапцовъ.

Нѣтъ-съ! я очень радъ ему —
И благодаренъ вамъ; да.... только....

Глафира.

Что-жь—такое?

Анапцовъ *(значительно)*.

Мы говоримъ — одно; а дѣлаемъ — другое....

Глафира.

Не понимаю васъ! Маркизъ....

Анапцовъ.

Охъ! не Маркизъ!
А.... не могу смолчать.... вы только-что клялись
Къ мужчинамъ во враждѣ; а ваше обращенье
Наводитъ въ истинѣ мнѣ вашихъ словъ сомнѣнье.

Овечкинъ этотъ вамъ такъ — кажется — знакомъ!
Такъ преданъ! и ему такой отъ васъ пріемъ!

Глафира *(захохотавъ).*

Ну, дѣло вздумали! онъ хоть кому опасенъ!
Такъ молодъ и уменъ! такъ ловокъ и прекрасенъ!
И полно! грѣхъ объ немъ подумать и шутя!
Онъ буфъ у насъ въ кругу, онъ старое дитя,
Которое меня смѣшитъ и забавляетъ.
Всеобщій Селадонъ, по всѣмъ грустить, вздыхаетъ —
И всѣ старается разжалобить сердца.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе и Милена.

Милена.

Сестрица — душенька! ландо ужь у крыльца.
Изъ саду вамъ къ Корбьё заѣхать также надо:
Вашъ токъ готовъ; а тамъ къ Брабанту за помадой.

Глафира.

Тотчасъ, мой другъ! мнѣ шаль, да шляпку только взять.

Милена *(Анапцову, подавая книгу).*

А вы извольте здѣсь покуда почитать. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анапцовъ *(подымая записку),*

Я — кажется — могу прочесть записку смѣло?...
Тутъ нѣтъ нескромности?... Тутъ обо мнѣ все дѣло.

(Читаетъ) Маркизъ, конечно, не забылъ
Глафиры просьбу и желанье?
Два раза братецъ приходилъ
Напомнить *другу* обѣщанье;
Но вѣрный сынъ Ѳемиды былъ
Еще въ объятіяхъ Морфея.
Теперь прошу: чрезъ *Чичизбея*
Прислать отвѣтъ пріятный намъ.

За Ананцова я — порука.
Вотъ аттестатъ: онъ весь — наука!
Не любитъ ѣздить по пирамъ;
Степененъ, скроменъ, благороденъ,
Трудолюбивъ — и къ дѣлу сроденъ.
Одинъ порокъ, — что иногда
Онъ слишкомъ рѣзко разсуждаетъ
И правды всѣмъ въ глаза болтаетъ;
Да это съ вами не бѣда.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ананцовъ и Милена.

Милена.

Вы знаете-ль, что васъ опредѣлили?

Ананцовъ.

Да.

Милена *(присѣдая)*.

Взгляните-жь на меня! поздравьте хоть съ обновкой!
Хорошъ ли карикъ мой?

Ананцовъ.

Хорошъ.

Милена.

Какой неловкой!
Вы бы должны въ отвѣтъ сказать, что мой нарядъ
Не просто лишь хорошъ — прекрасенъ!

Ананцовъ.

Очень радъ.

Милена.

Тьма вкусу!

Ананцовъ *(въ сторону)*.

Экой бѣсъ!

Милена *(подходя ближе)*.

Замѣтьте!...

Ананцовъ *(въ сторону)*

Пострѣленокъ!

Милена *(выставя ножку).*

Какъ стройны башмаки Біо!

Ананцовъ *(въ сторону).*

Хорошъ ребенокъ!

Милена.

А какъ легки!

Ананцовъ.

Ну-съ? Что-жь?

Милена.

Да не сердитесь такъ!

Ананцовъ.

Да что-жь мнѣ радости, что строенъ вашъ башмакъ?

Милена.

Вы очень искренны, да очень и угрюмы. *(надѣвъ шляпку).*
Оставьте хоть на часъ свои о книгахъ думы.
Взгляните на меня и дайте мнѣ совѣтъ:
Какъ лучше шляпку мнѣ надѣть!

Ананцовъ.

Терпѣнья нѣтъ!
Не стыдно-ль столько вамъ о шляпкѣ суетиться?
За чѣмъ она? за чѣмъ? — отъ зноя заслониться,
Чтобъ только не пекло вамъ солнцемъ головы;
А ужь къ лицу-ль она, не спрашивайте вы.

Милена.

Такъ, стало-быть, ко мнѣ она и не пристала?

Ананцовъ.

Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ! *(Милена убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Ананцовъ *(одинъ).*

И нѣтъ!... Насилу-то отстала...
Ну! будетъ же въ ней прокъ, какъ подрастетъ она!...
Съ четырнадцати лѣтъ въ наряды влюблена!
Теперь же сколько въ ней ужимокъ и кривлянья
И взглядовъ демонскихъ! и даже присѣданья —

Такъ театральныя!... Какъ, съ этихъ, дѣтскихъ, лѣтъ—
Одно жеманство въ ней; а простоты ужь нѣтъ!...
Охъ, женщины! ей-ей, вы намъ на наказанье!
Во всѣхъ врожденное какое-то желанье —
Всѣмъ нравиться и всѣхъ прельщать, обворожать....
Нѣтъ! лучше, женщины, не буду васъ и знать....
О! я не отступлю отъ мудрыхъ правилъ вѣчно....
Мнѣ слава—женщина, цѣль въ жизни!... да.... конечно,
Глафира не совсѣмъ-таки еще дурна:
Она.... несчастьями.... исправится она....
И.... я.... могу имѣть къ ней.... жалость.... даже....
дружбу....
А не любовь!... любовь не замѣнитъ мнѣ службу.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Анапцовъ, Глафира, Милена, Дебречинскій и Овечкинъ

Дебречинскій.

Вотъ, милый Анапцовъ! пошли дѣла на ладъ!
И будешь черезъ годъ, я бьюся объ закладъ,
По-крайней-мѣрѣ, ты, за Оберъ-Прокурора!
А тамъ, лѣтъ черезъ семь....

Овечкинъ.

Не меньше Сенатора.

Глафира.

Записки не могу къ Маркизу я найти.... *(Анапцову)*
Да не она-ль у васъ?

Анапцовъ *(отдавая)*.

Она.

Глафира *(Дебречинскому)*.

На-вотъ, прочти —
Увидишь: то-ли я, что должно, написала.
Мнѣ кажется, что я сказала все, что знала. *(Анапцову)*
Вы любопытны же?

Овечкинъ *(разглядывая платье Глафиры).*

Какой прекрасный цвѣтъ!

Анапцовъ.

Я думалъ: отъ меня здѣсь тайны вовся нѣтъ.

Глафира.

А почему-жь и нѣтъ?

Овечкинъ.

Какъ сшито!

Глафира *(Овечкину).*

Отвяжитесь! *(Анапцову)*

Вы, прочитавъ письмо, пожалуй, возгордитесь!
И вправду: не слишкомъ ли я расхвалила васъ?

Милена.

Сестрица! у крыльца ландо на-вѣрно съ часъ.

Глафира.

Поѣдемъ. *(Анапцову)* Вы—хитрецъ!... прощайте!...

(Овечкинъ бѣжитъ за нею съ шалью).

Дебречинскій.

А покуда

Сестрицы рыскаютъ и намъ съ тобой нехудо
Явиться къ новому начальнику.

Анапцовъ.

Готовъ.

Дебречинскій.

Такъ отправляемся, мой милый Анапцовъ!

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Костромичевъ и Графъ Холмогоръ.

Князь.

Что-жь, какъ ты думаешь, любезный Графъ!

Графъ.

Дождаться!

Глафира, говорятъ, поѣхала кататься.
Скажи мнѣ, Князь, что такъ всѣ эти дни....

Князь.

Ахъ, Графъ!
Я думаю, что мой перемѣнился нравъ.

Графъ.

И! Князь!

Князь.

Я поглупѣлъ! иль люди поглупѣли!
Я скученъ, молчаливъ, и вотъ ужь двѣ недѣли:
Не ахаетъ ни кто — гдѣ-какъ я ни сшучу!
И я, какъ новичекъ, зѣваю и молчу.

Графъ.

Ну, милый! если такъ, давай скорѣй мнѣ руку!
Я самъ давно, точь-въ точь, терплю такую-жь муку.
Меня узнать нельзя! и молвимъ, не таясь,
Что полоса на насъ пришла такая, Князь!..
Я знаю анекдотъ, смѣшной, замысловатой,
Такъ разсказать его готовъ щеголевато;
Что-жь! разродиться имъ съ недѣлю не могу!
Чуть-только доведу — повѣришь ли? — не лгу —
Чуть-только доведу мой анекдотъ до кстати —
Хоть какъ — мой разговоръ некстати перебьютъ —
И острыя слова, на языкѣ помрутъ!...
Вчера я просидѣлъ весь вечеръ, на страданье,
Съ тремя старухами, въ напрасномъ ожиданьѣ,
Хоть имъ пересказать забавный анекдотъ —
Болтуньи! не дали открыть мнѣ даже ротъ!
Какъ Парки, нить моихъ разсказовъ разрывали!
Вѣстьми меня своей Коломны истерзали —
И я не знаю самъ, какъ вырвался отъ нихъ!

Князь.

Нѣтъ! трудно одному....

Графъ.

Такъ много записныхъ
Вездѣ говоруновъ!

Князь.

Тоска беретъ порою!

Графъ.

А знаешь что? начнемъ мы за-одно съ тобою
Вездѣ любезничать.... вдвоемъ. ..

Князь.

Союзникъ твой!

Графъ.

Намъ должно всякой день условиться съ тобой,
Что, какъ разсказывать, гдѣ спорить, соглашаться,
Гдѣ головой кивнуть, гдѣ хитро улыбаться,
Гдѣ разсмѣяться намъ, гдѣ вдругъ захохотать.

Князь.

Какой мы можемъ вѣсъ чрезъ это въ людяхъ взять!

Графъ.

Какое въ обществѣ заслужимъ уваженье!

Князь.

Въ какомъ, заранѣе, всѣ будутъ восхищеньѣ —
Чуть-только мы начнемъ какой-нибудь разсказъ!
Всѣ уши, всѣ глаза — обращены на насъ!
И мы — оракулы въ кругахъ большаго свѣта
И бѣглостью ума и быстротой отвѣта!

Графъ.

Намъ должно учредить порядокъ напередъ.
Сего-дня — мнѣ блистать; а завтра — твой чередъ.

Князь.

Такъ напримѣръ, входя куда - нибудь съ тобою,
Я тутъ же всѣмъ кричу: клянусь моей душою!
Какая острота! какой завидный нравъ!
Повѣрите-ль? сей-часъ, кого-то повстрѣчавъ
Въ Большой Морской, онъ такъ ему сшутилъ прекрасно!
И тутъ — оборотясь къ тебѣ — о! преопасной
Насмѣшникъ! я, смѣясь, значительно скажу.

Графъ.

А я — твой корифей! экспромптецъ затвержу,
Стиховъ десятка въ два, съ игрою словъ, которой,
Ты долженъ написать, обдумавъ и нескоро.

Князь.

А иногда, что-бъ былъ живѣе разговоръ,
Метафизической начнемъ упрямо споръ!

Графъ.

Потомъ переберемъ всѣ книги безъ разбора!

Князь.

Да жаль, подчасъ даютъ въ Театрѣ столько вздора,
Что видѣть и прочесть всего не льзя отнюдь.

Графъ.

Что-жь? Мы вольны зато въ журналы заглянуть,
Чтобъ послѣ разсуждать рѣшительно и смѣло;
А справедливъ тамъ судъ, иль нѣтъ, не наше дѣло.

Князь.

Вотъ — Сынъ Отечества — гдѣ лучше взять разборъ?
Какъ книга ни толста — въ двухъ строчкахъ приговоръ
Аттическій!...

Графъ.

Дивлюсь: какъ подчуютъ иные
Аттическую соль сардонскимъ смѣхомъ?...

Князь.

Злые
Завистники ума! да мы оставимъ ихъ.
Мы прослывемъ тогда въ разумникахъ такихъ,
Что въ члены попадемъ почетные — вѣрь смѣло —
Всѣхъ обществъ и бесѣдъ ученыхъ.

Графъ.

Это дѣло!
А тамъ—хоть вздоръ мели—всѣ скажутъ: какъ блажитъ!

Князь.

Иначе же, друзья, бесѣда защититъ.

Графъ.

Прекрасно!

Князь.

Никогда не выйдемъ мы изъ славы!

*

Графъ.

Признаться надобно: куда-какъ мы лукавы!

Князь.

Дай руку!

Графъ.

Обойми!

Оба (обнимаясь).

И станемъ работать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе, Анапцовъ и Дебречинскій.

Дебречинскій.

Вотъ — не угодно ли и третьяго обнять?
Маркизовъ Секретарь.

Князь (Анапцову).

Да мы знакомы съ вами?

Графъ.

Вы какъ-то раза два столкнулись точно съ нами?

Дебречинскій.

Такъ не угодно-ль сѣсть? (Анапцову) Куда? постой! садись!
Спросите-ка, о чемъ съ нимъ говорилъ Маркизъ?

Графъ.

Вы о политикѣ конечно разсуждали?

Дебречинскій.

Метаполитику (*) часъ битый толковали!
И Метафизику и Римскія права!..
Вы удивитеся: какая голова!
Но знанія его вы можете повѣри ть,

Князь.

Помилуйте!

(*) Метаполитика—Антимахіавелизмъ.

Графъ.

Къ чему?

Оба.

Мы такъ готовы вѣрить.

Дебречинскій.

Нѣтъ, право, иногда пріятно поболтать.
Да не угодно ли вчерашній споръ начать?

Графъ.

Я спорить не всегда расположенъ бываю.

Князь.

Признаться: иногда разсѣянъ такъ....

Дебречинскій.

Все знаю!
Да мнѣ хотѣлось бы нашъ споръ возобновить
При немъ.

Князь.

А! если такъ, — я долженъ вамъ открыть,
Что я шутилъ вчера.

Графъ.

Мы изъ проказъ старались
Продлить нашъ споръ, хотя въ душѣ и соглашались.

Дебречинскій.

Такъ вотъ! мнѣ ничего теперь не мудрено....

Ананцовъ.

Что бѣло — то бѣло; что чёрно — то черно.
Противнаго ни Князь, ни Графъ мнѣ не докажетъ.

Графъ *(указывая на Дебречинскаго)*.

Спросите-ка его!

Князь.

Онъ вамъ про это скажетъ.

Дебречинскій.

Да, я перескажу когда-нибудь тебѣ.

Князь.

Я вамъ не говорю, конечно, о себѣ;
Но Графъ; онъ щегольски и pro и contra судитъ —
И вѣрить васъ чему захочетъ онъ припудитъ.

Ананцовъ.

Сомнительно.

Князь *(тихо Графу).*

Авось онъ струситъ насъ

Графъ *(тихо).*

Авось.

(въ слухъ).

И! полно, Князь! какъ ты умѣешь впрямь и вкось,
Во всемъ, въ бездѣлицѣ, судить о сущемъ вздорѣ,
Такъ, истинно скажу: ты лавируешь въ спорѣ,
Какъ въ морѣ!

Ананцовъ.

Можетъ-быть.

Графъ *(тихо Князю).*

Смотри — ужь оробѣлъ!

Князь *(тихо).*

Онъ на иглахъ сидитъ!

Добречинскій.

Я очень бы хотѣлъ
Послушать, господа, въ какомъ-нибудь сужденьѣ
Противное васъ всѣхъ троихъ другъ другу мнѣнье.

Князь.

Пусть скажетъ онъ свое; а тамъ не трудно намъ
Ему противное замѣтить.

Ананцовъ.

Вѣрю вамъ,
Что обо всемъ судить вы можете превратно —

Графъ.

Да, да, судить....

Князь.

Судить....

Ананцовъ.

Да то не вѣроятно,
Что-бъ истины свои, особыя отъ всѣхъ,
Могли вы доказать логически.

Графъ.

Вотъ смѣхъ!
Гдѣ-жь эти истины, въ которыхъ нѣтъ и спора?

Князь.

Избави Богъ отъ нихъ! тогда и разговора
Не будетъ въ обществахъ и умъ придетъ въ уронъ.

Графъ.

Да не на все ли же глядимъ мы съ двухъ сторонъ?

Князь.

Не только съ двухъ, иль трехъ, и съ десяти и болѣ;
А потому судить всегда и въ нашей волѣ
По-своему о всемъ.

Графъ.

Примѣръ придумалъ я.
Политика: она у всякаго — своя:
У насъ она — одна; у Англичанъ — другая;
Въ Парижѣ — такова; въ Италіи — иная;
У Шведовъ, Прусаковъ, Австрійцевъ, у Датчанъ,
Въ Китаѣ, въ Индіи, у Турковъ, Персіянъ,
Вездѣ найдете вы такую, иль иную;
А потому хвалить и властенъ я — любую.

Князь.

Прекрасно! точно такъ! *(Анапцову)* ужь въ этомъ спора нѣтъ?
Ну-съ, что-жь, вы скажете?

Графъ.

Что будетъ намъ въ отвѣтъ

Ананцовъ.

Вы правы частію. У всѣхъ свои Солоны.
Но есть въ политикѣ и общіе законы.

Графъ.

Какіе-жь?

Князь.

Гдѣ-жь они?

Графъ.

Я бьюся объ закладъ,
Что — вѣрно — скажете....

Князь.

Скажите-жь?

Ананцовъ.

Очень радъ,
Что Сократически вы спорить пожелали
И что на мой отвѣтъ вопросъ мнѣ снова дали.
Для діалектики методы лучшей нѣтъ:
Что мнѣнье — то вопросъ, и на вопросъ — отвѣтъ.
Я Сократической самъ споръ предпочитаю.

Графъ.

Охъ! споръ à la Socrate! простите, не скрываю,
Несносенъ для меня! такъ старъ! такъ скученъ! вялъ!
Замашка школьная — искать во всемъ началъ!
Систематическій какой-то бредъ тяжелый!

Князь.

А въ свѣтѣ споръ—не споръ, а разговоръ веселый.

Графъ.

Нѣтъ нужды ни какихъ вопросовъ задавать.

Ананцовъ.

Я, вамъ же думая яснѣе отвѣчать,
Хотѣлъ, чтобъ сдѣлали вы мнѣ опредѣленье:
Что есть политика?

Князь *(тихо Графу)*.

Я, право, въ затрудненьѣ!

Графъ.

Политика? ну, да—политика.... въ нашъ вѣкъ....
Политикъ, напримѣръ, есть.... тонкій человѣкъ?
И такъ· политика — есть тонкая наука!

Князь.

Да такъ ужь раздроблять, не разсужденье — мука.

Анапцовъ.

О! вы политикѣ, я вижу, учены!

Князь.

Немножко.

Графъ.

Такъ, слегка, признаться вамъ должны.

Анапцовъ.

Но только, признаюсь, политика мнѣ ваша. ..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Глафира и Милена.

(Милена мимоходомъ кланяется гостямъ.)

Графъ и Князь *(тихо)*.

Глафира!... ожили! спасительница наша!

Глафира.

Вы здѣсь давно?

Князь.

Съ часокъ.

Графъ.

И даже съ добрый часъ.

Глафира *(указывая на брата и на Анапцова)*.

Какъ это лестно имъ.

Графъ.

Соскучились по васъ,
Хоть эти господа любезны очень были.

Князь.

А все-жь они — не вы!

Графъ.

И васъ не замѣнили.

Глафира.

Жалѣю, если такъ, что опоздала я.

Дебречинскій *(гостямъ)*.

На почту я спѣшу. Вотъ вамъ сестра моя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же кромѣ Дебречинскаго.

Глафира.

Сего-дня во дворцѣ на балѣ вы конечно?

Графъ.

Вы будете?

Глафира.

Я? нѣтъ.

Князь

Ахъ! какъ безчеловѣчно!

Графъ.

Ахъ! какъ лѣнитесь вы!

Ананцовъ *(уходя)*.

Какіе пустяки!

Какъ не умреть она отъ скуки и тоски?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Ананцова.

Графъ.

Что это за чудакъ такой у васъ мудреный?

Князь.

Нахмуренъ и угрюмъ! и долженъ быть ученый?

Глафира.

Вы правы: Кандидатъ, или Магистръ.

Графъ.

Ну такъ!

Нельзя не угадать! какой педантъ!

Князь.

Ай! какъ

Онъ насъ терзалъ безъ васъ ученостью своею!

Глафира.

Что—вижу, хвастался онъ передъ вами ею?

Графъ.

Такъ, онъ хвастунъ! какъ зло!

Князь.

Не скупы вы на соль?

Глафира.

Онъ вспоминаетъ мнѣ ученостью Николь.

Графъ.

И нѣтъ! онъ такъ тяжелъ! Аббатъ былъ нашъ учитель.—
И такъ легко училъ....

Глафира.

Я думаю.

Князь.

Мучитель!

Откуда варварскихъ онъ столько набралъ словъ?

Глафира.

И такъ, вамъ надоѣлъ нашъ бѣдный Анапцовъ?

Графъ.

Такъ надоѣлъ, что я бѣгу домой отсюда.

Глафира.

Вы можете поспѣть къ намъ на-вечеръ оттуда:
Тамъ съѣздъ до девяти, а въ полночь и конецъ.

Графъ.

Ужь какъ ни весело мнѣ ѣхать во дворецъ —
Не опоздаю къ вамъ.

Князь.

Всегда любезенъ!

Глафира.

Точно.

Графъ.

А.... Князь?

Глафира.

Онъ также....

Графъ.

Онъ....

Князь.

Бѣгу! брани заочно.

(Они уходятъ въ одну дверь; а Анапцовъ входитъ въ другую.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГЛАФИРА и АНАПЦОВЪ.

Анапцовъ *(входя)*.

Насилу убрались!

Глафира.

Скажите мнѣ: за чѣмъ
Оставили вы насъ сердито такъ?

Анапцовъ.

За тѣмъ,
Что-бъ глупыхъ не видать мнѣ вашихъ полотеровъ,
Да льстивыхъ и пустыхъ не слышать разговоровъ.
Пережидавъ гостей сіятельныхъ отъ васъ —
Я проспалъ за дверьми, по крайней-мѣрѣ, съ часъ.
Мнѣ эти — Князь и Графъ!...

Глафира.

Вы чѣмъ-то недовольны?

Анапцовъ.

Мнѣ кажется, чрезъ чуръ они развязны, вольны;
И я дивлюся вамъ....

Глафира.

Чему же?

Ананцовъ.

Да тому,
Что вы ихъ скудному дивитеся уму!
Вы ихъ заслушались! вы были въ восхищеньѣ
Отъ ихъ любезности! и ваше обращенье....

Глафира.

Такъ вы завистливы?

Ананцовъ.

Завистливъ! я? отнюдь.

Глафира.

Ужь не ревнуете-ль изъ нихъ, къ кому нибудь?
Да ревность въ дружествѣ холодномъ не-умѣста.

Ананцовъ.

Охъ, очень чувствую, что вы мнѣ не невѣста!
Однако-жь.... если такъ ужь стали говорить....
Когда-бъ рѣшились мы друзьями съ вами быть,
То намъ безъ ревности не обойтись, конечно.

Глафира.

Какъ! въ дружбѣ?

Ананцовъ.

Признаюсь я вамъ чистосердечно:
Святое дружество высоко я цѣню!
И то, что, можетъ быть, во всякомъ извиню,
То въ другѣ мнѣ моемъ несносно и досадно!
Нѣтъ! иначе нельзя прожить со мною ладно,
Какъ принимать мои всѣ правды, несердясь.
А лестью никогда я не потѣшу васъ.
И словомъ, я скажу: чѣмъ другъ мой мнѣ дороже,
Тѣмъ я взыскательнѣй, тѣмъ я съ нимъ буду строже.

Глафира.

И будете бранить за все-про-все, что шагъ?

Апапцовъ.

За все-про-все! смолчать не въ силахъ я никакъ,
Когда хоть что нибудь замѣчу въ немъ дурное.
Безъ откровенности и дружба что-жь такое?
Нѣтъ! съ чистой совѣстью и истинно любя —
Нашъ другъ намъ—зеркало: мы видимъ въ немъ себя!
Открыта вся душа! и сердце безъ искусства!
Ни мысли тайной нѣтъ! на языкѣ всѣ чувства!
Такъ могутъ лишь друзья счастливы быть вполнѣ.

Глафира.

Вы дружбу ставите съ любовью на равнѣ?

Анапцовъ *(испугавшись)*.

Съ любовью?

Глафира.

Видно такъ.

Анапцовъ *(задумчиво)*.

Съ любовью?

Глафира.

Да.

Анапцовъ *(спохватившись)*.

Напрасно!

Глафира.

Въ холодномъ дружествѣ нельзя любить такъ страстно!
Имѣть одну судьбу, все въ другѣ находить,
Двоимъ одной душой, одною жизнью жить,
Въ одномъ и радости и огорченья видѣть,
Одно испытывать, любить и ненавидѣть —
Не это ли любовь?

Анапцовъ.

Нѣтъ! нѣтъ! я не люблю!

Глафира.

Я вѣрю вамъ.

Анапцовъ.

Нѣтъ! нѣтъ!

Глафира.

Я вѣрю и хвалю.
Что такъ встревожились? останьтеся въ покоѣ!
Какъ должно, вѣрьте мнѣ, я дружество прямое
Умѣю чувствовать, цѣнить и уважать.
А что-бы вамъ тотчасъ на дѣлѣ доказать,
Что откровенности я не боюсь съ друзьями,
Хочу отдать отчетъ теперь же передъ вами
Во всемъ, что дѣлала, поѣхавъ со двора.

Ананцовъ.

Охъ! признаюся вамъ, не много жду добра.

Глафира.

Сперва за зонтикомъ мы завернули къ Линки.
Взявъ токъ свой отъ Корбьё и вотъ браслетъ отъ Плинки—

Ананцовъ.

Ну такъ!

Глафира.

Да марабу отъ милой Анединъ,
На платье отвезла я къ Жаксоншѣ паплинъ,
Гдѣ встрѣтили Салесъ съ Парижскими духами
И, ахъ! съ Варшавскими, цвѣтными башмаками!

Ананцовъ.

Какое счастіе!

Глафира.

Потомъ въ обратный путь.
Лишь вышли къ Циклеру на par dessus взглянуть.
Оттуда, не садясь въ купе, по тротуару
Пробрались на бульваръ и погулявъ, съ бульвару
По набережной мы прошли и въ лѣтній садъ.

Ананцовъ.

Ужь вѣрно цѣлый рой за вами — на подрядъ —
И Графовъ и Князей шумѣлъ и суетился!
На вашемъ мѣстѣ я никакъ бы не рѣшился
Гулять съ мужчинами, безъ брата, по садамъ.

Глафира.

И женщинъ и мужчинъ довольно было тамъ.
Да какъ-то были всѣ въ разбродѣ.

Ананцовъ.

Сожалѣю.

Глафира.

Чуть—менькомъ встрѣтишься—трудишь напрасно шею.
Наперстинъ, правда, шелъ все время возлѣ насъ;
Графинька Вихрева — Бабе, мадамъ Финасъ,
Съ француженкой Пьеро ходили также съ нами.

Ананцовъ.

И вы, и вы съ тремя такими госпожами
Ходили, не краснѣвъ, ни мало не стыдясь!

Глафира.

Да ненавидѣть я свой полъ и не клялась.
Мнѣ женщинъ убѣгать нельзя и непристало;
Да и причинъ къ тому не нахожу ни мало.

Ананцовъ.

Повѣрьте: женщины опаснѣе мужчинъ!
Ужь какова Финасъ, такъ вѣрно ни одинъ
Мужчина шалостей такихъ не дѣлалъ съ рода.
И вы могли гулять въ толпѣ, среди народа,
Съ такою женщиной?

Глафира.

Большой бѣды тутъ нѣтъ:
Она во всѣхъ домахъ бываетъ.

Ананцовъ.

Такъ весь свѣтъ
Вашъ также развращенъ!

Глафира.

Вотъ свѣту много дѣла:
Кого во Франціи въ мужьяхъ она имѣла?
Согласна я, что свѣтъ изрядно цѣнитъ всѣхъ:

Онъ радъ и раздирать и поднимать на смѣхъ
И увеличивать пороки всѣ ужасно!
Да не злопамятенъ: что нынче въ свѣтѣ гласно,
То завтра-жь свѣтъ забылъ! и часто: по утру
Кого бранитъ, того-жь ласкаетъ ввечеру.

Ананцовъ.

Тѣмъ хуже, если такъ, что свѣтъ вашъ самъ не знаетъ:
Кого за что бранитъ, кого и выхваляетъ?
Но тѣмъ не менѣе быть должно стыдно вамъ
Съ такою барыней таскаться по садамъ;
А съ кѣмъ повадишься, тѣмъ и прослыть не трудно.
Нѣтъ! бѣгать отъ чумы ни чуть не безразсудно.
Француженка Пьеро, ея усердный другъ,
Не только ей, и всѣмъ готова для услугъ. —
И нечего сказать — не посидитъ безъ дѣла!...
Такъ лучше бы не знать и этого пострѣла.
А ваша Вихрева, Графинька, такова,
Что жизни былъ не радъ пробывъ я съ ней едва
У васъ здѣсь полчаса.

Глафира.

Ребенокъ, хохотунья!

Ананцовъ.

Ребенокъ въ тридцать лѣтъ! насмѣшница, болтунья,
Весь день, безъ умолку, безъ всякаго ума,
Лепечетъ, какъ скворецъ, не знаетъ, что сама.
Я видѣлъ, какъ въ глаза надъ нею всѣ трунили,
И слышалъ самъ потомъ, какъ здѣсь ее цѣнили
Какой-то фракъ и съ нимъ два въ шпорахъ удальца:
Голубушка! ни въ грошъ не ставитъ ни отца,
Ни мать; сама вездѣ; они въ дому — тряпица!
Пускай ей тридцать лѣтъ, да все-жь она дѣвица.
Хоть бы наружностью казалась поскромнѣй.
Она, назначивъ день, сзываетъ всѣхъ гостей,
И женщинъ и мужчинъ свободно принимаетъ;
Родитель въ спальнѣ спитъ, а мать въ углу зѣваетъ.
Сестра ея при ней не смѣетъ и дышать.

Милена.

Пропалъ Дружокъ.
Всѣ даже дѣвушки — искавши — сбились съ ногъ!

Глафира *(холодно)*.

Какъ жаль.

Милена *(съ сердцемъ)*.

Со всѣмъ не жаль! не такъ бы говорили,
Когда бы вы объ немъ отъ сердца потужили.
Собачка бѣдная!... *(примѣтя, что Наперстинъ, ходя по горницѣ, смотритъ подъ столами и стульями)*.
Вы ищете?

Наперстинъ.

Ищу,

Милена.

Ужъ мнѣ не до себя, я за нее грущу.
Кто бѣдную другой любить такъ будетъ много?
Я съ нею никогда не обращалась строго;
А можетъ-быть теперь хозяинъ злой какой...

Наперстинъ.

Я отъищу Дружка, ручаюсь головой!
Теперь же по всему я городу поѣду

Глафира.

Охотникъ нашъ сосѣдъ.

Наперстинъ.

Зайду я и къ сосѣду

Милена.

Какіе добрые! и сколько вамъ труда!

Наперстинъ.

Лишь-бы сыскать Дружка.

Милена.

Я буду на всегда
Такъ благодарна вамъ!

Глафира.

Желаю, чтобъ успѣли
Вы приискать Дружка.

Онъ радъ и раздирать и поднимать на смѣхъ
И увеличивать пороки всѣ ужасно!
Да не злопамятенъ: что нынче въ свѣтѣ гласно,
То завтра-жь свѣтъ забылъ! и часто: по утру
Кого бранитъ, того-жь ласкаетъ ввечеру.

Ананцовъ.

Тѣмъ хуже, если такъ, что свѣтъ вашъ самъ не знаетъ:
Кого за что бранитъ, кого и выхваляетъ?
Но тѣмъ не менѣе быть должно стыдно вамъ
Съ такою барыней таскаться по садамъ;
А съ кѣмъ повадишься, тѣмъ и прослыть не трудно.
Нѣтъ! бѣгать отъ чумы ни чуть не безразсудно.
Француженка Пьеро, ея усердный другъ,
Не только ей, и всѣмъ готова для услугъ. —
И нечего сказать — не посидитъ безъ дѣла!...
Такъ лучше бы не знать и этого пострѣла.
А ваша Вихрева, Графинька, такова,
Что жизни былъ не радъ пробывъ я съ ней едва
У васъ здѣсь полчаса.

Глафира.

Ребенокъ, хохотунья!

Ананцовъ.

Ребенокъ въ тридцать лѣтъ! насмѣшница, болтунья,
Весь день, безъ умолку, безъ всякаго ума,
Лепечетъ, какъ скворецъ, не знаетъ, что сама.
Я видѣлъ, какъ въ глаза надъ нею всѣ трунили,
И слышалъ самъ потомъ, какъ здѣсь ее цѣнили
Какой-то фракъ и съ нимъ два въ шпорахъ удальца:
Голубушка! ни въ грошъ не ставитъ ни отца,
Ни мать; сама вездѣ; они въ дому — тряпица!
Пускай ей тридцать лѣтъ, да все-жь она дѣвица.
Хоть бы наружностью казалась поскромнѣй.
Она, назначивъ день, сзываетъ всѣхъ гостей,
И женщинъ и мужчинъ свободно принимаетъ;
Родитель въ спальнѣ спитъ, а мать въ углу зѣваетъ.
Сестра ея при ней не смѣетъ и дышать.

Милена.

Пропалъ Дружокъ.
Всѣ даже дѣвушки — искавши — сбились съ ногъ!

Глафира *(холодно).*

Какъ жаль.

Милена *(съ сердцемъ).*

Со всѣмъ не жаль! не такъ бы говорили,
Когда бы вы объ немъ отъ сердца потужили.
Собачка бѣдная!... *(примѣтя, что Наперстинъ, ходя по горницѣ, смотритъ подъ столами и стульями).*
Вы ищете?

Наперстинъ.

Ищу,

Милена.

Ужь мнѣ не до себя, я за нее грущу.
Кто бѣдную другой любить такъ будетъ много?
Я съ нею никогда не обращалась строго;
А можетъ-быть теперь хозяинъ злой какой...

Наперстинъ.

Я отъищу Дружка, ручаюсь головой!
Теперь же по всему я городу поѣду

Глафира.

Охотникъ нашъ сосѣдъ.

Наперстинъ.

Зайду я и къ сосѣду.

Милена.

Какіе добрые! и сколько вамъ труда!

Наперстинъ.

Лишь-бы сыскать Дружка.

Милена.

Я буду на всегда
Такъ благодарна вамъ!

Глафира.

Желаю, чтобъ успѣли
Вы пріискать Дружка.

Наперстинъ *(идя мимо боковой двери).*
Постойте! здѣсь глядѣли?

Милена.
Нѣтъ.

Наперстинъ *(отворяя дверь).*
Кликните: Дружокъ!

Милена.
Дружокъ! Дружокъ! Дружокъ!
Ахъ! вонъ онъ въ креслахъ спитъ! свернулся весь въ клубокъ! *(убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе кромѣ Милены.

Наперстинъ.
Ахъ! какъ она добра!

Глафира.
Неправда ли?

Наперстинъ.
Прелестна!

Глафира.
Милѣе всѣхъ?

Наперстинъ.
Мила!

Глафира.
Безхитростна!

Наперстинъ.
Чудесна!

Глафира.
Старайтесь нравиться.

Наперстинъ.
Я радъ въ ней годъ искать,
При вашей помощи.

Глафира.
Я рада помогать.

(Весь разговоръ продолжается тихо).

Графиня.

Ну гдѣ-жь у васъ Нева?

Ананцовъ.

И безъ Невы у насъ въ Москвѣ воды довольно!

Баронесса.

Въ Неглинной? въ Яузѣ?

Графиня.

Ему ужасно больно,
Что мы бранимъ Москву. Что-жь, въ Прѣсненскихъ прудахъ....

Баронесса.

Нѣтъ, въ чистыхъ....

Графиня.

Какъ въ трубѣ чиста!

Ананцовъ.

Есть въ трехъ горахъ
Такая, что и вамъ не стыдно бы напиться.

Баронесса.

О! тамъ довольно горъ!

Графиня.

Да такъ, что прокатиться
Не льзя по городу, не взявши тормазовъ.

Наперстинъ.

Ну противъ этого не спорь ужь, Ананцовъ!

Ананцовъ.

Охъ! ставьте вы ее, хоть на горахъ, хоть въ лужѣ,
Все-жь здѣшнихъ ужь болотъ она ни чѣмъ не хуже —
И, право, люди же и въ ней, какъ здѣсь, живутъ.

Баронесса.

Ни мало не живутъ — съ тоски отъ скуки мрутъ!

Ананцовъ.

Повѣрьте, есть и тамъ Графини, Баронессы,
Есть злые, добрые, разумные, повѣсы....

Наперетинъ *(идя мимо боковой двери).*

Постойте! здѣсь глядѣли?

Милена.

Нѣтъ.

Наперетинъ *(отворяя дверь).*

Кликните: Дружокъ!

Милена.

Дружокъ! Дружокъ! Дружокъ!

Ахъ! вонъ онъ въ креслахъ спитъ! свернулся весь въ клубокъ! *(убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе кромѣ Милены.

Наперетинъ.

Ахъ! какъ она добра!

Глафира.

Неправда ли?

Наперетинъ.

Прелестна!

Глафира.

Милѣе всѣхъ?

Наперетинъ.

Мила!

Глафира.

Безхитростна!

Наперетинъ.

Чудесна!

Глафира.

Старайтесь нравиться.

Наперетинъ

Я радъ въ ней годъ искать,

При вашей помощи.

Глафира.

Я рада помогать.

(Весь разговоръ продолжается тихо).

Графиня.

Ну гдѣ-жь у васъ Нева?

Анапцовъ.

И безъ Невы у насъ въ Москвѣ воды довольно!

Баронесса.

Въ Неглинной? въ Яузѣ?

Графиня.

Ему ужасно больно,
Что мы бранимъ Москву. Что-жь, въ Прѣсненскихъ прудахъ....

Баронесса.

Нѣтъ, въ чистыхъ....

Графиня.

Какъ въ трубѣ чиста!

Анапцовъ.

Есть въ трехъ горахъ
Такая, что и вамъ не стыдно бы напиться.

Баронесса.

О! тамъ довольно горъ!

Графиня.

Да такъ, что прокатиться
Не льзя по городу, не взявши тормазовъ.

Наперстинъ.

Ну противъ этого не спорь ужь, Анапцовъ!

Анапцовъ.

Охъ! ставьте вы ее, хоть на горахъ, хоть въ лужѣ,
Все-жь здѣшнихъ ужь болотъ она ни чѣмъ не хуже —
И, право, люди же и въ ней, какъ здѣсь, живутъ.

Баронесса.

Ни мало не живутъ — съ тоски отъ скуки мрутъ!

Анапцовъ.

Повѣрьте, есть и тамъ Графини, Баронессы,
Есть злые, добрые, разумные, повѣсы....

Баронесса.

А балы-то? сберутъ студентовъ, да дѣтей,
Да старыхъ щегольковъ, да молодыхъ людей
Пять, шесть порядочныхъ—и скачутъ безъ пощады!

Графиня.

А какъ пріѣзжему въ Москвѣ отсюда рады!
Здѣсь изъ казармъ иной всю жизнь не выходилъ;
А тамъ онъ *въ лучшенкихъ!*

Наперстинъ.

Прыгнулъ — и побѣдилъ!

Баронесса.

Такъ всѣ и бѣгаютъ за шпорами!

Графиня.

Умора!

Баронесса.

И онъ тамъ — на счету....

Анапцовъ.

Балбѣса, полотера!
А впрочемъ, такъ и здѣсь у васъ, въ иныхъ домахъ.

Баронесса.

Есть странности! вотъ я вчера была въ гостяхъ
У Кунцевой....

Наперстинъ.

Тамъ былъ концертъ?

Баронесса.

Концертъ, прекрасной!

Наперстинъ.

Вокальный?

Баронесса.

Роговой.

Графиня.

И — вѣрно — шелъ согласно?

Баронесса.

Мужъ тронутъ былъ до слезъ!

Милена.

Хоть не поете сами,
Все-жъ можете судить—вы также вѣдь съ ушами.

Ананцевъ.

Что уши? должно быть тутъ добрымъ знатокомъ.

Наперстинъ *(подойдя).*

Охота говорить вамъ съ этимъ чудакомъ!

Ананцовъ.

Ну вотъ, вотъ вамъ судья, хорошій, безпристрастный!

Наперстинъ.

О! я до музыки, божусь, охотникъ страстный!
А что не стану льстить—порукой цѣлый свѣтъ!
Пропойте же при мнѣ!... я васъ прошу!

Милена.

Ахъ! нѣтъ!
При васъ не стану пѣть.

Наперстинъ.

Мнѣ это очень больно!

Милена.

Покуда музыку не вытвержу довольно
Мнѣ Кàвосъ при людяхъ не позволяетъ пѣть.

Наперстинъ.

Какъ жаль, что я не онъ и даже не медвѣдь!

Милена.

Да мнѣ же ... признаюсь.... мнѣ, что-то васъ и стыдно!

Наперстинъ.

А мнѣ такъ, признаюсь, и грустно и обидно,
Что не угодно вамъ пропѣть, хоть что нибудь.
А я надѣялся....

Милена.

Вы сердитесь?

Наперстинъ.

Ничуть.
Сердиться я на васъ не въ силахъ и не смѣю!
А можно сожалѣть — и очень сожалѣю,
Что не склоняетесь на просьбу вы мою.

Баронесса.

А балы-то? сберутъ студентовъ, да дѣтей,
Да старыхъ щеголько‌въ, да молодыхъ людей
Пять, шесть порядочныхъ—и скачутъ безъ пощады!

Графиня.

А какъ пріѣзжему въ Москвѣ отсюда рады!
Здѣсь изъ казармъ иной всю жизнь не выходилъ;
А тамъ онъ *въ лучшенкихъ!*

Наперстинъ.

Прыгнулъ — и побѣдилъ!

Баронесса.

Такъ всѣ и бѣгаютъ за шпорами!

Графиня.

Умора!

Баронесса.

И онъ тамъ — на счету....

Ананцовъ.

Балбѣса, полотера!
А впрочемъ, такъ и здѣсь у васъ, въ иныхъ домахъ.

Баронесса.

Есть странности! вотъ я вчера была въ гостяхъ
У Купцевой....

Наперстинъ.

Тамъ былъ концертъ?

Баронесса.

Концертъ, прекрасной!

Наперстинъ.

Вокальный?

Баронесса.

Роговой.

Графиня.

И — вѣрно — шелъ согласно?

Баронесса.

Мужъ тронутъ былъ до слезъ!

Милена.

Хоть не поете сами,
Все-жь можете судить—вы также вѣдь съ ушами.

Ананцовъ.

Что уши? должно быть тутъ добрымъ знатокомъ.

Наперстинъ *(подойдя).*

Охота говорить вамъ съ этимъ чудакомъ!

Ананцовъ.

Ну вотъ, вотъ вамъ судья, хорошій, безпристрастный!

Наперстинъ.

О! я до музыки, божусь, охотникъ страстный!
А что не стану льстить—порукой цѣлый свѣтъ!
Пропойте же при мнѣ!... я васъ прошу!

Милена.

Ахъ! нѣтъ!
При васъ не стану пѣть.

Наперстинъ.

Мнѣ это очень больно!

Милена.

Покуда музыку не вытвержу довольно
Мнѣ Кавосъ при людяхъ не позволяетъ пѣть.

Наперстинъ.

Какъ жаль, что я не онъ и даже не медвѣдь!

Милена.

Да мнѣ же ... признаюсь.... мнѣ, что-то васъ и стыдно!

Наперстинъ.

А мнѣ такъ, признаюсь, и грустно и обидно,
Что не угодно вамъ пропѣть, хоть что нибудь.
А я надѣялся....

Милена.

Вы сердитесь?

Наперстинъ.

Ничуть.
Сердиться я на васъ не въ силахъ и не смѣю!
А можно сожалѣть — и очень сожалѣю,
Что не склоняетесь на просьбу вы мою.

Милена.

Такъ не жалѣйте же! извольте — я спою. *(поетъ):*

Любовь и дружба—двѣ сестрицы!
Всегда въ родствѣ, всегда въ ладахъ!
То вмѣстѣ царствуютъ въ сердцахъ,
То порознь, милыя царицы,
Владѣютъ нѣжною душой!
Или живутъ — поперемѣнно —
Любовь и дружба потаенно:
Одна подъ именемъ другой.

Наперстинъ.

Я въ восхищеніи! прелестно! несравненно!

Милена.

Вамъ нравится романсъ?

Наперстинъ.

Ахъ!

Милена.

Вотъ второй куплетъ *(поетъ).*

Любовь и дружба — счастье наше!
При нихъ — почти не знаемъ бѣдъ!
Ахъ! дружба краситъ жизнь и свѣтъ!
Любовь и самой дружбы краше!
Какъ часто съ дѣтской простотой
Любовь мы дружбой называемъ —
И въ миломъ другѣ обожаемъ:
Одну подъ именемъ другой.

Наперстинъ

Какая истина!... божусь романсъ чудесной!
(схватя за руку Анапцова. который началъ тяжело вздыхать)
А! каково поетъ?

Анапцовъ.

Изрядно.

Наперстинъ.

Шутъ!... прелестно!

О! восхитительно!

Ананцовъ.

Еще не измѣнялъ я своему разсудку.

Наперстинъ.

Нѣтъ! повихнулася головушка твоя!

Ананцовъ.

Не закружи своей. Ты берегись! а я
Отсюда на всегда тотчасъ переѣзжаю,
Рѣшительно твоей прелестницы не знаю—
И въ жизнь нога моя не будетъ въ домѣ томъ,
Гдѣ управляется все женщины умомъ,
Гдѣ поминутно я толпы злодѣекъ вижу,
Гдѣ, словомъ, всей душой хозяйку ненавижу.
(хочетъ идти; но встрѣчаетъ Глафиру и возвращается. Наперстинъ въ сторонѣ смѣется).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ананцовъ Наперстинъ и Глафира.

Ананцовъ.

Нѣтъ! лучше ей въ глаза всю правду пропою.

Глафира. *(Наперстину).*

Ужь вы и здѣсь.

Наперстинъ.

Давно, да сказочку мою,
Какъ на-смѣхъ, позабылъ.

Глафира.

А гдѣжь сестра?

Наперстинъ.

Пропѣла
Небеснымъ голоскомъ романсъ.. . и улетѣла!

Глафира.

Изрядно? не шутя?

Наперстинъ.

Обворожила насъ!

Глафира.

Я радуюсь. Когда-жь стихи?

Милена.

Такъ не жалѣйте же! извольте — я спою. *(поетъ):*

Любовь и дружба — двѣ сестрицы!
Всегда въ родствѣ, всегда въ ладахъ!
То вмѣстѣ царствуютъ въ сердцахъ,
То порознь, милыя царицы,
Владѣютъ нѣжною душой!
Или живутъ — попеременно —
Любовь и дружба потаенно:
Одна подъ именемъ другой.

Наперсткинъ.

Я въ восхищеніи! прелестно! несравненно!

Милена.

Вамъ нравится романсъ?

Наперсткинъ.

Ахъ!

Милена.

Вотъ второй куплетъ *(поетъ)*

Любовь и дружба — счастье наше!
При нихъ — почти не знаемъ бѣдъ!
Ахъ! дружба краситъ жизнь и свѣтъ!
Любовь и самой дружбы краше!
Какъ часто съ дѣтской простотой
Любовь мы дружбой называемъ —
И въ миломъ другѣ обожаемъ:
Одну подъ именемъ другой.

Наперсткинъ

Какая истина!... божусь романсъ чудесной!
(схватя за руку Ананцова. который началъ тяжело вздыхать)
А! каково поетъ?

Ананцовъ.

Изрядно.

Наперсткинъ.

Шутъ!... прелестно!

О! восхитительно!

Анапцовъ.

Еще не измѣнялъ я своему разсудку.

Наперстинъ

Нѣтъ! повихнулася головушка твоя!

Анапцовъ.

Не закружи своей. Ты берегись! а я
Отсюда на всегда тотчасъ переѣзжаю,
Рѣшительно твоей прелестницы не знаю—
И въ жизнь нога моя не будетъ въ домѣ томъ,
Гдѣ управляется все женщины умомъ,
Гдѣ поминутно я толпы злодѣекъ вижу,
Гдѣ, словомъ, всей душой хозяйку ненавижу.
(хочетъ идти; но встрѣчаетъ Глафиру и возвращается. Наперстинъ въ сторонѣ смѣется).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анапцовъ Наперстинъ и Глафира.

Анапцовъ.

Нѣтъ! лучше ей въ глаза всю правду пропою.

Глафира. *(Наперстину).*

Ужь вы и здѣсь.

Наперстинъ.

Давно, да сказочку мою,
Какъ на-смѣхъ, позабылъ.

Глафира.

А гдѣжь сестра?

Наперстинъ.

Пропѣла
Небеснымъ голоскомъ романсъ.... и улетѣла!

Глафира.

Изрядно? не шутя?

Наперстинъ.

Обворожила насъ!

Глафира.

Я радуюсь. Когда-жь стихи?

Наперстинъ.

А вотъ тотчасъ
Я заверну домой и съ ними къ вамъ пріѣду. *(Анапцову)*
А для тебя, Жанъ-Жакъ! зашлю спросить къ сосѣду:
Не отдаетъ ли онъ, хоть на верху, въ наймы
Покоевъ трехъ? тогда сосѣди будемъ мы.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Глафира и Анапцовъ.

(Молчаніе. Анапцовъ вздыхаетъ и смотритъ сердито).

Глафира.

Вы что-то дышите, какъ-будто, несвободно!....
У васъ истерика!

Анапцовъ.

Хамелеонъ!

Глафира

Угодно,
Чтобъ успокоить вамъ волненье чувствъ, принять —
Гаевскаго — отъ нервъ сыропу ложекъ пять? *(беретъ колокольчикъ)*
Я прикажу подать Аделѣ.

Анапцовъ.

Не трудитесь! *(отойдя въ сторону)*
Злодѣйка!

Глафира.

Или вы прогулкой освѣжитесь.

Анапцовъ *(приближаясь).*

Она же мнѣ въ глаза смѣется надо-мной!

Глафира.

Вы сердитесь?

Анапцовъ.

Сержусь! бѣшусь! такъ золъ душой,
Что не могу я васъ и видѣть безъ мученья!

Глафира *(удаляясь).*

Такъ я уйду. *(воротясь)* А что виной ожесточенья?

Ананцовъ.

Ну можно-ль хитрости такія перенесть!
Къ чему лукавите? не вамъ меня провесть!

Глафира.

И! кстати ли!

Ананцовъ.

Чрезъ чуръ на умъ свой полагались!
Конечно! можетъ быть, къ вамъ въ сѣти попадались....
Лѣтъ девятнадцати .. и старше.... новички!
Но въ тридцать посвятить трудненько въ дурачки....
Какъ хитро вы ко мнѣ старались вкрасться въ душу!
Теперь я вамъ въ глаза сказать того не струшу,
Что даже, давича, вы жалки были мнѣ;
Что вы, — вы первыя — нѣтъ! — въ свѣтѣ вы однѣ,
Твердя объ истинномъ, иль вздуманномъ несчастьѣ,
Умѣли къ женщинѣ во мнѣ родить участье.
И мнѣ душевно жаль, что я жалѣлъ о васъ!
О! я не зналъ еще за вами всѣхъ проказъ!

Глафира.

Піявки нужно-бъ вамъ приставить — вы вздурились!

Ананцовъ.

И вы, какъ правая, въ добавокъ, разшутились!

Глафира.

Да въ чемъ вина моя, скажите мнѣ сперва?
Опять ревнуете?

Ананцовъ.

Охъ! что терять слова?
Что пользы ревностью себя измучить даромъ!
Вы лучше знаете, о чемъ вы здѣсь съ гусаромъ
Шептались, до гостей, по утру, цѣлый часъ!
Не льзя ужь быть вольнѣй, хотя бы глазъ на глазъ!
Я васъ не тяготилъ, мнѣ кажется, собою?
Все время просидѣвъ въ углу и къ вамъ спиною,
То закрывалъ глаза, то уши затыкалъ,
И видѣлъ — не видалъ! и слышалъ — не слыхалъ!

Что обращенія такого въ свѣтѣ хуже?
Но мнѣ.... безъ ревности.... досадно было—въ чужѣ....
И приходилося.... хоть треснуть тутъ съ сердцовъ!...

Глафира.

Сердиться вы вольны; но вашихъ дерзкихъ словъ
Я не обязана сносить — и если съ вами
Лишь-только для того остаться намъ друзьями,
Чтобъ, пуще перваго злодѣя, вы могли
Ругать меня — вы здѣсь не Ангела нашли!
Я женщина — винюсь, безъ дальнихъ объясненій —
Я слышать не могу ни чьихъ нравоученій!

Анапцовъ.

Изъ женщинъ женщина! ей Богу, на показъ!

Глафира.

За чѣмъ переѣзжать вы вздумали отъ насъ?
Я васъ удерживать не стану по-пустому;
Но, какъ отъ Демута переходить изъ дому,
Ни слова не сказавъ хозяину о томъ,
Который вамъ давалъ покои не въ наемъ,
Признайтесь: хоть кому покажется обидно;
Не пріискавъ къ тому причины благовидной,
Я не совѣтую вамъ брата покидать.
Его хоть нѣсколько вамъ можно уважать.

Анапцовъ.

Я очень чувствую, кто стоитъ уваженья —
И братца вашего, конечно, одолженья,
Я не забуду въ жизнь?... но....

Глафира.

Но.... я поняла:
Не слишкомъ ли для васъ сестра моя мила?
Милена рѣзвая ребячествомъ прекрасна!...
Въ пятнадцать лѣтъ всегда красавица опасна!...
Такъ, не хитря со мной, вы властны въ ней искать;
Конечно я сестрѣ не вздумаю мѣшать.
Я счастью вашему порадуюсь не въ чужѣ.
Но притворяться такъ чего на свѣтѣ хуже?

*

Что горы небылицъ на женщину взводить?
Къ чему во всемъ вину въ привязкахъ находить?
Къ чему весь этотъ гнѣвъ, весь шумъ необычайный?...
Жаль, Анапцовъ! мнѣ, жаль, что вамъ открыла тайны,
Которыя хранить на сердцѣ бы должна!
Я страшно на себя сама разсержена!
Обидно! больно мнѣ! и если-бъ только можно —
Я рада бить себя, что такъ неосторожно,
Такъ глупо ввѣрилась, ничуть не испытавъ,
Такому хитрецу!. . бѣда — открытый нравъ!
(Уходитъ въ свою горницу).

Анапцовъ.

И я же въ хитрецахъ!... ужь это, право, чудно!...
Ужь-ли?... да нѣтъ! все вздоръ!... однако-жь.... безразсудно!. .
А точно—вижу самъ—ревнуетъ. *(идя къ двери)* Погляжу,
Увѣрюсь, точно ли.... Да что-жь я ей скажу? *(берется за ручку)*
Быть такъ!... я весь дрожу! *(отворяя дверь)* позвольте мнѣ....

Глафира *(въ дверяхъ).*

О, Боже!
Вы и сюда пришли—на что это похоже? *(притворяетъ дверь)*

Анапцовъ.

Что будешь дѣлать тутъ? я-жь вышелъ виноватъ:
(кричитъ въ двери):
Позвольте вамъ сказать, ужь я и самъ не радъ....

Глафира *(выйдя).*

Забыли что-нибудь — такъ съизнова браниться?

Анапцовъ.

Ахъ, нѣтъ! позвольте мнѣ лишь съ вами объясниться.

Глафира.

Эхъ! объясненія совсѣмъ не нужны намъ.
Что, разбранясь сомной, что вздумалося вамъ
Просить не вовремя напрасныхъ объясненій?
Вы, послѣ всѣхъ обидъ, неправдъ и огорченій,
Прощенія просить, у ногъ моихъ, должны!

Да нѣтъ! я не хочу ни мира, ни войны.
Досталося отъ васъ сегодня мнѣ довольно!
Еще бы отъ любви — ужь все не такъ бы больно —
Отъ самолюбія приревновали вы!
Что дѣлать? видно всѣ мужчины таковы?
Ревнуя, не любя, вы всѣ несправедливы
И такъ взыскательны и такъ самолюбивы!
Пока не знаешь васъ — такъ вы и хороши.
Вотъ — еслибъ въ трепетѣ чувствительной души,
Отъ страсти усумнясь, вы, съ нѣжностью, въ печали,
Безъ сердца, безъ обидъ, со вздохомъ упрекали...

Ананцовъ.

Простите вы меня, когда ужь я не правъ!

Глафира.

Нѣтъ, Jean! я признаюсь: мнѣ вашъ несносенъ нравъ!

Ананцовъ.

Забудьте къ вамъ мою хоть разъ несправедливость!

Глафира.

Нѣтъ! я не такъ добра.

Ананцовъ.

Какая горделивость!...
Ну—быть такъ—признаюсь—хоть я не радъ и самъ—
Я что-то чувствую сильнѣе дружбы къ вамъ.

Глафира *(давъ ему руку).*

Подите—я сама себя не понимаю!
За что я все терплю? за что вамъ все прощаю?

Ананцовъ *(тряся и пожимая ей руку).*

Забудемъ навсегда и ревность мы и страхъ!

Глафира.

И все—что молвили другъ другу мы въ сердцахъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Овечкинъ, Графъ и Князь.

Овечкинъ.

Я къ вамъ веду гостей.

Глафира.

Любезны очень оба.

Ананцовъ *(въ сторону).*

Скрѣплюся. Моему пришла терпѣнью проба!

Князь.

Мы такъ спѣшили къ вамъ! какъ вихорь —

Графъ.

Какъ потокъ—

Неслись, не ѣхали!

Глафира *(смѣючись).*

Ну пусть, какъ — вѣтерокъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Дебречинскій и Милена.

(Милена съ ящикомъ работнымъ садится у стола).

Дебречинскій.

Какъ торопился я, неопоздать на чтенье!

Князь.

Какъ! чтенье?

Графъ.

Что-жь прочтутъ!

Глафира.

Стишки.

Графъ.

Я въ восхищеньѣ,

Что такъ мы счастливо пріѣхали сюда!
Какіе же стихи?

Князь.

Кто ихъ прочтетъ? когда?

Дебречинскій.

Наперстинъ обѣщалъ прочесть намъ нынче сказку.

Овечкинъ *(смотря въ окно).*

Не онъ ли прискакалъ? я вижу тамъ коляску.

Князь *(посмотрѣвъ).*

Ничуть; купе—

Глафира.

А цвѣтъ?

Графъ *(посмотрѣвъ)*.

Grenouille évanouie.

Ананцовъ.

Какой же цвѣтъ?

Дебречинскій.

Богъ вѣсть! у нихъ цвѣта свои.

Глафира.

Такъ это быть должна, съ Графиней, Баронесса.

Ананцовъ *(въ сторону)*.

Бѣжалъ бы я отъ нихъ, какъ отъ волковъ изъ лѣса!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе, Графиня Бобруйская и Баронесса фонъ-Ревельская.

Глафира *(гостямъ)*.

А я бояласе и ждать обѣихъ васъ!

Баронесса.

Мы были бы давно, да задержали насъ.

Графиня.

Федосина у насъ болтала — ужь — болтала!

Баронесса *(Князю и Графу)*.

Конечно: изъ Дворца?

Графиня.

Я тотчасъ угадала.

Князь.

Не мудрено: взглянуть лишь стоитъ на нарядъ.

Графъ.

Я чувствую и самъ, что онъ щеголеватъ!

Баронеса. *(Овечкину)*

Что еслибъ васъ одѣть?

Графиня.

Смѣшонъ бы былъ ужасно!

Овечкинъ.

За что-жь смѣшнѣе всѣхъ?

Графъ.

Ни крошечки!

Князь.

Напрасно!

Скорѣе: скрасилъ бы собою нашъ нарядъ.

Графъ.

Онъ былъ бы вамъ къ лицу.

Глафира *(Овечкину тихо)*

Пусть бредятъ, что хотятъ;

Оставьте ихъ.

Овечкинъ *(цѣлуя ея руку)*

Да я и не сержусь ни мало.

Баронесса *(прикалывая съ себя къ его фраку розу).*

Ну, миръ!... ужь не сердитъ? смотрите! какъ пристало!

Графиня

Прекрасно!

Баронесса.

Надо вамъ перевязать платокъ.

Присядьте! *(онѣ ставятъ его возлѣ Глафиры на колѣни и перевязываютъ бантики на галстукѣ)*

Графиня.

Кстати вамъ поправить хохолокъ.

Графъ *(тихо Князю)*

Причешетъ щегольски?

Князь *(тихо Графу).*

Она умѣетъ взяться!

(Графиня причесываетъ Овечкина своей гребенкой)

Анапцовъ *(въ сторонѣ).*

Какъ имъ не совѣстно надъ старикомъ ругаться!

Баронесса *(Анапцову)*

Мнѣ кажется, что вамъ досадно за него?

Ананцовъ.

Не знаю, истинно, не знаю, для чего
Онъ позволяетъ такъ смѣяться надъ собою?

Баронесса

За тѣмъ, что, полюбя Глафиру всей душою,
Все радъ снести—лишь ей немножко бъ угодить.

Графиня.

Смотрите, чтобъ и вамъ подъ часъ не позабыть,
Мудрецъ, холодности всѣ правила благія.

Баронесса.

Ахъ! головы кружитъ любовь и не такія!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Наперстинъ.

Дебречинскій.

А! вотъ и жданый гость.

Всѣ.

Насилу дождались!

Наперстинъ.

Не думалъ, что бы всѣ такъ рано собрались. *(Миленѣ)*
Что нашъ Дружокъ?

Милена.

Онъ спитъ.

Наперстинъ.

Чтобъ снова невзыскаться.

Милена.

Онъ въ горницѣ моей.

Наперстинъ.

Такъ нечего бояться?
А, Князь! здоровъ ли, Графъ?

Глафира.

А сказка?

Наперстинъ.

Вотъ она!

Дебречинскій.

Пора начать.

Наперстинъ.

Начнемъ. *(всѣ идутъ за стульями).*

Глафира *(перевертывая листы).*

Спасибо, не длинна.

(Наперстинъ, садится по срединѣ, придвинувъ къ себѣ столикъ со свѣчкою; по лѣвую руку его Глафира; рядомъ съ нею Графиня и Баронесса, за ними Графъ и Князь; по правую руку Милена съ своимъ работнымъ ящикомъ; подлѣ нея Дебречинскій; по-одаль, съ той же руки, Анапцовъ и Овечкинъ).

Глафира *(указывая на кружку).*

Вамъ приготовили и сахарной водицы.

Наперстинъ.

Кому обязанъ я?

Глафира.

Вниманію сестрицы.

Наперстинъ *(Миленѣ).*

Благодарю!...

Милена.

Дружокъ такъ счастливъ мой! такъ милъ!

Всѣ.

Читайте же!

Наперстинъ *(развернувъ тетрадь).*

Начнемъ: «Анахоретъ безъ силъ.»
Иль *(взглянувъ на Милену)* «Сила красоты.»

Графъ.

Прекрасное названье!

Князь.

И справедливое!

Дебречинскій.

Послушаемъ.

Глафира.

Молчанье!

Наперстинъ *(читаетъ).*

Смотрите! на свѣтлой зарѣ непо̀чатой жизни,
Въ веселую пору утѣхъ, въ разгульную пору

Страстей — одинокъ и угрюмъ Китаецъ прекрасный!
Какъ рано поблекъ, устарѣлъ и замеръ онъ сердцемъ —
Невинная жертва любви, злодѣйки опасной!
Ахъ! женщины! всѣ вы, вездѣ—равны и подобны!
Однѣ вы и тѣ же вездѣ—въ Европѣ, въ Китаѣ!

Анапцовъ.

Ага!

Графъ.

Вездѣ?

Князь.

Вездѣ?

Глафира.

Изрядно насъ честятъ?

Баронесса.

Съ досады.

Графиня.

Съ неудачь.

Наперстинъ.

Я тутъ невиноватъ. *(продолжаетъ).*
Притворство, обманы узнавъ измѣнницъ лукавыхъ,
Поклялся онъ женщинъ не знать, всю жизнь ненавидѣть;
Радъ свѣта на край забѣжать! и вотъ онъ задумалъ —
Къ шаманамъ идти—и пошелъ.... печальная доля!...

Баронесса.

Ахъ, бѣдный!

Князь.

Какъ смѣшонъ!

Графиня.

Какая жизнь!

Графъ.

Мученье!

Наперстинъ *(Анапцову).*

Не жалокъ ли чудакъ? твое какое мнѣнье?

Анапцовъ.

Тутъ мнѣнья моего совсѣмъ нѣтъ нужды знать.

Дебречинскій *(тихо Наперстину).*

Оставьте! онъ пойметъ.

Глафира.

Угодно продолжать?

Наперстин *(читаетъ)*.

И съ ними не долго онъ жилъ. Пустыня и дебри
Манили страдальца — и вотъ къ отшельнику — старцу
Уходитъ. Однажды они, подъ вечеръ, на горкѣ,
Въ дремучемъ лѣсу, близъ рѣки, далеча отъ кущи,
Любуясь закатомъ, въ волнахъ огней разноцвѣтныхъ,
Прекраснаго солнца, сквозь слезъ, съ какимъ-то восторгомъ,
Вздыхаючи долго, безъ словъ, на небо смотрѣли!
Старикъ былъ спокоенъ лицомъ, а юноша видомъ
Унылый — и страсти въ душѣ — кажись — пробуждались!

Баронесса.

Что вижу — онъ готовъ откинуть гнѣвъ напрасный —

Графиня.

И снова полюбить лукавый полъ, опасный!

Наперстин *(продолжаетъ)*.

Тутъ старцу былое съ собой печально повѣдалъ.
Совѣтами старецъ его спокоилъ благими!
И къ хижинѣ тихо идя, они разсуждали
О бренности женской красы, какъ злакъ преходящей!
О силѣ души и ума мужчинъ превосходной!..
Приходятъ—и что же? о страхъ! близь кущи видѣнье:
Прелестная дѣва глядитъ умильно и гордо!
И вкопаны въ землю они: и зоркіе глазки,
И лобикъ крутой, не большой, и тонкія бровки,
И щечки, румянѣй зари, и алыя губки,
И кости слоновой зубки, и стройныя ножки,
И шейка, бѣлѣе снѣговъ морозной Камчатки,
Все, все говоритъ ихъ сердцамъ и сильно и страстно!...

Графиня *(глядя на Анапцова)*.

Авось не устоитъ спѣсивецъ передъ ней!

Графъ.

Что можетъ красоты на свѣтѣ быть сильнѣй?

Наперстин *(продолжаетъ)*.

И вдругъ заревѣла въ бору отъ запада буря —
Деревья бурунъ-бунтовщикъ вверхъ корнемъ бросаетъ,

Огнистые змѣи въ потьмахъ по тверди летаютъ
И громы ихъ съ края на край небесъ провожаютъ!
Шумящіе съ градомъ дожди лишь тушатъ пожары....
Какъ странницу въ черную ночь, въ грозу, безъ пріюта,
Сироткой покинуть въ лѣсу? такого закона
Не ставилъ Конфуцій.—«Войди къ намъ въ хижину, гостья!»—
И чай и пшено и вино и постель ей готово.
Но вотъ миновала гроза, утихла погода.
Красавица смирно легла въ углу на соломѣ;
Въ другомъ уголку Мизогинъ улегся безпечно.
Но старецъ внѣ кущи, безъ сна, всю ночь на молитвѣ.
По утру приходитъ — и что-жь? онъ обмеръ со страха!
Ни гостьи не видитъ своей, ни друга не сыщетъ.

Баронесса *(захохотавъ).*

А! похищеніе!

Графиня.

Я такъ и полагала.

Наперстинъ.

Ахъ! красота не разъ людей перерождала!

Графъ.

И радость и печаль —

Князь.

И все отъ женщинъ намъ!

Добречинскій *(тихо Глафирѣ).*

Что скажетъ Анапцовъ?

Глафира *(тихо).*

Утихъ.

Наперстинъ.

Такъ сказка вамъ....

Глафира.

Понравилась!

Всѣ *(кромѣ Анапцова).*

И мнѣ....

Наперстинъ *(Анапцову).*

А вамъ?

Анапцовъ.

А что вамъ дѣла?

Наперстин *(Графинѣ).*

Не знаетъ, что сказать. *(Анапцову)* Не ужъ-то надоѣла!
Иль эта сказочка сбивается на быль!
И ты....

Анапцовъ *(отходя въ сторону).*

Я васъ прошу! оставьте эту гиль!....

Глафира *(тихо).*

Что, вправду, два часа твердить одно и тоже.
Довольно.

Графиня.

Вотъ смѣшно! на сказку не похоже!
Какой я въ ней нашла разительный портретъ!

Баронесса.

Я знаю подлинникъ: черты несходной нѣтъ!

Дебречинскій.

Прошу въ столовую докончить разсужденья
За ужиномъ на счетъ теперешняго чтенья,
(подавая руку Графинѣ).
Угодно?
(Графъ беретъ Глафиру, Князь Баронессу, Наперстинъ Милену).

Глафира.

Что-жь нейдетъ Овечкинъ?

Милена.

Онъ заснулъ. *(толкая его).*
Проснитесь же!

Овечкинъ *(вскочивъ).*

Что? что?

Милена.

Гдѣ вы?

Овечкинъ.

Знать я вздремнулъ?...

Наперстинъ.

Ну, это иногда при чтеніяхъ бываетъ.

Дебречинскій.

Въ столовую прошу. Насъ ужинъ ожидаетъ.

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

ЯВЛЕНІЕ I.

Три комнаты — одна передъ другой. При поднятіи занавѣса въ третьей горницѣ встаютъ изъ-за стола; кто ходитъ взадъ и впередъ, кто садится за фортепіано; Анапцовъ бѣжитъ на сцену, Дебречинскій за нимъ.

Дебречинскій.

Помилуй, Анапцовъ! что сдѣлалось съ тобой?
Ты заставляешь всѣхъ смѣяться надъ собой!
Чуть съ мѣста двинулись — и ты, что угорѣлый,
Изъ залы бросился!... Какъ будто онѣмѣлый,
Нахмурясь просидѣлъ весь вечеръ, цѣлый столъ!
Словца не вымолвилъ ни съ кѣмъ!

Анапцовъ.

Ахъ! такъ я золъ!

Дебречинскій.

Да на кого изъ насъ?

Анапцовъ.

Такъ грустенъ!

Дебречинскій.

Отъ чего же?

Анапцовъ.

И такъ несчастливъ!

Дебречинскій.

Чѣмъ? скажи хоть мнѣ!

Анапцовъ *(въ раздумьѣ).*

О, Боже!
Какой змѣиный умъ и верхъ искусства въ ней—
Прельщать и заводить: и проводить людей!

Дебречинскій *(въ сторону).*

Милена, кажется, не такъ-то плутовата?

Анапцовъ.

Какъ въ способахъ своихъ, прелестница, богата—
Надежду каждому изъ плѣнниковъ подать!

Дебречинскій *(въ сторону).*

Ну, слава Богу! сталъ сестру онъ замѣчать!

Ананцовъ.

Какъ, глядя на ея лукавства, я бѣсился!
И долженъ былъ молчать!

Дебречинскій *(въ сторону)*

Ну! точно, онъ влюбился! *(въ слухъ)*
Не показалось ли чего тебѣ?

Ананцовъ.

Какъ! мнѣ?
Мнѣ показалося?... къ несчастью, не во снѣ
Я видѣлъ, слышалъ все,—все знаю, безъ обмана:
У одного она, украдкой, изъ стакана,
Какъ-бы въ разсѣяньи забывшись, портеръ пьетъ;
Своими ручками, между рѣчей, беретъ
Кусочикъ корочки отъ хлѣба у другаго;
Пріятно третьему сказавши два-три слова,
Глазами страстными съ четвертымъ говоритъ;
По очереди всѣхъ усмѣшками даритъ!
И если кажутся сосѣди рядомъ съ нею
Счастливѣй участью завидною своею,
Чѣмъ тѣ, которые сидятъ на-супротивъ,
Что могутъ ей служить они на-перерывъ:
То на-лету ея тарелки принимая,
То подавая соль, то воду наливая, —
И тѣхъ вознаградить заботится она:
Тому изволитъ вдругъ послать бокалъ вина,
Отвѣдавъ изъ него съ улыбкою умильной,
Другому, вздумая кормить его насильно,
Изволитъ кушанье накладывать сама.
Я у нее совсѣмъ лишь вышелъ изъ ума!...
Не-то, что-бъ это мнѣ ужь было такъ обидно!
Мнѣ.... мнѣ ни на кого, ей Богу, не завидно...
Я самъ на мѣстѣ ихъ и быть бы не хотѣлъ....

Дебречинскій.

Хоть я и за однимъ столомъ съ тобой сидѣлъ,
А, право, не видалъ такихъ затѣй за нею!

Ананцовъ.

Вы не видали?

Дебречинскій.

Нѣтъ! ни сколько!

Ананцовъ.

Сожалѣю.

Дебречинскій.

Да — полно, видѣлъ ли ты это все и самъ?

Ананцовъ.

Ужь я не поклеплю — ручаюсь смѣло вамъ;
Я, вѣрно, никого напрасно не обижу.

Дебречинскій.

Конечно такъ....

Ананцовъ.

Да такъ!... что вижу я — такъ вижу!
Я женскія таить проказы не привыкъ.

Дебречинскій.

Не спорю; знаю самъ, что ты не клеветникъ;
Да только выслушай меня ты терпѣливо.
Хотя любовь подъ часъ хитра и прозорлива;
А часто, бѣдные, при слѣпотѣ своей,
Влюбленные, божусь, младенца не умнѣй!
И плачутъ и грустятъ и ждутъ съ собой напасти
И бредятъ на яву въ жару пужливой страсти,
Ревнуя свой предметъ ни за̀-што день и ночь!
Вотъ такъ-то и мой другъ ревнуетъ — да! точь-въ-точь!

Ананцовъ *(не слушая).*

Лукавая!

Дебречинскій.

Вотъ нѣтъ!

Ананцовъ.

Глафира не лукава?

Дебречинскій.

Глафира?

Ананцовъ.

Да.

Дебречинскій.

Сестра?

Ананцовъ.

Да да.

Дебречинскій.

Ну вотъ забава!
Мы точно подпили съ тобою за столомъ;
Часъ цѣлый говоримъ, не вѣдая о комъ!
Такъ на Миленѣ ты раздумалъ ужь жениться?

Ананцовъ.

Раздумалъ! я?

Дебречинскій.

Да, ты.

Ананцовъ.

Позвольте объясниться;
Да этого отнюдь, признаться долженъ вамъ,
Въ умѣ я не имѣлъ!

Дебречинскій.

Я самъ своимъ ушамъ
Не вѣрю.

Ананцовъ.

Отъ чего?

Дебречинскій.

Казалось намъ съ сестрою,
Что монастырочкой ты нашей молодою
Не множко занятъ былъ!...

Ананцовъ.

Нѣтъ! право, никогда!

Дебречинскій.

А ты журилъ ее?

Ананцовъ.

Готовъ бранить всегда.

Дебречинскій.

Однако-жь нравилась она тебѣ?

Ананцовъ.

Нимало.

Дебречинскій.

И ты не помышлялъ?

Ананцовъ.

И въ мысли не вспадало.

Дебречинскій.

Эхъ! право, ты, лукавъ!

Ананцовъ.

Клянуся вамъ!

Дебречинскій.

Вздоръ, вздоръ!
Сперва искалъ, а тутъ и на попятный дворъ.

Ананцовъ *(нетерпѣливо).*

Я, честью вамъ моей ручаюсь....

Дебречинскій.

Вѣрю, вѣрю....
А ты вѣдь дѣлаешь не малую потерю:
Милена такъ тиха, разумна и скромна....

Ананцовъ.

Хоть Медицейской будь красивѣе она,
Все правилъ я своихъ отнынѣ не забуду,
Да и соперникомъ Наперстина не буду.

Дебречинскій.

Онъ, правда, занятъ ей—я это вижу самъ.

Ананцовъ.

Пускай и женится—скорѣе по рукамъ!

Дебречинскій.

Ну быть чему — такъ быть.

Ананцовъ.

Я отдалъ бы на чудо
Обѣихъ вдругъ сестеръ....

Дебречинскій.

Оставимъ ихъ. Покуда
Хотѣлось бы тебя мнѣ уличить въ твоей
Несправедливости противъ сестры моей

Глафиры; — а она тебѣ добра желала:
Сего-дня же еще со мною толковала....

Анапцовъ.

Не сказывайте мнѣ!

Дебречинскій.

Такъ я хоть то скажу,
Что ни какой вины я въ ней не нахожу.
А что за ужиномъ — подумай хладнокровно —
Старалась угостить пріятно всѣхъ и ровно —
Такъ выполняла тѣмъ хозяйки умной долгъ.
Влюбленные всегда всему даютъ свой толкъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Графиня и Баронесса.

Графиня.

Мы здѣсь не лишнія?

Баронесса.

Мы вамъ непомѣшали?

Дебречинскій.

О, нѣтъ. Да гдѣ же всѣ?

Анапцовъ.

Съ сестрицею отстали.

Баронесса.

Какъ вы догадливы!

Дебречинскій.

Что дѣлали вы тамъ?

Графиня.

Хозяйка младшая романсъ пропѣла намъ.

Баронесса.

А послѣ старшая съиграла вальсъ прекрасный!

Графиня.

Ну, а до музыки гусаръ охотникъ страстный!

Баронесса.

Такъ радъ хоть умереть Глафиры за спиной!

Дебречинскій.

А Князь и Графъ?

Баронесса *(оглянувшись).*

Въ дверяхъ.

Графиня.

Сбираются домой.

(Князь и Графъ изъ второй горницы скоро и шумно идутъ къ дверямъ со сцены. Овечкинъ бѣжитъ за ними. Дебречинскій спѣшитъ къ нимъ же; они кланяются и уходятъ. Онъ провожаетъ ихъ за двери).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же кромѣ Дебречинскаго.

Графиня *(Анапцову).*

Что вы задумались?

Баронесса *(ему же).*

О чемъ такъ пріуныли?

Графиня.

Что съ вами сдѣлалось?

Баронесса.

Васъ чѣмъ-то огорчили?

Графиня.

Или прогнѣвали?

Баронесса.

Весь ужинъ вы ни съ кѣмъ
Словца не молвили.

Графиня.

Ужь хоть не къ намъ однѣмъ
Немилость.

Баронесса.

Вечеромъ вы очень недовольны?

Графиня.

Да кто же виноватъ? мы въ выборахъ всѣ вольны:
Вы сами выбрали любви своей предметъ.

Баронесса.

Ахъ! точно, жалости ничуть въ Глафирѣ нѣтъ.

Графиня.

Шалунья!

Ананцовъ.

Въ сторону — прошу васъ — сожалѣнье!
Что за участіе!... божусь, я въ затрудненьѣ,
Какъ васъ благодарить за милости ко мнѣ?
Но... кажется — мы всѣ несчастны наравнѣ?
Я также могъ бы къ вамъ подъѣхать съ сожалѣньемъ.—
Вооружитесь же стоическимъ терпѣньемъ,
Не мучьте вы себя напрасною тоской,
Не рвитесь завистью при торжествѣ другой,
Сносите, безъ досадъ, не дѣлая помѣхи,
Прелестницъ легкія побѣды и успѣхи....

Графиня.

За вашу искренность и вѣжливый совѣтъ
Благодаримъ.

Баронесса.

И такъ, что завтра же весь свѣтъ
Узнаетъ отъ меня вашъ умъ невѣроятный,
Учтивость, правила и нравъ, всегда пріятный!

Графиня.

А это вѣрно дастъ большой вамъ въ службѣ шагъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Дебречинскій.

Дебречинскій.

Какъ ни упрашивалъ — не удержалъ никакъ.

Баронесса.

Не споръ ли за столомъ?...

Дебречинскій *(Графинѣ)*.

Вы близко ихъ сидѣли....

Графиня.

Я худо вслушалась.

Баронесса.

Не вышло бы дуэли.

Дебречинскій.

За что-жь? не думаю....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Милена, Наперстинъ и Глафира.

Анапцовъ *(идетъ на встрѣчу Наперстину).*

Ну, новый Адонисъ!
Куда дѣвалась страсть, въ которой вы клялись
По-утру здѣсь къ одной невинницѣ чудесной, —
Что къвечеру-жь иной ужь занялись прелестной? *(Глафирѣ)*
А васъ имѣю честь поздравить съ славнымъ днемъ; —
При множествѣ побѣдъ.... съ труднѣйшимъ торжествомъ!

Глафира.

Надъ кѣмъ, Mesdames?

Анапцовъ *(указывая то на тѣхъ, то на другихъ).*

Надъ нимъ, надъ нею и надъ ними!
Надъ всѣми гостьями, друзьями и родными!

Баронесса.

Какой же вы герой!

Графиня.

Намъ это не къ добру!

Дебречинскій.

Эхъ! эхъ! мой Анапцовъ!

Наперстинъ.

Ну право онъ въ жару.
Онъ бредитъ, какъ во снѣ!

Анапцовъ.

Да я и брежу здраво.

Глафира.

Откуда взяли вы себѣ такое право,
Чтобы насъ всѣхъ бранить, такой надѣлать громъ?
Не съумасшедшихъ же здѣсь наконецъ вѣдь домъ!
Я только радуюсь, что всѣ вашъ нравъ узнали —
И Мизогина гнѣвъ забудутъ, безъ печали.
Да лучше прекратить забавный этотъ споръ,
Чтобъ съ братомъ мнѣ начать пріятный разговоръ.

Сестра Полковника совсѣмъ обворожила —
И онъ просилъ, чтобъ я тебя уговорила
Принять его въ родство.

Наперстинъ *(Дебречинскому).*

От васъ судьба моя
И счастье жизни всей зависитъ.

Дебречинскій.

Вѣрьте: я....
Душевно ... съ вами радъ.... тотчасъ бы породниться....
Да тутъ.... сестра сама.... должна уже рѣшиться....
А принуждать ее не властенъ я отнюдь.

Наперстинъ *(Миленѣ).*

Рѣшите жребій мой!

Дебречинскій *(перебивая).*

Быть можетъ: кто нибудь
Другой понравился Миленѣ — и....

Наперстинъ.

Скажите,
Милена!...

Дебречинскій *(перебивая).*

И тогда меня вы извините....

Наперстинъ.

Милена!...

Дебречинскій *(перебивая).*

Пусть сама, по сердцу своему....

Глафира.

Да дайте же сказать хоть бы словцо ему.
Ужь вѣрно влюблена она не въ Анапцова;
Такъ что и отнимать надежду у другова?
Пускай онъ о себѣ Милену спроситъ самъ.

Наперстинъ.

Милена! ..

Глафира.

Ну, гусаръ!

Наперстинъ.

Я.... непротивенъ вамъ?

Милена.

Нѣтъ-съ.

Наперстинъ.

Но.... но я.... но вы.... ко мнѣ.... не равнодушны?
Могу-ль надѣяться.... что.... можетъ быть....

Глафира.

Какъ скушны!
Я это сватовство скорѣе кончу васъ.
Милена! отвѣчай на все мнѣ, не стыдясь.
Каковъ онъ для тебя, скажи чистосердечно?..
Хорошъ ли хоть?...

Милена.

Хорошъ-съ.

Глафира.

Любезенъ-ли?

Милена.

Конечно!

Глафира.

А какъ ты думаешь: въ немъ сердце злое?

Милена.

Нѣтъ!
Мнѣ кажется, онъ добръ.

Глафира *(Наперстину)*.

На что еще отвѣтъ? *(Миленѣ)*.
И нравится тебѣ?

Милена.

Да-съ.

Глафира *(Наперстину)*.

Полно съ васъ?

Наперстинъ *(Миленѣ)*.

Не знаю,
Какъ выразить любовь!

Милена.

Я вѣрю.

Графиня и Баронесса.

Поздравляю.

Дебречинскій *(вздыхая).*

Цѣлуй, родня!

Наперстинъ.

Родня и другъ.

Дебречинскій.

Сердечно радъ!

Наперстинъ *(Глафирѣ).*

Я вамъ обязанъ всѣмъ?

Ананцовъ *(въ сторону).*

Ай! какъ я виноватъ!

Глафира.

Вотъ такъ-то я всегда кокетствую.

Ананцовъ *(въ сторону).*

Ой, стыдно!

Глафира.

Что-жь замолчали вы? ужь это и обидно,
Что не хотите вы сомной и говорить.

Ананцовъ.

Ужь такъ досадно мнѣ?

Глафира.

Что не зачто бранить?

Ананцовъ *(хватая ея руку).*

Простите вы меня!

Глафира *(отстороняясь).*

Эхъ! полно!

Ананцовъ.

Бога ради! *(упавъ на колѣни)*
Иль вѣкъ отъ вашихъ ногъ не отойду ни пяди!

Глафира *(окинувъ всѣхъ взглядомъ).*

Какъ, право, вы смѣшны! *(давая ему руку)* опять прощаю васъ!

Баронесса *(тихо Графинѣ).*

И права! какова?

Графиня *(тихо Баронессѣ).*

Изволитъ мстить за насъ.

Ананцовъ *(Дебречинскому).*

Андрей Петровичъ! я — не правъ! винюсь!... Глафира

Петровна!... весь я вашъ!... хотите ли, въ знакъ мира,
Вступить сомною въ бракъ?

Графиня.

Чѣмъ кончится?

Дебречинскій.

Да что-жь?
Скажи скорѣй, сестра, пойдешь, иль не пойдешь?
Вѣдь съ муженькомъ твоимъ тебѣ ужь несойтися?
И ты разрѣшена разводомъ — и рѣшися!

Глафира.

Я такъ напугана замужствомъ, что никакъ
Рѣшиться не могу вступить вторично въ бракъ....
При томъ же мы еще другъ друга знаемъ худо—
То и несчастнымъ быть современемъ не чудо.

Ананцовъ.

Я благодаренъ вамъ сердечно за отказъ.
Причины этому и не спрошу отъ васъ!
Вся въ томъ бѣда теперь — всѣ это понимаютъ —
Что въ свѣтѣ здѣсь большомъ у васъ меня не знаютъ,
Что я не Князь, не Графъ, не въ лентѣ, не богатъ,
Что полы золотомъ мундира не блестятъ,
Что ни усовъ, ни шпоръ, ни сабли не имѣю,
Что плечи вамъ казать безъ эполетовъ смѣю!

Наперстинъ *(тихо Миленѣ)*.

Какъ ни смѣшонъ, онъ правъ бываетъ иногда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Овечкинъ.

Наперстинъ.

Что такъ вы смѣшаны?

Дебречинскій.

Что тамъ еще?

Овечкинъ.

Бѣда!

Глафира.

Что сдѣлалось?

Овечкинъ.

Я вамъ скажу въ другомъ покоѣ.
Пожалуйте!

Глафира.

Куда?

Овечкинъ.

Въ столовую.

Глафира.

Пустое!

Овечкинъ.

Васъ спрашиваютъ тамъ.

Глафира.

Да кто?

Овечкинъ.

Графъ Холмогоръ
И Князь Костромичевъ.

Глафира.

Зачѣмъ?

Овечкинъ.

Тамъ вышелъ споръ.

Глафира.

Какой?

Овечкинъ.

Дуель была.

Графиня и Баронесса.

Дуель!

Наперстинъ и Милена.

Дуель!

Дебречинскій.

О, Боже!
Да отъ чего?

Глафира.

Ну пусть была — да я тутъ что же?

Овечкинъ.

Такъ.... объясниться имъ.... хотѣлось бы при васъ.

Глафира.

Зовите ихъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе, Графъ и Князь.

Князь.

Мы здѣсь!

Графъ.

Рѣшите насъ.

Графиня *(тихо Баронессѣ).*

Она смутилася.

Баронесса *(тихо Графинѣ).*

И братецъ хмуритъ брови.

Князь.

Въ саду на шпагахъ мы дрались до первой крови...

Графъ.

Мы оба бѣшены....

Глафира *(насмѣшливо).*

Могла бы быть бѣда!

Наперстинъ *(тихо Миленѣ).*

Да тупы шпаги-то Французскія.

Графъ.

Ну, да,

Не подоспѣй тутъ къ намъ Овечкинъ....

Графиня.

Рознялъ въ пору?

Князь.

И мы пришли сюда окончить нашу ссору.

Дебречинскій.

Да отъ чего у васъ она произошла?

Глафира.

Я, право, ничего еще непоняла—
И хоть Овечкину вы разсказать позвольте!

Графъ.

Онъ хладнокровнѣе: пусть говоритъ.

Князь *(Овечкину).*

Извольте.

Овечкинъ.

Я въ двухъ словахъ скажу: весь споръ и вся война —
Отъ сладкаго безе и Кипрскаго вина....

Глафира *(захохотавъ).*

Вы за пирожное поссорились!... напрасно!...
Повѣрьте: какъ оно названьемъ ни прекрасно —
На Русскомъ языкѣ незначитъ ничего!...
А развѣ Кипрское окрѣпло? да его
Не съ тѣмъ прислала къ вамъ, чтобъ вашъ разсудокъ здравый
Поколебать!...

Графъ и Князь

Какъ! что!

Наперстинъ *(перерывая).*

Э, полно! вы неправы:
Къ чему всегда искать двусмысліе въ словахъ!

Ананцовъ.

Ужь хоть не я одинъ остался въ дуракахъ.

Графъ *(Дебречинскому).*

Вы видѣли: какъ насъ отдѣлали учтиво?

Князь.

И какъ мы слушали насмѣшки терпѣливо?

Графъ.

Такъ—думаемъ—теперь простить вамъ можно насъ....

Князь.

Что столько шуму мы надѣлали у васъ.

Дебречинскій.

Оставьте, ничего....

Князь и Графъ.

Прощайте жь?

Дебречинскій.

До свиданья.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Те же кромѣ Князя и Графа.

Ананцовъ *(въ размышленіи).*

Кто могъ бы вытерпѣть такія испытанья?...
Во всемъ — оправдана!.. но.... внутренній судья?
Но совѣсть? .. Нѣтъ! нельзя не чувствовать себя!...
А что же пользы тутъ? какъ женщину исправить?

Ей пища—обольщать, обманывать, лукавить!
Слѣди ее, лови — и тѣмъ она хитрѣй,
Тѣмъ осторожнѣе, тѣмъ проведетъ скорѣй!
Но гдѣ ее постичь! всѣ женщины — кокетки!
И всѣ по своему!

Баронесса.

Ужь это намъ навѣтки!

Графиня.

Да это страшный судъ!

Баронесса.

Уйдемъ!

Графиня.

Уйдемъ скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же кромѣ Графини и Баронессы.

Глафира.

Я просто вамъ скажу: всѣхъ женщинъ вы жалчѣй!
И всѣ надъ вами здѣсь смѣялись и шутили....
Смотрите сами, какъ вы малодушны были!
Вы тридцать лѣтъ нашъ полъ несчастливый браня,
Зоилъ! вы въ десять дней забыли для меня
Всю философію, всѣ правила Катона
И всѣ намѣренья, достойныя Дракона!...
Вамъ можно насъ бранить!...

Ананцовъ *(въ сторону).*

И хвастаетъ, змія!

Глафира *(смѣяся).*

Но, миръ!... я не сержусь.... Жанъ-Жакъ! мы все друзья?

Ананцовъ.

Я? другомъ женщины!... смѣетеся?... вы правы.
Я точно нынче былъ здѣсь всѣмъ какъ для забавы.
Довольно! ни любви, ни дружбы не хочу!
Отечество! тебѣ, тебѣ я дань плачу:
Умъ, сердце, жизнь — тебѣ!

Наперстин ъ.

Себѣ чего же?...

Апанцовъ.

Славы!

Наперстинъ.

Смотри! попутаетъ опять тебя лукавый!
О, женщины! отъ васъ куда ни убѣги —
Вездѣ найдете вы, прелестные враги!...
Гордецъ—до времени—мужчина равнодушный!
Но часъ пробилъ: онъ — рабъ! онъ взгляда — рабъ послушный.

КОНЕЦЪ (*).

Алексѣю Иларіоновичу Философову.

Благодарю за твой привѣтъ,
Товарищь юности блаженной!
Прими его — вотъ мой портретъ,
Тебѣ отъ сердца поднесенной.
Прошла счастливая пора!...
Намъ розный путь судьбы опредѣлили;
Но свѣта шумъ и блескъ Двора
Твоей души не измѣнили!
Ты тотъ же всё, другъ юныхъ лѣтъ!
Сберёгъ всю свѣжесть сердца — въ свѣтѣ!
И у тебя, надѣюсь, мой портретъ
Не будетъ лишнимъ въ кабинетѣ.

А. З . .

(*) *Пропускъ:* на стр. 97, строка 19, послѣ стиха:
«Чуть только доведу — повѣришь ли? не лгу —
Читай: Хотя—безъ хвастовства—достоинъ онъ печати—и т. д.

КОЙ-ЧТО

ИЗЪ-ЗАВѢТНОЙ ТЕТРАДКИ (*).

I.

Первое ощущеніе человѣка въ прекрасномъ, еще дѣвственномъ, Божіемъ мірѣ было — восторгъ. Пламенемъ этого райскаго восторга оживлена была душа всѣхъ первыхъ человѣковъ. Этотъ священный огонь тогда горѣлъ въ полномъ блескѣ, со всею живостію молодости; въ послѣдствіи онъ потерялъ свою силу и угасъ-бы, еслибъ небо, въ своей благости, не заповѣдало нѣсколько искръ этого огня въ удѣлъ каждому человѣку. Періодъ жизни, имъ освѣщаемый, мы называемъ *молодостію*. Въ душѣ же нѣкоторыхъ, вѣками избранныхъ, огонь горитъ въ прежнемъ блескѣ, въ прежней силѣ; молодость сердца переживаетъ всѣ возрасты... Сихъ-то избранныхъ мы нынѣ называемъ поэтами, великими геніями; то были Державины, Пушкины, Шекспиры, Гёте, Жанъ-Поли, Шиллеры... Можетъ-быть, это назовутъ гипотезою. Но какъ иначе объя-

---

(*) Автора: «Два дня въ Байрейтѣ». См. Раутъ, Литературный Сборникъ на 1851 годъ. *Издатель.*

снить произхожденіе поэзіи? Гдѣ представить ея колыбель, если не въ первобытномъ жилищѣ человѣка? И когда поэтъ оглашаетъ міръ чудною пѣснію, не совершаетъ ли онъ тѣмъ священнаго служенія въ воспоминаніе райскаго блаженства, утраченнаго человѣчествомъ?... Человѣкъ впервые заговорилъ языкомъ поэтическимъ, первая мысль облечена была въ изящную форму. Мысль на востокѣ, а потомъ въ Греціи не существовала непосредственно, собственно какъ отвлеченность, и жила въ изящномъ образѣ, нераздѣльно съ нимъ. *Образами* же *думаютъ* поэты; философы *думаютъ отвлеченностями*; этого отвлеченія, свойственно новому міру, не находимъ на Востокѣ. Миѳы и символы—вотъ формы древней поэзіи, выраженія первой дѣятельности духа, силы творчества. Языкъ древняго человѣчества переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не изкажаясь, сохраняя свою первобытную свѣжесть; въ его безсознательномъ развитіи не было слѣдовъ той *искуственности*, которая такъ явно обозначается въ языкахъ новаго міра. Кругъ понятій былъ гораздо тѣснѣе; отсюда и самая простота въ языкѣ. Въ этой-то простотѣ и заключалось изящество древняго языка: каждое слово въ немъ должно было порождать въ глубинѣ души чувство или образъ, потому-что оно было создано поэтическою мыслію. Нынѣ наши новые языки представляются намъ безжизненною грудою странныхъ словъ, въ звукосочета-

ніяхъ коихъ мы иногда не доискиваемся толка, не находимъ ихъ этимологическаго, первоначальнаго значенія, хотя и въ этихъ языкахъ сохранились многія слова, которыя поражаютъ насъ *поэтичностію* своего внутренняго значенія. Языкъ въ новомъ мірѣ сдѣлался предметомъ особой науки и вмѣстѣ жертвою ученыхъ; онъ богатѣетъ, совершенствуется и вмѣстѣ съ тѣмъ старѣетъ, потѣрявши свою независимость, дѣвственную простоту, первобытное изящество. Тоже и въ поэзіи. Кто-то справедливо назвалъ современную поэзію цвѣткомъ оранжерейнымъ; въ ея произведеніяхъ проглядываютъ слѣды *искуственности*, ученыхъ усилій, рабскаго подражанія. Поэзія же въ древности была, не созданіемъ ума, а порожденіемъ безсознательнаго творчества; она рождалась въ духѣ народномъ и развивалась независимо, какъ цвѣтокъ подъ открытымъ южнымъ небомъ. Эта-то самобытность, неподдѣльность, безъискусственность составляетъ характеръ первобытной поэзіи. Въ первобытныя времена поэтомъ былъ цѣлый народъ; тогда не отдѣлялись отъ толпы тѣ выбранные изъ десяти тысячь, предъ которыми нынѣ толпы, съ благоговѣніемъ, преклоняютъ колѣна. Этотъ періодъ можно назвать первымъ періодомъ поэзіи, періодомъ безсознательнаго творчества: человѣкъ пѣлъ отъ избытка душевной жизни; онъ пѣлъ для себя, а не для толпы, не такъ, какъ поэты новые, которые требуютъ, чтобъ слушали концерты, которые

они намѣрены дать своему муравейнику; — тогда не было различія между міромъ *идеальнымъ* и міромъ *дѣйствительнымъ*; все это—выдумка новаго міра; прежде прекрасная дѣйствительность была поэзіею; нынѣ люди выходятъ изъ такъ называемаго ими *безплоднаго* міра дѣйствительности, словно изъ темницы, чтобъ прогуляться и отдохнуть въ *очаровательной долинѣ* поэзіи; тогда не знали другаго міра, кромѣ міра, нынѣ называемаго *идеальнымъ*. Этотъ блаженный періодъ поэзіи окончился вмѣстѣ съ патріархальною жизнію человѣчества; вмѣстѣ съ началомъ жизни общественной является начало поэзіи новой, поэзіи по преимуществу, т. е. по названію. Гомеръ еще могъ быть миѳомъ, но Виргилій и Горацій *лестью выразили* свою личность въ своихъ произведеніяхъ. Въ произведеніяхъ этого періода мы видимъ уже цѣль; на нихъ лежитъ печать жизни, жизни дѣйствительной. Слово «поэзія» получаетъ особенное значеніе, становится техническимъ терминомъ; ей отводится особенный, отдѣльный міръ.

Поэты стали *писать*. Вотъ роковая эпоха для поэзіи, не въ отношеніи къ намъ, но къ ней самой. До сихъ поръ халдейскіе пастухи, которые читали лишь въ небѣ, ввѣряли скаламъ изображенія вселенной, или въ безсмертныхъ образахъ рисовали исторію свѣтилъ и, играя, создали въ своемъ воображеніи болѣе неизвѣстныхъ твореній, нежели фантастическіе мореплаватели могли

создать островов и гаваней; не думали они о томъ, чтобъ ихъ открытія, ихъ произведенія могли нѣкогда быть перенесены въ *книгу* или на *карту* посредствомъ типографическаго станка. У нихъ были и свои Веспуціи, и свои *поэты-варвары.* Въ то время еще не были придуманы ни алфавиты, ни календари, въ которые записывались бы мѣсто и день ихъ рожденія и смерти... Они не искали славы, этой богини новаго міра, невѣрной и причудливой любовницы поэтовъ-писателей. До тѣхъ поръ, пока мысль не была написана, она сохранялась въ первобытной чистотѣ юности и въ величіи простоты. То были гимны и преданія. Изобрѣтеніе письма было послѣднимъ средствомъ для поддержанія разумной дѣятельности человѣка, когда онъ утратилъ силы, оживлявшія внутреннюю жизнь человѣчества въ сочномъ періодѣ его молодости. Это было вѣнцомъ образованности (цивилизаціи) древняго міра. Чтобъ дойти до изобрѣтенія письма, человѣкъ долженъ былъ пробѣжать весь кругъ разумнаго могущества; онъ достигъ до послѣдняго его предѣла: до матеріализаціи духа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль *написанная,* и по времени сдѣлавшаяся чѣмъ-то *продажнымъ,* должна была утратить то прежнее величіе, въ которомъ она являлась въ поэтическомъ періодѣ, когда жила въ устахъ поэта-народа. Прежде живая память въ народѣ переживала книги, статуи и монументы; не нуждалась въ постороннихъ средствахъ,

и, юная, могущественная, передавала истины изъ вѣка въ вѣкъ. Въ послѣдствіи времени развращеніе нравовъ похитило у нихъ первобытную энергію и навело морщины на чело человѣчества древняго міра; тогда-то память смѣнила письмо, издавна впрочемъ существовавшее, но имѣвшее прежде другое значеніе, постороннее. По мѣрѣ преобладанія матеріальнаго начала, письмо потеряло это первобытное, второстепенное, если можно такъ выразиться, значеніе, и обратилось въ науку народовъ, въ необходимый источникъ образованія. Можно сказать, что, съ изобрѣтеніемъ и особенно съ распространеніемъ письма умеръ поэтическій возрастъ человѣческаго рода. То, что придавало мысли какой-то высшій характеръ, въ томъ-то именно и заключалось, что она представлялась какимъ-то отблескомъ божественнаго свѣта, по своему чисто разумному, духовному происхожденію; душа была ея престоломъ—и лишь-только одной душѣ она ввѣряла свои тайны; ея выраженіе, какъ выраженіе всѣхъ высокихъ идей, постиженіе которыхъ и отличаетъ насъ отъ прочей твари, — не могло проявляться въ знакахъ; она принадлежала къ лучшей половинѣ нашей двойной природы и, неуловимая, ускользала отъ нашихъ тѣлесныхъ органовъ, какъ тайна созданія, какъ безконечное въ пространствѣ, какъ вѣчность во времени; она свидѣтельствовала намъ о нашей душѣ, о ея божественномъ началѣ... Тотъ, кто первый взду-

малъ матеріализировать мысль, подвести подъ чувственныя формулы, круги, діагоналы, горизонтальныя и параллельныя линіи результаты умственной дѣятельности, дать, по выраженію Бребёфа, тѣло и цвѣтъ мысли, былъ, безъ всякаго сомнѣнія, великій человѣкъ; но, сдѣлавши великое дѣло, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, повредилъ дѣвственности мысли.

Наконецъ, является книгопечатаніе: безконечное размноженіе мысли (*) посредствомъ этого громаднаго изобрѣтенія есть только естественное слѣдствіе изобрѣтенія письма. Печать въ области просвѣщенія можно сравнить со введеніемъ денегъ въ торговлѣ. Мы указали на первый періодъ поэзіи, періодъ безсознательнаго творчества; — здѣсь поэтомъ является намъ цѣлый народъ; потомъ, по распространеніи письма, является поэтъ — *индивидуумъ*, поэтъ — писатель. Теперь предстоитъ третій родъ: *поэты, печатающіе* свои произведенія. Оставимъ самую поэзію, перемѣны, которымъ она подверглась въ отношеніи къ ней самой, къ ея внутреннему харак-

---

(*) Почти всѣ классики, за исключеніемъ двухъ или трехъ, еще тогда неотысканныхъ, были напечатаны въ продолженіи первыхъ 30 годовъ по изобрѣтеніи книгопечатанія, болѣе чѣмъ во 150-ти городахъ, въ числѣ 8 или 10 изданій каждый, что предполагаетъ почти внезапное распространеніе 10 мил. книгъ. Впрочемъ и манускрипты не были рѣдкостію у древнихъ. Библіотека Птоломеевъ превосходила литературными сокровищами своими самую богатую изъ современныхъ Европейскихъ библіотекъ. Она содержала 700 т. томовъ.

теру, и обратимъ вниманіе на писателей—поэтовъ въ отношеніи къ ихъ собственной жизни. Какая психологическая разница между греческимъ или римскимъ поэтомъ, *писавшимъ* свои произведенія, и поэтомъ новѣйшаго времени, поэтомъ, *печатающимъ?* Представимъ себѣ Ѳеокрита или Софокла, Данта, или Петрарку и Тасса, Шекспира или Байрона, наконецъ Гёте или Пушкина, какъ было бы любопытно проникнуть въ ихъ индивидуальную, частную жизнь, сравнить ихъ личность, свести въ царствѣ мертвыхъ, напримѣръ, Ѳеокрита съ Геснеромъ и подслушать ихъ разговоры! чтобы стали они толковать объ идилліи? какими красками описали бы они другъ другу свою жизнь, впечатлѣнія, произведенныя ихъ созданіями на ихъ современниковъ? Думалъ ли Ѳеокритъ о славѣ, была ли она для него путеводною звѣздою на поприщѣ жизни? предчувствовалъ ли великій Шекспиръ, что даже тѣнь въ его Гамлетѣ будетъ безсмертна? Еслибъ Шекспиръ ожилъ, было ли бы для него любопытно прочесть, что пишутъ о немъ, не только-что въ Лондонскихъ, но и въ чужеземныхъ журналахъ? Вздохнулъ ли бы учитель потомства, прочитавши иные переводы своихъ произведеній? .. и еслибъ его спросили, какъ Моцартъ у Сальери:

«Ахъ, Сальери !
«Ужель и самъ ты не смѣешься?»

Не отвѣчалъ ли бы онъ:

Нѣтъ!

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери!

А сколько нынче такихъ поэтовъ, которые думаютъ лишь о томъ: что-то скажетъ о нихъ толпа? оцѣнитъ-ли потомство ихъ дѣтскія шалости?... или: въ какомъ бы положеніи нарисовать имъ свой портретъ! о tempora! о mores!

Было ли искусство въ древности особымъ дѣломъ, на которое посвящалась цѣлая жизнь? *Какъ* писали свои произведенія иной классикъ и иной романтикъ? Гдѣ, во сколько времени?... Возьмемъ для примѣра Раупаха. Утромъ, сидя за чашкой кофе, повернувшись спиною къ писцу, диктуетъ онъ безъ остановки драму, для которой приготовленъ въ его головѣ только планъ; а что до монологовъ, они экспромптомъ родятся, словно цыплята изъ жировыхъ яицъ! Какое соображеніе, какой навыкъ, какое знаніе дѣла! Что же до Франціи, тамъ литературное дѣло доходитъ до невѣроятности. Дюма чуть ли не въ одну недѣлю напишетъ вамъ и романъ и комедію и драму! Не ужели принять ихъ за порывы вдохновенія? А между тѣмъ не льзя же назвать ихъ плодами обдуманнаго труда. Въ скоромъ времени паровыя машины, вѣроятно, примутъ участіе въ литературномъ дѣлѣ. Даже у насъ, на дѣвственной еще литературной почвѣ, чуть ли не въ 24 часа выростаютъ и драмы и сцены, на различ-

ные лады! откуда что берется!... Всѣ эти произведенія—скороспѣлки можно сравнить съ падающими звѣздами? хороша, кажется, звѣздочка, пока летитъ съ неба; упала, бѣдная, на землю, и разсыпалась — и нѣтъ отъ нея ни свѣта, ни блеска! а *Гамлеты* между тѣмъ живутъ да живутъ; и каждый любуется вѣчно — прекрасными свѣтилами и освѣщается ими!... Видно, такъ на роду написано?... Жалуйтесь же послѣ этого, господа драматурги, на причуды и прихоти природы! Велики ли, кажется, драматическія сцены Пушкина? а онѣ вѣрно переживутъ нѣсколько поколѣній разнохарактерныхъ, нынѣшнихъ сценъ, этюдовъ, *пассажей* à la N. N.!... Меня можно упрекнуть въ тонѣ, какимъ говорю я о современныхъ писателяхъ; но какъ иначе опредѣлить это рѣзкое отличіе между ими и писателями древняго и средняго міра, между Еврипидомъ и французскимъ драматистомъ à la mougik? Оба поэты, оба писатели, оба зовутся однимъ именемъ: почему же и не сравнить ихъ между собою?... А гдѣ источникъ этого различія? *Въ книгѣ?* Древніе едва ли имѣли понятіе о томъ, что такое *книга*. Пиѳагоръ, который, позволю себѣ такъ выразиться, *думалъ прекрасными законами* и импровизировалъ прекрасные стихи, никогда не думалъ написать книгу. Демокритъ, Эпикуръ, Сократъ и даже плодовитый Хризиппъ не написали ни одной книги: они гораздо выше цѣнили свои мысли, нежели нынѣ оцѣниваютъ книгу. Нынѣ мало-ли

книгъ! и Гомеръ сталъ книгою, и календарь книга, и огородъ книга, и сочиненія Н. Н. опять-таки *книга*! и всѣмъ имъ приходится лежать рядкомъ въ одинаковомъ модномъ платьѣ, пока иному читателю не вздумается бросить и тѣ и другія подъ столъ... бѣдныя *книги!* Книга— патентъ на однодневную славу! — и вотъ что побуждаетъ нынѣ писать. Не весело ли, въ самомъ дѣлѣ, иному прочесть въ первый разъ объявленіе о выходѣ: «опыты такого-то *автора!»* не весело ли послѣ этого выйдти на улицу, молча спрашивать у всякаго встрѣчающагося: *узнаете ли вы меня?* и въ то же время прочесть въ его глазахъ, какъ онъ говоритъ самъ про себя: *А! это такой-то*... Кстати и журналистъ—*самъ-себѣ на умѣ* — вѣнчаетъ лаврами чело новаго поэта, называя его новымъ Байрономъ, Шекспиромъ, Гёте, Шиллеромъ, Данте и т. д. Умри на ту пору истинный поэтъ, слава народа, онъ въ состояніи дерзко взять въ руки наряженную имъ куклу и съ усмѣшкою сказать: вотъ кто, можетъ-быть, замѣнитъ вамъ вашего любимца!... Страшно становится отъ такихъ воспоминаній... Нѣтъ! не таковы были древніе и стократъ были они блаженнѣе. Ихъ сочиненія не издавались красивымъ шрифтомъ, на веленевой бумагѣ; они не заботились о томъ, чтобъ передать потомству изображеніе своего лица — и нынѣшняя улыбка праздношатающагося, проходящаго мимо оконъ книжной лавки, не дерзнула бы оскорбить бла-

городнаго лика поэта, какъ случается теперь, если писатель получилъ отъ природы не совсѣмъ красивую наружность, иногда еще и съ самодовольною улыбкою... Поэты въ древности оставляли лучшее наслѣдство потомству: они завѣщавали ему прекрасную душу—и эта душа живетъ и будетъ жить съ каждымъ изъ насъ, вдвойнѣ безсмертная!... Наконецъ, самые близкіе къ намъ, современные писатели — поэты, суть поэты, *продающіе* свои произведенія: отсюда начало *спекулативной* книжной торговли. Я недавно встрѣтилъ одного пріѣзжаго помѣщика, который спрашивалъ при мнѣ совѣта, что выгоднѣе: сахарный ли заводъ, тонкошерстныя овцы, акціи желѣзной дороги, стеариновыя свѣчи, или литературное предпріятіе, какое-нибудь Prachtavsgabe неизданнаго романа, извѣстнаго писателя, или полнаго собранія сочиненій писателя, вовсе неизвѣстнаго, или альманаха знаменитостей, съ англійскими гравюрами, портретами, fac-simile и проч. Прежде жили поэты сами по себѣ; теперь существованіе поэта условливается существованіемъ *книгопродавца*. Какъ вѣрно выраженъ Пушкинымъ характеръ дѣйствительной жизни современнаго писателя, въ его разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ!

Стишки любимца музъ и грацій
Мы въ мигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ ..

. . . .

Надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.

. . . .

Что слава? яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца...

. . . .

Не продается вдохновенье;
Но можно рукопись продать...

Отношеніе поэта къ обществу въ новое время и въ мірѣ древнемъ — совершенно-различно. Эта разность личностей есть задача, полная психологической занимательности. Если книгопечатаніе было полезно, если оно сохранило отъ всепожирающаго опустошенія времени многія, прекрасныя произведенія искусства міра древняго, и пустило ихъ въ общій оборотъ, пустивши впрочемъ въ оборотъ и дурныя распространеніемъ множества заблужденій и вредныхъ понятій, если оно, говорю я, было полезно для толпы, нельзя отвергать, что бы оно не благопріятствовало и самимъ писателямъ въ отношеніи къ ихъ общественной жизни. Поэзія, спустившись съ розоваго облака на типографическій станокъ, должна была повредить свои нѣжныя крылья. И съ тѣхъ поръ, какъ развелись типографіи, ужь перестали убирать лавровыми вѣнками чело поэтовъ,—развѣ только на литографіяхъ, и то по смерти! Прошелъ не только вѣкъ Цицероновъ, но и вѣкъ Лопе-де Веговъ, Дантовъ и Торкватовъ. Въ наше время Петраркѣ не взойдти съ тріумфомъ въ

Капитолій... и самая Италія, эта родина любви къ искусствамъ и славы художниковъ, нынѣ бросаетъ лишь кусокъ хлѣба наукѣ и генію, но не воздаетъ уже имъ прежнихъ почестей. Ядовитое распространеніе дурныхъ произведеній обезчестило искусство. Въ древности поэтическіе геніи были верховными жрецами; толпа съ благоговѣніемъ внимала ихъ рѣчамъ, и города спорили между собою о мѣстѣ ихъ рожденія. Нынѣ вдохновеніе цѣпенѣетъ отъ холоднаго равнодушія толпы къ душѣ самой пылкой, среди этой шумной *публичности*, которую не льзя назвать славою. *Музы — чистыя дѣвы, и ихъ наслажденія должны быть облечены въ таинственность* (*).

Заключаю этотъ бѣглый очеркъ словами Жанъ-Поля, ясновидящаго: когда Софоклъ, обвиненный въ безуміи своими дѣтьми, не представилъ ничего судьямъ въ оправданіе, кромѣ своего «Эдипа» онъ выигралъ своимъ произведеніемъ тяжбу, которую, такимъ образомъ, проиграла бы нынѣ большая часть поэтовъ; слѣдовательно, всегда остается разница между ими и Софокломъ.

(*) Charles Nodier. Oeuvres complettes. T. V. p. 233.

II.

Кто съ равнодушіемъ смотритъ на усопшихъ, тотъ едва ли не съ большимъ равнодушіемъ смотритъ и на живыхъ.... Я люблю минуты, доставляющія сердцу случай пролить слезу въ воспоминаніе любимаго предмета.

Никто не обратитъ своихъ взоровъ на эту страницу, безъ того, что бы не оплакать здѣсь кого-нибудь и что бы не жаждать чьей нибудь встрѣчи. Увы! прошедши путь этой жизни, усѣянной мертвецами, не встрѣтимъ-ли мы лица друга, которому могли бы сказать: привѣтствую тебя, давноожиданный!

Подымите съ земли черепъ и загляните во внутренность этихъ развалинъ чертога, обители изчезнувшаго духа.... Сходство этой обнаженной головы съ головами, еще не лишенными своего нарядцаго украшенія, много глубокаго вамъ повѣдаетъ.

Густой мракъ ночи могильной, вѣчный сонъ мертвецовъ, послѣдніе останки человѣка, холодный прахъ гробовъ, вы не пугаете меня, вы вызываете скорбную думу; я не робѣю предъ вами, вы придаете мнѣ мужество; я не бѣгу отъ васъ и сердце мое не тускнѣетъ отъ холода: вы оживляете во мнѣ чувства, слишкомъ быстро изглаживающіяся въ шумѣ мірской суеты; вы укрѣпляете бѣдный умъ, порождая въ немъ мысли строгія, но сладкія; печальныя, но спасительныя, врачующія душу. Къ вамъ я прихожу учиться жизни. Достаточно одной природы, что

бы научиться, какъ умереть. Что я сказалъ? умереть! я не понимаю этого слова! все измѣняется въ формѣ; но ни что не умираетъ. Дитя открываетъ глаза, смотритъ на свѣтъ Божій и не имѣетъ никакого понятія о бытіи; природа, какъ нѣжная мать, тихо кладетъ его на порогъ дверей жизни, подобной волнамъ моря, улегающимся въ своихъ берегахъ. Тогда природа вызываетъ это созданіе, чтобъ снова вмѣстить его въ своихъ нѣдрахъ, оно вновь обращается къ ней, какъ заблудившійся ребенокъ, бѣгущій на зовъ матери. Но рожденіе привлекательно и богато надеждами; вы видите здѣсь движеніе, дыханіе, крикъ: это признаки жизни. Разрушеніе же, напротивъ того, устрашаетъ: жаръ, движеніе, жизнь ослабѣваютъ, пока не потухнутъ совершенно. Эти уста, издававшія столь гармоническіе, сладостные для моего слуха звуки, вызывавшіе мою мысль и мое сердце, эти розовыя уста поблѣднѣли и умолкли на всегда! эти голубыс глаза, въ которыхъ такъ вѣрно, такъ прекрасно отражалось небо, въ которыхъ я такъ любилъ угадывать самыя сокровенныя чувства, задушевныя желанія, эти глаза утратили и цвѣтъ и живость, и закрылись, чтобъ никогда болѣе не открыться! русыя кудри развились навсегда! эти изящныя формы, которымъ я, поклонялся, это сердце, храмъ невинности, скромности и доброты, эти прекрасныя формы, это нѣжное сердце — наслѣдіе червя, безобразнаго, пресмыкаю-

щагося насѣкомаго, котораго, за мгновеніе передъ смертію, незамѣтно растоптала бы гордая нога существа, покоющагося теперь въ могилѣ!... О! сколько долженъ былъ первый умершій возбудить удивленія, смущенія, думъ и ужаса въ душѣ первыхъ человѣковъ! Когда не слышали болѣе ни его дыханія, ни біенія его сердца, когда холодъ и неподвижность распространились по всѣмъ его членамъ, когда слезы, рыданія и крики не въ силахъ были разбудить того, кто опочилъ сномъ вѣчнымъ, когда трупъ, источенный червями, растерзанный хищными птицами, превратился въ предметъ ужаса, когда оставшіеся по немъ не узнавали болѣе въ немъ человѣка, первороднаго типа красоты, когда вѣтры разнесли бездушный прахъ, — какой холодный потъ долженъ былъ выступить на челѣ нашихъ праотцевъ! какая живая скорбь сжала ихъ сердце! нѣтъ болѣе сомнѣнія, неизвѣстности, раздирающей душу; это не сонъ, не временное, случайное оцѣпенѣніе, это — *измѣна* жизни! совершенное измѣненіе прекраснаго созданія, любимца природы! это разрушеніе — это *противоположное* жизни!.., И впервые прошептали уста человѣческія роковое слово: «*смерть*» — и живыя уста поблѣднѣли, и образъ человѣка въ скорби утратилъ первобытную красоту!... Куда скрылся тотъ, кто простился съ жизнію? возвратятъ ли намъ его? гдѣ мы снова встрѣтимъ другъ друга? соединимся ли вновь, чтобъ никогда болѣе не

разлучаться?... Вопросы, которые должна была предложить себѣ смущенная ужасомъ толпа, и рѣшеніе которыхъ и по нынѣ уклоняется отъ разума, чтобъ свободнѣе открыться сердцу и только одному сердцу, *достойному* принять святую тайну.

Да! глубокое, ужасное впечатлѣніе должна была оставить смерть перваго человѣка. Сравните его съ настоящимъ: огромно стало семейство человѣческаго рода, и братъ не знаетъ брата... Вотъ везутъ покойницу на кладбище; пышно-богаты похороны; много братьевъ провожаютъ усопшую: но ѣдетъ иной и помышляетъ о живыхъ, если не о самомъ себѣ; это для него такое *обыкновенное дѣло*. Не такъ смотрѣли первые братья на перваго усопшаго; безжизненный трупъ лежалъ на сырой землѣ, обнаженный и омытый слезами; глубокимъ трауромъ облекалось сердце; нынѣ *надѣваютъ* внѣшніе признаки холоднаго участія и не дожившая слеза чуть-живой скорби останавливается въ глазахъ человѣка.... Многіе знали покойницу, когда она еще гостила между нами; не многіе ее любили, какъ любилъ сестру первый братъ. Какъ очаровательно-хороша была она, рѣзво играя, какъ дитя, на утреннемъ пиру жизни! и умерла въ цвѣтѣ лѣтъ! распустилась роза и увяла, не насладившись солнечнымъ свѣтомъ!... Первый человѣкъ жилъ долго и вполнѣ изведалъ земную жизнь еще въ дѣвственномъ, лучшемъ Божіемъ мірѣ; а она не изжила и крат-

современной, настоящей человѣческой жизни.... И что же? всѣ ли присутствующіе братья плачутъ, утративши добрую сестру? безсмысленно бѣжитъ толпа, и лишь добрый человѣкъ оглядывается на розовый гробъ и творитъ молитву за упокой души усопшей; и та молитва отзовется на небѣ, и въ ту минуту смертное постигаетъ безсмертное; это—сочувствіе души *родной*; на земномъ языкѣ она была ему *чужая*. Прошли дни, и лучшій другъ не навѣщаетъ болѣе могилы умершей; давно уже высохли слезы, и бѣдный опять смѣется, какъ прежде. Забвеніе—жалкое наслѣдство любви!

Рожденіе не внушало мысли о прекращеніи жизни. Смерть была заключеніемъ, которое не имѣло первыхъ посылокъ; первый человѣкъ жилъ и наслаждался, очарованный красотою созданія, не предвидя, что ему придется проститься съ жизнію, что онъ никогда болѣе не увидитъ ни своей родни, къ которой такъ привязался, ни сокровищъ, которыми рука великаго художника такъ дивно, такъ роскошно его надѣлила, ни земли, ни ея цвѣтовъ, ни неба, ни звѣздъ, ни солнца... Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на природу, измѣняющуюся вмѣстѣ съ временами года; онъ глядѣлъ на молодое дерево, которое покрывается листьями, цвѣтами, плодами и наконецъ теряетъ свое богатство, до новой весны; онъ не помышлялъ, что и дерево, и цвѣтокъ, и листъ переживутъ его. И въ то время, какъ онъ соз-

даетъ и лелѣетъ въ душѣ гордые помыслы—онъ падаетъ! и страшная картина смерти поражаетъ и туманитъ взоры человѣческаго рода, прежде нежели составилось о ней явное понятіе. Я вижу людей, окружившихъ перваго мертвеца, вижу, какъ они онѣмѣли отъ удивленія, оцѣпенѣли отъ ужаса. Чего надѣяться имъ? чего страшиться впереди? есть ли смерть особенный случай, которому подвергся тотъ, кто пересталъ жить? или судьба, предназначенная всѣмъ безъ различія?... Прошли вѣка, изчезли сомнѣнія; но остался ужасъ. И въ самомъ дѣлѣ, какова минута, въ которую должно броситься съ того берега, гдѣ прекращается жизнь, къ другому берегу, гдѣ ожидаетъ насъ вѣчность?...

Смерть есть необходимость; отсюда должно заключить, что она есть переходъ изъ здѣшняго міра въ другую обитель, что грубые частички человѣческаго тѣла однѣ возвращаются въ землю, между тѣмъ—какъ оживлявшій ихъ духъ, возвращается къ вѣчному своему источнику; смерть, съ этой точки зрѣнія разсматриваемая, не ужасаетъ насъ болѣе—и гробъ является намъ горниломъ очищенія отъ всякаго земнаго оскверненія, а могила *яркимъ слѣдомъ ищущаго насъ Ангела*; въ это страшное мгновеніе то, что составляетъ лучшую надежду и утѣшеніе для добродѣтельнаго человѣка, оставляющаго землю, превращается въ страхъ и муки для нечестивца, при борьбѣ его съ смертію. Первый обращается съ мольбою

къ небу — и небо ему отвѣчаетъ и является очамъ во всемъ величіи и блескѣ, чтобъ оживить ихъ въ послѣдній разъ. Второй вызываетъ ничтожество, и между тѣмъ, какъ ничтожество хранитъ молчаніе, онъ слышитъ голосъ, сходящій вмѣстѣ съ земли и съ неба, и изрекающій грозное, роковое слово: вѣчность, вѣчность!... И какъ смертному не вѣрить въ другую жизнь, когда онъ вкусилъ сладость первой? какой человѣкъ не былъ довольно счастливъ, чтобъ не надѣяться еще лучшей участи? какъ отказаться отъ надежды на другое бытіе, когда умъ постигаетъ, сердце жаждетъ и сознаніе обнимаетъ ее съ любовію? И самая смерть, столь могущественная и представляющаяся намъ столь отвратительною, самая смерть, съ своею желѣзною дланью, съ быстрыми крыльями, неумолимая и грозная, не въ силахъ разрушить и совершенно уничтожить всѣ частицы земли, воздуха и огня, которыя, соединившись на мгновеніе, составляютъ какое-либо тѣло; какъ она ни налегаетъ всею тяжестію своею на вещество, какъ ни поражаетъ его, — тѣло падаетъ, составъ разрушается, разнородныя частицы отдѣляются; но ни одна не погибаетъ и всѣ вновь присоединяются къ массѣ. Таковъ порядокъ продолжительности и опредѣленности, установленный великимъ Творцемъ природы... Лучь божественнаго свѣта, небесное наитіе, внутренній двигатель, силы и дѣйствіе котораго мы чувствуемъ, не видя его и не умѣя опредѣлить

его бытія, назовемъ ли его эфирнымъ дыханіемъ, чистымъ разумомъ, душой? этотъ лучь, столь яркій, можетъ потухнуть вмѣстѣ съ *истиннымъ* сномъ жизни? кто дерзнетъ подумать? кто повѣритъ этому? не довольно ли свѣтлыхъ, необъятныхъ міровъ, горящихъ надъ нашими головами, чтобъ принять въ себя эту душу? и нужно ли пространство тому, что внѣ пространства? не одинъ ли и тотъ же законъ управляетъ всѣми стихіями? то, что принадлежитъ къ странѣ горней, возвращается къ своему источнику, какъ землѣ возвращается прахъ, занятый у нея. Еслибъ человѣкъ не былъ безсмертенъ, что было бы слѣдствіемъ? Высшій духъ, одинокій среди развалинъ духовныхъ созданій, сіялъ бы въ борбѣ съ ничтожествомъ, какъ солнце безъ атмосферы, бросающее свои огненные лучи въ глубину мрака, и проникалъ бы небесный сводъ, не освѣщая его.

Если вы добры, какъ можете вы, люди, хоть на минуту огорчать другъ друга? ахъ! въ мрачную зиму этой жизни, среди этого хаоса невѣдомыхъ существъ, отдаленныхъ отъ насъ своимъ величіемъ и необъятностію, въ этомъ темномъ мірѣ, среди волнующагося мрака, окружающаго нашу тлѣнную землю, какъ возможно, чтобъ человѣкъ въ одиночествѣ не обнялъ съ любовію единственное существо, котораго сердце бьется вмѣстѣ съ его сердцемъ, и которому онъ можетъ сказать: братъ, ты мнѣ подобенъ, ты страдаешь,

какъ я, мы можемъ любить другъ друга! Непонятное существо! ты вооружаешься кинжаломъ, чтобъ во мракѣ ночи направить его въ сердце, которое небо, въ своей благости, даровало тебѣ— для твоего счастія и твоего утѣшенія!...

III.

Шестнадцать лѣтъ!... какъ мила и свѣжа дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ, когда она, съ невольной и робкой улыбкой на устахъ, съ потупленными глазками и трепещущимъ сердцемъ, впервые вылетаетъ, въ тихое, ясное утро, на долину жизни, словно молодой жаворонокъ изъ-подкрылушка матери! она, вступивъ въ ярко-освѣщенную залу, боязливо озирается, краснѣетъ и однакожь поправляетъ уже дрожащею рукою свою розовую одежду... Вотъ она начинаетъ развертывать свои легкія крылья, чувствуетъ въ себѣ что-то новое, доселѣ ей незнакомое. Мечты свѣтлымъ роемъ выпорхнули изъ сердца и золотымъ блескомъ отразились на всемъ, окружающемъ ее; быстро бѣжитъ часъ за часомъ и каждая минута — новое очарованіе; надежды, вѣрныя спутницы молодости, увлекаютъ ее въ заманчивую даль. Шестнадцать лѣтъ! первая пора сердца, золотой вѣкъ, въ который оно скромно распускается при восходѣ солнца радости, цвѣтетъ, разогрѣтое его жаркими лучами и наконецъ безмолвно увядаетъ, насладившись жизнію.. О шестнадцать лѣтъ!

Все это пустыя романическія фразы, все это мимолетные призраки жизни, какъ годы ученія, дружба въ институтѣ, клятвы подругъ—никогда не разлучаться, минутное знакомство на дачѣ или на водахъ, элегическія воззванія къ лунѣ, звѣздамъ, ручейкамъ, зефиру и т. п. съ сожалѣніемъ воспѣваемое въ стихахъ неопытною Музою. Шестнадцать лѣтъ, увѣряю васъ, просто возрастъ папильотокъ и коротенькихъ писемъ пансіонерокъ, когда онѣ почиваютъ двѣнадцать часовъ въ сутки и еще оглядываются украдкою на любимую куклу, съ которой такъ грустно разстаться. *Наивно* — и только. Не требуйте же отъ этого возраста поэтической дѣвы; въ шестнадцать лѣтъ дѣвушка и не съумѣетъ быть поэтическою; едва позволитъ она себѣ *подумать* и то случайно, разъ въ недѣлю. Но въ ней много и поэзіи, если хотите, да эта поэзія не перешла еще въ сознаніе: она внѣ ея. Такъ, на примѣръ, посмотрите, какъ дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ предается съ подругами, одного съ нею возраста, всей своей дѣтской, простодушной рѣзвости. И тогда весело полюбоваться ею: болтаетъ, прыгаетъ, распѣваетъ, смѣется, сама не зная чему, упрячетъ головку въ платокъ, когда взглянешь на нее, и вдругъ пустится за своими подругами, оставляя въ жалкомъ одиночествѣ скромнаго юношу, говорившаго съ ними, до тѣхъ поръ, пока онъ осмѣлится снова подойти — и вотъ вся толпа опять улетаетъ, какъ стая испуганныхъ

горлицъ. Не предлагайте ей тогда ни картинъ Рафаэля, ни музыки Бетховена, ни пѣсни соловья, ни весеннихъ прогулокъ, ни поэмъ, ни элегій... она и слушать васъ не станетъ! Милый возрастъ, близкій къ ребячеству и близкій къ утратѣ своей дѣтской прелести!.., Размышленіе еще не навело тѣни на дѣвственное чело, разочарованія еще не дерзнули обрѣзать нѣжныхъ крылъ души, не спустившейся на безплодную степь дѣйствительности! разочарованія, эти великіе поэты — испытатели души и живописцы слова! сердце еще не содрогнулось, обхваченное пламенемъ скрытой страсти; небо чисто и ясно, вездѣ тишина и прохлада, словно на зарѣ лѣтняго дня; но наступитъ полдень и зной и буря.

Въ шестнадцать лѣтъ сердце женщины — чистый младенецъ, еще не отнятый отъ груди матери. Оно еще не живетъ самобытною, независимою жизнію; вся внутренняя дѣятельность его сосредоточивается въ одной любви къ матери, и въ этой священной любви оно черпаетъ все свое наслажденіе Дѣвушка и дочь, это нераздѣльные синонимы, двѣ утреннія звѣзды, вмѣстѣ восходящія на горизонтъ жизни и заимствующія другъ отъ друга и свѣтъ и теплоту. Лишите дѣвушку поцѣлуевъ матери — и она увянетъ, какъ цвѣтокъ безъ росы. Вамъ не льзя будетъ смотрѣть на нее безъ грусти, безъ сочувствія, если вы сами въ ребячествѣ были любимы, балованы на колѣняхъ матери; ея жалкое одиночество должно

внушить вамъ состраданіе; если вы станете изучать ея душу, вы не дойдете до полнаго вывода: она не обнаружитъ вамъ всей роскоши жизни дѣвушки, а породитъ въ васъ лишь недоумѣніе, какъ полувысказанная мысль... Дѣвушка смотритъ на свѣтъ—и видитъ въ немъ одни танцы; онъ представляется ей залою блестящаго праздника, на который завистливо смотришь изъ-за дверей, покуда не перешагнешь еще черезъ порогъ... но дождитесь времени, когда это бѣлое, спокойное чело разгорится отъ жгучей атмосферы бала, когда эти свѣжіе цвѣты, убранство прелестной головки, поблекнутъ отъ жаркаго дыханія и яркаго освѣщенія, когда милый образъ отразится на этихъ свѣтлыхъ, ясныхъ глазахъ и потупятся очи, околдованныя взоромъ, неподвижно остановившимся на нихъ... и выскажется тайна женской души. Тогда молодая дѣвушка перейдетъ за черту шестнадцатилѣтняго, милаго возраста, наступитъ для нея вторая пора: спадетъ завѣтное покрывало, скрывавшее отъ нея назначеніе ея, разоблачится будущее, ей взгрустнется отъ жизни; предчувствіе взволнуетъ грудь — и первый вздохъ ея будетъ печальнымъ вѣстникомъ того, что утрачены шестнадцать лѣтъ.

До сихъ поръ она жила безсознательно, въ сладкой зависимости отъ матери и на все смотрѣла ея глазами, думала ея умомъ, болѣе жила во внѣшности, чѣмъ въ самой себѣ; теперь наступило время полнаго развитія, самопознанія,

самостоятельности. Но эта самостоятельность непродолжительна; сердце находитъ другое сердце и сливается съ нимъ на всегда, чтобъ жить двойною жизнію, въ надеждѣ третьяго сердца. Это— третья пора жизни женщины, вѣнецъ троичной любви. Да! въ вѣнцѣ женской любви три алмаза: одинъ блеститъ еще надъ колыбелью, словно утренняя звѣзда; другой освѣщаетъ ея полдень и жарко горитъ, словно лѣтнее солнце; третій— звѣзда вечерняя, послѣднее, лучшее сокровище женскаго сердца: любовь матери къ своему младенцу.

Первая пора необходимо должна пройти въ дремотѣ душевныхъ волненій, подъ тѣнью эгоизма, чтобъ душа окрѣпла и могла снести удушающій воздухъ жизни, это juste milieu нашего существованія, переходъ отъ дѣтства къ возрасту мысли, сквозь ребячества, балы и двоюродныхъ братцевъ. Душа женщины—одинъ изъ тѣхъ нѣжныхъ цвѣтковъ, которые распускаются долго и ждутъ полдня, чтобы вполнѣ развернуться и излить весь свой ароматъ.

IV.

«Не вливай полыни въ чашу отсутствующихъ.»
«Садись за трапезу жизни, но не облокачивайся.»
«Не ѣзди въ Африку, чтобъ посмотрѣть на чу-
«довища: ступай къ возмутившемуся народу...»
«Посвяти много времени на то, чтобъ полюбить

«или разлюбить друга.» «Законодатель! не бросай «якоря прежде глубомѣра.» «Не презирай никого: «и атомъ бросаетъ тѣнь. Не останавливай тан«цующей женщины, чтобъ подать ей совѣтъ...» «Зимой не проси пріюта у неблагодарнаго; прахъ «могильный не такъ холоденъ, какъ прахъ жи«лища неблагодарнаго. Не оскверняй ручья, уто«лившаго твою жажду. Не злословь женщины, «допустившей тебя сорвать поцалуй съ ея лани«ты.. » «За нѣсколько дней до твоего рожденія, «люди заботились о твоей колыбели; за нѣсколько «лѣтъ до смертнаго часа, заботься о покойной «могилѣ. Старецъ! отвергни благодѣяніе: у тебя «недостанетъ времени, чтобъ за него заплатить... «Намочи печать, чтобъ предохранить ее отъ вос«ка! смочи жизнь нѣсколькими слезами, чтобъ «не слишкомъ прилѣпиться къ ней. Будь грубъ «и суровъ съ нечестивыми; походи на кедръ: «его кора не повреждается, потому, что она горь«ка; насѣкомыя не дерзаютъ на нее посягнуть.» «Лѣбедь молчитъ въ продолженіе всей своей жиз«ни, чтобъ лишь однажды огласить міръ пре«красною пѣснью.» «Молодой человѣкъ! будь губ«кою въ присутствіи говорящаго мудреца, будь «рѣшетомъ въ присутствіи болтающаго безумца. «Ничему не ввѣряйся, ни на что не теряй наде«жды. Заботься о своей душѣ: праздная душа «походитъ на домъ, который скорѣе приходитъ «въ разрушеніе, когда никто въ немъ не живетъ. «Предпочитай молчаніе звонкому эху. Письмо

«есть трупъ мысли. Если тебя спросятъ, что «такое надежда? отвѣчай: это почка плода. Про«щай своего сына, если онъ признается въ сво«емъ проступкѣ; даже тогда, когда онъ скры«ваетъ его; но наказывай его за проступокъ, «когда онъ запирается въ немъ. Иди мимо не«достатковъ старца: можно ли выпрямить желѣ»зо, когда оно уже остыло?» «Каждый день твой «есть пиръ, состоящій изъ двадцати четырехъ «яствъ, поставленныхъ одно послѣ другаго, предъ «твоими глазами: скорѣе протягивай къ нимъ «руку. Если ты и ни до одного не коснешься, «и тогда трапеза каждаго дня зачтется тебѣ въ «концѣ года или жизни.» «Слова суть стрѣлы: до«стигаютъ ли онѣ цѣли или нѣтъ, ты потерялъ «уже всякую власть надъ ними, лишь-только «спустилъ ихъ съ лука.» «Мы любимъ себя въ «другихъ: вотъ уже связь, заключенная человѣ«комъ съ другими, себѣ подобными, связь, кото«рая уничтожаетъ возможность всякаго *абсолют«наго эгоизма*, какъ въ нравственномъ, такъ и въ «физическомъ мірѣ. Грустно становится человѣку «любить одному! Если не скажутъ вамъ, что «васъ любятъ, какъ знать вамъ, что вы любимы? «Уничтожьте это наружное изъявленіе, эти ве«сенніе цвѣты любви — и вы уничтожите и са«мую любовь... Самое лучшее сокровище нашей «жизни должно необходимо быть предметомъ «чистой вѣры? Лесть — учтивость презрѣнія! Нрав«ственность—дивное растѣніе: корень его въ небѣ,

«цвѣты же и плоды украшаютъ землю и разли-
«ваютъ по ней благоуханіе.» «Прошедшее—лампа,
«повѣшенная предъ вратами будущаго, чтобъ
«нѣсколько разсѣять мракъ, его покрывающій.»
«Какъ внушаютъ обыкновенно дѣтямъ первое по-
«нятіе о Богѣ? именуютъ Его и заставляютъ ихъ
«молиться, наклоняя головки и сложивши ручен-
«ки На это возразятъ: учители сами не пони-
«маютъ, что дѣлаютъ Но вы, говорящіе, пони-
«маете ли вы иначе, чѣмъ онѣ? первое понятіе,
«составленное вами о божествѣ, измѣнилось ли
«отъ времени? Оно, можетъ быть, возмужало,
«развилось, но естественно, печувствительно; и
«можно легко убѣдиться, что въ своемъ основа-
«ніи оно нисколько не измѣнилось; тоже и съ
«вашимъ тѣломъ: развѣ вы перемѣнили его?
«пусть же каждый въ дитяти научится уважать
«человѣческое разумѣніе; пусть каждый смотритъ
«съ благоговѣніемъ на младенца, которому мать
«только-что показала первыя движенія молитвы.
«Пути избираемые Богомъ, чтобъ открыть Себя
«всѣмъ своимъ разумнымъ созданіямъ, неиспо-
«вѣдимы, и ни любопытство наше, ни гордость
«никогда не овладѣютъ этою тайною. Дождитесь,
обыкновенно говорятъ, той поры, когда дѣтскій
«умъ будетъ уже въ состояніи постигать истины
«религіи, и тогда говорите имъ о нихъ. Не зна-
«читъ ли это: дайте имъ тогда слова, когда у
«нихъ будутъ идеи. Какъ будто идеи не родят-
«ся въ насъ вмѣстѣ съ словами, а умъ разви-

«вается не въ одно время съ истиною!» «Мы обы-
«кновенно уважаемъ въ другихъ только тѣ ка-
«чества, которыми, по нашему мнѣнію, и насъ
«надѣлила природа. Это особенный способъ хва-
«лить самихъ себя. Когда мы говоримъ: онъ
«человѣкъ очень умный! не значитъ ли это воз-
«высить его до себя? или, когда нѣжнымъ голо-
«сомъ говоримъ: Н. Н. предобрый человѣкъ, —
«не выставляемъ ли мы тѣмъ собственное *Ангель-*
«*ское* сердце? Нѣкоторыя страсти и пороки при-
«надлежатъ исключительно душамъ сильной и
«крѣпкой натуры. Такъ мало душъ, достаточно
«сильныхъ, чтобъ возвыситься до гордости; боль-
«шая часть валяются въ грязи своего тщеславія.
«Мы получаемъ истину, какъ поля росу небес-
«ную. Умъ есть глазъ души, а не сила ея; сила
«заключается въ сердцѣ, т. е. въ страстяхъ. Самый
«свѣтлый и образованный умъ не заставитъ ни
«дѣйствовать, ни хотѣть. Сильная воля, къ бла-
»гой цѣли направленная, вотъ въ чемъ достоин-
«ство. Слабость хороша въ женщинѣ, въ явле-
«ніяхъ, на которыхъ сама природа положила
«печать женственности, да въ искусствѣ: здѣсь
«является она въ видѣ чувствительности, граці-
«озности, мелодіи; но отнюдь не въ мужчинѣ,
«который долженъ быть львомъ на поприщѣ пра-
«ктической жизни, и однимъ взмахомъ гривы
«заставлять содрогаться все, его окружающее.
«Въ природѣ нѣтъ закона равенства. Природа
«равнаго ничего не создастъ; господствующій

«законъ ея: зависимость и подчиненность. Много «нужно философіи, чтобъ чувствовать красоту «порядка, и много религіи, чтобъ наслаждаться «счастіемъ міра.»

«Литература—самый нѣжный, самый блестя- «щій цвѣтъ народной жизни: чтобъ не завялъ «этотъ цвѣтъ, мы не должны бы позволять при- »касаться къ нему корысти, лжемудрію, клеветѣ. «Ничего нѣтъ легче, какъ писать отдѣльныя мы- «сли. Чтобъ узнать имѣетъ ли такая-то мысль «какое нибудь достоинство, стоитъ выразить ее «наипростѣйшимъ образомъ—и вы увидите, пора- «зитъ ли она васъ новизною, оригинальностію, «или мишурная была одежда на ней. Какъ ни «блестящи, ни остроумны мысли подобнаго рода, «онѣ всегда нѣсколько походятъ на дѣтей, от- «лученныхъ отъ роднаго семейства: почти каж- «дый имѣетъ право признать ихъ своими, будь «только на то его добрая воля, Цѣлое сочине- «ніе, въ которомъ мысли рождаются одна отъ «другой и составляютъ неразрывную цѣпь, тре- «буетъ гораздо болѣе труда, и знанія, и силы.» «Женская душа позже распускается и раньше «умираетъ, чѣмъ душа мужчины. Въ 16 лѣтъ «сердце молодаго человѣка живетъ уже полной «жизнію и вполнѣ образовано: начинается пері- «одъ послѣдняго развитія ума и воли. Молодой «человѣкъ въ этѣ лѣта живетъ уже самъ собою, «и вольною птицею далеко отлетаетъ отъ род- «наго гнѣзда; онъ живетъ уже головою; между

«тѣмъ, какъ женщина, большею частію, всегда «живетъ сердцемъ, а если головой, такъ развѣ «ужь въ сѣдинахъ.»

V.

Преклонивъ предъ нею колѣна, устремивъ нѣжный взоръ на прекрасные глаза, онъ походилъ на ребенка, ласкающаго мать свою, на друга, постигающаго подлѣ своего друга всю благость неба, ниспославшаго любовь на землю—въ утѣшеніе человѣку. И въ самомъ дѣлѣ, ея любовь была для него неисчерпаемымъ источникомъ радости; она заботилась о немъ, какъ мать заботится о любимомъ сынѣ, угадывала въ глазахъ его малѣйшее желаніе, шла на встрѣчу каждой мысли и на каждую мысль, на каждое чувство онъ находилъ созвучный отвѣтъ въ душѣ, съ нимъ сроднившейся. Ея рука лежала въ его рукѣ, ея сердце билось ровно съ его сердцемъ, и улыбка на устахъ, какъ будто вопрошала природу: всѣхъ ли смертныхъ надѣляетъ она подобными минутами? И, среди этого эдема душевныхъ ощущеній, она вполнѣ была счастлива... но ему... ему чего-то не доставало, тайное желаніе тихо волновало его грудь.

Онъ все сдѣлалъ для нея, собралъ къ ея ногамъ всѣ свои нетлѣнныя сокровища; отдалъ въ приданое своей любви все богатство сердца и мысли. Для нея онъ покинулъ долину, гдѣ про-

велъ дѣтство, измѣнилъ веселымъ играмъ друзей; для нея возмужалъ онъ — и силою любви окрѣпла душа его; подъ дѣтскимъ челомъ, созрѣли идеи глубокія, недоступныя юношеству, и въ жилахъ закипѣла кровь, и сердце поняло, что, для достиженія взаимной любви, оно готово на всѣ возможныя жертвы. Когда узналъ, что она любитъ стихи, онъ въ глубинѣ души своей нашелъ для нея пѣсни, дышащія всею роскошью поэзіи! Когда услышалъ, что она высоко цѣнитъ искусства и художества — онъ взялся за кисти — и кисть ему была послушна. Въ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, полныхъ очарованія, когда небо, усыпанное тысячами звѣздъ, словно свѣтлыми очами, смотритъ на землю и дивную нѣгу какъ-будто льетъ съ высоты, для нея онъ создалъ мелодіи, трогающія душу. Исчерпавъ такимъ образомъ вдохновеніе во всемъ, что только могло ей нравиться и привлечь ея сердце къ нему, онъ принималъ за дары генія чародѣйство любви. И онъ все-таки не былъ вполнѣ счастливъ: его молодая страсть ждала упоенія, самозабвенія, самопожертвованія. Онъ зналъ, только то, что существуютъ въ дѣйствительности радости, имъ еще неизвѣданныя, счастіе, которымъ онъ мечталъ обладать, идеально—обольстительное созданіе, столь живыми красками рисуемое его художническимъ воображеніемъ, женщина, однимъ словомъ, о которой онъ думалъ, когда освѣжалъ горячія уста прохладной струей род-

ника, когда заслушивался мелодическихъ звуковъ, и, утомившись, закрывалъ глаза въ сладкой, душевной дремотѣ, когда ночью, засыпая, онъ умолялъ сновидѣнія даровать ему одно лобзаніе, чтобъ потомъ умереть!... Вотъ, что чувствовалъ онъ въ ту минуту, когда душа его, слившись съ ея душой, жадно упивалась магнитными чарами, превращающими любовь въ какой-то сладкій недугъ.

«Пойдемъ со мною» сказала она ему: «пойдемъ вмѣстѣ прогуливаться; взгляни, какъ хорошо на небѣ, какъ развеселилась природа и манитъ насъ въ свой зеленый лѣсъ; я люблю вмѣстѣ съ тобою дышать ея благовонныль запахомъ, когда голова твоя склоняется къ моему челу, чтобъ не снесло развѣваемаго вѣтромъ покрывала; я люблю всходить съ тобою на горы по утесистымъ тропинкамъ, когда нога твоя такъ осторожно назначаетъ слѣды, по которымъ я ступать должна; мнѣ весело, облокотившись на твою руку, перебѣгать ручьи, скрывать лицо свое на твоей груди, чтобъ спасти его отъ колючихъ вѣтвей шиповника, искать подлѣ тебя защиты отъ угрожающей бури... О, я съ тобою во всемъ нахожу наслажденіе!» И душа его била тревогу и разгаралась отъ жгучихъ мыслей; онъ не постигалъ этого изобилія цѣломудреннаго чувства женскаго.

Медленно и задумчиво гуляли они... Молчаніе— краснорѣчіе любви: ей не нужны ни сокровища

слова, ни гимны мысли; другая, возвышеннѣйшая поэзія — поэзія сердца, сотрясаетъ чувства и издаетъ гармоническіе аккорды. Какъ въ тѣ священныя минуты, когда человѣкъ возносится сердцемъ къ небу и возсылаетъ къ нему молитвы благодаренія, такъ и въ минуты мистическаго упоенія, небо нисходитъ на чистую душу, полную любви; и горе улыбкѣ, пришедшей осквернить священный праздникъ души! Вкушая блаженство, которому нѣтъ выраженія, они подошли къ огромнымъ скаламъ и были остановлены старцемъ, предлагавшимъ имъ осмотрѣть подземелья, образовавшіяся подъ этими грудами камней. Они вошли подъ своды, далеко извивающіеся внутри горы; встрѣчаемые тамъ-и-сямъ окаменѣлыя каскады какъ-будто свидѣтельствовали, что природа остановилась среди сихъ катакомбъ; висячія скалы, отдѣлившіяся другъ отъ друга широкими, мрачными трещинами, набрасывали грозную тѣнь на фантастическую картину, по которой изрѣдка перебѣгалъ, какъ блудящій огонекъ, чуть живой свѣтъ фонаря, указывавшаго имъ дорогу. Пустота, мракъ, плачевное эхо, которое какъ-будто доносило до нѣдръ земли слова, произнесенныя человѣческими устами, — все обдавало душу какимъ-то гробовымъ холодомъ и захватывало мысль; они поспѣшили оставить подземелье и вышли на свѣтъ Божій. Сладко было имъ дышать, когда они снова увидѣли свѣтлый горизонтъ. Тогда они за-

мѣтили низкія, деревянныя двери, прислоненныя къ скалѣ, и означавшія жилища бѣдныхъ обитателей той страны. Они не могли вообразить, чтобъ существовали въ этихъ покинутыхъ норахъ человѣческія существа, обладавшія, подобно имъ, тѣми же стихіями разумѣнія, чувствъ, возможностію надеждъ и счастія, и которыхъ судьба довела почти до состоянія дикихъ звѣрей. Чрезъ минуту толпа маленькихъ дѣтей, съ босыми ногами, въ дрянныхъ рубищахъ, прибѣжала пригласить ихъ навѣстить свою мать, оставшуюся дома. Дома! бѣдняжки называли своимъ домомъ каменную пещеру! Онѣ прыгали и смѣялись, толкая гнилыя доски, заслонявшія входъ въ безобразную впадину, въ глубинѣ которой лежала женщина, блѣдная, худая, съ лицомъ, выказывающимъ слѣды жалкой нищеты. Подлѣ нея, на той же постели, почивали сладкимъ сномъ двое дѣтей: старшаго она назвала своимъ сыномъ; онъ былъ худъ, старообразенъ и обернутъ въ лохмотья; другой же былъ такъ милъ, что художникъ срисовалъ бы его, какъ типъ дѣтской красоты; свѣжесть его кругленькаго личика, нѣжные члены, обхваченные тоненькой рубашечкой, обшитой дорогимъ кружевомъ, чистота и граціозность сложенія, яркая бѣлизна тѣла ручались за его благородное произхожденіе. Это былъ ея питомецъ! уже третій день, какъ она кормила его грудью... Откуда онъ?... Откуда это маленькое, милое существо, въ лазурномъ

взорѣ котораго какъ-будто смотрится ангелъ? Предназначено ли испытать ему земныя муки, или же онъ вновь улетитъ въ страну эфирную, гдѣ блещутъ юныя свѣтила, какъ легкое видѣніе, сшедшее на нѣсколько часовъ на землю, чтобъ чистотою любимцевъ божіихъ прельстить бѣдныхъ смертныхъ? Прекрасный младенецъ, подъ этими душными сводами, на ложѣ жалкой нищеты, походилъ на свѣжую розу, брошенную на грязную землю. Младенецъ, покинутый, чистая звѣзда котораго, можетъ быть, была брошена въ бездну жизни въ роковую минуту преступленія, которому никогда не будутъ понятны сладкое имя матери, любовь къ родинѣ, которому не-за кого будетъ молиться на землѣ!... Увы! повѣсть о немъ коротка. Бѣдная женщина разсказала, что, разрѣшившись послѣднимъ сыномъ и вынужденная необходимостію, она отправилась въ городъ, чтобъ тамъ добыть питомца. Она ждала случая въ заведеніи, на то предназначенномъ — и, нѣсколько дней спустя, ее повели въ комнату, слабо освѣщенную, гдѣ молодая женщина осыпала поцѣлуями новорожденнаго младенца. Рыданія ея раздирали душу; казалось, она не перенесетъ столь сильнаго душевнаго потрясенія. Подлѣ нея сидѣлъ молодой человѣкъ и старался утѣшить ее нѣжными ласками; онъ, то поправлялъ ей подушки, то цѣловалъ ея волосы, ея руки, то бросался на колѣни передъ нею и благодарилъ ее... просилъ прощенія... увѣрялъ, что

онъ счастливъ... хотѣлъ умереть; потомъ тихо проговорилъ что-то о продолжительномъ путешествіи, о завѣтной тайнѣ, о жестокой, необходимой разлукѣ... и много, много другихъ, печальныхъ рѣчей, которыя привели больную въ такое ужасное состояніе, что кормилица сочла за нужное воспользоваться обморокомъ бѣдной матери, чтобъ унести ребенка, увѣряя, въ своей деревенской простотѣ, что надобно все переносить терпѣливо и хладнокровно, и что тогда все пойдетъ хорошо... И въ этотъ же вечеръ она понесла его въ свое бѣдное жилище. Это существо, родившееся на великолѣпномъ ложѣ подъ пышными, бархатными завѣсами, среди аромата цвѣтовъ, получившее, при рожденіи, въ наслѣдство отъ матери, тысячи поцѣлуевъ и жемчужное ожерелье, займетъ теперь мѣсто въ семействѣ, умирающемъ отъ холода и голода, и ни одинъ добрый человѣкъ не осмѣлился спросить: куда его несутъ? кто замѣнитъ ему отца и мать, если только можно ихъ замѣнить? кто станетъ разогрѣвать въ немъ сердце съ ранней поры? кто научитъ его первой молитвѣ? кто первый рѣшится вымолвить ему роковое слово: *сирота*! и, поднося къ устамъ горькую чашу, заставитъ его обратить взоры къ небу и *тамъ* искать отца и матери? или же онъ увянетъ на морозѣ жизни, какъ цвѣтокъ, не выждавшій луча солнечнаго? Никто не знаетъ, что онъ живетъ въ покинутой пещерѣ, что воздухъ доходитъ до него чрезъ

трещину скалы, что нужда истощила грудь его кормилицы, и что лишь — только два существа были свидѣтелями жалкой участи покинутаго въ этомъ жилищѣ нищеты. И эти два существа не нашли, что сказать другъ другу предъ столь печальной картиной; но она возбудила въ нихъ глубокое сочувствіе и вызвала тяжелую думу... Каждый изъ нихъ живо воображалъ себѣ сцену скорби, о которой разсказывала кормилица: эту мать, изнеможенную отчаяніемъ, у которой похитили сына, не давъ ей налюбоваться имъ, нацѣловаться съ нимъ и хоть тѣмъ выкупить страданія... этого молодаго человѣка, почувствовавшаго всю ѣдкость раскаянія... участь ребенка, брошеннаго одинокимъ на землѣ! и невольно вкралась къ нимъ въ душу мысль, что путь къ этимъ несчастіямъ былъ усыпанъ цвѣтами, что слезамъ предшествовали смѣющіяся мечты, упоительныя наслажденія, обольстительныя рѣчи... клятвы, обѣты.. Они возвратились, не сказавъ ни слова другъ другу; *другое* чувство, *другія* мысли овладѣли его душою: какое-то стыдливое, цѣломудренное сочувствіе сроднило ихъ мысли, они хранили молчаніе; но много высказали другъ другу; онъ теперь постигалъ и вполнѣ оцѣнивалъ тайное, грустное безмолвіе женщины, имъ любимой: она нѣжно смотрѣла на своего друга, умиленная печальнымъ урокомъ, напечатлѣннымъ въ глубинѣ его души.

И. Б...ій.

Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева (*).

1. НОЧЬ ВЪ ДОРОГѢ.

Не остывшая отъ зною,
Ночь Іюльская блистала —
И надъ тусклою землею,
Небо, полное грозою,
Все въ зарницахъ трепетало....

* * *

Неба сонныя рѣсницы
Раскрывалися порою —
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею....

---

2. KENNST DU DAS LAND.

(изъ Гёте).

Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ,
Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,
И цѣлый годъ, въ зеленыхъ листьяхъ скрытъ,
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ горитъ?...
Ты былъ ли тамъ?... туда, туда съ тобой
Хотѣла-бъ я укрыться, милый мой!

* * *

Ты знаешь высь, съ стезей по крутизнамъ?
Лошакъ бредетъ, въ туманѣ, по снѣгамъ,
Въ ущельяхъ горъ отродье — змѣй живетъ,
Гремитъ обвалъ и водопадъ реветъ —
Ты былъ ли тамъ?... туда, туда съ тобой,
Намъ путь лежитъ — уйдемъ, властитель мой!

* * *

(*) Въ нынѣшнемъ году будетъ напечатано полное собраніе стихотвореній Тютчева. *Издатель.*

Ты знаешь домъ на мраморныхъ столпахъ?
Сіяетъ даль и куполъ весь въ лучахъ!
Глядятъ кумиры, молча и грустя!
Что, что съ тобою, бѣдное дитя?...
Ты былъ ли тамъ?... туда, туда съ тобой
Уйдемъ, скорѣй, уйдемъ, родитель мой!

---

3. ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

Листъ зеленѣетъ молодой —
Смотри, какъ листьемъ молодымъ,
Стоятъ обвѣяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, какъ дымъ....
Давно имъ грезилось весной,
Весной и лѣтомъ золотымъ —
И вотъ живыя эти грезы
Подъ первымъ небомъ голубымъ
Пробились вдругъ на свѣтъ дневной....
О, первыхъ листьевъ красота,
Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ
Съ новорожденною ихъ тѣнью!
И слышно намъ по ихъ движенью,
Что въ этихъ тысячахъ и тьмахъ
Не встрѣтишь мертваго листа.

Май. 1851.

---

4. ВОЛНА И ДУМА.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной:
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ —
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ,
Тотъ же всё вѣчный прибой и отбой —
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой.

14 Іюля. 1851. Москва.

---

5. ГРАФИНѢ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

(въ отвѣтъ на ея письмо).

Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ, зарытый, но живой!

*
* *

И вотъ, я чую, надомною,
Не наяву и не во снѣ,
Какъ бы повѣяло весною,
Какъ бы запѣло о веснѣ....

*
* *

Знакомый голосъ ... голосъ чудный....
То лирцый звукъ, то женскій вздохъ....
Но я, лѣнивецъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ....

*
* *

Я спалъ, въ оковахъ тяжкой лѣни,
Подъ осьми-мѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ стигійской, роковой.

*
* *

Но этотъ сонъ полумогильный,
Какъ надо-мной ни тяготѣлъ,
Онъ самъ же, чародѣй всесильный,
Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ.

*
* *

Пріязни давней выраженья,
Ихъ для меня онъ уловилъ —
И въ музыкальныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ. ..

*
* *

Вотъ вижу я, какъ-бы сквозь дымки,
Волшебный садъ, волшебный домъ —

И въ замкѣ феи — *Нелюдимки*
Вдругъ очутились мы вдвоемъ!...

*
* *

Вдвоемъ — и пѣснь ея звучала,
И отъ завѣтнаго крыльца
Гнала и буйнаго нахала,
Гнала и пошлаго льстеца.

1830. С.-Петербургъ.

М. В. ХРАПОВИЦКІЙ и М. П. СЕРДЮКОВЪ,

(изъ записокъ моихъ) (*).

М. В. Храповицкій провелъ почти всю свою жизнь въ уединеніи. Рѣдко оставлялъ онъ свой, каменный, окруженный столѣтними липами, какъ стѣною, домъ, въ «Бережкѣ»—сельцѣ, на свѣтломъ озерѣ «Песьво» Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда. Только по дѣламъ службы пріѣзжалъ онъ иногда въ уѣздн. городъ, на нѣсколько дней, или часовъ: онъ былъ, три срока, въ разное время, Уѣздн. Предводителемъ Д-ва. Тамъ деревянный домикъ его, на маленькомъ дворикѣ, чуть ли не Сердюковымъ еще построенный, отличался своею чистотою, старинными, кожею обитыми софою и креслами, съ мѣдными пуговками, раскидными столиками и портретами нашихъ Императоровъ и

(*) Источники мои: семейныя преданья, подлинныя письма, записки и прочія бумаги разныхъ лицъ, Словарь достопамятныхъ людей, (Бантышъ-Каменскаго), Дѣянія Петра Великаго, (Голикова), личныя сношенія мои съ М. В. и П. В. Храповицкими и переписка съ первымъ Гр. Аракчеева. *Издатель.*

Императрицъ, отъ Петра до Александра, и родоначальниковъ и родныхъ хозяина: Храповицкихъ, Сердюковыхъ, Сафоновыхъ и Сушковыхъ.

Дикарь-нелюдимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ другъ человѣчества, ненавистникъ женщинъ и однако жь любитель всего изящнаго, философъ и другъ Аракчеева, М. В. Храповицкій удивлялъ странностью своей жизни сосѣдей и особенно сосѣдокъ. Въ домѣ его не было ни одной женщины.— Истинный мизогинъ!... Принималъ посѣщенія въ своемъ «Бережкѣ» охотно—только близкихъ родныхъ, не знатныхъ и бѣдныхъ изъ окрестности людей, когда имъ нужна была его помощь, и очень немногихъ друзей. Самъ рѣдко у кого бывалъ. Только *Грузино* и домъ Гр. Аракчеева, на Литейной, въ Петербургѣ, посѣщалъ онъ каждные два-три года, по настоятельнымъ приглашеніямъ друга. Круглый годъ онъ ложился спать и вставалъ отъ сна вмѣстѣ съ солнцемъ; такъ, напр. въ лѣтніе мѣсяцы, отъ Мая до Сентября, никогда не зажигалась у него въ домѣ свѣча. Хозяйство и полевыя работы мало его озабочивали; порядокъ и тишина были водворены имъ въ имѣніи его единожды навсегда; онъ любилъ мыслить и созерцать. Съ весны до зимы, почти безвыходно въ саду, онъ, то прикармливалъ домашнихъ и вольныхъ птицъ, которыя не слыхивали ружейнаго выстрѣла въ окрестностяхъ мирнаго жилища страннаго философа-мечтателя; то ставилъ не мудреные въ саду и рощѣ памятники умершимъ

друзьямъ и роднымъ, украшая ихъ разными надписями и изрѣченіями; то удилъ въ озерѣ мелкую рыбу, то посѣщалъ шумное общество пчелъ; зимою перечитывалъ давнія книги ветхой библіотеки своей, бренчалъ стариной по чернымъ косточкамъ Вѣнскаго рояля и писалъ Ломоносовскія и Горацiанскія оды, или что-нибудь элегическое и философское. Изъ печатныхъ сочиненій его отыскались въ бумагахъ моихъ: Эклога, на заключеніе мира съ Портою въ 1791 (напечатана въ 1792) и Похвальное слово Екатеринѣ II (напечатано въ 1802, въ «Императорской» типографіи. О жизни, правилахъ и характерѣ его можно видѣть изъ написаннаго имъ самимъ о себѣ и о своихъ литературныхъ занятіяхъ, подъ числомъ *16 Ноября 1805 г.* въ *Бережкѣ:* «Я родился въ «1758 г. Сентября 17 въ С.-Петербургѣ. Хорошо «себя сталъ помнить 10 лѣтъ. Учился охотно въ «домѣ Профессора Модераха. Тамъ 12 лѣтъ пер«вую привязанность и дружбу почувствовалъ къ «П. Н. П. товарищу въ ученіи. Ежедневное чте«ніе хорошихъ книгъ, по выбору сестры моей «М. В. (*) избавило меня отъ предразсудковъ. «Іюнгъ и подобные помогали развиваться раз«сужденію и добродѣтели. Я началъ надзирать «за собою. Любить веселое спокойствіе духа; «удерживать врага своего — природную вспыльчи«вость, и услаждаться малыми благотвореніями,

(*) Марья Васильевна Сушкова.

«какія могъ тогда дѣлать. Первый въ нихъ опытъ «поселилъ прочное навсегда къ тому стремленіе. «Любовь родителя, благодарность и доброхотство «жившихъ въ домѣ, ободряя, подкрѣпляло мои «чувствованія. На 16 году я началъ писать. На«чальные опыты мои размышленій, въ неразлуч«ной ихъ связи съ жаркимъ чувствованіемъ, «оставляю въ томъ видѣ, каковы они были, и «какъ давнюю картину минувшаго и никогда «поновиться не могущаго возраста, храню въ «особенномъ пакетѣ съ надписью.

«Съ тѣхъ поръ истинную жизнь полагая въ «чувствованіи, въ думахъ и дѣяніяхъ, совѣсть «услаждающихъ, я любилъ описывать, что чув«ствовалъ и думалъ. Что дѣлалъ, то хранится «въ совѣсти. Изъ сочиненій моихъ, что живѣй«шимъ въ чувствѣ обрѣтаю, то извлекаю здѣсь, «въ томъ порядкѣ лѣтъ, какъ оно раждалося въ «умѣ и сердцѣ; дабы въ природной связи своей «видѣть начало, продолженіе и приближающійся «конецъ свойствъ душевныхъ; видѣть постоянно «пребывающее и то, что отъ времени измѣняется: «ощутить плодъ каждаго возраста жизни.»

Дружба его съ Гр. А. А. Аракчеевымъ вотъ откуда: Храповицкій, будучи Предводителемъ Дворянства, отправилъ Аракчеева, въ числѣ прочихъ, бѣдныхъ дворянъ Тверской губ. въ С.-Петербургъ, для воспитанія въ Кадетскомъ корпусѣ. Аракчеевъ усердно учился, счастливо служилъ и удачно попалъ въ Гатчину. Тамъ — всѣмъ это

извѣстно—зажглась его звѣзда и, когда Императоръ Павелъ I воцарился, Аракчеевъ сталъ случайнымъ, какъ говорилось встарь, человѣкомъ. При Александрѣ онъ былъ уже первымъ лицемъ въ Государствѣ. Чувство признательности никогда не умирало въ строгомъ сердцѣ Аракчеева. Это лучшая способность его души. Грузино — живой памятникъ его благодарности Павлу, а сумма, пожертвованная имъ въ награду тому историку, который напишетъ исторію Александра, черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины его: изъ за гроба—дань благоговѣнія къ памяти Монарха-благодѣтеля. И такъ его девизъ на гербовой печати: «Безъ лести преданъ» оправданъ цѣлою его жизнію. Онъ могъ часто ошибаться, иногда увлекаться страстію, но онъ нелицемѣрно, пламенно былъ преданъ своимъ Царямъ. Неудивительно, что онъ не могъ забыть никогда и перваго, хотя случайнаго, благодѣтеля, который открылъ ему путь къ извѣстности, почестямъ, богатству, могуществу!... Въ приложеніяхъ къ этой статьѣ напечатаны два его письма къ М. В. Х. какъ-то уцѣлѣвшія. Въ первомъ, отъ $^{12}/_{24}$ Марта 1795, изъ Гатчины, онъ отдаетъ *Милостивому Государю* М. В. отчетъ въ своихъ дѣлахъ, чувствахъ и успѣхахъ, и кончаетъ такъ: «пребуду съ моимъ почитаніемъ на вѣки вѣрнымъ и покорнымъ слугою» Во второмъ, отъ 28 Марта (9 Апр.) 1799, изъ С.-Петербурга, Мих. Вас. ужъ *любезный другъ*, и онъ спрашиваетъ его: «не слыхалъ ли *ты* опять обо мнѣ брани» и т. д. Жаль,

что прочія письма не уцѣлѣли. Въ нихъ видѣнъ бы былъ весь Аракчеевъ: такъ въ этихъ двухъ письмахъ онъ горитъ чистымъ чувствомъ признательности къ благодѣянію, молитъ Бога наградить его (Аракчеева) хотя *добрымъ и честнымъ сердцемъ;* дорожитъ общимъ мнѣніемъ, боится брани людской и завѣряетъ, что старается дѣлать все, чего отъ него ни попросятъ.... Далѣе дѣйствія его показываютъ, что онъ ужь не такъ заботился о мнѣніи людскомъ и не такъ-то ужь былъ доступенъ просьбамъ.

Въ числѣ памятниковъ, разбросанныхъ по берегу озера, въ саду и рощѣ, былъ одинъ историческій. Это—деревянная, подъ сѣнію высокихъ, развѣсистыхъ деревъ, галлерея, названная *храмомъ.* Тутъ стояли бюсты Петра I и Екатерины II. и висѣли двѣ, въ золотыхъ рамкахъ, доски: на одной — стихи:

Кто-бъ ни былъ ты таковъ, наполнись умиленьемъ!
Въ сей храмъ войди съ благоговѣньемъ:
Екатерина въ немъ была!

На другой доскѣ объясненіе: когда, гдѣ и по-какому случаю устроена эта галлерея: «Въ 1785, «въ Маѣ, Имп. Ек. Алекс. II, въ провожаніи «пословъ: Римско-Императорскаго, Великобритан-«скаго и Французскаго, изъ С. П. Б. прибыла «въ В. Волочекъ: осмотрѣла состоящія тамъ водо-«хранилища и каналы внутренняго судоходства,

«определила великія суммы для построенія шлю-«зовъ и бейшлотовъ, на мѣсто бывшихъ деревян-«ныхъ, указала поставить памятникъ *первоначаль-«ному строителю ихъ гражданину Сердюкову*. Иду-«щій къ Петербургу Гжатской караванъ смотрѣла «изъ сей галлереи, на цнинскомъ шлюзѣ, нароч-«но для Нее поставленной. Потомъ материнскими «глазами и сердцемъ провождая караванъ тотъ «въ Боровицкихъ порогахъ, при Потерпильской «пристани сѣла на суда, изъ обыкновенныхъ ба-«рокъ построенныя, и отплыла въ С.-Петербургъ, «осмотря лично судоходныя рѣки. Во время путе-«шествія, не вооруженная гвардія ее охраняла, «но усердіе лоцмановъ и гребцовъ изъ простаго «народа, на судахъ работавшихъ: радость народа «всемѣстно Ее встрѣчала, благословенія Ей со-«путствовали, благодарность провожала Ее.»

«На память сего произшествія куплена сія гал-«лерея и поставлена здѣсь, какъ храмъ, милосер-«дію Екатерины посвященный. 1792 года.»

«Современники, препровождавшіе путь Ея, бы-«ли: Ник. Пет. Архаровъ — Главный Директоръ, «Ник. Яков. Тиньковъ — Директоръ; Совѣтники: «Лог. Мих. Мавзе, Ив. Сер. Путиловъ и Дирек-«торъ Як. Ив. Гинзель, которые всѣ награждены «Монаршею тогда милостію; также Гг. Предво-«дители Дворянства и прочіе Гражданскіе чи-«новники.»

О памятникѣ Сердюкову упоминается и въ запискахъ А. В. Храповицкаго. При Екатеринѣ не успѣли воздвигнуть его; а позже эта мысль забылась.

Азіатскій уроженецъ, калмыкъ, монголъ, манжуръ, Сердюкъ вывезенъ въ Россію изъ Сибири богатымъ купцемъ (гостемъ Московскимъ) Евреиновымъ. Новокрещенный Михаилъ, при врожденной понятливости и страстной любви къ ученію, съ дѣтскаго возраста уже показывалъ свою наклонность и способности къ механикѣ и математикѣ. Граматѣи и счетоводы во времена Петра I встрѣчались не на каждомъ шагу. Сердюкъ скоро обратилъ на себя вниманіе своего хозяина нужными въ дѣлахъ торговыхъ знаніями, честностью и усердіемъ. Сперва сидѣлецъ, потомъ прикащикъ, наконецъ уполномоченный Евреинова, онъ былъ замѣченъ въ Астрахани Петромъ I. Смѣтливость, бѣглость ума, отчетливость и быстрота отвѣтовъ его на разные вопросы Императора рѣшили участь бѣднаго, безъ роду и племени инородца. По возвращеніи своемъ въ Москву, Государь собралъ ближайшія о его дѣятельности, вѣрности и трезвости свѣдѣнія отъ Евреинова, изъявилъ желаніе, что бы послѣдній отпустилъ перваго отъ себя, сказавъ: «онъ мнѣ надобенъ;» записалъ Сердюка въ Новогородское купечество, нѣсколько времени испытывалъ его способности и вскорѣ поручилъ ему устроеніе Вышневолоцкихъ водоспусковъ (шлюзовъ) — пер-

выхъ въ Россіи. И вотъ сирота, калмыкъ, сидѣлецъ Сердюкъ сталъ Гражданиномъ Михаиломъ Ивановичемъ Сердюковымъ. Сотрудникъ Великаго въ дѣлѣ такой важности, каково проведеніе водяныхъ сообщеній и сближеніе отдаленныхъ областей Россіи съ возникавшимъ на краю почти съ Петербургомъ, онъ вполнѣ оправдалъ Его къ себѣ довѣріе. Предоставя Сердюкову управленіе Вышневолоцкою системой, заботы о свободномъ ходѣ судовъ и производство всѣхъ искусственныхъ работъ по водохранилищамъ, водоспускамъ, соединительнымъ водопроводамъ, Петръ въ 1719 г. даровалъ ему значительныя преимущества и пособія, такъ-какъ всѣ расходы по устройству, поддержкѣ и содержанію Вышневолоцской системы были на собственномъ иждивеніи Сердюкова. — Ему дозволено *рубить лѣсъ по 30 саж. отъ береговъ, чьи бы оные ни были;* повелѣно *дать ему, для письма, подьячаго, и 6, изъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ, чтобъ не было ему обиды отъ кого;* предоставлено ему на рѣкахъ, (Цнѣ, Тверцѣ, Шлинѣ) и на каналахъ, *при запорахъ, гдѣ пристойно,* мельницы строить и доходами съ нихъ владѣть, *безоброчно 50 лѣтъ;* наконецъ сказано (въ Указѣ П. Сенату отъ 23 Іюня 1719): а на В. Волочкѣ и въ удомельскомъ погостѣ кабаки и стойки, и таможенные и канцелярскіе сборы отдать ему же на указные сроки, безъ перекупки, изъ Камеръ-Коллегіи, и тѣ откупныя деньги платить ему погодно. Плата же за про-

пускъ черезъ шлюзы барокъ, плотовъ и всякихъ судовъ, въ пользу Сердюкова, установлена уже въ 1722. Наслѣдники его долго еще пользовались такими преимуществами; но трудовое и честное стяжаніе родоначальника прожито внукомъ, а правнучки остались уже безъ малѣйшаго состоянія. Примѣръ — не первый и не послѣдній пагубной расточительности.

Петръ Великій любилъ бесѣду старика Сердюкова и угощенья домовитой, красивой и строговѣрной своимъ обязанностямъ хозяйки. Онъ всегда, на пути ли изъ столицы въ столицу, при обозрѣніи ли работъ, навѣщалъ его, часто проводилъ съ нимъ цѣлые сутки, порой оставался и на почлегъ въ дому своего любимца. Счастье однако не постоянно улыбается намъ въ жизни. Зависть и клевета никогда не дремлютъ. — Такъ случилось и съ Сердюковымъ. Вздумалось ему выстроить домъ себѣ въ Новгородѣ. При закладкѣ основанія работники вырыли изъ земли большой, желѣзный, покрытый ржавчиною, крестъ. Онъ поставилъ его на улицѣ возлѣ воздвигаемаго каменнаго дома своего. Вотъ и пошла молва, что Сердюковъ раскольникъ. Знаменитый Ѳеофанъ истребовалъ старинный крестъ къ себѣ. Мнимый раскольникъ отправленъ въ тайную Канцелярію. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ пробылъ въ заточеніи. Всѣ работы были прекращены. Государь, узнавъ объ этомъ, освободилъ, отправилъ его изъ С. Петербурга въ В. Волочокъ, наказалъ

клеветниковъ и самому Ѳеофану гнѣвно объявилъ выговоръ.—Сердюковъ умеръ въ глубокой старости (въ 1748). Онъ пережилъ своего безсмертнаго покровителя 23 годами. Въ родѣ его сохранился еще драгоцѣннѣйшій изъ подарковъ ему Петра. Это золотой перстень, съ портретомъ Великаго, минюатюръ покрытъ, вмѣсто стекла, тонкимъ брильантомъ. Переходя отъ наслѣдника къ наслѣднику, отъ поколѣнія къ поколѣнію, этотъ перстень теперь у Евт. Ив. Сафонова. М. И. Сердюковъ — родной дѣдъ Храповицкихъ и моей матери. Отецъ ихъ, 3-го класса Василій Ив. Храповицкій былъ женатъ на дочери Сердюкова, Еленѣ Мих. Сафоновъ въ той же съ нимъ степени родства, какъ и Сушковы. Возвращаюсь къ М. В. Храповицкому.

Родной братъ любимца Екатерины, Александра Вас. Храповицкаго, (*) другъ Аракчеева — любимца Павла и Александра, онъ легко могъ выйти въ знать; но, искренній мудрецъ и созерцатель природы, Мих. Вас. уклонялся отъ наградъ и почестей, остался, доброю волею, до могилы Надворнымъ Совѣтникомъ, и на убѣжденія брата своего Тайнаго совѣтника Петра В. служить и выслужиться, вотъ какъ отвѣчалъ, истинно по философски: (**) «Нога моя дѣлаетъ меня чело-

(*) О немъ будетъ напечатана въ особомъ сборникѣ біографическая статья, съ присовокупленіемъ и нѣскольких изъ стихотвореній его. Издатель.

(**) Отмѣчено рукою Мих. Васил. на запискѣ Петра В. Времени, когда была эта переписка не означено. Изд.

вѣкомъ не публичнымъ и не разъѣзжимъ (у него одна нога была короче другоіі) — но пристойнѣе мнѣ вести жизнь уединенную и сидячую. Склонности мои — читать, сочинять и размышлять — заставляютъ также искать жизни свободной. Правда, часто я себя укоряю, что живу *на себя* и не жертвую собою пользѣ общей; но когда разсуждаю, что содержа въ порядкѣ, въ благосостояніи тѣ 200 душъ, которыя судьба мнѣ подчинила, когда ихъ сберегаю и возможное добро имъ доставляю, почитая но себя ихъ дядькой: то полезенъ и я части общества; а что часть мала, тому не я виною — Философія, примѣры другихъ и собственные опыты удостовѣряютъ меня, что, когда человѣкъ духомъ спокоенъ, тогда имѣетъ все возможное смертному благоденствіе. Я нахожусь въ этомъ счастливомъ положеніи. Совѣсть меня не укоряетъ; желанія обузданы. Ни честолюбіе, ни любостяжаніе, ни слава пустая не раздражаютъ. Не лучшель оставаться при своей сферѣ? шагъ впередъ, можетъ быть, будетъ первый шагъ къ разстройкѣ и гибели.» — При всей положительности затворнической жизни, при всемъ спокойствіи мирнаго духа, при всей кротости ровнаго характера, «Бережковскій» мудрецъ бывалъ и въ весело-насмѣшливомъ настроеніи: вотъ три эпиграммы, отысканныя мною между элегіями, одами и размышленіями. Онѣ написаны его рукою; его ли сочиненія — не ручаюсь; однакоже въ нихъ есть помарки и поправки.

I.

Сестра говаривала брату:
О, естьли бъ ты игру забылъ!
Уменъ, любезенъ бы ты былъ;
И скоробъ наградилъ имѣнія утрату.
Сестрица! брошу я свою негодну страсть
И дамъ разсудку полну власть,
Узнавъ, что ты отъ всѣхъ причудъ отстала.
Въ отвѣтъ сестра ему сказала:
Негодной человѣкъ!
Не бросить картъ тебѣ во вѣкъ.

II.

Прекрасенъ ты лицомъ
И статенъ весь кругомъ!
Глядѣть—такъ ты картина!
Но доброй конь все та жь скотина.

III.

Сей камень пьяницу отъ глазъ людскихъ сокрылъ
Всегда онъ пьяный спать ложился,
По утру трезвъ не долго былъ.
Къ нещастью, въ воду онъ ввалился —
И кончилъ дни судьбиной злою:
Въ послѣдній жизни часъ —
Онъ въ первый разъ
Вино смѣшалъ съ водою.

Къ числу странностей отшельника-мудреца можно отнести и то, что онъ особенно любилъ дерево, вовся не поэтическое — осину.» Она — говаривалъ онъ, — «шумитъ безъ вѣтру, разговариваетъ съ философомъ, разсѣеваетъ меланхолію его и составляетъ, такъ сказать, пріятное съ

нимъ общество.» — Въ этихъ мысляхъ осѣнилъ онъ купою осиновыхъ деревъ бесѣдку, названную имъ храмомъ Музъ. Надъ входомъ этой бесѣдки была надпись:

Въ тѣни пріятнаго сихъ древъ уединенья —
Создамъ жилище Музъ и храмину ученья.

Въ ней стоялъ столикъ, съ бумагою, перьями и чернилами. На стѣнахъ были изображенія богини Меланхоліи и Парнасса. Надъ Парнассомъ возвышалась урна — символъ краткости жизни. Противъ Меланхоліи начертаны стихи:

Забудь всѣ суеты!
Спокойствію предайся!
Оставь наружность и мечты!
Здѣсь — думой занимайся! . . .

Было у него и еще любезное мѣсто для думъ: дикій камень, въ глуши, съ надписью:

Гуляньемъ духъ свой усладимъ. . .
Уставъ, на камнѣ посидимъ —
Пока насъ движетъ жизни пламень. . .
Умремъ — на насъ положатъ камень! . . .

И давно ужь камень положенъ на пустынника. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ совершенно удалился отъ человѣческаго сообщества и умеръ въ своемъ уединеніи, безъ болѣзни, безъ страха, безъ страданій, въ Мартѣ 1819. Вѣрный убѣжденіямъ всей своей жизни, онъ не хотѣлъ оставить свою Вышневолоцкую Спарту въ раздѣлъ наслѣдникамъ послѣ себя и обратилъ крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы. Такъ прозою

(духовнымъ завѣщаніемъ) онъ оправдалъ стихи (ода): «на достопамятное постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, въ 20 д. Фев. 1803» — Кому принадлежатъ теперь его сельскій домъ, садъ, рощи, со всѣми затѣями?... Не знаю. Что до утраты наслѣдства, она вознаграждена Всемилостивѣйшею выдачею намъ въ 1826 г. изъ казны 50 т. руб.

М. В. Храповицкій писалъ много; но онъ, какъ жилъ, такъ и писалъ не для людей; печаталъ мало, не мечталъ о славѣ. Прозу его: «Плодъ моего уединенія» и отрывочныя мысли въ небольшой тетрадкѣ, рѣшаюсь предложить тѣмъ изъ читателей, которые не пренебрегаютъ стариной. Не все же читать намъ современныя творенія — разсказы и повѣсти о дѣятельной, горячей, часто пошлой, безумной жизни настоящихъ людей и обществъ. Не худо иногда обратиться и къ протекшему, заглянуть въ давнія книги и рукописи, прочитать нѣсколько страницъ, не блистательныхъ новостью, или смѣлостью мысли, но дѣльныхъ, благородныхъ, успокоительныхъ. Что до стихотвореній его, хотя и въ нихъ часто проглядываютъ и мысль и чувство, онѣ, по языку и-такъ сказать — пошибу, слишкомъ устарѣли, что бъ ихъ печатать теперь, и могутъ развѣ пригодиться для исторіи литературы, если будетъ еще у насъ когда-нибудь эта исторія и притомъ исторія безпристрастная, съ вѣрными взглядами на каждаго писателя и на каждое произведеніе

согласно времени ихъ появленія, обстоятельствамъ, нравамъ, быту, просвѣщенію каждой поры особенно. Судъ современниковъ, большею частью, основанъ на личности, отношеніяхъ, враждебныхъ или пріязненныхъ, на безсознательной молвѣ въ похвалу или порицаніе, на удачахъ или неудачахъ писателя — и это худо, *юридически* — несправедливо, вредно.—Судъ потомства, именно долженъ быть основанъ на полной обстановкѣ писателя. Душевно готовъ всякому, кто возьмется писать исторію литературы, отдать всѣ стихи Храповицкаго, который, кромѣ одъ и элегій, оставилъ и довольно длинное стихотвореніе: «Четыре времени года», въ родѣ Томсона и Томасса.

Николай Сушковъ.

Письма къ другу А. А. Аракчееву.

Ноября 14 д. 1796 г.

Письмо I.

Каждая строка въ письмѣ твоемъ принесла мнѣ сильнѣйшее удовольствіе. Радуюсь безмѣрно щастію твоему, но радость моя чистая и справедливая, ибо воздаяніе получаешь за заслуги и по достоинству. Во множествѣ хлопотъ, кои можно себѣ представить, ты, какъ достойный сынъ, поспѣшилъ обрадовать родительницу и родственниковъ; — какъ другъ, вспомнилъ друга, отдаленнаго мѣстомъ, но близкаго сердцемъ! хочу и лю-

блю вѣрить, что другомъ ты мнѣ любезнымъ останешься. Горжусь тобою, и утѣшаюсь тѣмъ, что ты становишься извѣстенъ и знатенъ; ибо добродѣтели, коими давно ты знатенъ, будутъ извѣстны многимъ, какъ пріемлющимъ твои благодѣянія, такъ и слышащимъ о нихъ. Тебѣ С. одолженъ своимъ щастіемъ; но что М. ощастливлены, то, не они, я собственно получилъ неожидаемое благополучіе, за которое съ живѣйшею чувствительностію благодарю предстательство любезнаго друга; восхищаюсь мыслями, что, благодѣтельствуя имъ, мнѣ хотѣлъ ты благодѣтельствовать; мнѣ отдалъ ты справедливость и доказалъ, что я не ошибся, когда бѣдныхъ, мной собранныхъ, препоручилъ твоему покровительству. О! еслибъ видѣлъ ты слезы радости и слышалъ благословенія тебѣ въ скудныхъ хижинахъ деревни Хв. Скоро поѣду и раздѣлю съ ихъ родственниками радость и благодарность къ тебѣ. Вмѣстѣ съ ними молю Всевышняго, чтобъ даровалъ тебѣ крѣпость здоровья и силъ: соотвѣтствовать усердію и ревности твоей къ службѣ Государя! Какое ободреніе произвелъ ты въ бѣдныхъ моихъ питомцахъ!

На имя ихъ въ училищѣ полученъ пакетъ съ деньгами. Богу-всевидцу препоручаю воздать скромному благодѣтелю, который, по Его небесному побужденію, помогаетъ ближнимъ; — но сердце мое узнаетъ его.

Отъ одной радости перехожу къ другой. На-

боръ остановленъ! каждое семейство едва вѣритъ себѣ, получая, какъ отъ смерти возвращеннаго къ жизни отца, мужа, брата или сына! ручей слезъ проливается изъ глазъ моихъ и мѣшается съ горячими слезами народа; съ восклицаніями простыхъ сердецъ во всей обширности отечества нашего, съ мольбою, восходящею отъ истинной чувствительности, къ Престолу Божію! какое человѣколюбіе оказалъ при первомъ шагѣ Государь нашъ! какъ милліоны сердецъ привлекъ къ себѣ единымъ словомъ!

Нѣсколько строкъ твоихъ, по временамъ свободнымъ, доставятъ удовольствіе вѣрному твоему М. Х. Курьеръ явился ко мнѣ въ В. — тотчасъ отправленъ въ Г. оттуда до К. Мать С. и М. извѣщены письмами. Утѣшайся благотвореніемъ своимъ, чувствуй небесную сію награду!

Вотъ связи Божества съ человѣчествомъ которую забыли ученые въ умствованіяхъ своихъ, а нравоучители въ изысканіяхъ сердца человѣческаго.

Письмо II.

Вручитель сего Преображенскаго полку унтеръ-офицеръ В. Сушковъ, сынъ сестры моей родной, коей я много обязанъ—упоминаю о семъ для того, чтобъ А. А. окомъ дружества запримѣтя его во множествѣ подчиненныхъ, способствовалъ его счастію, приказалъ возложить на него безъ малѣйшей

понаровки всю должность службы, дабы со временемъ, онъ могъ сдѣлаться въ отечествѣ полезнымъ, въ общежитіи годнымъ, и не имѣлъ бы досуговъ вступить въ кругъ развратныхъ молодыхъ людей, какихъ, по нещастію, очень много. Въ отставку отпускать его не надобно: у отца ихъ шестеро, а состояніе очень среднее. И какая польза будетъ отъ него въ округѣ? Можетъ быть, сыщутся о немъ предстатели, мнѣ неизвѣстные; но я прошу моего друга, чтобъ сей молодой человѣкъ, не чинами безъ заслугъ, а достоинствами отличался, тѣмъ онъ во время свое родителямъ и мнѣ пріобрѣтетъ удовольствіе, себѣ щастіе, людямъ пользу, а за все то тебѣ, любезный другъ, они и я обязаны будемъ.

М. Храповицкій.

Письма Графа Аракчеева (*).

1-е) Милостивый Государь, Михайла Васильевичь! Почитаю всегда себе запервое въ свѣтѣ правило благодарность, но неумею оной изьяснить М: Г: ниже на словахъ, кольми пачѣ уже на письмѣ а чувствую только оную въ своемъ сердцѣ почему и долженъ уже всегда оставлять до времени и случая какъ и нынѣ оное свами М: Г: припужденъ делать чтобъ тогда уже оправдать

(*) Здѣсь оставлены, безъ перемѣны, правописаніе и знаки препинанія, какъ онѣ въ подлинникѣ. *Издатель.*

себя предвами и доказать что оное желаніе уже было давно. Знаю что оное есть недостатокъ моего разума, но ненаходя силъ онаго исправить прошу уже Всевышняго чтобъ наградилъ меня хотя добрымъ и честнымъ сердцомъ которое бы всё оное незабыло и чувствуя все ваши одолженіи и ласки хранилобы оные до конца моей жизни, вотъ М; Г: сказавъ всё хотя не складно но искренно чувствіе моего сердца приступаю къ уведомленію о себѣ. Я пріехалъ въ Петербургъ 2-го числа сего месеца въ вечеру благополучно, явился 8-го числа къ Его Императорскому Высочеству гдѣ былъ принятъ чрезвычайно ласково і милостиво изволилъ спрашивать о здоровье какъ родителей и всехъ родныхъ и о многомъ постороннекасающемся до вашихъ краевъ, Ему было очень пріятно что я явился прежде гораздо сроку, а 9-го числа я пріехалъ въ Гатчину и теперь уже въступилъ опять во все прежніе свои дожности і веселюсъ темъ что мои молодые ученики безьменя довольно далеко подвинулись въ класѣ и учатъ уже Геометрію теперь буду ихъ по ощрядь далѣе Его Высочество небудетъ къ намъ прежде Светой недели, я теперь дожидаюсъ отъ васъ писемъ чтобъ хотя говорить свами заочно, также и вашихъ воспитанниковъ чтобъ хотя показать имъ что немогъ и неумелъ показать вамъ вразсужденіи своей благодарности. Теперь прося васъ М: Г: о неоставленіи моихъ родителей чемъ обяжетѣ еще меня более быть вамъ благодар-

нымъ; а я пребуду вамъ съ моимъ почитаніемъ навеки вернымъ и покорнымъ слугою

Алексей Аракчеевъ.

Приложеное письмо прошу отослать къ моимъ родителямъ.

Если вы неизвестны еще о духовникѣ то уведомляю васъ что назначенъ Придворной Священникъ Сава.

Письма ваши отъвесъ самъ въ домъ къ братцу вашему Петру Васильевичу: но его невидалъ ибо два раза пріезжалъ но все къ несчастію моему не заставалъ дома вчемъ и прошу извинить меня.

1795 голу
Марта 12 числа
Гатчина.

2-е) 28 Марта 1799 С: Петербургъ.

По большимъ нынешнимъ хлопотамъ я зделался и передъ вами виновнымъ но проститѣ меня великодушно; но севоднишней день есть день моего удовольствія въ прошломъ году какъ я въ пошевняхъ пріехалъ къ вамъ любезному другу, и потомъ отправяся въ Гирусово сталъ чувствовать покой и отдохновеніе.

Здоровье мое опять хуже стало становится; а труды неуменьшаются. Я же неумею иначѣ служить какъ только изовсего усерьдія но прошу тебя любезнаго друга уведомь меня откровенно хотя не слыхалли ты, опять обо мнѣ брани, я кажется стараюсь вынеча всемъ все делать кто

только чего попроситъ. Такъже бывшіе наши у меня соседи Пыжевъ и Мильковы не бранятъ ли меня и довольныли моимъ сними обхожденіемъ и чтивствомъ;

Писмо вексель и деньги съ братомъ Андреемъ Андреевичемъ, я получилъ за которые благодарю и целую васъ сто кратъ; карту Россіи я къ вамъ послалъ съ дядюшкой Васильемъ Михайловичемъ. Вы, небось, думаетѣ что я попрежнему ленивъ и нехочу къ вамъ отослать вашего диплому, нетъ! неправда! божусь вамъ и доказательство представлю а Петръ Васильевичъ не можетъ комнѣ прислать, самъ комнѣ неходитъ, и къ себѣ непускаетъ несказывается дома, притчина вамъ известна, и мнѣ уже совестно, что оная притчина его чуждаетъ меня.

ПЛОДЪ МОЕГО УЕДИНЕНІЯ.

1774 года, Октября 6 дня.

М. В. Храповицкаго.

Великій Боже! я не постигаю Тебя; но, чувствуя Твои къ себѣ благодѣянія, постигаю, что Ты существуешь, что Ты — Создатель мой; ибо кто иной возмогъ сотворить человѣка? Понимаю, что Ты прещедръ; ибо что иное, кромѣ единыя Твоея благости, понудило Тебя устроить міръ сей, украсить оный различными дарами, и населить несмѣтнымъ числомъ тварей, дабы онѣ на-

слаждались Твоею щедротою? понимаю, что Ты премудръ; ибо возможно ли премудрѣе создать міръ и тварь въ немъ обитающую? что Ты всесиленъ; ибо ничто не воспрепятствовало Тебѣ все сіе устроить. — Прещедрый, премудрый и всемощный Творецъ мой! съ какимъ услажденіемъ исчисляю я Твои ко мнѣ благодѣянія! мысль, разумъ, совѣсть, склонность къ добру, отвращеніе отъ зла, чувствительность сердца, и множество разныхъ удовольствій, происходящихъ отъ мыслей и отъ чувствъ, суть дары, коими щедрая Твоя десница снабдила человѣка. Съ восхищеніемъ благодарю Тебя: съ умиленіемъ молю, да будутъ всѣ мысли мои и всѣ чувствіи моего сердца всегда преисполнены добродѣтелью. Да ею возмогу я угодить Тебѣ, помочь ближнему, пріобрѣсти себѣ здѣшнее благоденствіе и сдѣлаться достойнымъ вѣчности, мною ожидаемыя!

Причина созданія міра.

Какъ добродѣтельный человѣкъ всегда имѣетъ желаніе сдѣлать какое либо добро, и ежели желанію сему соотвѣтствуютъ его силы, то неминуемо производитъ оное и въ дѣйство; такъ предобродѣтельное существо, которое мы Богомъ называемъ, подобное возъимѣло желаніе видѣть соучастниковъ своея благости. Будучи же всемощенъ, Богъ создалъ міръ сей, устроилъ безчисленное множество огромныхъ шаровъ, опредѣлилъ каждому постоянное теченіе, излiялъ на

нихъ различные дары, освѣтилъ и оживилъ тьмою солнцевъ и населилъ несмѣтнымъ числомъ разныхъ тварей, дабы онѣ наслаждались Его благодѣяніями. Въ число оныхъ сотворилъ и человѣка, снабдилъ его вящщими дарами, нежели прочую тварь, облачилъ его во плоть и извелъ на время въ землю сію, какъ въ нѣкоторое мѣсто искушенія, открывающее ему единое токмо начало Божія величества. Здѣсь долженъ онъ, познавъ самаго себя, возлюбить и возблагодарить Творца, создавшаго его ради толикихъ и толь многихъ благъ; возлюбить ближняго, какъ подобное себѣ твореніе, происходящее отъ единаго съ нимъ начала и на единый конецъ; возлюбить добродѣтель, ибо ею токмо возможемъ угодить своему Создателю, пріобрѣсть здѣшнее блаженство и сдѣлаться достойнымъ несравненно бо̀льшаго благополучія — проходитъ великолѣпную громаду міра, видѣть въ новыхъ тваряхъ, населяющихъ онаго пространство, новые знаки премудрости Божіей и щедрости, часъ отъ часу болѣе приближаться къ сему источнику всего блага, наконецъ вступитъ въ вѣчность и тамо наслаждаться блаженствомъ!

Здѣшняя жизнь человѣческая.

Здѣшняя жизнь твоя, о человѣкъ! есть краткій путь, покрытый мракомъ, но ведущій къ вѣчности и къ безконечному свѣту. Щедрая Творца твоего десница, оживя бренную пылинку, извле-

кла тебя изъ небытія, открыла тебѣ путь сей, дала тебѣ разсудокъ, вмѣсто свѣтильника, дабы ты помощію изливаемаго имъ свѣта, окруженный мракомъ, узрѣлъ добродѣтель и подъ ея руководствомъ шествовалъ по пути, тебѣ предлежащему. Неисчерпаемая въ благодѣяніяхъ рука Его еще и путь сей усыпала цвѣтами, могущими усладить и зрѣніе твое и обоняніе. Благодаря ее, любуясь ими, ступай, щастливое созданіе щедраго Создателя! ступай и достигай къ блаженству, тебя ожидающему. Когда же наступишь ты на тернія, растущія между сими цвѣтами, когда иглы ихъ уколятъ ногу твою, мужайся, претерпи, воззри на божественный предметъ, къ которому ты стремишься, и забудь болѣзнь свою! продолжая путь, новые узришь цвѣты, новыя узришь и тернія; но знай, что путь сей насѣянъ ими до самой двери, коею оный кончится. Подходя же къ двери сей, не ужасайся; оглянись на прейденныя тобою стези, и если во время твоего теченія, добродѣтель была тебѣ сопутницею, то она и подкрѣпитъ духъ твой Дерзай, смѣлою рукою отверзи дверь сію, твердою ногою переступи чрезъ порогъ ея, и тогда, изъ мрака изыдешь въ свѣтъ; изъ мгновенія ока изыдешь въ вѣчность.

Горе тѣмъ бѣднымъ! горе тѣмъ нещастнымъ, которые, узря сотоварищей своихъ, любующихся цвѣтами, украшающими путь ихъ, воспаляются завистію, и вырываютъ оные изъ рукъ ихъ; или узря тернія на пути своемъ, толкаютъ и повер-

гаютъ ихъ на оныя и, смѣяся ихъ болѣзни, попираютъ ихъ ногами. Таковые, достигнувши двери, чрезъ кою праведникъ преходитъ въ вѣчность, трепещутъ, увидя, не добродѣтель, но злобу сопутницею своею. Не отверзется имъ дверь сія; но низвергнутся они въ ужаснѣйшую бездну, и тамо претерпятъ болѣзнь, чувствительнѣйшую той, которую причинили они нещастнымъ, поверженнымъ ими на тернія жизни сей.

Зря взоромъ мысленнымъ утѣхъ блаженный рай
И краткую, къ нему ведущую, дорогу,
О смертный! принеси благодаренье Богу,
Который путь тебѣ устроилъ въ оный край!

Вѣчность.

Кратка жизнь въразсужденіи вѣчности; покрыта мракомъ невѣденія нашего о будущемъ. Что вѣчность есть, и что здѣшняя жизнь наша приводитъ насъ къ оной, то понимаю я изъ свойствъ человѣческихъ. Не на то имѣетъ онъ мысль, разумъ и совѣсть, не на то познаетъ добродѣтель, чтобъ всѣми, божественными толь свойствами наслаждаться токмо краткое время жизни сей и лишиться оныхъ вмѣстѣ съ нею. Мала для него земля сія; тѣсны здѣсь предѣлы его понятія и не важны важнѣйшія здѣсь вещи. Великій духъ его ожидаетъ пространнѣйшаго паренія мыслямъ своимъ, яснѣйшаго понятія о Богѣ и Его твореніи, блаженнѣйшаго себѣ жилища и пристанища нещастнымъ, въ весь свой вѣкъ не зрящимъ здѣсь отрады. Вѣчность есть

сіе жилище; вѣчность есть сіе пристанище; невинность и добродѣтель насъ къ нему проводятъ. Но что же есть сія невинность? что есть сія добродѣтель, толь важная для человѣка? что повелѣваетъ законъ ихъ? Законъ божественный, рукою Всевышняго впечатлѣнный въ сердцѣ человѣка. «Будь справедливъ, о смертный!» — гласитъ ему разумъ и совѣсть, сіи два первѣйшіе дара, низпосланные ему отъ Бога. Будь справедливъ, люби Творца и тварь Его: ибо не самая ли справедливость почитать премудрое, благодарить прещедрое Существо, извлекшее тебя изъ небытія къ наслажденію премногими благами? не самая ли справедливость — стараться угодить Ему, любя тварь, Имъ созданную? не обидь ближняго, но сдѣлай ему добро! гласитъ законъ справедливости, законъ невинности, добродѣтели. Не усумнися, о смертный! о истинѣ сего закона: во исполненіи его состоитъ твое благополучіе; съ нимъ нераздѣлимыми узами сопряжено твое благоденствіе; онъ единый возможетъ подать тебѣ спокойствіе духа, составляющее здѣсь блаженство наше. Да будутъ у тебя и богатства и почести; однако ничто не даетъ тебѣ сего спокойства, если не имѣешь ты невинности; но она, и въ убожествѣ, можетъ человѣка содѣлать щастливымъ. И такъ хочешь ли быть благополучнымъ? будь невиненъ! хочешь ли благополучіемъ симъ наслаждаться въ высочайшей степени? Будь добродѣтеленъ! — Невинность раждаетъ въ человѣ-

кѣ всегдашнее удовольствіе; а добродѣтель производитъ въ немъ восхищеніе, которое конечно составляетъ часть Ангельскую. Невинность, подобно, какъ луна, проливаетъ тонкій свѣтъ въ сердце человѣка; но добродѣтель озаряетъ оное сильнѣйшими лучами солнца. Истина словъ сихъ подтверждается разсудкомъ, по справедливости названнымъ мною свѣтильникомъ, дарованнымъ намъ отъ Творца нашего; подтверждается совѣстію и происходящимъ отъ нее внутреннимъ услажденіемъ и распространеніемъ сердца, ощущаемымъ нами по учиненіи какого-либо добра; подтверждается, отъ совѣсти же происходящимъ раскаяніемъ, терзающимъ насъ, по учиненіи какого либо зла. Въ самомъ дѣлѣ, коль великое удовольствіе, коль великое увеселеніе, вспомоществовать ближнему! коль великое восхищеніе одолжить созданіе, равное съ собою, и тѣмъ преклонить и привлечь благосклонные взоры общаго своего Создателя! Но коль посрамительное униженіе, коль великій позоръ, ради маловажной мірской корысти, обидѣть ближняго и сдѣлаться недостойнымъ милости Творца, взирающаго на обижаемое твореніе рукъ Своихъ!

Желая къ щастію достигнуть безъ препоны,
Внемли гласъ совѣсти и разума законы!
Незлобію въ груди созижди чистый храмъ,
Отверзи улей сей веселія пчеламъ;
И сердца съ чистотой спрягая добродѣтель,
Будь Ангельской себѣ ты участи содѣтель!

Цвѣты жизни сей.

Неизчерпаемая въ благодѣяніяхъ Десница Всевышняго, уготовя намъ блаженство въ вѣчности, усыпала цвѣтами еще и краткій путь жизни сей. Кромѣ небеснаго услажденія, приносимаго намъ добродѣтелью, коликое множество удовольствій получаемъ мы отъ чувствъ нашихъ! Сколько увеселяемся помощію взора, слуха, обонянія и прочихъ тѣлесныхъ чувствъ! Красота природы подаетъ намъ тысячу различныхъ услажденій. Тысячу оныхъ получаемъ отъ мыслей своихъ! Сколь пріятно согласіе и любовь въ семействахъ и обществахъ! Но сколь много прибавляетъ къ благополучію человѣка непорочное дружество, соединяющее чувствительныя сердца, имѣющее основаніемъ своимъ добродѣтель, а не корыстолюбіе! О смертный! Еще разъ повторяю тебѣ, храни невинность! Она отверзетъ двери сердца твоего всегдашнему удовольствію. Какъ пчелы, призываемыя утреннею росою, слетаются къ цвѣтамъ, такъ утѣхи слетятся къ тебѣ со всѣхъ сторонъ. Малѣйшая вещь возможетъ произвесть въ тебѣ величайшую забаву. Малѣйшая вещь обращаетъ мысли и возбуждаетъ благодареніе незлобнаго сердца къ Богу. Но храня невинность души, храни и здравіе тѣла; ибо оно столько оживляетъ благополучіе человѣка, сколько роса оживляетъ плоды земные.

Тернія жизни.

Благодаря Творца въ семъ жизненномъ пути,
Цвѣтами онаго съ весельемъ наслаждайся:
Чувствительность хранить къ пріятностямъ ихъ старайся,
И такъ средь радостей ко вѣчности лети!

Злоключенія часто столь сильно насъ терзаютъ, что мы забываемъ щедроту Создателя и дерзаемъ сказать, что въ жизни сей нѣтъ ничего другаго, кромѣ бѣдствій. Но говоря такимъ образомъ, прибѣгаемъ ли мы къ разсудку, долженствующему управлять нами? Ежели огорчаетъ насъ какое нещастіе, то надлежитъ сперва разсмотрѣть, можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, назвать нещастіемъ причину нашего соболѣзнованія? Ибо весьма часто самая малость, или и совсѣмъ пустое насъ тревожитъ. Но если подлинно тяжелый ударъ насъ сразилъ, то разсудительный человѣкъ долженъ рану свою изцѣлить терпѣніемъ, а не сокрушеніемъ. — Разсмотримъ же напасти, главнѣйшія и чувствительнѣйшія для человѣка! въ утѣшеніе представимъ ему добродѣтель, страждущую въ подобныхъ злоключеніяхъ! Добрая душа, родившаяся въ убожествѣ, или пришедшая въ нищету нечаяннымъ какимъ ударомъ рока, видитъ сокровище, несравненно большее въ своей невинности; видитъ богатство въ будущей жизни, ею ожидаемой. Если же имѣніе ея стало жертвою не рока, но злобы человѣческой, то съ сожалѣніемъ прощаетъ своихъ гонителей: мщеніе считаетъ

себя недостойнымъ; претерпѣваетъ бѣдность; но не покусится оставить добродѣтель и шествовать къ богатству путемъ порока. Толь подлымъ образомъ пріобрѣтенное щастіе, кажется ей, унижаетъ паче, нежели возвышаетъ человѣка. Добрая, душа, терзаемая болѣзнію тѣла, ожидаетъ съ терпѣніемъ конца оныя и возобновленіе силъ своихъ. Когда же страждетъ отъ такой болѣзни, которую ничто излѣчить не можетъ, то памятуетъ, что на весьма краткое время заключена она въ темницу тѣла. Еще минута — и придетъ часъ ея освобожденія; оставитъ тѣло; оставитъ съ нимъ и всѣ болѣзни. Праведный человѣкъ, коего чувствительное сердце поразила смерть, отнявъ милыхъ ему сродниковъ, или пріятелей, проливаетъ слезы дружества; оплакиваетъ.... но себя, а не умершихъ. Подобится нешастной птицѣ, коея крылья подстрѣлены охотникомъ, или связаны птицеловомъ; видитъ сотоварищей своихъ, парящихъ въ высотѣ воздуха, но не можетъ къ нимъ возлетѣть и съ ними соединиться.

Пріидите, нещастные, ужасающіеся смерти! воззрите на добродѣтельнаго человѣка, лежащаго на смертномъ одрѣ! воззрите, съ какимъ радостнымъ трепетаніемъ сердца, благословляетъ онъ сію минуту, избавляющую его отъ ига плоти и болѣзней; благословляетъ сію дверь, отверзающуюся и открывающую ему вѣчность! Послѣднія слова его призываютъ къ добродѣтели смертныхъ, имъ оставляемыхъ. О! съ коль великимъ восхи-

щеніемъ летитъ онъ въ объятія Ангеловъ, его встрѣчающихъ!

Ты зрѣлъ теперь, о человѣкъ! добродѣтель, страждущую въ главнѣйшихъ напастяхъ жизни? Ты зрѣлъ ее въ убожествѣ, въ болѣзни, лишенную родственниковъ и друзей, и лежащую на смертной постелѣ. Ты зрѣлъ, съ коликою твердостію сноситъ она сильнѣйшіе удары, относя оные къ себѣ самой и къ вѣчности. Имѣй картину сіе всегда въ умѣ своемъ; при всякомъ стѣсняющемъ тебя бѣдствіи возри на оную; примѣни ея къ своему состоянію; подражай ей и вооружись терпѣніемъ и упованіемъ!

От язвы лютаго терновника страдая,
Прохожій странникъ! самъ себя лечить умѣй;
Сжавъ сердце, претерпи, на Бога уповая,
И къ вѣчности воззрѣвъ — отраду возьимѣй!

Смерть.

Я уже представилъ состояніе добродѣтельнаго человѣка при послѣдней минутѣ жизни его; но для совершеннаго истребленія ужаса и возбужденія безстрашія къ смерти, предложимъ еще два вопроса. Узникъ, окованный цѣпями и заключенный въ темницу, съ радостью долженъ, или съ ужасомъ видѣть ниспадающія его оковы, видѣть отверзающуюся дверь темницы. Работникъ, со тщаніемъ исправившій опредѣленную ему работу, съ надеждою, или со страхомъ долженъ взирать

на вѣстника, повелѣвавшаго ему итти къ своему господину?

Оконча странствіе, услыша смерти гласъ,
Не въ трепетъ погрузись, но радостенъ явися,
Въ отечество свое драгое возвратися,
Благодари Творца, благословя сей часъ!

Порокъ и злоба.

О! коль великія болѣзни наносятъ намъ пороки! О! коль крѣпко должны мы держаться добродѣтели! Порочный человѣкъ лишается почтенія людей, приходитъ отъ нихъ въ презрѣніе, посрамляетъ величество своего бытія, и теряетъ здѣсь большую часть своего благополучія. Какъ сладко состояніе невиннаго и праведнаго, такъ пагубно состояніе развращеннаго пороками. Но коль тяжко оно, если съ развратомъ сопрягается и злоба! Сердце таковаго, упоенное чернѣйшимъ ядомъ, фуріями уготованнымъ во адѣ, ни днемъ ни ночью, ни въ явѣ ни во снѣ, покоя не имѣетъ. Когдаже толикую муку претерпѣваетъ онъ въ жизни, гдѣ можетъ иногда получить успѣхъ и адскую радость въ коварныхъ своихъ желаніяхъ, то, что должна лютая душа его ощущать при смерти, представляющей ему справедливаго Судію дѣламъ его, Котораго тщетно ищетъ онъ истребить изъ мыслей своихъ? Что почувствуетъ онъ, когда обоняніемъ почуетъ ѳиміамъ, его окуривающій; услышитъ веселый крикъ нещастныхъ, имъ обиженныхъ, и отъ него избавляющихся; наконецъ увидитъ свѣтъ померкающій въ глазахъ его?...

Въ сію минуту праведный человѣкъ подобенъ кораблю, который, по трудномъ плаваніи въ бурливомъ морѣ, приходитъ въ желаемое пристанище; но сей извергъ изъ малой лужи мукъ ввергается въ безпредѣльный оныхъ океанъ.

Страсти и желанія.

Страсти и желанія часто бываютъ сильными врагами и нарушителями человѣческаго спокойствія, слѣдственно и благоденствія его. Для сей причины лучше поработить ихъ, нежели быть порабощенну ими. Страсти свои надлежитъ обращать себѣ въ пользу; направлять ихъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ подкрѣпляли насъ въ добродѣтели. Вредныя надлежитъ истреблять и искоренять; но лучше предупреждать и не давать имъ возродиться; ибо ими ввергаемся мы въ пороки, толь много посрамляющіе человѣка: безгрѣшныя же страсти умѣрять, дабы и онѣ чрезъ мѣру сильнымъ своимъ движеніемъ насъ не тревожили. Чтожъ принадлежитъ до желаній, то въ разсужденіи мірскихъ вещей лучше быть довольну тѣмъ, что имѣешь. Если же какая вещь прельщаетъ насъ и ради пользы своей или пріятства производитъ въ насъ желаніе къ полученію себя: то когда есть намъ надежда и средства пріобрѣсть оную честными и невинными путями, то можно питать свое желаніе и стараться себя удовольствовать; въ противномъ же случаѣ, (т. е. когда нѣтъ ни средствъ ни наде-

жды), лучше оставить безплодное попеченіе и не тревожаться тщетнымъ хотѣніемъ. Иначе весьма-бъ было недостойно человѣка пожертвовать честностію и невинностію для удовольствованія единаго токмо желанія; нѣтъ въ свѣтѣ толь драгоцѣнной вещи, которую-бъ можно было предпочесть непорочности своего сердца, и, кромѣ укоренія совѣсти, благоразумно-ли-бъ было ради маловажнаго утратитъ неоцѣненное?

Должность человѣка.

Должность твоя, о человѣкъ! предписывается тебѣ собственнымъ твоимъ разсудкомъ и природою. Врожденную имѣешь ты склонность искать своего увеселенія и блаженства. Разсудокъ и чувствія твои показываютъ тебѣ, что оное состоитъ въ спокойствіи твоего духа. Чувствія же и опыты жизни свидѣтельствуютъ, что справедливость и невинность духу твоему даютъ сіе спокойство, а добродѣтель его возноситъ, восхищаетъ и вершитъ твое блаженство. И такъ все повелѣваетъ тебѣ ко оной прилѣпиться. Но дабы ничто не воспрепятствовало тебѣ сіе содѣлать, долженъ ты стараться, всегда и во всемъ властвовать и управлять собою. Достигнувши сей власти, превышающей все въ свѣтѣ, возможешь ты возлюбить и невинность и добродѣтель, и тогда будешь спокоенъ, благополученъ, любезенъ людямъ, пріятенъ Ангеламъ, достоинъ вѣчности и взоровъ Всевышняго Творца!

РАЗМЫШЛЕНІЕ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВЕЩАХЪ.

Происхожденіе страстей.

Человѣкъ не можетъ не прилѣпиться къ чему нибудь сильно, что прилѣпленіе сіе производитъ въ немъ страсть къ избранному имъ предмету. Отъ добраго о какой вещи мнѣнія, отъ примѣра, отъ нуждъ и часто отъ воспитанія прилѣпленіе раждается, а силу свою получаетъ отъ того, что въ оной вещи человѣкъ полагаетъ уже величайшее свое увеселеніе, или, такъ сказать, часть своего блаженства. Честолюбивый прельщается чинами, игрокъ картами, скупой деньгами, стрѣлокъ охотою; понеже почитаютъ то пріятнѣйшею въ свѣтѣ вещью. Коль благополученъ тотъ, котораго предметъ есть добродѣтель!... Изъ онаго заключаю я, что воспитатели могутъ въ питомцахъ своихъ возбудитъ страсти, какія хотятъ; что молодой человѣкъ, входящій въ свѣтъ, весьма долженъ быть остороженъ въ избраніи друзей и общества: что видя порочныхъ людей, несправедливо думаемъ мы, будто человѣкъ имѣетъ врожденную склонность ко злу. Нѣтъ, онъ родится невиненъ, непороченъ, и съ большимъ основаніемъ сказать можно, что незлобивое сердце его имѣетъ сѣмена добродѣтели; ибо не отъ примѣра и не отъ воспитанія получаетъ онъ услажденіе, когда сдѣлаетъ добро, — раскаяніе, когда сдѣлаетъ зло: не отъ воспитанія дается ему совѣсть. И такъ, въ порокахъ его не природу и не сердце человѣческое винить должно.

Кротость.

Полезна и преполезна для человѣка кротость; пагубна и препагубна для него лютость и насиліе. Кротостью уподобляется онъ Ангелламъ, но лютостью подобится свирѣпому звѣрю, и коль посрамительно сіе неистовство для твари, коея главнѣйшимъ свойствомъ должна быть невинность! какъ можетъ дерзнуть человѣкъ употреблять свирѣпость противу равныхъ и подобныхъ себѣ? О ты, пылающій симъ бѣшенствомъ!—воспомни часъ смерти, въ который ты и обижаемые тобою будете равны. Но и прежде великаго часа сего получаешь ты должное тебѣ наказаніе: ты ненавидимъ, а кроткій человѣкъ пріятенъ всѣмъ и любезенъ. Льститъ ли тебѣ похвала и любовь твоихъ собратьевъ? исправи сердце свое: если же ты нечувствителенъ къ ихъ болѣзнямъ и безъ боязни, безъ раскаянія ихъ оными утомляешь, то страшись гласа и осужденія совѣсти, ожидающей тебя при смерти твоей.

Природа и судьба.

По моему мнѣнію, природа есть опредѣленіе Божіе, касающееся до всего вообще. Природа установила, что огонь палитъ, вода мочитъ, птицы летаютъ, рыбы плаваютъ и проч. въ разсужденіи же человѣка, опредѣлила ему родиться, жить, умереть. Судьба же есть Божіе опредѣленіе, касающееся до каждаго человѣка особенно; но изъ всѣхъ оныя уставовъ можетъ ему быть

извѣстно токмо то, что судьба опредѣляетъ человѣку *отъ кого родиться и сколько жить?* прочія ея опредѣленія, столько же ему непроницательны и неизвѣстны, сколько число песку морскаго, листьевъ древесныхъ и видимыхъ имъ звѣздъ! .. Но почто тебѣ, о человѣкъ! испытывать уставы судьбины? Довольно для тебя вѣдать, что ты тварь того Великаго Существа, Которое все создало и всѣмъ управляетъ; что благодѣйствующее сіе Существо тебя любитъ и тебя произвело для блаженства, а не для болѣзней; что въ семъ свѣтѣ долженъ ты быть незлобивъ, честенъ, добродѣтеленъ; что по здѣшней жизни, будетъ другая, въ которой праведный достойное получитъ награжденіе за добродѣтель; злобный получитъ достойное же наказаніе за злобу: самая справедливость! ибо здѣсь имѣемъ мы власть быть злобными или добродѣтельными; остается намъ имѣть желаніе къ тому и волю. О смертный! о щастливое созданіе! довольствуйся симъ знаніемъ, и веселись существомъ своимъ!

Сообщество.

Безъ дружества, безъ сообщества милыхъ людей сердце человѣческое чувствуетъ нѣкотораго рода уныніе, нѣкоторую грусть, пустоту. Чувствуетъ, будто ему не достаетъ чего-то. Боже! Ты посѣялъ въ сердцѣ его сію склонность, сіе стремленіе къ подобнымъ ему, дабы смертные любили другъ друга; Ты положилъ увеселеніе въ

сообщеніи ихъ, дабы они другъ друга не убѣгали, не разсѣвалися бы и не обитали въ пустыняхъ и лѣсахъ по подобію дикихъ звѣрей. Не знаю, чувствуютъ ли то другіе; но я чувствую сладость пріятной привязанности къ милому, подобному и равному себѣ существу!

Каково должно быть внутреннее состояніе человѣка.

Да будутъ мысли твои и лице ясностію и свѣтлостію подобны весеннему утру; да будетъ сердце твое спокойствіемъ и тишиною подобно поверхности тихихъ водъ. Ты долженъ быть таковъ, о человѣкъ! воспомни, кто ты, и почто ты существуешь? должна быть такова безсмертная душа, созданная для блаженства! если же какая туча злоключенія помрачитъ мысли и чело твое; если какой вѣтръ противности возмутитъ твое сердце, то вооружися терпѣніемъ и прибѣгай къ помощи времени! со временемъ, изчезаютъ собравшіяся тучи и утихаютъ возмущенныя воды. Но когда такой ударъ поражаетъ тебя, надъ коимъ время власти не имѣетъ, то вознеси мысли свои къ вѣчности, и оттолѣ воззри на устрашающую тебя бурю. О коль мала покажется она въ то время!... межь тѣмъ люби вещи, могущія возвеселить тебя; слѣдуй въ томъ природному стремленію, полагая оному надлежащую мѣру разсудкомъ своимъ: наслаждайся и благодари Того, Кто даровалъ тебѣ органы, чувства и вещи, служащія къ твоему наслажденію!

Слабость человѣковъ.

О коль слабо человѣчество! — Коликимъ перемѣнамъ оно подвержено! — Сего дня человѣкъ спокоенъ, доволенъ, ищетъ забавъ и время проводитъ въ радости... нещастный!... минуту спустя, или получаетъ вѣсть о разграбленіи его имѣнія, о кончинѣ его ближайшихъ, о потеряніи того, что ему всего дороже; или, къ пущей горести, видитъ то собственными глазами! сего дня предпринимаетъ то, разполагаетъ такъ; но въ мгновеніе ока уничтожаются всѣ его предпріятія; всѣ умствованія развѣваются и изчезаютъ, какъ дымъ отъ сильнаго вѣтра! полагаетъ свою надежду, основываетъ на чемъ-нибудь свое благополучіе и чрезъ единую минуту мнитъ уже досягнуть до онаго; но въ туже самую минуту изчезаетъ надежда, отлѣтаетъ благополучіе, и онъ остается, какъ на уединенномъ камнѣ, или какъ въ раздробленной ладіѣ, среди волнующагося моря; не вѣдаетъ, куда преклонить главу свою!

Къ Тебѣ, великій Богъ, должны мы прибѣгать.
Должны мы на Тебя надежду возлагать!

Зная слабость свою и безсилія, должны мы повиноваться своей судьбинѣ; помнить, что Ты милостивъ и человѣколюбивъ, — и мужественно сносить свои напасти!

Жизнь есть наслажденіе дарами, Творцомъ человѣку дарованными. Чѣмъ больше о себѣ размышляю, тѣмъ яснѣе вижу, что не роптать

на бытіе свое, но веселиться имъ и благодарить Создавшаго меня я долженъ. Коль много удовольствія имѣетъ человѣкъ въ жизни своей? Коль великое число утѣхъ находитъ правая душа при непорочномъ сердцѣ и спокойныхъ мысляхъ! И въ самыхъ карающихъ меня нещастіяхъ съ нѣкотораго рода утѣшеніемъ взираю я на величество и власти управляющаго всѣмъ Бога, и на слабость и безсиліе волею Его рожденной твари. Когда все премѣняется, когда пріятное лѣто уступаетъ мѣсто скучной зимѣ, ясная и теплая погода последуема бываетъ пасмурной и ненастливою, день уступаетъ мѣсто ночи, то какъ возможно, чтобы въ премѣнномъ толь свѣтѣ единый человѣкъ перемѣнѣ не былъ подверженъ? Какъ возможно, чтобы единый онъ непрерывно продолжающимся наслаждался благоденствіемъ?

$17\frac{16}{VII}75$.

Вотъ состояніе невиннаго и спокойнаго человѣка; но какъ возможно изъяснить состояніе тѣхъ, коихъ истинное дружество связываетъ нерушимою своею цѣпью? Какъ возможно описать блажеество двухъ друзей! Сердца ихъ, поборая всѣ встрѣчающіяся имъ препятствія, летятъ другъ ко другу; ихъ души, непонятнымъ образомъ сливаясь и смѣшиваясь вмѣстѣ, преходятъ изъ одного тѣла въ другое; всѣ чувства ихъ преисполнены восхищающаго услажденія, котораго нечувствовавшій того понять не можетъ. Но описывая внутреннее

ихъ услажденіе, представимъ высоту мыслей и благородство духа, къ которымъ дружба ихъ приводитъ. Наслаждаяся несказаннымъ блаженствомъ, сердца ихъ исполняются благодарностью къ Тому, Кто содѣлалъ ихъ толико щастливыми. Они желаютъ заслужить тамъ незаслуженныя благодѣянія. Сохраненіе невинности и устремленіе къ добродѣтели открываютъ имъ путь и средства къ угожденію Богу. Они видятъ съ восхищеніемъ сію дорогу и, соединяя силы свои, поддерживая другъ друга, по ней стремятся. Въ таковыхъ мысляхъ восходятъ они какъ-будто до небесъ; и видятъ міръ сей, какъ такое мѣсто, гдѣ множество червячковъ, заблуждаяся, шевелятся и не зрятъ пути дружества, могущаго возвесть ихъ къ блаженству. Они смотрятъ на нихъ съ сожалѣніемъ и, чувствуя свое превосходство, горячею воспаляются благодарностью къ создавшему и ощастливившему ихъ Творцу своему!...

$17\frac{29}{x}75$.

Для чего человѣкъ щитаетъ себя всегда нещастнымъ? Гдѣ искать источника его бѣдъ? въ немъ самомъ. Какъ щастія, такъ и нещастія своего онъ виною. Мемнонъ видитъ какую-нибудь вещь— и тотчасъ родится въ немъ желаніе получить оную; старается, изобрѣтаетъ средства; но, что всего хуже, употребляетъ иногда средства, про-

тивныя честности; наконецъ получаетъ желаемое. Но что же? веселится онымъ, такъ сказать, минуту, и послѣ вмѣняетъ ни во что! Чѣмъ вчера восхищался, сегодни то пренебрегаетъ, а завтра уже и скучаетъ тѣмъ. Находитъ другой предметъ и его желанія; какъ бы я щастливъ былъ, говоритъ онъ, ежели бы могъ сіе получить! Получаетъ—и опять отметаетъ и стремится къ иному. Отъ куда такое непостоянство? Отъ незнанія вещей. Свойственно человѣку желать своего щастія; но, не зная, въ чемъ оное положить, Мемнонъ стремится за всѣмъ, представляющимся ему. Въ дали всякая вещь пріятна кажется и велика; желаніе наше еще пуще ее уважаетъ; но, получа оную, мы видимъ настоящую ея цѣну и отвращаемся отъ нее. И такъ, терзаяся хотѣніемъ быть щастливымъ, и не въ силахъ будучи онаго достигнуть, Мемнонъ въ желаніяхъ, въ безпокойствахъ и въ отвращеніяхъ проводя жизнь свою, смѣло говоритъ, что нѣтъ намъ щастія на свѣтѣ и что мы ради единыхъ токмо бѣдъ рождены ... Простительно слѣпому говорить, что нѣтъ на свѣтѣ солнца: онъ не видитъ лучей его. Но воззримъ на благополучнаго Алькандра. Изслѣдывая надлежащимъ образомъ окружающія его вещи, и видя тщетность однихъ и великость другихъ, онъ знаетъ настоящую ихъ цѣну, добродѣтель и истинное дружество суть предметы, имъ желаемые, и къ полученію которыхъ не требуется ни богатства, ни знатнаго рода, но каждое, чистое и чувстви-

тельное сердце—и право и дорогу къ сокровищамъ симъ имѣетъ. — Но, что слышу? Мемнонъ говоритъ, что добродѣтель и дружество, толь много мною возносимыя, суть химеры, въ воображеніи нѣкоторыхъ людей существующія, и что ихъ нѣтъ на свѣтѣ. Постой, и выслушай мои слова! Ты, конечно, противъ меня въ томъ спорить не будешъ, что тотъ, котораго духъ ничѣмъ не встревоженъ и прибываетъ въ совершенной тишинѣ, безъ сомнѣнія, благополученъ; но безъ истинной добродѣтели спокойство сіе духа быть не можетъ. Я говорю: безъ истинной добродѣтели; ибо добродѣтель не въ томъ только состоитъ, чтобы кому-нибудь сдѣлать добро; и разбойникъ, людей умерщвляющій, раздѣляя добычу съ сообщниками своими, дѣлаетъ имъ добро; но тотъ прямо добродѣтеленъ, кто, соблюдая чистоту своего сердца, держася правды и никого не обижая, благотворствуетъ ближнему; кто правъ предъ судомъ своея совѣсти, и безстрашно смотритъ на предстоящую ему смерть, тотъ прямо добродѣтеленъ и неложное имѣетъ спокойствіе духа, слѣдовательно и истинное блаженство. И такъ, ты видишь, что, когда добродѣтель дѣлаетъ намъ щастіе, то слѣдственно она существуетъ. А что дружество наполняетъ спокойную жизнь добродѣтельнаго человѣка неоцѣненнымъ наслажденіемъ, и что оно вершитъ наше блаженство, въ томъ засвидѣтельствуютъ тѣ, которые имѣютъ сіе сокровище; они рѣдки, но есть еще на свѣтѣ!...

17$\frac{2}{1}$80.

Страсти вредны неумѣренныя; полезны, разсудкомъ направляемыя. Подобно, какъ великія рѣки, съ ужасною быстротою стремящіяся, вырываютъ берега крутые, наводняютъ низкіе, насѣянныя поля опустошаютъ, срываютъ дерева съ корней и жилища съ мѣстъ своихъ, всюду причиняютъ вредъ, и все разоренное и разрушенное съ волнами своими въ глубокую уносятъ пучину моря, гдѣ все напослѣдокъ погибаетъ: такъ необузданныя страсти сердце человѣческое терзаютъ, изгоняютъ изъ него спокойство, разсудокъ помрачаютъ, и обольщеннаго человѣка насильно къ своему влекутъ предмету, который, часто, вмѣсто чаемаго услажденія, лишь пущее приноситъ горе. Но, какъ умѣренные источники, съ посредственною быстриною, чистыя и ясныя воды свои въ зеленыхъ берегахъ проливаютъ, напояютъ цвѣтущіе луга и ихъ прекрасно раздѣляютъ, привлекательнымъ журчаніемъ своимъ наводятъ размышленіе и, стекаясь съ разныхъ сторонъ во едино, составляютъ прекрасное чистыхъ водъ озеро; такъ разсудкомъ направляемыя и непорочностію попущаемыя желанія, сердце въ пріятное приводятъ движеніе, заставляютъ умъ дѣйствовать, и чувство чистымъ услажденіемъ, безъ горькой смѣси размышленія, наполняются!

5 Марта, 1790. «Бытіе Бога чувствуется человѣкомъ, такъ-какъ и всѣ его ощущенія душев-

ныя. Ихъ объясненія, опредѣлить, разумъ не можетъ, а сердце чувствуетъ.» «Когда человѣкъ, въ тишинѣ духа, наслаждается благами жизни, поражается непонятною дѣятельностію природы, тогда чувствуетъ бытіе верховнаго начала. Предъ нимъ себя смиряетъ; къ нему возносить мысли— и разпространяется его сердце услажденіемъ и упованіемъ.» «Но спокойствія лишенный, сильнымъ страстей движеніемъ обуреваемый, неспособенъ въ то время чувствовать сіе довольно.»

1 Мая. «Нравъ есть связь мнѣній, привычекъ, сложенія тѣлеснаго и разсужденія. Зависитъ много и отъ обыкновенія въ народѣ т. е. отъ *такъ водится.* Почти всякой имѣетъ здравый разумъ и добрую совѣсть.... Когдаже судитъ о чужемъ дѣлѣ? Но въ своемъ, пристрастіями затмѣвается иногда разумъ, заглушается совѣсть. Судить себя надлежитъ выбирать время, когда пристрастія умолкнутъ.»

«Пускайся на воду, когда утихнетъ буря!»

Октября 25. «Есть добродѣтели, которыя и злобный имѣть можетъ; есть добродѣтели, какихъ можетъ недоставать и въ добромъ человѣкѣ. Напримѣръ, воздержность, мужество, терпѣніе, неутомимость, всѣ качества души великой — не составятъ еще души доброй. Слѣдующія добродѣтели необходимо принадлежатъ доброму: правосудіе, человѣколюбіе, въ коемъ заключены сострадание, милосердіе, великодушіе, снисхожденіе, щедрость, благотворенія. Добродѣтели имѣютъ

свои границы, за кои перешедъ, претворяются въ слабости и пороки. Но несогласны люди въ томъ, гдѣ положить сіи границы? — Мужество... дерзость, отвага; твердость... упрямство; правосудіе... жестокость; человѣколюбіе... слабость; щедрость... расточеніе. Въ добродѣтеляхъ недостатокъ, а въ нѣкоторыхъ излишество, есть уже порокъ.»

Апрѣля 23 1791. «При всемірной истинѣ, касающейся рода человѣческаго, душа сочувствуетъ, не взирая на разстояніе временъ, ни мѣста. Печальному сострадаетъ, изящнымъ увеселяется, величественнымъ поражается, страшнаго ужасается, ненавистнымъ мерзитъ, благимъ привлекается. Во всемъ таковомъ участвуетъ по мѣрѣ силъ своихъ природныхъ, какъ-будто бы то дѣлалось сегодни, при ея глазахъ!... Но лживый блескъ предразсужденія и вымысловъ, съ отдаленностію временъ и мѣстъ, изчезаетъ.»

«Разсуждая о законахъ, знать надлежитъ: 1) обстоятельства времени; 2) произшествіе, кое понудило издать законъ; 3) свойства законодавца; 4) свойства закону-повинныхъ; 5) взаимность ихъ между собою. Первыя двѣ статьи даютъ причину закона. Послѣднія три, его образуютъ.»

Апрѣля съ 24 на 25. Сонъ. Приснилось мнѣ, будто иду съ трудностію густымъ и темнымъ лѣсомъ, спотыкаясь и отвращая мѣшающіе мнѣ сучья, спѣша къ нѣкоторой неизвѣстной цѣли.—На пути видѣлъ сопутниковъ, также идущихъ. Продолжая

путь, коснулся и во мракѣ, какъ-будто осязаніемъ, почувствовалъ гробъ; страхъ и отвращеніе меня объяли. То былъ гробъ земледѣльца, спокойно лежавшаго послѣ трудной и бѣдной жизни. Миновавъ сіе, шелъ я малое время открытымъ и яснымъ полемъ спокойнѣе и веселѣе. Напослѣдокъ достигъ прекраснаго зданія, въ видѣ увеселительной храмины (бесѣдки), вошедъ въ нее, сѣлъ для отдохновенія, и мгновенно почувствовавъ радость и облегченіе, почувствовавъ, что достигъ своей цѣли, сказалъ съ восхищеніемъ: се мѣсто вожделѣннаго отдохновенія и успокоенія! здѣсь навсегда останусь! щастливъ, кто будучи въ живыхъ, построитъ себѣ здѣсь храмину, не на щетъ своей совѣсти!...—Сказалъ такъ—и проснулся... Потомъ, разсудя о минувшемъ сновидѣніи, ясное въ немъ видѣлъ подобіе жизни, смерти и вѣчности. О когда бы сіе сбылося со мною!

Генваря 26 1792. «Многочисленныя утѣхи, здоровье, благоденствіе, чѣмъ наслаждается все дышущее, суть благодѣянія, свидѣтельствующія достовѣрно о благости Создателя, доказывающія оную убѣдительнѣйше сердцу человѣческому. Будь все сіе неизмѣнно — человѣкъ совершенъ пребудетъ. Но совершенства здѣсь долу нѣтъ; или мы видѣть его не имѣемъ: а человѣкъ влечется къ нему сильнѣйше »

«Въ мірѣ всѣ части измѣняются, повреждаются, прекращаются. Сіи перемѣны человѣкъ, по чувствительности своей, ощущаетъ, страждетъ

отъ нихъ и, находя себя подверженнымъ злу, изыскиваетъ особенную онаго причину; недоумѣваетъ, какъ согласитъ благость со злобою! Преходя отъ одного положенія къ другому, въ умствованіи заблуждаетъ!...»

«Здоровье есть вожделѣнное состояніе тѣла; но оно измѣняется, повреждается, прекращается; и вотъ причина болѣзней, отъ несовершенства вещей и чувствительности тѣла происходящая. Спокойство есть вожделѣнное души состояніе; но оно премѣняется, повреждается, прерывается; и се причина страданія въ настоящемъ, печали о бывшемъ, боязни о грядущемъ.»

«Всѣхъ причина золъ есть наша чувствительность, которая купно есть и матерь нашихъ радостей. Въ нѣдрахъ Божіихъ—благость единая, безъ всякой примѣси зла, существуетъ; отъ Него къ намъ низходитъ; благодѣяніями обильно насъ обогащаетъ. Тою наполнимся, тою насладимся; къ ней да возносятся наши мысли; да пылаютъ сердца признательностію, упованіемъ и благодарностію!»

«Ничто на свѣтѣ не можетъ, при перемѣнныхъ обстоятельствахъ, пребывать въ одномъ и томъ же положеніи. Измѣненіемъ частей обновляется и сохраняется цѣлость міра. Перемѣна и разность обстоятельствъ нужны для разныхъ дѣйствій. Ощутительныя намъ обстоятельства, которыя взаимно перемѣняются и производятъ

дѣйствіи, суть: теплота и стужа, свѣтъ и тма, ясность и пасмурность, суша и влажность, тишина и движеніе.

Дѣйствія отъ него происходящія: день и ночь, времена годовыя, погоды, *въ тѣлахъ*: сгущеніе и орѣденіе, упругость и ослабленіе, твердость и жидкость, сжиманіе и разпространеніе, соединеніе и раздробленіе, изсушеніе и размягченіе, прозябеніе растѣній, *въ животныхъ:* бодрость и томность и состояніе, пріятное имъ, или противное, легкое, или тяжелое, *въ движеніи*: скорость и медленность, сила и слабость.

Всѣ обстоятельства суть слѣдствія причинъ пребывающихъ. Всѣ дѣйствія суть послѣдствіе бывшаго и причина послѣдующаго. Ограниченность умовъ и чувствъ людскихъ не даетъ имъ ощутить всей связи вещей; а не знавъ ничего основательно, кромѣ нѣкоторыхъ частей, благоразумно ль и справедливо ль осуждать цѣлое?

Сія необходимая связь вещей, можетъ быть, составляетъ ихъ совершенство. Но когда измѣненія частей міра, насъ касаяся, по чувствительности, намъ непріятны, то мы негодуемъ, ропщемъ, и мнимъ видѣть весь міръ несовершеннымъ!»

1792 г. Іюля 30 дня. «Любомудрый не достигъ ли цѣли своей, когда на все безбѣдно въ мірѣ текущее, смотритъ спокойнымъ и веселымъ духомъ? единое состраданіе временно возмущаетъ его спокойство и устремляетъ жалѣть и помогать.

«Испытаніе есть основаніе разсужденію. Безъ него судитъ разумъ неосновательно.»

«Изъ *безконечности* — время, въ *неизмѣримости* — мѣсто, въ *безпредѣльности* — границы опредѣлены всему бывающему.

И всякая въ природѣ тварь,
И все, что въ естествѣ творится,
Дошедъ предѣловъ, становится...
Занявъ пространство, уступаетъ,
Измѣривъ время, изчезаетъ!»

Октябрь 8. «Человѣкъ къ усовершенствованію способенъ. Исполнилась ли вся мѣра моихъ мыслей? нѣтъ: не было во мнѣ вчера думы, теперь меня занимающей; и теперь не вѣдаю думы, которая завтра во мнѣ родится. Стараться должно разработывать думы, какъ обильный рудникъ.»

Октября 22. «Желудокъ способенъ варить пищу; разумъ разсуждать способенъ: желудку варить — надобно; чтобъ была въ немъ пища; разсуждать надобно, чтобъ мысли были. И посему разсудокъ въ человѣкѣ появляется не въ младенчествѣ, но въ нѣкоторомъ возрастѣ, когда поселятся въ немъ думы нѣсколькихъ испытаній. Щастливъ, кто доброе испытаетъ! хорошая пища сохраняетъ тѣло здоровымъ; хорошія мысли питаютъ хорошо душу...

Мысль есть пчела, по цвѣтамъ летающая. Дума пчела, въ улью медъ работающая.»

1793 *Мая 3. На островѣ уединенія.*

«Дѣла рукъ человѣческихъ сокрушены, повержены истлѣваютъ: дѣла природы растутъ, цвѣтутъ и въ совершенствѣ пребываютъ: имъ каждая весна придаетъ новыя красы, насъ, и съ мнимыми нашими прочнѣйшими трудами, каждый день къ паденію приближаетъ.»

Іюнь 20. «Славу истинную тотъ обрѣлъ, котораго память въ оставшихся касается сердецъ. Слава ложная поражаетъ токмо умъ современниковъ.»

Октябрь 6. «Всѣ вещи сообразуются своей окрестности и ее взаимно образуютъ. То же бываетъ и въ нравственномъ людей состояніи».

Октябрь 19. «Измѣненіемъ называемъ мы прехожденіе вещей отъ одного состоянія въ другое. Поврежденіемъ, когда онѣ, бывъ намъ пріятны, становятся неполезны и вредны. Прекращеніемъ, когда онѣ престаютъ быть въ извѣстной связи и видѣ, какъ видѣть мы ихъ привыкли.

Но въ природѣ существо вещей не теряется, при всѣхъ измѣненіяхъ вида вещи, измѣняющіяся и преходящія, также цѣлы, какъ и пребывающія. Отъ истребленія видовъ старыхъ, обновляется природа, воззращая виды новые.

Чтобъ видѣть міръ, каковъ онъ есть, не чти смертный себя единственнымъ предметомъ творенія. Помни, что время твое кратко; мѣсто пре-

бывaнія тѣсно; силы и способности ограничены. Не ставъ себя ни общею мѣрою, ни образцомъ испытанія хорошаго и худаго! отъ сего кореннаго заблужденія, слѣпо видимъ, неосновательно судимъ; и примѣняя все къ своей малости, мнимъ быть во всемъ малому совершенству.

Сіе заблужденіе человѣку свойственно; ибо произходитъ отъ сродняго ему желанія себѣ добра и отвращенія отъ зла, отъ желанія себя вознести и возвеличить. Сіи врожденныя, повсемѣстныя его свойства, надлежитъ полагать основаніемъ того древняго въ людяхъ заблужденія; и хотя извинить оное можно, но пребывать въ немъ не должно.»

Октябрь 29. «Изъ всего существующаго дѣла сего, побуждаюсь вывесть усладительное заключеніе. Сей свѣтъ, со всѣмъ своимъ совершенствомъ, не можетъ удовольствовать человѣка. Ему надобно мѣсто пребыванія пространнѣе; время продолжительнѣе; силъ больше, способности проницательнѣе; знаніе основательнѣе, точнѣе и подробнѣе. Ограниченность здѣшняя тѣснитъ и тяготитъ его; и если свѣтъ, не ради его единственно созданъ, то чувствуетъ, что и самъ онъ, не ради сего токмо свѣта существуетъ! здѣсь только слабый разсвѣтъ и мы пробуждаемся отъ сна небытія; но красный день познанія возсіяетъ намъ въ вѣчности!»

17$\frac{17}{\text{IX}}$98.

Мнѣ сорокъ лѣтъ. — Минувшее время жизни моей, куда дѣвалось? непримѣтно, нечувствительно прошло, далече, невозвратно! унесло съ собою съ исполненіемъ и безъ исполненія непорочныя и съ раскаяніемъ желанія, наслажденія, прискорбія, многократныя чувствованія, столь сильныя во время свое, забвенныя послѣ! Живѣйшія изъ нихъ едва оставляютъ малую черту въ памяти и на сердцѣ!... Таковы суть чувствованія добродѣтели и ею внушенныя дѣянія. Любезное спокойство духа, коимъ наслаждался долговременно, съ малымъ прерваніемъ отъ пристрастій своихъ, или стороннихъ, оно наполняло блаженствомъ душу мою!... Что происходитъ съ человѣкомъ въ начальную половину жизни? возрастаетъ тѣло—домъ, гдѣ появляются свойства духа: понятіе и чувство. Но разумѣніе неясное, ограниченное, тѣсное?... Чувство всегда жаждетъ наслажденія, но никогда не находитъ его въ полной мѣрѣ, въ чистой живости, безъ примѣси и недостатка!... Что будетъ съ нимъ въ послѣднюю половину вѣка? загрубѣніе, разстройство, поврежденіе частей тѣла, причины болѣзней, страданіе, смерть. Свойства душевныя, что съ вами будетъ?... Останься со мною, вожделѣнное спокойствіе духа! останься до моего послѣдняго издыханія! повиновеніе волѣ Создателя долгъ нашъ есть. Упованіе на благость Отца, есть намъ отрада...

Громады свѣтилъ небесныхъ въ путяхъ своихъ обращаются безчисленные вѣки. Появляются притомъ порожденіе тварей, какъ малыя насѣкомыя, какъ прахъ земной, пристающій къ вертящемуся колесу. Нѣсколько кратъ вращаются вмѣстѣ — и отпадаютъ. Движеніе міра продолжается въ чинѣ своемъ.

$17\frac{21}{x}89$.

«Безплодно есть размышлять только; но здравымъ разсужденіемъ вымышленное исполнять, вотъ плоды, въ общежитіи потребны.»

«Мода есть мгновенный обычай, внезапно раждается, мало времени пребываетъ и вдругъ исчезаетъ. — Летучее насѣкомое, почти повсемѣстно и всенародно обожаемое!»

«Убѣгай такого положенія, которое должность въ противорѣчіе съ желаніями приводитъ и во вредѣ другаго указуетъ нашу выгоду; ибо, я увѣренъ, что въ таковомъ положеніи, при чистосердечной даже любви къ добродѣтели, рано или поздно, и непримѣтно попустишь обольстить себя, и учинишься дѣлами несправедливъ и злобенъ, хотя сердцемъ и не престанешь быть правосуднымъ и добрымъ.»

«По большой части, людская отговорка: жаловаться на недостатокъ силъ, когда употреблять ихъ уже поздно. Мы сами въ томъ виноваты, что добродѣтель намъ тяжела: ей жертвовать рѣдко бы должны мы были, если бы всегда

праваго пути держались. Но обыкновенно отдаемся, безъ сопротивленія, склонностямъ, кои легко бы одолѣть можно, и попускаемся въ малыя искушенія, коихъ опасности презираемъ. Непримѣтно впадаемъ въ опасное положеніе, котораго избѣжать легко было прежде; но послѣ не избавишься уже безъ усилія, ужасомъ отвращающаго. Такъ низвергаемся наконецъ въ бездну, взывая къ Богу: почто создалъ Ты меня толико слабымъ? но, вопреки намъ, отвѣтствуетъ наша совѣсть: ты слабъ выйти безъ пособія благодати, изъ бездны; но Богъ далъ тебѣ довольно силы не впадать въ нее.»

Ноябрь 23.

Тѣ жизнью истинной минуты почитай,
Въ которы чувствовалъ ты въ духѣ тихой рай.
Во время грозныхъ тучь
Кто видитъ солнца лучь?
Во время скорби и печали,
Небесной благости слѣды для чувствъ пропали.

ОЧЕРКИ.

Стихотворенія Н... К...

I. Озеро.

Природа дикая убогою рукою
Картину грустную раскрыла предомною:
Синѣя, озеро тѣснится въ берегахъ,
И сосны черныя бросаютъ тѣнь сурово
С окрестныхъ горъ.... Взираю съ грустью новой
На чуждую природу мнѣ. Въ глазахъ

Дрожитъ слеза. Никто печали безнадежной
Со мной не дѣлитъ.... только подъ водой,
Склонившись шейкою своею бѣлоснѣжной,
Душистый ландышъ мнѣ киваетъ головой.
1844. Олонецкъ.

II. ПОЛНОЧЬ.

Какъ много думъ завѣтныхъ въ головѣ!
Какая сновъ любимыхъ вереница!
Всѣ чувства свѣтлыя и лица
Толпой стеклись!... На темной синевѣ
Ночнаго неба звѣзды льютъ сіянье....
Глаза глядятъ въ нихъ—и душа чиста,
Какъ женщина въ минуту покаянья
Предъ золотымъ сіяніемъ креста.
1844. С.-Петербургъ.

III.

Въ степи виднѣются далеко три кургана —
И среднiй выше всѣхъ. Взберуся на него
И отдохну въ кустахъ высокаго бурьяна....
Какая даль кругомъ! Неясной синевой
Края земли слились съ краями неба;
На желтыхъ полосахъ желтѣютъ волны хлѣба;
Да кое-гдѣ виднѣются вдали
Избушки далеко заброшенныхъ селенiй....
На синеву небесъ двѣ тучки набрели
Отъ первыхъ осени холодныхъ испаренiй —
И по степи влекутъ неправильный свой слѣдъ,
Рисуя темныя на ясномъ полѣ пятна....
Душа погружена въ какой-то чуткiй бредъ —
И шепчетъ на ухо знакомый голосъ внятно....
1845. Украйна.

IV.

Какъ быстро вечеромъ прохладнымъ день смѣненъ!
Проходитъ лѣтнiй жаръ. Широколистый кленъ
Роняетъ каждый день своихъ листовъ поблекшихъ

Отжившую семью. А ночью, надъ прудомъ
Туманъ холоднымъ носится столбомъ....
И жалко теплыхъ дней, и жаль ночей протекшихъ!
Смягчитъ бывало вечеръ жаръ дневной,
И, ясенъ, прудъ заснетъ. Густою тѣнью
Кусты наполнятся; и вербы съ тихой лѣнью
Опустятъ вѣтви низко надъ водой.
Бывало мѣсяцъ глянетъ мимоходомъ
И съ неба серебромъ картину обольетъ.
А воздухъ и къ лицу, и къ груди теплый, льнетъ —
И думы длинныя приноситъ. — Но съ приходомъ
Недальней осени я чаю новыхъ сновъ:
Всегда дружнѣе былъ я съ грустнымъ увяданьемъ
Природы, и больныхъ дубровъ
Съ прощальнымъ шелестомъ и колыханьемъ....

1855. Украйна.

V. НА ВОДАХЪ.

Ужь на покой склонился день лѣнивый:
Пора домой! дорога впереди
Скрывается за почернѣвшей нивой;
И мысль бѣжитъ по темному пути—
Далеко—въ милый край.—Подхваченъ тройкой,
Я степью мчусь. Отъ бѣга подъ дугой
Едва звенитъ мой колокольчикъ бойкой;
И грудь дрожитъ; и пыльною ногой
Уже ступить черезъ порогъ спѣшу я....
Но полночь бьетъ: прости любимый сонъ!
Пора домой — на сонъ безъ поцѣлуя....
Давно пора на крѣпкій сердца сонъ!

1846. Висбаденъ.

VI. ОСЕНЬ.

Любимая пора вдали меня застала
Отъ милыхъ мѣстъ, гдѣ осень надъ землей
Уже свое простерла покрывало,
И дуетъ вѣтеръ свѣжестью сырой,

Сбивая желтый листъ въ лѣсахъ дремучихъ....
Тамъ цѣлый день на небѣ ходятъ тучи,
И дождь стучитъ, вздымая лоно рѣкъ.
Тамъ скученъ день и скученъ человѣкъ,
И сумерки тамъ безконечно длятся....
Но я любилъ ихъ грусть: мечтаешь безъ огня,
И на-яву такіе сны мнѣ снятся
Такъ крѣпко прошлое обниметъ вдругъ меня!
И молодѣетъ кровь, и вновь пустыя грезы
Тѣснятся въ умъ; и вѣря, какъ дитя,
Въ высокое значенье жизни, я —
И забываю дней пытливыя угрозы....
Но грустно знать, что лжетъ любимая мечта,
Что жизнь моя безцѣльна и пуста;
А прошлое дарить улыбкою сухою,
Какъ шалость дѣтскую, которой бредъ,
Давно забытый, праздною семьею
Напомнится вдругъ черезъ много лѣтъ. ..

1846. Остъ-Энде.

VII. Бываютъ дни.

Бываютъ въ жизни дни тяжелаго сознанья,
Любимаго труда; при нихъ блѣднѣетъ цвѣтъ;
Сбираются толпой ошибки цѣлыхъ лѣтъ —
Горячей головы пустыя начинанья!
И смѣхомъ оскорбить ихъ въ эти дни не жаль!
Нѣтъ впереди надеждъ; отгаданная даль
Является пуста.... и сердцу нѣтъ прощенья —
За дѣтскія его мечты и заблужденья.

1846. Брюссель.

VIII. Отвѣтъ.

Да, на себя мы клеплемъ всѣ исправно,
То пылкостью стараясь щегольнуть,
То ко всему холодностью забавной.
И вдругъ зовемъ преважно жизни путь
Терновымъ, потому-что видимъ муки

Какія-то — въ простомъ припадкѣ скуки —
Минуты, тысячи вопросовъ и задачъ....
А время между тѣмъ — сонливый малый —
Проселкомъ насъ везетъ на парѣ клячъ
И сброситъ.... гдѣ-нибудь.... на постоялый.
1846.

IX.

Нѣтъ, не должны другъ друга мы любить,
Какая цѣль взаимности безплодной?
Любовь подъ маскою не можетъ быть
Души отрадой, благородной.

* *
*

Нѣмая боль томитъ. Спѣши призвать
Мучительной разлуки изцѣленье:
Да снидетъ въ душу мира благодать
И усыпитъ ее забвенье....
1849. 2 Апрѣля. С.-Петербургъ.

ВЫДЕРЖКИ
ИЗЪ СВЯЗКИ СТАРИННЫХЪ БУМАГЪ.
(историческіе запасы).

I.

Всеподдан. Императрицѣ Екатеринѣ II рапортъ
Генералъ-Фельдмаршала Гр. фонъ-Минниха (*).

Вашему Императорскому Величеству, по всеподданнической моей должности, всенижайше чрезъ сіе донести честь имѣю: въ какомъ нынѣ состояніи, при ввѣренныхъ мнѣ отъ В. И. В. разныхъ департаментахъ работы обстоятъ и вновь производиться имѣютъ, значитъ ниже сего.

(*) Съ подлинника. Также и слѣдующій рапортъ Гр. Румянцова. *Издатель.*

1-е. При Волховскихъ порогахъ, отъ начала вступленія въ генеральную мою Дирекцію прошлаго 762 года Авг. 27 дня всѣ проходящія чрезъ оные пороги: барки, суда, бревенчатыя и дровяныя гонки по нынѣ счастливо и безъ всякаго поврежденія, удержки и платы проходили, кромѣ опредѣленнаго числа лоцманамъ, за препровожденіе чрезъ тѣ порты судовъ, въ большую воду, съ судна по 20 коп. а въ малую воду, по одному рублю; а нѣкоторые порозжія барки и прочія суда, идущія отъ Новой Ладоги, проходили вверхъ пороговъ до Новагорода; да и по ордеру моему, подняты вверхъ пороговъ четыре большія барки, съ заплатою живущимъ около тѣхъ пороговъ крестьянамъ, съ каждой по 9 руб. кои и употреблены для слѣдуемыхъ при тѣхъ порогахъ работъ; при означенныхъ же порогахъ работы по числу людей производятся благополучно, и уповаю, при нынѣшней лѣтней меженной водѣ, прожектированныя мною плотины, сколько возможно, для лучшей безопасности проходящимъ судамъ и гонкамъ, построить.

2-е. При Ладожскомъ каналѣ: сей важной каналъ, который, какъ шлюзами, спусками, берегами и прочими деталіями до дирекціи моей такъ запущенъ, что почти вновь возобновлять слѣдуетъ, почему въ прошедшія двѣ зимы, по неусыпному прилагаемому попеченію, то есть: 762 и 763 г., учрежденными отъ меня бакарами, оной каналъ углубили и очистили, такъ что при нынѣ-

шней весенней водѣ въ ономъ каналѣ глубиною воды, въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ, не менѣе 7 футъ и 10 дюймовъ обстоитъ, а въ прочихъ мѣстахъ до 10 футъ и болѣе. Важные же шлюзы и спуски, по числу людей и суммы денегъ, возобновляются съ желаемымъ успѣхомъ, такъ-что понынѣ въ судовомъ проходѣ никакой остановки не было, а слѣдуемыя тѣмъ каналомъ барки и гонки денно и нощно, какъ при Ладожскихъ, такъ и при Шлютелбургскихъ (Шлиссеньбургскихъ) шлюзахъ, пропускаются безостановочно, что же принадлежитъ до канальныхъ береговъ, кои, по ветхости, во многихъ мѣстахъ обливались, такъ-что и камень отъ тѣхъ береговъ въ самой каналъ попадалъ; — оное нынѣшняго лѣта, какъ скоро вода будетъ низкая, не только каналъ отъ того камня, потопшаго лѣсу и земли очищенъ быть имѣетъ, но и самые тѣ берега, по возможности, поправлены будутъ.

3-е. При Кронштатскомъ каналѣ: стѣны большаго канала и вороты надлежащею починкою содержатся, берега большаго бассейна дикимъ камнемъ со мхомъ выкладываются, водяныяжъ машины поправлены и каменныя лѣстницы отъ стороны купеческой гавани строятся; такожъ повредившіе прошлой осени во время пресильной погоды, льду и прибылой большой воды, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при шпинцахъ бастіона, оборонительныя бревна изломало, а въ военной и средней гавани въ нѣкоторыхъ же

мѣстахъ обрубы нѣсколько подняло, по причинѣ, что оныя не довольно отягощены были камнемъ, такожъ и подлежащаго числа артиллеріи на оныхъ не было,—починкою нынѣ исправляются и по причинѣ малой починки въ самоскорѣйшемъ времени по прежнему исправлены быть имѣютъ; то есть сего мѣсяца къ 10-му числу. Состоящій при Кронштатѣ предъ дворцомъ В. И. В. прудъ, во исполненіе Всевысочайщаго В. И. В. изустнаго именнаго повелѣнія, землею засыпается; но какъ для засыпки онаго землею надлежитъ привозить изъ дальняго разстоянія, то за перевозъ оной принуждено платить за каждую кубическую сажень по три рубли, по двадцати по пяти копѣекъ, и требовать немалую сумму, по учиненной конторою каменнаго канала смѣтѣ, до 67853 р. 41 к. А что касается до починки и достройки губернскихъ домовъ, о которыхъ уже прошлаго 1763 году смѣты въ Правительствующій Сенатъ поданы, по которымъ требуется денежной казны до 276494 р. 37½ к.; но точію еще на оное отъ Сената денежной казны не ассигновано.

4-е. При Нарвскомъ Фарвартерѣ: на устьѣ рѣки Наровы и Расони работы производились, по числу работныхъ людей и денегъ, безостановочно; но токмо прежде опредѣленной къ Нарвскому Фарвартеру, по Указу П. Сената, Надвор. Совѣт. Баронъ Вобезеръ, который, до вступленія моего въ генеральную дирекцію, никакихъ работъ не производилъ; во время же моей Дирекціи посту-

палъ даннымъ ему отъ меня ордерамъ и инструкціямъ противно и ослушно, а чрезъ то сдѣлалъ, по своему вымыслу, неполезныя работы на самой рейдѣ и на морскомъ берегу, которыя ему никогда строить отъ меня невелѣно, да и объ ономъ, что онъ при тѣхъ мѣстахъ началъ строить, меня не рапортовалъ, отчего и причинилъ казнѣ В. И. В. немалой ущербъ, за что и судимъ нынѣ. А напослѣдокъ, видя изъ того худыя слѣдствія, оставя ту работу, тайно изъ Нарвы ушелъ, о чемъ отъ меня и П. Сенату представлено и по послѣдующему Указу арестованъ и отосланъ паки въ Нарву подъ карауломъ, гдѣ надъ нимъ въ вышеписанномъ построеніи и въ прочихъ непорядочныхъ поступкахъ, производится слѣдствіе, а на его мѣсто опредѣленъ, по требованію моему, Подполковникъ Бейренъ, подъ смотреніемъ котораго нынѣ работы продолжаются благополучно и съ надлежащею прочностію.

5-е. При Ревельскомъ портѣ: возобновленіе военной гавани нарубкою вновь тарасовъ, по числу работныхъ людей и ассигнованной десяти тысячной рублевъ суммы, производятся работы, съ желаемымъ успѣхомъ; съ такимъ притомъ примѣчаніемъ, дабы оная десяти-тысячная рублевая сумма, съ выдачею заработныхъ денегъ и съ заплатою потребныхъ къ тому матеріаловъ, на нынѣшній 1764 г. вынесть могла.

6-е. При Балтійскомъ портѣ: строеніе славной молы и батарей, казармы, Штабъ и Оберъ-Офи-

церскія квартиры, колодези съ павильономъ и крѣпостная работа производится съ желаемымъ успѣхомъ, на которое сооруженіе пожалованные отъ В. И. В. 30,000 р. употреблены будутъ со всякою, всевозможною, доброю экономіею, къ безсмертной славѣ В. И. В. и пользѣ Государства! И припадаю къ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ Гр. Миннихъ, Іюня 7 дня 1764.

III.

Донесеніе Государынѣ Графа Румянцова (*).

Все высочайшее Вашего Императорскаго Величества (**) отъ 7 Октября, я удостоился получить извѣстія, присоединенные къ оному, показываютъ безпристрастіе увѣдомителя, а жалѣть только о томъ должно, что оные къ намъ поздно уже приходятъ, и после всѣхъ тѣхъ, которые противъ правды разглашены непріятелемъ, и сообщаемы были въ публичныхъ вѣдомостяхъ, и приватно мнѣ отъ нашихъ министровъ.

В. И. В. соизволите быть извѣстны изъ моихъ тогдашнихъ донесеній о настоявшихъ резонахъ, по которымъ не могъ я ни за собою оставить города Силистріи, ниже учинить формальной приступъ. на преодолѣніе толь видимыхъ тутъ силъ непріятельскихъ, производившихъ упорно свою

(*) На подлинной бумагѣ отмѣчено: «отвѣствовано 6 Дек. 1773.» — Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ Литературномъ Сборникѣ на 1851 годъ, «Раутъ» стр. 201. *Издатель*.

(**) Слово: «повелѣніе» въ подлинникѣ пропущено. *Издат.*

оборону; ибо въ семъ послѣднемъ надобно бы неминуемо отважить потерѣ немалую часть людей, и еще въ самомъ началѣ кампаніи; везирь же, по извѣстіямъ на то время отъ плѣнныхъ, былъ уже за горами, слѣдственно достигнутъ и тотъ пунктъ, который податель извѣстій полагаетъ, яко важнѣйшій въ прогнаніи его особы. Я питаю и теперь въ себѣ туже прискорбность, съ которою поступилъ я на обратной переходъ изъ за Дуная, но В. И. В. въ моихъ донесеніяхъ, кромѣ причинъ, къ тому нудившихъ, соизволили видѣть исполненіе въ томъ послѣдовавшее согласного совѣта всѣхъ Генераловъ, изъ которыхъ, ежели бы хотя одинъ тогда вызвался знать лутчіе къ чему нибудь способы, я бы конечно въ томъ каждому послѣдовалъ.

Щастливо произведенныя дѣйствія, которые описываю въ теперишней реляціи, воспримите, Всемилостивѣйшая Государыня, за выполненіе тѣхъ самихъ предвѣстій, и за доводъ моего непрерывнаго бдѣнія и всегдашняго попеченія о пользѣ ввѣреннаго мнѣ оружія.

Я ждалъ времени и случая и сими обоима удалось воспользоваться знаменитѣе, нежели иногда отъ самихъ большихъ предположеній. Плѣнъ изъ непріятельскихъ войскъ не малой, и между онымъ первостепенныхъ чиновъ, получили, всю артилерію непріятельскую, и городъ Базарджикъ сталъ въ нашихъ рукахъ безъ всякой почти потери и безъ пушечнаго выстрѣла: ибо мѣры наступленія

и дѣйствій нашихъ толь удобно приняты въ сію пору, что непріятель толико стѣсненъ и нуждою и страхомъ, что бѣжитъ отъ лица идущихъ на него войскъ, потерявъ свой станъ, и лишаясь толь нужныхъ ему приготовленій для зимы.

Пріобрѣтенія сіи, Всемилостивѣйшая Государыня, полезны оружію Вашему, какъ напротивъ весьма чувствительны будутъ непріятелю.

Что до плана операціи на будущую кампанію, то я, по окончаніи предположенныхъ дѣйствій, и по расположеніи войскъ въ зимные квартиры, поколику и то и другое обстоятельство ввойтить должно въ разсужденіе о таковыхъ мѣроположеніяхъ, долженствую исполнить Высочайшую волю и повелѣнія Ваши; нескрывалъ я однакожь и напредь сего ни въ чемъ моихъ мыслей предъ В. И. В. и доносилъ Вамъ Всемилост. Гос. обо всемъ, что я предвидѣлъ неудобствомъ для утвержденія ноги нашей за Дунаемъ, и что разумѣлъ полезнымъ или противнымъ успѣхамъ оружія Вашего, и ежели я больше и лучше не въ состояніи былъ проникнуть и сообразить, хотя ревность и труды мои на службу остаются въ полномъ всегда напряженіи, то въ томъ единственно виною природные мои недостатки.

Планы, обыкновенно дѣлаемыя въ началѣ только войны, или и въ началѣ кампаніи, для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій предъполагаемыхъ отъ разныхъ и дальныхъ пунктовъ, или въ общемъ дѣлѣ съ союзниками, бываютъ

однакожъ подвержены нерѣдкой перемѣнѣ; но, при сближеніи къ непріятелю, предается тогда искуству военачальника располагать дальшія предпріятія на него, повидимому, на то время удобности и предстоящимъ обстоятельствамъ, а я долгое уже время съ ввѣренными мнѣ войсками раздѣляюсь съ непріятелемъ и то невездѣ, одною только рѣкою, слѣдственно, сколько ежедневно можетъ перемѣнятъ свое положеніе непріятель, столько неудобно, а наипаче теперь назначить и намъ свои противъ него дѣйствія на будущее время, которое, по моему мнѣнію, зависятъ болѣе отъ случаевъ и локальнаго на то время усмотренія: ибо сіи послѣдныя частѣе открываютъ путь къ знаменитымъ предпріятіямъ, нежели великіе предположенія быть могутъ выполнены без-препятствій и затрудненій.

Я льщу себя, Всем. Гос. и благоволеніемъ и довѣренностію въ томъ Вашими, что я ни гдѣ еще не проронилъ ни времени, ни способовъ, служившихъ къ низверженію непріятеля, и къ распространенію пользы оружія Вашего.

Если къ своимъ дѣламъ, что либо соображается отъ примѣровъ войны Европейской, то въ оной могли быть предположенія завременно для дѣйствій, на основаніи извѣстнаго удостовѣренія о мѣстоположеніи, гдѣ вся земля до послѣдней стежки со всѣми въ натурѣ ея удобностьми описана, но здѣсь сопротивной берегъ Дуная намъ неизвѣстенъ: невѣрность картъ, которые на ту

сторону имѣются, познаемъ изъ собственнаго испытанія, и только тѣ ближные опустошенные уже части знакомы, которые были подъ нашею пятою

Я на основаніи вышеписанныхъ обстоятельствъ всеподданнѣйше прошу В. И. В. удостоить меня прежде увѣдомленіемъ, какія предположенія имѣютъ и имѣть будутъ въ будущую кампанію другіе части войскъ Вашихъ, въ моряхъ и на сухомъ пути дѣйствующихъ; ибо доселѣ между собою мы столько отстоимъ, что ни я имъ, ни оные мнѣ, ни какова вспоможенія учинить не могли, равно буди уже благоизволили В. И. В. назначить каковы мѣроположенія для будущихъ военныхъ операцій, и ко удержанію твердой ноги войскъ Вашихъ за рѣкою Дунаемъ.

Духъ мой исполненъ ревности, чтобъ послѣдные силы предать на исполненіе, въ томъ Высочайшей воли В. И. В. неменше и донести Вамъ чистосердечно, если бы что примѣтилъ я несходственнымъ съ пользою ввѣреннаго мнѣ оружія; ибо пространство нашихъ завоеваній, на здѣшнемъ, а положенія непріятельскаго на сопротивномъ великою наводятъ трудность въ избраніи пункта, на который бы можно было устремить намъ свои дѣйствія, и не быть въ опасности отъ диверсіи перенесшись за рѣку широкую, и прямо между насъ и непріятеля протекающую. И въ семъ Высочайшаго руководства позвольте мнѣ Вс. Госу. ожидать отъ милосердія и Высочайшей ко мнѣ довѣренности Вашей.

Подноситель сего Генералъ Маіоръ Князь Долгоруковъ несъ отмѣнные труды въ нынѣшную кампанію въ должности дежурнаго Генерала. По своему усердію, онъ бы находился и въ дѣйствіяхъ нынѣшнихъ за Дунаемъ, ежели бы я его не удержалъ при себѣ ради помощи въ потребныхъ распоряженіяхъ на случай моего крайнего изнеможенія отъ одолѣвающей меня болѣзни. Его я осмѣливаюсь, какъ ревностнаго къ службѣ Генерала и могущаго словесно донести В. И. В. о положеніи здѣшнемъ повергнуть къ священнымъ стопамъ В. И. В. и пребыть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

всеподданнѣйшій рабъ
Графъ Петръ Румянцевъ.

Октября 28 дня 1773 г.
Въ Фокшанахъ.

РѢЧЬ, (*)

говоренная Ея Императорскому Величеству отъ имени Сената и народа Д. Т. С. Генералъ-Прокуроромъ и Кавал. Алексан. Ник. Самойловымъ, въ день мирнаго торжества Сентября 2-го, 1793 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Больше тридцати лѣтъ, что Россы, Тобою блаженны, о Тебѣ радуются; но днесь услыши, трикраты торжествующая Побѣдительница, гласъ Сената, восклицанія усерднаго народа, Тобою превознесеннаго. Мы громко вопрошаемъ вселен-

(*) Съ печатнаго слово въ слово.

ную: кто Царь велій, яко Царица и Матерь Наша? И не слышимъ ни кого же уподобляемаго Тебѣ. Паче всѣмъ и Ты едина стяжала вѣнецъ не помраченныя славы, будучи кротка, премилосерда и благотворительна своимъ подданнымъ, врагамъ однимъ ужасна, когда поправъ законы мира, принуждали Тебя извлекать острый мечь въ оборону Отечества и да накажутся по дѣламъ своимъ. Три войны отъ странъ Южной и Полунощной зависть и злоба на насъ устремляли, терзаяся блаженствомъ Россіи, которое во дни Твои зиждется. Не оскудѣло мужество Твое, ратуя во многіе годы: отъ духа Твоего вождь мудрость, воинъ храбрость пріяли: Ты ихъ руку направила, да вознесутъ имя Твое, да прославятъ ополченную Россію знаменитыми побѣдами въ моряхъ и на сушѣ; народъ же Твой не позналъ отъ того ни раны, ни тягости, во еже дивитися міру. Сыны Отечества взыграйте радостію! Враги повержены и не возстанутъ; Наша Владычица во мзду своихъ трудовъ свѣтло торжествуетъ! Возстани, Петръ Первый, и удивися второму преображенію Россіи! Воззри на полки, какъ въ новомъ устройствѣ и во умноженіи выводитъ Екатерина II, въ Европѣ, въ Азіи всегда побѣждающая, взгляни на флотъ Балтійскій, во младенчествѣ Тобою оставленный, колико раченіемъ Ея возросшій въ Исполина, сокрушаетъ въ ближнемъ и отдаленныхъ моряхъ водныя силы нашихъ супостатовъ. Три части свѣта многіе вѣки устрашавшая Ту-

реція и собственно Тобою напряженный подвигъ преломившая, виждь, съ какими ранами двукратно падаетъ подъ оружіемъ мужественныя Екатерины: Ты оставилъ поверженнымъ Азовъ, Меотійскія и Евксинскія воды Россіи запертыми, сильная рука Екатерины воздвигла сей Градъ и многіе вновь; разторгнула поносные узы, овладѣла Царствомъ Тавриды, страною древнею Тьмутараканъ, гдѣ властвовало колѣно Князей Россійскихъ, потребила отъ лица земли хищные роды Татаръ, вѣчно враждовавшихъ нашему Отечеству; создала флотъ новой на Черномъ морѣ, что при своемъ рожденіи уже побѣдоносецъ; а чрезъ оной простерла предѣлъ Россіи во всѣ концы тѣхъ водъ; ибо на оныхъ Ея созданіе владычествуетъ. Для Персовъ, для Грековъ, и самыхъ Римлянъ, во свое время всесильныхъ, Кавказъ неприступной отверзаетъ входъ оружію Екатерины и власть Россіи въ него вливается. Отъ сихъ пространныхъ завоеваній обрати душевныя очи на десную страну! Се Двина и Днѣпръ текутъ въ нашихъ объ онъполъ предѣлахъ: отъ Самогиціи на долготу Днѣстра простерта наша граница. Страны, намъ единоплеменныя, отторгнутыя Сарматами, обрѣли свое избавленіе въ вѣкѣ Екатерины Вторыя: рукою и разумомъ Ея присоединены, яко оторванные члены къ тѣлу Россіи и составляютъ нынѣ пять нашихъ Провинцій многолюдныхъ и преизобильныхъ. Внимай не единымъ бранноноснымъ под-

вигамъ, но и внутреннему нашему блаженству, колико пресыщается онымъ мирный гражданинъ, пользуясь распространенными науками, Тобою насажденными, новыми судилищами, обширными способами торговли и безчисленными милостями всѣмъ и непрестанно благотворящей Монархини. Ты шествовалъ въ страны чужія обрѣсти знанія, не достававшія въ Отечествѣ; очи наши видѣша приходящихъ Царей къ Екатеринѣ Второй созерцати дѣянія Ея и поучатися царствовать. Потомство Греціи, разливавшей мудрость всѣмъ народамъ, піетъ теперь источникъ наукъ въ нашемъ Отечествѣ. Насладившися радостію отъ сихъ преуспѣяній, почій, душа безсмертная, приосѣненная толикою славою Екатерины; ибо ни единъ, какъ Она, изъ преемниковъ Твоего престола не почтилъ и Твою память толь достойно.

А ты, Всеавгустѣйшая Монархиня, даждь намъ, да въ сей торжественный день восторжествуетъ предъ Тобою народа Твоего совершенная благодарность! Ты возлюбила его, яко свое чадо, благотвореній Твоихъ, что въ краткомъ словѣ не вмѣщаются, всѣ состоянія исполнишася. Ни единъ изъ подданныхъ не уронилъ капли слезъ, чего либо лишенный, а проливали отъ радости источники оныхъ, когда Ты каждаго заслуги награждала, когда милости и прощенія текли миліонами. За сію добродѣтель премилосердаго Твоего сердца, за неусыпныя попеченія о благѣ общемъ мы должны провозгласить Тебя Матерію Отечества:

по величію же Твоего духа, что Ты оружіемъ преодолѣла враговъ, а чрезъ свою мудрость возвратила вѣками утраченное достояніе Россіи, прославила и умножила Отечества могущество, расширивъ предѣлы онаго приобрѣтеніемъ странъ пространныхъ, миліонами людей населенныхъ, посвятить Твоему имени проименованіе Великая. Хотя мы изъ устъ Твоихъ слышали, что вь жизнь Свою не хощеши сихъ нарѣченій; а оставляешь потомству безпристрастно судить Твои дѣла. Но почто же, Всемилостивѣйшая Государыня, честью достойною не намъ Тебѣ служившимъ, но будущему роду восхвалитися? Почто желаеши, да видящіе умолчатъ и вѣрующіе о Тебѣ возглаголютъ. Когда же не благоволиши о сей жертвѣ сердецъ нашихъ, да знаменуются на Тебѣ вѣчно любовь и благодарность щастливыхъ чадъ Твоихъ, то мы въ оправданіе своихъ чувствъ не предъ Тобою, а предъ лицемъ Свѣта, предъ согражданами и нашими потомками провозглашаемъ, что титло Матери, титло Великія принадлежитъ Тебѣ по благости сердца, по дѣламъ Твоего духа. Подвигомъ добрымъ Ты возбудила и возвеличила въ Своемъ народѣ сродныя ему дарованія, аще хощеши прославить и благодарность его, реки: буди вамъ по глаголу вашему; и то даруя, простри намъ въ милость десницу Твою, враговъ сокрушившую, Россію возносящую.

Отвѣтъ именемъ Ея Императорскаго Величества, говоренный Д. Т. С. Вице-Канцлеромъ и Кавалер. Гр. Ив. Андрѣев. Остерманомъ.

Ея Императорское Величество съ удовольствомъ пріемлетъ благодарность, отъ имени всея Имперіи Сенатомъ Ея приносимую; съ благоговѣніемъ ощущаетъ, что не въ перьвое, въ теченіи тридцати двухъ-лѣтняго Ея Царствованія, Десница Вышняго поборствовала Ея оружію, и сила Его Святая споспѣшествовала намѣреніямъ Ея, ко благу подданныхъ Ея клонящимся; не въ перьвое признаетъ такъ же, что усердіе къ Ней вѣрноподданныхъ, искусство и мужество Ея Полководцовъ, храбрость воинства и радѣтельные всѣхъ и каждаго по званію его подвиги способствовали возведенію Отечества на настоящую степень славы и величія. Желаніе Ея Величества есть, дабы памятуя спасительное при мирѣ поученіе въ Бозѣ почивающаго Великаго Государя Императора Петра Перьваго, таковыя добрыя свойства и расположенія навсегда отличали Ея подданныхъ; ибо ими одними утверждаются Царства и низлагаются всякіе ковы противу цѣлости, покоя и благосостоянія общаго, врагами и завистниками предпріемлемые.

В. И. АННЕНКОВОЙ.

Вы ѣдете на югъ, за тридевять земель:
Въ Крымъ, въ дивный Цареградъ, быть можетъ — въ Палестину,
Страну, гдѣ каждый шагъ священъ христіанину,

Гдѣ гробъ Спасителя, гдѣ вѣры колыбель!
Гдѣ бились за нее Раймонды и Годфреды,
Честь рыцарскихъ временъ — Ричарды и Танкреды,
И романтическій герой — Малекъ-Адель!...

Далеко ѣхать вамъ: черезъ моря, чрезъ сушу,
Чрезъ горы, по степямъ, — но я за васъ не трушу; —
И оправдается увѣренность моя;
Все будетъ хорошо, все счастливо свершится —
Есть, есть кому за васъ отъ сердца помолиться:
Супругъ, малютокъ рой, поклонники, друзья,
Разряда третьяго, въ числѣ послѣднихъ.... я.

В. Панаевъ.

ЗАМѢТКИ О КАРЛѢ XII.

Изъ приложенія, къ реляціи Россійскаго Министра Канцеляріи Совѣтника Остерманъ, съ Аландскаго Конгресса, отъ 24 Мая, 1718 г. (*)

Для куріозите прилагаются здѣсь нѣкоторыя гисторіи о житіи Короля Шведскаго, о которыхъ сказывалъ королевской Генералъ Адъютантъ Баронъ Шпаръ и другіе съ Шведской свиты.

Король уже весь сталъ сѣдъ и оплѣшивѣлъ, и токмо по обѣимъ сторонамъ за ушми немного волосъ кудреватыхъ осталось.

(*) Эту старину сообщилъ мнѣ почтенный изыскатель древностей И. М. С. Всегда любопытно узнать, какъ современники судили о великихъ своего вѣка людяхъ. Въ коротенькомъ очеркѣ характера и привычекъ Шведскаго Короля проглядываетъ уже отчаянный соперникъ Петра Великаго, въ началѣ побѣдитель его, подъ конецъ побѣжденный имъ. Здѣсь достаточно уже обрисовываются и рыцарскіе нравы славолюбиваго искателя приключеній, и безумная отвага сѣвернаго витязя, «безъ страха и укора.» *Издатель.*

Когда онъ ночью ѣздитъ верхомъ тихо или ступью, то тотчасъ ему стошнится и станетъ рвать, а встаетъ всегда часъ по-полуночи и тотчасъ садится на лошадь и ѣздитъ до самаго часу непрестанно вскочь.

Онъ нынѣ уже себѣ употребляетъ постелю, и когда въ вечеру у него сапоги скинутъ, то онъ никогда туфлей не надѣваетъ, но токмо въ однихъ чулкахъ (которые онъ рѣдко сымаетъ) ходитъ.

Сказываютъ про него, что онъ веселаго нраву, и многіе здѣсь при Шведской свитѣ обрѣтаются которые при немъ пѣніемъ веселыхъ розныхъ пѣсней часто ево забавляли, которыя пѣсни онъ охотно слушаетъ, и хотя онъ къ женскому полу весьма стыдливъ; однакожъ любитъ, чтобъ о такихъ утѣшныхъ дѣлахъ поглубже при немъ разговаривали; но и самъ временемъ о подробиостяхъ того дѣла прилѣжно испытуетъ.

Онъ же съ тѣми, которые у него отъ конфиденціи обрѣтаются довольно о дѣлахъ Государственныхъ съ ними разговариваетъ, и ихъ разсужденіе слушаетъ, и напротивъ свое имъ объявляетъ, и сказывалъ Баронъ Герцъ, чтъ онъ самъ прилежно въ статскихъ дѣлахъ трудится, и хотя другіе ево ославили, что онъ весьма упрямой человѣкъ, однакожъ онъ никакова упрямства въ немъ не нашолъ.

Окромѣ воды и кислова молока, онъ ничево не пьетъ, и любитъ токмо самыя простыя и твердыя ѣства, а по вечерамъ пшенную молочную кашу.

Когда онъ занеможетъ, то онъ никакихъ лѣкарствъ не употребляетъ, токмо нѣсколко дней постится.

Баронъ Шпаръ про него сказывалъ, что онъ, хотя вѣдаетъ, сколько дней человѣкъ безъ пищи пробыть можетъ, но всякой годъ чрезъ нѣсколько дней постился, прибавливая повсягодно по одному дню, и въ нынѣшнемъ году онъ семь дней безъ всякой пищи былъ; и ежели бъ Эрбъ-Принцъ Гессенкасселскій добрымъ способомъ его къ ѣствѣ не привелъ, то онъ намѣренъ былъ 9 дней поститься, а во всѣ тѣ дни онъ непрестанно въ фатигахъ былъ, и на послѣдней седмой день 25 Шведскихъ миль, не останавливаяся, на почтѣ скакалъ.

Онъ же Баронъ Шпаръ сказывалъ, что онъ самъ съ Королемъ изъ Лунда до Свинензунда, и того 46 Шведскій миль въ 16 часовъ, на почтѣ перескакалъ.

Во свидѣтельство его великого куражу разсказывалъ Баронъ Шпаръ, что когда Король былъ отъ Норвегіи подъ Фридрихс-Галломъ, то Король, хотя весь городъ уже загорѣлся, однакожъ прежде ретироваться не хотѣлъ, пока и мостъ, чрезъ которой надобно было ему ретироваться, такожде зачалъ горѣть, а не далеко отъ того мосту, напримѣръ какъ отъ крѣпости до гостина двора, была дацкая батарея о 16 пушекъ полукартаунныхъ, изъ которыхъ непрестанно по мосту били, и когда Король черезъ тотъ мостъ

ретировался, то онъ большими шагами шолъ; но перешедши уже тотъ мостъ, вспомнилъ онъ, что онъ велѣлъ офицерамъ и солдатамъ малыми шагами итти, того ради онъ, дабы ему упрекать не могли, что онъ большими шагами шолъ, а другіе малыми, пошолъ онъ черезъ тотъ мостъ назадъ, и потомъ уже втретьи малыми шагами поворотился.

Когда по Бендерской акціи Паша Бендерской къ нему пришолъ и подлѣ его на тюфякахъ сѣлъ, и тогда Король з досады на него Пашу, будто ненарочно, одною ногою на отмашъ зацѣпя шпорою, ево пашинской кафтанъ сверху до самого низу разодралъ.

Недавно онъ Баронъ Шпаръ былъ съ Королемъ въ Штромстатѣ, и когда ночью изъ онаго выѣхать хотѣли, и онъ Шпаръ, по обыкновенію, передъ Королемъ ѣхалъ, то ночью въ темнотѣ, въ дорогѣ наѣхали на нѣкоторую кучу бревенъ, которые онъ Шпаръ объѣхать хотѣлъ; но Король, давъ лошади шпоры, черезъ оную кучу перескочилъ, и велѣлъ, чтобъ и Баронъ Шпаръ тожъ чинилъ, и когда Баронъ Шпаръ то учинить хотѣлъ, то лошадь ево, которая не такъ сильна была, какъ Королевская, запуталася въ тѣхъ бревнахъ и съ нимъ Шпаромъ опрокинулася, отъ чего онъ лѣвую руку вывихнулъ, которая и донынѣ у него болитъ.

Впредь больше пишетъ календарь.

ГРѢХИ МОЛОДОСТИ.

I. ЛЮБЛЮ.

Люблю тебя!
Люблю всего сильнѣе:
Родныхъ, отца, друзей,
Сильнѣй себя —
Ты мнѣ всего милѣе!
Въ тебѣ люблю людей.
Мой другъ! когда
Одинъ съ тобой бываю,
Ласкаюся къ тебѣ —
Весь міръ тогда,
Себя позабываю,
. . . .
О! ты со мной
Всегда! не разлучаюсь
Съ тобою и во снѣ:
Приду-ль домой —
Въ полночь — въ постель бросаюсь —
Тушу огонь — и мнѣ
Во тьмѣ ночной
Представится, такъ живо,
Что вижу я тебя!
И тѣнь — мечтой
Обманутъ — торопливо —
Тревожно — внѣ себя —
Ищу.... ловлю....
Мятусь — и утомленный,
Забывшись — сплю — не сплю!
. . . .
И пѣснь моя —
Любовь и умиленье!
Все о тебѣ молю!

Все слышу я
Въ душѣ одно — лишь пѣнье :
Люблю! люблю! люблю!

II. ПОРТРЕТЪ.

Художникъ! здѣсь искусство все напрасно
Прелестна кисть! все вздумано прекрасно!
И много схожъ съ красавицей портретъ!
А все — чего-то въ немъ, какъ-будто нѣтъ!...
Дивлюсь ему, въ восторгѣ умиленья!
Любуюсь имъ.... когда я розно съ ней!
Но — вотъ она — со мною — свѣтъ очей!
Прочь! прочь портретъ! нѣтъ жизни! нѣтъ движенья
Въ чарующихъ любовію чертахъ,
Въ младенческой улыбкѣ, и въ глазахъ —
Въ глазахъ, исполненныхъ раздумья и томленья!

III. СЫНЪ ТАЙНЫ.

Малютка-радость! будь съ тобой
Благихъ небесъ благословенье!
Отца преступнаго мольбой
Не оскорбится Провидѣнье!
Нѣтъ! матери смиренной Богъ
Проститъ минуту заблужденья!...
Души раскаянье — залогъ
Небеснаго душѣ прощенья?

*
* *

Младенецъ милый! Богъ съ тобой!
Лелѣйся мирно въ колыбели —
И, слушавъ пѣсенки родной ,
Дремли подъ сладостныя трели.

Цвѣти, цвѣти, мой нѣжный цвѣтъ!
Заботъ грядущая награда!
Въ тебѣ — родимой, къ зимѣ лѣтъ,
Созрѣетъ щитъ, покой, отрада.

*
* *

Одно желанье: будь похожъ
Во всемъ ты съ маменькой — красою!
Лицемъ ты столько же пригожъ,
Будь столько-жь красенъ и душою!
Ты кротость сердца съ молокомъ,
Дитя, отъ груди примешь милой;
На ней воскормленъ весь добромъ —
Упейся доблестью и силой!

*
* *

Но, тайны сынъ! ты чуждъ отца!
Тебѣ его невнятны муки:
Не узнаешь его лица,
Къ нему не тянешь нѣжно руки;
Не слыша имени его,
Не чувствуешь его привѣта!...
Рожденья тайну своего
Лишь въ позднія откроешь лѣта!...

*
* *

Теперь къ тебѣ не смѣетъ онъ
Явить любовь и попеченье!
Ты — мой! но далъ тебѣ законъ
Отца другаго при рожденьѣ!
Другой улыбкою твоей
И взоромъ дѣтскимъ насладится!
Свидѣтель игръ твоихъ, затѣй —
Другой тобой навеселится!

*
* *

Пусть будетъ счастливъ онъ тобой!
Но такъ любить, какъ я, несчастный,
Тебя не будетъ ужь другой...
Придетъ мой часъ.... законъ всевластный —

Быть можетъ — кровь.... природы гласъ....
И сердца яркія внушенья —
Разрушатъ мракъ, дѣлящій насъ,
Проникнутъ въ таинство рожденья?...

*
* *

О, какъ отрадно, возвратя
Души сокровище родное,
Прижму къ груди мое дитя!
И Провидѣнье всеблагое
Благословивъ въ душѣ моей,
Признаюсь сыну умиленно
Въ проступкѣ юныхъ, пылкихъ дней,
Въ любви къ подругѣ неизмѣнной.

*
* *

Расти, расти, младенецъ мой,
Отцу и матери на радость!
Быть можетъ, нѣкогда, тобой
Утихшихъ чувствъ воскреснетъ младость:
Твои знакомыя черты
Въ тебѣ другъ-друга намъ укажутъ —
И, давніе друзья, мечты
Счастливыхъ лѣтъ тебѣ разскажутъ.

III. НЕТЕРПѢНЬЕ.

Прочь, обманы, заблужденье!
Прочь, коварныя мечты!
Сердце бѣдное! терпѣнье!
Скоро, скоро смолкнешь ты!
Непрестанная кручина
Сократитъ мой скучный путь —
И придетъ меня Мальвина
Надъ могилой помянуть

*
* *

О, почувствую конечно,
Тайной сладостью души
Я присутствіе сердечной —
И во тьмѣ земной тиши!...
Ахъ! она меня любила!
Но любовь — зарницы лучъ —
Только вспыхнула — и скрыла
Свѣтъ во мглѣ печальныхъ тучь.

*
* *

Ревность ставитъ мнѣ преграды,
Примѣчая всѣ шаги,
Злые люди, злые взгляды,
Зависть, тайные враги
Сторожатъ меня, какъ вора!
Ненавистныя сердца!
Безъ намека, безъ укора,
Не дадутъ сказать словца!

*
* *

Только изрѣдка, украдкой,
Я встрѣчаю бѣглый взоръ;
Рѣдко, рѣдко страсти сладкой
Начинаю разговоръ;
Рѣдко руку торопливо
Пожимаю подъ платкомъ,
Иль ноги нетерпѣливо
Прикасаюсь подъ столомъ.

*
* *

Сколько времени, напрасно,
Въ жаждѣ сердца, ночь и день,
Я ловлю мечтою страстной
Убѣгающую тѣнь!...
Но.... не люди!... что досады!...
И чего снести не льзя

Въ ожиданіи награды?...
Да за что-жь обманутъ я?

*
* *

Какъ! вечоръ, когда ревнивый,
Новый Аргусъ во-сто глазъ,
Мой мучитель докучливый,
Наконецъ оставилъ насъ,
Какъ и тутъ — въ бесѣдѣ хладной
Окружась толпой людей —
Ты восторгъ любви отрадной
Промѣняла на гостей!

*
* *

Нѣтъ! погасло страсти чувство!
Время тратить — не любить!
О! сыскала-бъ ты искусство —
Равнодушныхъ удалить!...
Хитрость женщины влюбленной
Побѣдитъ людей и свѣтъ,
Самый рокъ ожесточенный —
Да любви-то больше нѣтъ!...

V. СЪ ДОСАДЫ.

Полно любить!
Что, ретивое,
Думать, хандрить!
Все здѣсь — пустое!
Все — не бѣда!
Все — не-на-долго!..
Волга — не Волга:
Слезы — вода!
Что-жь? отъ невѣрной
Скрою же ихъ.
Стану другихъ
Самъ лицемѣрно

Также ласкать,
Въ страсти всѣхъ стану
Самъ увѣрять,
Стану обману
Самъ подражать....
Можно-жь слюбиться
Сердцу съ другой?...
Пусть же гордится
Юной красой —
Кончится-жь младость!
Лѣта придутъ —
Разомъ спугнутъ
Прелесть и сладость
Съ персей крутыхъ,
Съ устъ молодыхъ,
Съ глазъ огневыхъ!..
Старость — не радость,
Гдѣ полнота?
Гдѣ красота?
Свѣжесть улыбки,
Взгляда, ланитъ,
Все убѣжитъ?...
Станъ — вотъ — не гибкій ...
Вся — отцвѣла!...
Вся — не мила!...
Мимо постылой,
Блѣдно-унылой,
Въ ту-пору я,
Тихо пройдя,
Будто ошибкой,
Вскользь поглядя,
Съ злою улыбкой
Молвлю: «была —
«Очень мила!»

VI. Я перестаЛЪ любить.

Нѣтъ, нѣтъ! я не несчастенъ болѣ!
Порадуйся моей завидной долѣ:
Я пересталъ любить.
Довольно отъ тебя я пострадалъ, довольно!
Болѣзнь души прошла — и полно мнѣ грустить! ..
Не буду я слѣдить невольно —
Не думавъ-не гадавъ — повсюду за тобой;
Не буду пламенѣть, истаявать душой,
Улыбку на устахъ обманчивыхъ встрѣчаю;
Не буду — дивною обвороженъ красой —
Взглядъ, мысль угадывать и, рабски угождая,
Движенье каждое ловить....
Нѣтъ, нѣтъ! я пересталъ любить,
Не буду проклинать я въ ревности напрасной
Счастливца гордаго, любимца твоего,
Не буду я блѣднѣть, досадовать ужасно,
Встрѣчая у тебя его.
Теперь... спокойнѣе смотрю на счастье ваше....
Не буду больше предъ тобой,
Тревожась отъ всего завистливой мечтой,
Желать: соперниковъ моихъ казаться краше,
Разумнѣе, добрѣй —
И жалокъ трудъ и безполезенъ!
Будь счастливъ—будешь все: пригожъ, уменъ, любезенъ!
Понравься — будешь всѣхъ смѣлѣе и нѣжнѣй!
Въ любви—всему свой толкъ, свой вѣсъ и мѣра!
На все—свои глаза, свой слухъ и свой языкъ!...
О! какъ я радъ, что отъ тебя отвыкъ! ..
Что умерла во мнѣ въ твои лукавства вѣра!
Что я ужь пересталъ любить!...

*
* *

А ты, невинная весеннихъ дней подруга,
Ты, спутница веселая моя,
Съ которой такъ былъ въ дѣтствѣ счастливъ я!

Ты, Софья! перестань обманутаго друга
Въ непостоянствѣ упрекать
И легкомысленнымъ ребенкомъ называть.
Я убѣгалъ твоихъ бесѣдъ и разговоровъ:
Я отъ тебя таилъ тоску души моей
И проницательныхъ твоихъ берегся взоровъ,
Безумствуя въ любви — чуждался я людей!
Но, полно! что былое
Въ груди будить?
Я все простилъ — Богъ съ ней!... все — злое и не злое —
Я все забылъ — я пересталъ любить.

Долинъ.

АБДАЛЛАХЪ-БЕНЪ-АТАБЪ. (*)

Разсказъ В. А. Вонлярлярскаго.

Алжиръ. 25 Ноября, 1846 года.

Утромъ рано вошли ко мнѣ трое пріятелей моихъ, съ которыми сблизило меня море: мы познакомились на Марсельскомъ пароходѣ «ville de Bordeaux». Одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ распечатанное письмо, въ которомъ заключалось приглашеніе поохотиться въ окрестностяхъ г. Мильяны (Millana); письмо писалъ Капитанъ Спаисовъ Вервье (Vervié), стоявшій съ эскадрономъ своимъ въ 12 миляхъ отъ Алжира, въ г. Блидѣ. На вопросъ Евгенія Дюпена (Du-Pin): желаю ли я участвовать въ предполагаемой охотѣ? я соскочилъ съ постели, одѣлся на скорую руку, заку-

(*) Начало этого разсказа, подъ другимъ названіемъ, безъ имени сочинителя, было помѣщено въ одномъ изъ С.-Петергскихъ журналовъ. *Издатель.*

*

рилъ сигару, и часъ спустя, т. е. въ 9 часовъ, катились мы въ Алжирскомъ дилижансѣ по прекрасному шоссе, извивающемуся по гористому берегу моря, между померанцовыхъ рощъ и красивыхъ загородныхъ дачъ, построенныхъ въ восточномъ вкусѣ. День былъ жарокъ и ясенъ. На каждомъ шагу новая картина представлялась взорамъ нашимъ; то длинный караванъ тянулся шагомъ — и смуглыя лица Арабовъ, курившихъ трубки, напоминали степь своимъ присутствіемъ; то прекрасный тильбюри обгонялъ насъ — и въ немъ улыбалось одно изъ тѣхъ личекъ, на которыя невольно направляется лорнетъ въ большой Парижской оперѣ. Но вскорѣ дачи стали рѣдѣть, море скрылось за холмами, и безконечная долина *Метиджа* широко разостлалась предъ нами, огражденная съ запада синеватымъ хребтомъ малаго Атласа. Въ 3 часа по полудни дилижансъ нашъ остановился у гостинницы г. Блиды и первое лицо, насъ встрѣтившее, было лицо Капитана Вервье.

Нахожу неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о моихъ спутникахъ; начинаю съ Евгенія Дюпена, молодаго Парижанина, путешествовавшаго безъ всякой цѣли, милаго, любезнаго и остроумнаго, какъ большая часть его соотечественниковъ; господствующею страстью его было—растительное царство: прогуливаясь съ нимъ, каждый изъ насъ обязанъ былъ возвратиться съ цѣлымъ собраніемъ сучьевъ, листьевъ, луковицъ и проч.

Всю эту дрянь укладывалъ онъ въ ящикъ и возилъ за собою. Дюпену обязаны мы были знакомствомъ съ капитаномъ Вервье, настоящимъ типомъ офицеровъ Спаисовъ, посѣдѣвшихъ въ степяхъ Африки и не помнившихъ числа застрѣленныхъ ими Бедуиновъ. Капитанъ былъ мужчина лѣтъ 40, одаренный страшною силою; смуглое лицо его выражало то спокойствіе, которое пріобрѣтается вѣчно безпокойною бивачною жизнію; выражался онъ коротко и ясно, улыбался рѣдко, курилъ всегда, а въ кофейникъ съ коньякомъ часто забывалъ наливать кофе. Вотъ вамъ Капитанъ Вервье! Третій спутникъ нашъ былъ 22-хъ-лѣтній Швейпарецъ, нѣкто Францъ-Вильгельмъ-Фридрихъ-Гольтъ-Денеръ, бѣлый, какъ сливки, и румяный, какъ земляника. Онъ былъ здоровъ, молодъ, веселъ и глупъ. Четвертый же и послѣдній членъ общества нашего сэръ Вильямъ-Буръ, Британецъ въ полномъ значеніи этого слова, заслуживавшій вниманіе всѣмъ своимъ существомъ. Наружность его могла быть терпима только потому, что носилъ ее Англичанинъ; всѣ слова и поступки сэра согласовались съ каждою чертою лица его, съ обувью, съ одеждою, съ прическою, съ образомъ ношенія рукъ и даже съ образомъ мыслей. Сэръ Вильямъ-Буръ былъ не высокъ, но длиненъ, не тонокъ, но узокъ, не уродливъ, но неуклюжъ, не старъ, но подержанъ. Глаза его выражали какого-то роду совершенное отсутствіе выраженія, а говоря, онъ, дѣлалъ дурно, потому-что

говорилъ вздоръ. Сэръ Вильямъ выѣхалъ изъ Плимута для того, чтобы присутствовать въ Мадритѣ при боѣ быковъ и на праздникахъ, дававшихся по случаю свадьбы герцога Монпансье; но какъ попалъ сэръ Вильямъ въ Марсель, а не въ Мадритъ, этого онъ и самъ объяснить не могъ. Должно полагать, что сэръ не нашелъ мѣста на томъ пароходѣ, который отправился въ Испанію, а нашелъ его на Алжирскомъ. Во время переѣзда черезъ море, слуга будилъ его въ 10 часовъ утра — часъ завтрака; Сэръ Вильямсъ съ постели переходилъ къ столу и ѣлъ за десятерыхъ, пилъ все, что ни попадалось, и вслѣдъ за другими выходилъ на палубу. Онъ полезъ бы и на мачту, если-бъ кто-нибудь сдѣлалъ это въ его присутствіи. Мнѣ случалось просиживать на палубѣ до утра, и молча смотрѣть на море; сэръ Вильямъ разъ подсѣлъ ко мнѣ и просидѣлъ молча до утра, смотря на море. Разсказы слушалъ онъ съ большимъ вниманіемъ и часто улыбался; но никогда не вмѣшивался въ общій разговоръ.

По прибытіи въ Алжиръ, остановились мы въ hôtel du Gouvernement, а за стѣною расположился почтеннѣйшій сэръ Вильямъ. Съ той минуты за столомъ нашимъ ставился лишній приборъ, а для прогулокъ подводилась къ крыльцу лишняя лошадь; и тѣмъ и другимъ пользовался вѣрный спутникъ нашъ—и странно было бы видѣть насъ безъ него и его безъ насъ! Очень натурально,

что экспедиція, предложенная капитаномъ, не могла сдѣлаться безъ драгоцѣннаго сэра Вильяма.

Въ 4 часа по-полудни, часъ спустя по пріѣздѣ нашемъ въ г. Блиду, пообѣдавъ наскоро въ гостинницѣ, сѣли мы на коней и выѣхали въ сопровожденіи трехъ Арабовъ на дорогу, ведущую въ Медею. Планъ охоты, предложенный намъ капитаномъ Вервье, былъ слѣдующій: отъ Блиды до г. Медеи предполагалось ѣхать верхомъ, потому-что дорогъ тамъ не было; пространство это заключало въ себѣ 8 миль. Отъ Медеи, по направленію Мильяны, отлогости горъ, покрытыхъ частымъ лѣсомъ, изобилуютъ множествомъ крупной дичи. Проѣхавъ первыя двѣ мили по гладкой долинѣ и оставивъ вправѣ соляное озеро, окруженное топкими болотами, мы круто повернули влѣво и въѣхали въ ущелье горъ, которое называютъ проходомъ Шиффы (Gorge de la Chiffe).

Отъ постоянныхъ сильныхъ дождей р. Шиффа, протекающая чрезъ горы Атласа, разлилась и произвела то страшное наводненіе, о которомъ такъ много говорили въ 1846 г. Парижскіе и Алжирскіе журналы. Дорога, пролегающая, большею частію, по скаламъ и утесамъ между Блидою и Медеею, была въ нѣсколько часовъ совершенно уничтожена водою. Цѣлыя горы обрушились въ бездну, каменныя гостинницы и малыя селенія исчезли съ лица земли, и мутный потокъ Шиффы прорѣзалъ себѣ новый путь, то съуживаясь и извиваясь змѣею по узкимъ и темнымъ

ущельямъ, то вдругъ широко разливаясь по тучнымъ долинамъ, унося за собою исполинскія пальмы и рощи кипарисныхъ деревъ.

Малый отрядъ нашъ вытянулся въ одну линію; во главѣ колонны ѣхалъ сэръ Вильямъ съ длиннымъ ружьемъ за плечами. Путь становился часъ отъ часу опаснѣе, тропинка мѣстами съуживалась до того, что Арабскіе кони наши не шли, но цѣплялись за скалы, вися надъ бездною Шиффы. Сердце мое переставало биться, когда, подымаясь въ гору, конь мой скользилъ и падалъ на колѣна. Не рѣдко изъ-подъ конскихъ ногъ градъ камней съ грохотомъ катился въ потокъ, и испуганное стадо обезьянъ быстро спѣшило скрыться, перескакивая съ утеса на утесъ и скаля зубы. Не рѣдко надъ головами нашими горный орелъ, величины необычайной, взвивался и медленно плылъ по воздуху, бросая на насъ черную тѣнь.

«Скажите, капитанъ,»—спросилъ я: «на этомъ пути существуетъ ли какого-нибудь рода опасность для путешественниковъ?» «И очень!» отвѣчалъ капитанъ серьезно: «не проходитъ мѣсяца, чтобы журналы наши не говорили о нѣсколькихъ жертвахъ, погибшихъ именно на этомъ мѣстѣ; а съ тѣхъ поръ, какъ дорогу размыла вода, опасность еще увеличилась!» Швейцарецъ снялъ съ плеча свое ружье, осмотрѣлъ курки и взведя ихъ, положилъ отвѣсно на лѣвую руку. «Въ хорошую погоду большаго несчастія быть не можетъ,»—продолжалъ капитанъ,—«но въ сильный

дождь земля и каменья, висящія надъ тропинкою, часто отдѣляются и падая, давятъ проѣзжающихъ.» — «Но я спрашиваю про другаго рода опасность, про нападеніе Арабовъ » — «О нѣтъ! Объ этой опасности давно не слыхать.» Швейцарецъ спустилъ курки и снова повѣсилъ ружье свое за спину. День замѣтно склонялся къ вечеру, былъ часъ шестой ; когда мы проѣхали такимъ образомъ еще съ полмили, тропинка наша вдругъ взвилась, круто обогнула утесъ, спустилась по отлогости къ самой водѣ и затерялась въ золотомъ пескѣ, покрывающемъ правый берегъ Шиффы. Мы остановились, сошли съ лошадей ; Арабы развели огонекъ и вскорѣ походный кофейникъ капитана зашипѣлъ и задымился, а самъ онъ занялся разсыпкою кофейнаго порошка и мелкаго сахара по стаканамъ нашимъ. Когда все общество усѣлось чинно въ кружокъ, разговоръ сдѣлался общимъ. Всякой поочередно успѣлъ разсказать что-нибудь про свой край, всѣ единогласно удивлялись, какъ можно жить въ вѣчныхъ снѣгахъ Россіи, гдѣ дядя капитана отморозилъ носъ, отецъ оставилъ кости, а Императоръ Французовъ, цѣлую армію, и такимъ образомъ, переходя отъ одного предмета къ другому, мы не замѣтили, какъ солнце сѣло, а до Медеи оставалось еще 5 миль съ половиною, и въ томъ числѣ самая дурная часть ущелья. «На коней господа!» сказалъ капитанъ, вставая, и снова караванъ нашъ тронулся въ путь, и въѣхалъ въ ущелье.

Мы ѣхали молча. Тропинка часто терялась, горы сдвигались, ручей становился сердитѣе; во многихъ мѣстахъ кони наши останавливались, какъ бы высматривая мѣстность, и снова подавались впередъ, недовѣрчиво передвигая ноги. На всемъ протяженіи пути недавній разливъ Шиффы оставилъ страшные слѣды; съуженный берегами потокъ вырвалъ по сторонамъ необъятныя массы земли и образовалъ пещеры; всякая попытка возстановить хотя малѣйшее сообщеніе, оставалась безъ успѣха. «Долго ли ѣхать намъ этимъ адскимъ ущельемъ?» спросилъ я капитана. «Еще съ полчаса.» отвѣчалъ онъ. «Ну какова дорожка?» спросилъ капитанъ, смѣясь: «вотъ въ какомъ видѣ были онѣ всѣ во время первыхъ экспедицій нашихъ! прибавьте пули, голодъ, 60 градусовъ жару, Африканскую лихорадку и проч. немощи, и вы получите довольно точное понятіе о той цѣнѣ, которою купили мы здѣшнія владѣнія наши.» Капитанъ внутренно гордился своими подвигами; а я улыбнулся. Отдавая въ полной мѣрѣ всю должную справедливость храбрости и мужеству Французско-Африканской арміи, не могу однакожъ не смѣяться отъ всей души, когда премилый, но препустой Французъ преѕерьезно толкуетъ въ Парижской кофейной о золотыхъ колоніяхъ своихъ въ Алжирѣ, существующихъ, увы! только въ одномъ пылкомъ воображеніи завоевателей. Въ доказательство справедливости словъ моихъ постараюсь вкратцѣ

изложить то, что нашелъ я въ Французско-Африканскихъ владѣніяхъ и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, по ихъ же словамъ, составляютъ главное поприще дѣйствій. Кому неизвѣстны жертвы, принесенныя Франціею въ теченіи 15-ти-лѣтней борьбы съ Африкою? Войско, состоявшее въ 1835 году изъ 25000, увеличилось въ 1846 г. до 91000 человѣкъ. Треть его погибла отъ болѣзней. Правительственные расходы въ Африкѣ, доходившіе до ста и болѣе милліоновъ франковъ въ годъ, равно частные, неизчислимые капиталы принесли слѣдующій результатъ: частный кредитъ не существуетъ, и всѣ стѣны Алжирскихъ домовъ заклеены объявленіями о банкротствахъ; займы дѣлаются по 60° на 100, или, лучше сказать, не дѣлаются вовсе. Земли въ окрестностяхъ Алжира, Орана и Константины, пріобрѣтенныя съ такою жадностью Французами и за высокую цѣну, получили три назначенія: 1) $^1/_{10}$ часть всей пріобрѣтенной земли досталась въ удѣлъ иностранцамъ, прибывшимъ со всѣхъ концевъ міра; руками ихъ она разработалась, покрылась чѣмъ-то похожимъ на фермы, но далеко не удовлетворяетъ ожиданій колонистовъ. Причина медленности въ успѣхѣ колоній состоитъ въ дороговизнѣ всего, въ недостаткѣ рукъ, въ неимѣніи скота и лошадей. За перевозъ человѣка изъ Марселя въ Алжиръ платятъ 45 и 100 ф., за корову 45, за лошадь 100 ф. Рабочему человѣку платятъ въ сутки 5 франковъ. 2) Другая десятая часть земли, раздро-

бленная на мелкіе участки, распродана богатымъ людямъ, украсившимъ ихъ загородными домами, померанцевыми деревьями и множествомъ цвѣтовъ. Эта земля окружаетъ главные города и, не принося доходовъ, служитъ для владѣльцевъ забавою. 3) $^{8}/_{10}$ ч. всего пространства пріобрѣтена спекуляторами, имѣвшими одну цѣль: перепродать ее, со временемъ, съ барышемъ. Вся земля эта необработана и покрыта густою травою и мѣстами—кустарникомъ. Недавно еще правительство новымъ закономъ вмѣнило въ непремѣнную обязанность владѣльцамъ разработать эту землю въ положенный срокъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, лишить ихъ права на владѣніе. За закономъ послѣдовало пониженіе цѣнъ на земли; но покупателей не оказалось. Но что же дѣлаютъ Французы и войско въ Африкѣ? что дѣлаютъ туземцы? Французы и войско цѣлый день шатаются по площадямъ, улицамъ и кофейнамъ, играютъ въ кости и карты, не соблюдая ни малѣйшей дисциплины. Солдаты изрѣдка дѣлаютъ прогулку въ горы, колютъ и вѣшаютъ Бедуиновъ и возвращаются по домамъ; а туземцы, испуганные варварскимъ обращеніемъ побѣдителей, прячутся въ горахъ, крадутъ, иногда, что попадется подъ руку, а если представится случай прирѣзать Француза, то прирѣжутъ, и кочуя съ одного мѣста на другое, выжидаютъ временъ, болѣе благопріятныхъ.... Въ какомъ положеніи торговля? Алжирская гавань вмѣщаетъ постоянно 7 купечес-

кихъ кораблей, приходящихъ поочередно съ апельсинами, кофеемъ, винами и разными пряностями. Но что же вымѣниваетъ Африканская Францiя на деньги Европы? ровно ничего, и иностранные корабли возвращаются домой безъ обратнаго груза.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Тихо подвигались мы впередъ, вдругъ послышался конской топотъ. Во всякое другое время топотъ скачущаго коня не обратилъ бы на себя никакого вниманiя; но въ ту минуту, когда мы, со всевозможною осторожностiю, съ трудомъ, пробирались въ полумракѣ по скользкой, и неровной тропинкѣ, шумъ скачущаго во всю прыть всадника озадачилъ не только насъ, но и туземныхъ проводниковъ нашихъ. Изъ-за угла позади насъ показалось бѣлое пятно; оно мгновенно выросло и чрезъ нѣсколько секундъ мимо насъ съ быстротою мысли промчался Арабъ. Капишонъ бѣлаго бурнуса его былъ наброшенъ на лицо; остальная одежда, того же цвѣта, составляла нѣчто цѣлое съ бѣлымъ какъ снѣгъ конемъ его. Въ тотъ же мигъ каштановая собака капитана, спокойно сидѣвшая въ одной изъ плоскихъ корзинъ, привѣшенныхъ къ сѣдламъ провожатыхъ нашихъ, высунула голову и завыла протяжно, порываясь выскочить. — Чтобы это значило? — воскликнулъ капитанъ, смотря вслѣдъ всаднику. Надобно быть дiаволомъ, чтобы скакать надъ этою пропастью и не сломить себѣ шеи. И дѣйстви-

тельно, не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ лошадь сэра Вильяма вдругъ остановилась и поднявъ уши, начала фыркать; въ полушагѣ предъ нимъ тропинка исчезла совершенно — и оставалось выбрать между отвѣсною скалою, грозно поднимавшеюся справа, или броситься съ 700-футовой высоты въ Шиффу, омывавшую лѣвую сторону тропинки. Всякая мыслящая тварь призадумалась бы, по крайней мѣрѣ, въ подобномъ случаѣ; но сэръ Вильямъ почелъ эту мѣру совершенно излишнею и полезъ на утесъ. Почуя острыя шпоры, конь его взвился, какъ свѣча, помахалъ передними ногами въ воздухѣ и медленно сталъ падать на сторону. Минута была ужасна. Мы мысленно прощались съ вѣрнымъ спутникомъ нашимъ; но по какому-то непостижимому случаю сэръ Вильямъ удержался надъ пропастью, а бѣдный конь его стремглавъ полетѣлъ въ бездну, которая, разступившись, приняла жертву, и потомъ все утихло! .. Мы соскочили съ лошадей, подняли сэра Вильяма, онъ отдѣлался легкимъ ушибомъ и всталъ, пріятно улыбаясь. Подвигаться впередъ не было никакой возможности, и мы пѣшкомъ пошли въ обратный путь. Вскорѣ новый шумъ послышался не вдалекѣ; на этотъ разъ не топотъ скачущаго коня поразилъ слухъ нашъ, но стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей, шедшихъ шагомъ; то была партія Африканскихъ егерей, подъ командою унтерофицера.

Велика была досада капитана Версье, когда онъ узналъ отъ егерей, что фантастическій всадникъ нашъ былъ не кто другой, какъ Абдаллахъ-Бен-Атабъ, избѣгнувшій и на этотъ разъ неутомимаго преслѣдованія Французовъ.

«Такъ вотъ почему завыла собака моя,» кричалъ онъ во все горло: «и этого мошенника я могъ бы схватить рукою, такъ близко былъ онъ отъ меня!» Но дѣлать было нечего; всадника не стало. Всѣмъ намъ крайне хотѣлось знать: кто былъ Абдаллахъ. Пока егеря искали обхода, капитанъ, хотя пристрастно; но разсказалъ намъ исторію Абдаллаха, которую и не замедлю изложить, со всѣми подробностями; собака же не могла не узнать ни бѣглеца, ни вѣрнаго коня его, потому что когда-то принадлежала Абдаллаху.

Чрезъ полчаса мы выбрались на хорошую дорогу и часъ спустя; начали подниматься на безконечную гору, на которой красуется нелѣпо построенный г. Медея.

Городъ Медея сохранилъ еще свой первобытный видъ, и за исключеніемъ одной небольшой площади, застроенной двухъ-этажными домами европейской постройки, остальная часть его носитъ разительную печать Африканскихъ городовъ. Узкія до крайности и грязныя улицы раздѣляютъ низкіе и кривые дома безъ крышъ. Въ подвалахъ, мрачныхъ, какъ тюрьма, при свѣтѣ ночника, сидятъ, поджавъ ноги, Арабы и въ мол-

чаніи курятъ изъ длинныхъ трубокъ. Въ день пріѣзда нашего былъ праздникъ и во многихъ мѣстахъ, между сидѣвшими и курившими, двигались какія-то фигуры, переваливаясь съ одной голой ноги на другую; это значило, что туземцы танцовали, при звукахъ литавръ и мѣдныхъ кастаньетъ; все это вмѣстѣ производило самое непріятное впечатлѣніе. Выбирать было не изъ чего, и надлежало довольствоваться грязною гостинницей, жесткою сальною постелью и сквернымъ ужиномъ. Я съ Дюпеномъ помѣстился въ одной комнатѣ, обращенной окнами въ садъ. Въ полночь товарищъ мой съ крикомъ соскочилъ съ постели, увѣряя, что что-то шевелится подъ нимъ. — Мы зажгли свѣчу и позвали одного изъ трактирныхъ слугъ; между простыней и одѣяломъ оказалось прежирное животное, которое просто называется скорпіономъ. Слуга объявилъ намъ, что они наползаютъ изъ сада и что это дѣло очень обыкновенное въ Медеѣ. Онъ схватилъ его чѣмъ-то за спину и вынесъ вонъ, а мы провели всю остальную часть ночи, не ложась, что также должно быть дѣломъ, очень обыкновеннымъ въ гостинницѣ г. Медеи.

На слѣдующее утро въ 7 часовъ общество наше, увеличенное тремя офицерами изъ Спаисовъ и нѣсколькими волонтерами, отправилось въ путь по направленію отъ Мильяны къ трибунѣ Хаджи, откуда должна была начаться охота. Отъѣхавъ двѣ мили, присоединились мы къ ожидав-

шему насъ отряду Арабовъ, предводительствуемыхъ каидомъ, который, получивъ приказаніе капитана, вытянулъ Арабовъ своихъ въ одну линію и повелъ ихъ къ мѣсту, капитаномъ же показанному. Предъ нами живописно разстилалась долина Аррахъ, сомкнутая со всѣхъ сторонъ невысокими холмами, покрытыми частымъ кустарникомъ. Арабы въѣхали на первый холмъ и остановились, соблюдая между собою равные интерваллы, а мы приняли вправо и въ такомъ же порядкѣ заняли мѣста у самой подошвы; вправо отъ насъ была долина, въ лѣвѣ холмы и кустарникъ. Капитанъ подалъ знакъ къ началу, и въ тотъ же мигъ Арабы съ дикимъ крикомъ бросились въ кусты. Слушая этотъ неистовый крикъ, котораго не слыхавъ, представить себѣ невозможно, я почувствовалъ какую-то боль въ сердцѣ. Дыханье занималось, глаза искали тигра, но увы! пока одни черныя куры пронеслись мимо насъ, и хотя крикъ продолжался и мы подвигались впередъ; но ни одно дикое животное не выбѣгало въ долину. Но вотъ... сучья вдали затрещали и стали раздвигаться. Капитанъ прилегъ на шею лошади; отъ его привычныхъ глазъ не скрылось странное, но правильное наклоненіе кустовъ. Невидимый врагъ тайкомъ прокладывалъ дорожку, впереди передъ нимъ перемычка, и горы и рвы, но въ правѣ отъ перемычки капитанъ. Ружье его приподнялось, курокъ два раза щолкнулъ, прикладъ поднесенъ къ смуглой

щекѣ, дуло слѣдитъ за движеніемъ кустовъ; на этотъ разъ сердце мое перестало биться. Всѣ остановили коней. Сэръ Вильямъ сползъ съ сѣдла на землю, привязалъ наскоро лошадь и побѣжалъ вправо; онъ миновалъ капитана, но съ какимъ намѣреніемъ—неизвѣстно. Но вотъ у самой опушки густой кустъ медленно двоился, сучья затрещали и все утихло на мигъ... Въ тоже время одинъ за другимъ раздались два выстрѣла и кабанъ съ перебитой ногой ринулся въ горы. Капитанъ чуть не бросилъ ружье, ему казалось, что трехъ кабаньихъ ногъ было слишкомъ достаточно, чтобы унести 18 пудовъ синяго мяса далеко отъ него. Можетъ быть, и кабанъ былъ того же мнѣнія; но кому же придетъ въ голову, что сэръ Вильямъ все расчелъ напередъ, все предвидѣлъ—и вотъ, взгляните сами, какъ неподвижно стоитъ онъ съ опущеннымъ ружьемъ своимъ, и какъ хладнокровно смотритъ въ кровавые глаза чудовища, бѣгущаго къ нему въ прямомъ, въ совершенно прямомъ направленіи. Еще 20 шаговъ и сэръ Вильямъ отскочитъ въ сторону, ежели не захочетъ нанизать себя на бѣлые, футовые клыки кабана. Остается только 10 шаговъ, только 5 — выстрѣлъ! чудовище заревѣло и бросилось въ сторону: оно вспахало землю клыкомъ и полило ее кровью; другой выстрѣлъ, и оно, мертвое, ринулось черезъ голову. Сэръ Вильямъ опустилъ ружье, вынулъ два патрона и сталъ заряжать. Мы, съ рукоплесканіями, подскакали

къ нему, поздравляли съ побѣдою, крича что-то въ одно время, и таже вѣчно безсмысленная улыбка сэра была отвѣтомъ на наши привѣтствія. Кабана взяли нѣсколько Арабовъ, взвалили на плеча и отнесли назадъ, а мы продолжали путь въ прежнемъ порядкѣ. Въ непродолжительномъ времени Арабы наши напали на цѣлое стадо дикихъ свиней; долина значительно разширилась, свиньи разсыпались по густой и высокой травѣ, общій порядокъ нарушился и все общество раздѣлилось и разсѣялось по всѣмъ направленіямъ. Сэръ Вильямъ поразилъ насъ новыми доказательствами своего искусства, убивъ на большомъ разстояніи и на всемъ бѣгу двухъ свинокъ. Предаваясь вполнѣ удовольствіямъ охоты, мы едва замѣтили, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, а именно между военными, происходила какая-то тревога. Офицеры собрались въ кружокъ; посреди ихъ стоялъ капитанъ; онъ кричалъ, махалъ руками и билъ собаку свою, потомъ поднималъ ее на воздухъ, передавалъ офицерамъ, которые, въ свою очередь, дѣлали тоже. Когда же къ этому кружку подскакалъ одинъ изъ егерей, встрѣченныхъ нами наканунѣ, въ одинъ мигъ вся охота приняла новый видъ и совершенно другой характеръ. Капитанъ ревѣлъ во все горло: «онъ здѣсь, онъ здѣсь!» Что все это значитъ? спросилъ я у одного изъ офицеровъ. Между тѣмъ приказанія отдавались, Арабовъ собирали, выстроивали во фронтъ, солдаты

отвязывали ружья отъ сѣделъ; однимъ словомъ, всѣ приготовлялись къ чему-то чрезвычайному!
«Вы, можетъ быть, слышали, отвѣчалъ офицеръ, что въ эту ночь капитанъ Вервье чуть не поймалъ своими руками Абдаллаха. Абдаллаха я видѣлъ, отвѣчалъ я; но что значитъ эта тревога? «Въ то самое время, продолжалъ офицеръ, когда этотъ господинъ (онъ показалъ на Англичанина) убилъ кабана, капитанская собака изчезла; ее искали долго и безуспѣшно, наконецъ кое-какъ самъ капитанъ вызвалъ ее на опушку, и замѣтилъ, что морда, грудь и ноги у нея были въ крови; мы сначала приписывали это обстоятельство дикобразу, которыхъ очень много въ здѣшнихъ краяхъ; но, по осмотрѣ, никакихъ ранъ на собакѣ не оказалось. Сверхъ того, она была какъ-то грустна, едва передвигала ноги, визжала и все просилась въ кусты. Но посмотрите, что тамъ дѣлается, сказалъ, подъѣхавшій Дюпенъ: мы оглянулись, Арабы заѣзжали впередъ, офицеры скакали по различнымъ направленіямъ, капитанъ по прежнему махалъ руками, кричалъ, командовалъ, гладилъ собаку; она, махая хвостомъ, вертѣлась, визжала около ногъ его, забѣгала впередъ и вновь возвращалась. «Сего дня утромъ не далеко отсюда, продолжалъ офицеръ, егеря подмѣтили бѣглеца и убили его лошадь, самъ же онъ, раненый въ плечо, успѣлъ скрыться. Прискакавшій егерь увѣряетъ, что Абдаллахъ бросился въ ровъ и долженъ быть здѣсь неда-

леко. Надобно думать, прибавилъ онъ, что собака нашла его въ кустахъ, а кровь на мордѣ, груди и ногахъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ Абдаллаху.

Дѣло было слишкомъ ясно; мы посмотрѣли другъ на друга и, забросивъ ружья за плеча, послѣдовали за офицеромъ. Исторію же несчастнаго Абдаллаха узналъ я подробнѣе въ Алжирѣ отъ людей, болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ капитанъ, и передаю вамъ ее:

Въ окрестностяхъ Мильяны, близъ трибуны Бу-Гайланъ, находился и находится понынѣ телеграфъ Гонта. Близость телеграфа отъ трибуны сдѣлала сношеніе жителей ихъ тѣсными, и Французы, обитавшіе въ колоніи, обращались съ Арабами по всеобще принятой въ Африкѣ системѣ, т. е. покупали продукты ихъ, можетъ быть, нѣсколько дешевле настоящихъ цѣнъ, дразнили дѣтей, ругались надъ взрослыми и били стариковъ. Когда старшіе приносили жалобы, Арабы, какъ и всегда, переносили побои, изкоса поглядывали на образованныхъ сосѣдей, можетъ быть, и желали бы въ свою очередь отплатить оскорбленіемъ за оскорбленіе; но кому же неизвѣстно, что въ подобномъ случаѣ, потребуютъ въ Алжиръ и прикажутъ немедленно выдать зачинщика; а вздумаетъ каидъ не исполнить требованія, на слѣдующій же день военная команда зарядитъ ружья и отъ непослушной трибуны останутся трупы.

Однимъ праздничнымъ днемъ, изъ трибуны

Бу-Гайланъ Арабы толпою шли на базаръ. Старики и молодыя дѣвушки, качаясь на верблюдахъ, везли въ корзинахъ фрукты; нѣсколько всадниковъ провожали поѣздъ, соблюдая порядокъ, и слѣдуя чинно, одинъ за другимъ, по узкой каменистой тропинкѣ. Навстрѣчу къ нимъ ѣхалъ на конѣ Французской капралъ Серве, онъ курилъ и свисталъ, надвинувъ молодецки на бокъ фуражку. Но тропинка была узка, а верблюды безъ уздъ, и капралу надо было принять вправо или влѣво, капралъ предпочелъ не уступать дороги и первый верблюдъ остановился. Напрасно сидѣвшій на немъ старикъ толкалъ его въ шею, верблюдъ не двигался. Серве гибкимъ ременнымъ хлыстомъ ударилъ старика по плечамъ; старикъ застоналъ, а сынъ его Абдаллахъ нахмурилъ брови. Кое-какъ столкнули Арабы верблюда, но за первымъ сталъ и другой; на немъ сидѣлъ не старикъ, но дочь его Зора, дѣвушка лѣтъ 16-ти. Со страхомъ смотрѣла она на капрала; но тотъ же хлыстъ взвился и обвилъ ея смуглую шею. Абдаллахъ поблѣднѣлъ, на чорныхъ рѣсницахъ Зоры блеснула слеза.

«За что ты дерешься?» спросилъ Абдаллахъ у капрала: «ты видишь, тропинка узка, а гдѣ ей справиться съ верблюдомъ!» Удары и ругательства были отвѣтомъ Француза, а въ довершеніе всего Серве, однимъ движеніемъ руки, сорвалъ покрывало съ лица Зоры и плюнулъ ей въ глаза. На слѣдующій день потребовали на

судъ каида Джилали-бен-Омара, и Абдаллаха, и въ присутствіи капрала Серве, первый получилъ 100, а второй 200 ударовъ по пятамъ. Удовлетворенный капралъ возвратился къ себѣ въ Гонту и за вечернимъ столомъ, со смѣхомъ, разсказалъ пятерымъ товарищамъ, свое забавное происшествіе. То было 14 Марта 1846 г., а на слѣдующее утро, тамъ же поднято было 6 обезображенныхъ труповъ. Герой этой драмы Серве найденъ былъ въ кустахъ съ разрубленнымъ черепомъ. Убійцы были схвачены, посажены въ Алжирскую тюрьму; но Абдаллахъ бѣжалъ съ двумя малолѣтными дѣтьми и успѣлъ скрыться. Въ продолженіи бѣгства хранила ихъ вѣрная каштановая собака, которая, какъ-бы предчувствуя и понимая опасность, два раза обманывала и отводила преслѣдователей и два раза Абдаллахъ успѣвалъ прятать дѣтей своихъ въ колючіе кусты алоэ и спасаться ползкомъ. Но въ третій собаку подстрѣлили и привезли къ капитану Вервье.

Понятно ли теперь, отъ чего намъ стало грустно, когда ободренная собака Абдаллаха, повертя хвостомъ и поднявъ голову, стала спускаться въ ровъ. Арабы заѣзжали впередъ. Капитанъ слѣдовалъ за собакою, улыбаясь, и приговаривая: «онъ тутъ, онъ непремѣнно тутъ,—собака чуетъ его.»

Увы! капитанъ не ошибся, и вѣрный дотолѣ другъ Абдаллаха велъ прямо къ нему, нашелъ

его, завертѣлся и запрыгалъ отъ радости. Два Спаиса сошли съ лошадей, взвели курки ружей и спустились въ ровъ. Двѣ минуты спустя, капитанъ, приподнимаясь на стременахъ, громко спросилъ у Спаисовъ: «Тутъ ли?» Тутъ, отвѣчали они, и туже собаку надобно было застрѣлить, чтобы взять перваго ея хозяина. Абдаллахъ отдался молча и безъ сопротивленія; лице его было блѣдно и сурово; бѣлый, изорванный бурнусъ во многихъ мѣстахъ былъ запачнакъ кровью.—Ему завязали руки на спину; на шею набросили петлю, и за конвоемъ отправили въ Алжиръ. Капитанъ торжествовалъ!... Что сдѣлалось съ двумя малолѣтными дѣтьми Абдаллаха—неизвѣстно.

5-го числа, т. е. два дня спустя, въ 8 часовъ утра, у крѣпостцы Бабельуэтъ въ Алжирѣ на площадкѣ, прилегающей къ морю , толпился народъ и жандармы красовались на разношерстныхъ коняхъ своихъ. Причиною стеченія народа былъ военный праздникъ, часто повторяемый великодушными побѣдителями Африки, къ большому удовольствію жителей Алжира!

Сонъ мой былъ прерванъ барабаннымъ боемъ и маршемъ изъ Семирамиды, разыгрываемымъ довольно удачно музыкою 23 Африканскаго егерскаго полка. Я выглянулъ изъ окна моей квартиры и увидѣлъ четырехъ Арабовъ, окруженныхъ штыками, и въ одномъ изъ нихъ узналъ Абдаллаха. Не трудно было догадаться, что Абдаллахъ шелъ на казнь, а маршъ изъ Семирами-

ды былъ его похороннымъ маршемъ. Одѣвшись на скоро, я послѣдовалъ за Абдаллахомъ и его несчастными товарищами. Ровно въ восемь часовъ четыремъ Арабамъ, поставленнымъ уже вдоль наружной стѣны крѣпостцы Бабельуэтъ, одинъ изъ членовъ военной коммиссіи прочелъ очень внятно ихъ смертный приговоръ. Предусмотрительный чиновникъ прочелъ приговоръ на Арабскомъ языкѣ для приговоренныхъ, и на Французскомъ для зрителей. Арабы слушали чтеніе со вниманіемъ; смуглыя лица ихъ были суровы, ни одна черта не выражала ни страха, ни отчаянія. Когда чиновникъ окончилъ чтеніе, Арабы обратились лицемъ на востокъ, скрестивъ на груди руки. По первому знаку командировъ четырехъ взводовъ ружья медленно стали подниматься, по второму концы стволовъ какъ бы замерли, а по третьему раздался общій выстрѣлъ и несчастныхъ прикрыло густымъ облакомъ дыма. Дымная занавѣсъ медленно взвилась, а четырехъ, за минуту до того живыхъ и здоровыхъ людей, замѣнили три окровавленные трупа и одинъ безъ всякихъ пятенъ. Первые три боролись со смертью, прострѣленные десяткомъ пуль, послѣдній лежалъ неподвижно, обращенный лицемъ къ землѣ, этотъ четвертый былъ Абдаллахъ. Онъ былъ живъ и невредимъ, потому что успѣлъ упасть одною секундою раньше выстрѣла. Тысячи Арабовъ, понимая, въ чемъ дѣло, бросились къ нему на помощь. Пользуясь дозволе-

ніемъ маршала Бюжо предать тѣла несчастныхъ товарищей землѣ, они, вмѣстѣ съ тремя трупами, взвалили на плеча и Абдаллаха, прикрыли всѣхъ четырехъ бурпусами и хотѣли бѣжать. Абдаллахъ могъ быть спасенъ; но докторъ Перси, врачъ полка Африканскихъ егерей, былъ человѣкъ предусмотрительный. Онъ, взглянулъ на Абдаллаха, шепнулъ слова два жандарму, случайно находившемуся близъ него, и Арабовъ остановили. Абдаллахъ всталъ на ноги, улыбнулся и пошелъ назадъ въ сопровожденіи врача и всѣхъ Французовъ, присутствовавшихъ при казни; ихъ было до тридцати тысячъ. Врачъ торжествовалъ, офицеры смѣялись, толпа хохотала, а военная коммиссія приговорила Абдаллаха ко вторичной казни. Его поставили на прежнее мѣсто, жандармы отодвинули массу народа назадъ, и представленіе началось снова.

Кто же застрѣлитъ Абдаллаха? спросилъ полковникъ Н. у коменданта крѣпости. Комендантъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ офицерамъ; офицеры вызвали капраловъ, капралы пошли по фронту, ходили долго; но желающихъ не оказалось.

Я готовъ былъ разцѣловать весь фронтъ.

«Nous ne sommes pas des bourraux, caporal» отвѣчали солдаты. Абдаллахъ слышалъ все и улыбался. Коменданъ также слышалъ все — и лобъ его покрылся морщинами. Толпа захлопала въ ладоши. Спасенъ! подумалъ я, подумали мно-

гіе, быть можетъ, подумалъ и Абдаллахъ; но одинъ капралъ схватилъ младшаго изъ егерей, силою притащилъ его къ жертвѣ и заставилъ выстрѣлить. Пуля прошла черезъ грудь Абдаллаха нѣсколько выше сердца; онъ упалъ на колѣни и заревѣлъ такъ ужасно, что егерь бросилъ ружье и бѣжалъ за фронтъ. Абдаллахъ всталъ и бросился на капрала, вцѣпился ему въ лицо руками; кровь у Абдаллаха билась двумя фонтанами, глаза его вертѣлись, онъ страдалъ невыразимо. Два жандарма соскочили съ коней, освободили капрала и схватили несчастнаго за руки; одинъ изъ нихъ вынулъ саблю, приставилъ къ ранѣ, налегъ на ефесъ и конецъ лезвея вышелъ въ спину... Толпа не хлопала въ ладоши; но молча разошлась.

Вотъ какъ было дѣло, а вотъ что напечатано было на другой день въ Алжирскомъ журналѣ l'Akhbar:

Ужаснѣйшая драмма, имѣвшая театромъ телеграфъ Гонта 14 на 15 Марта 1846 года наконецъ разыгралась. Именованные: Магометъ-Бей-Джевулъ — братъ Аги Сиколаи, житель трибуны Бу-гай-ланъ, близъ Мильяны, Джилали-бенъ-Омаръ каидъ той же трибуны, Абдель-Кадеръ-Атабъ и Абдаллах-бен-Атабъ — братъ сего послѣдняго получили 5 сего Декабря 1846 года въ 8 часовъ утра на площади Бабельуэтъ заслуженную ими казнь за убійство 6-ти

Европейцевъ, въ томъ числѣ, одной женщины и двухъ малолѣтныхъ дѣтей. Четыре эти преступника были казнены вслѣдствіе приговора военнаго суда, засѣдавшаго въ Алжирѣ 19 Августа 1846 года, въ присутствіи безчисленнаго стеченія народа, привлеченнаго торжественностію военной экзекуціи. Они съ твердостію шли до мѣста казни и по выслушаніи смертнаго приговора, четыре пикета солдатъ, выбранныхъ изъ различныхъ частей Алжирской дивизіи, по нѣмому знаку командующихъ ими офицеровъ, произвели по нихъ огонь — и они упали мертвые. Но такъ какъ раны Абдаллаха, несовершенно смертельныя, оставили тѣлу его судорожное движеніе и какъ замѣчено было, что онъ еще дышетъ, то пристрѣлили его немедленно и положили тѣмъ конецъ его страданіямъ. Замѣчательно, что этотъ самой Абдаллахъ, во время страшнаго убійства, въ ночь съ 14 на 15 Марта преслѣдовалъ несчастнаго капрала Серве, успѣвшаго скрыться, и догнавъ въ кустахъ, хладнокровно разрубилъ ему топоромъ голову.

Статья сія заключалась слѣдующимъ приговоромъ того же суда: Ахметъ-Бен-Атабъ — братъ Кади, Бенъ-Амуръ-Бенъ-Абдель-Кадеръ — сынъ Кади, Абдель-Кедеръ Бель-Гаде — братъ Каида, и Зора-Бу-Мудзенъ — сестра Кади, были равно приговорены къ смерти; но вслѣдствіе королевской воли, объявленной 8 Ноября 1846 г. приговоръ этотъ замѣненъ вѣчною каторжною рабо-

тою, съ предварительною выставкою у позорнаго столба, за исключеніемъ однакожъ Зоры, которая отъ этого послѣдняго и постыднаго наказанія избавлена. —

ПОКОЙНИКЪ.

I.

Въ царствѣ лавровъ и миртъ, на чужбинѣ,
Старый воинъ — солдатъ погребенъ.
Отъ враговъ съ Полководцемъ великимъ
Отбивалъ полъ-Италіи онъ....

*
* *

И любилъ онъ великаго битвы
Тамъ, гдѣ въ нѣдрахъ заоблачныхъ скалъ,
Онъ стерегъ супостата, какъ буря,
И внезапно, какъ громъ, поражалъ.

*
* *

Подъ его чудодѣйной командой
Съ жаромъ юноши бился старикъ,
Бился часто, и долго, и славно —
И, какъ мечъ, къ шуму боя привыкъ,

*
* *

Въ битвѣ палъ, но воинственной жизни
Не забылъ и въ могилѣ солдатъ —
И дивится, что спитъ онъ такъ мирно
И что пули кругомъ не свистятъ....

II.

И вотъ каждую ночь онъ выходитъ
Надъ могилой своей посидѣть,
Услыхать, какъ забьютъ барабаны —
Да въ ряды — и на бой полетѣть.

*
* *

Выйдетъ, — усъ посѣдѣлый разгладитъ,
Посмотритъ тесакъ свой и штыкъ
Да кругомъ поглядитъ, да промолвитъ:
«Эхъ! долгонько проспалъ я, старикъ!»

*
* *

Пусто все.... Не гремятъ барабаны,
Не блестятъ вдоль обваловъ штыки;
Не бѣлѣютъ въ лощинахъ палатки,
Не снуютъ по скаламъ казаки.

*
* *

Не видать и отца-командира:
Не стоитъ онъ, сѣдой исполинъ,
Ни на вольномъ привалѣ, за кашей,
Ни съ жезломъ передъ фронтомъ дружинъ....

III.

«Диво!...» думаетъ старый служивый:
«Знать, въ Россію пошли отдохнуть!»
И посмотритъ на сѣверъ любезной;
На знакомый межь пропастей путь.

*
* *

«Что-жь? за ними!... да весь запылился....
Позаржавѣли дуло и штыкъ!...
Такъ встряхнусь, да-вотъ бѣлымъ песочкомъ
Поотчищу ихъ... трудъ не великъ!»

*
* *

И отчиститъ, и встанетъ, и быстро
Повернется на лѣво — кругомъ —
И идетъ по роскошнымъ долинамъ:
Что за радость въ ихъ блескѣ чужомъ?

*
* *

Не онѣ въ головѣ: въ ней мелькнула
Боръ дремучій, родная Ока....
И забилась, какъ грудь молодая,
Вся широкая грудь старика.

IV.

«Догоню я дружины родныя —
И примкну подъ родной барабанъ!
И родимыя сосны увижу!...
И идетъ, выпрямляя свой станъ.

*
* *

Скорымъ шагомъ идетъ онъ и смотритъ
Вотъ блеснутъ кивера, тесаки,
Вотъ лафеты зеленые пушекъ
Застучатъ, промелькнутъ казаки....

*
* *

Но все пусто.... Нигдѣ ни солдата!
Мѣсяцъ, — видно далеко впередъ....
Остановится, громко онъ кличетъ....
Но отвѣта никто не даетъ.

*
* *

«Маршъ! Еще! Можетъ быть, за скалами...
Маршъ! Да сила ужъ плоха. Усталъ...»
И стоитъ онъ, вздыхая печально,
Передъ мертвой громадою скалъ.

V.

А, межь тѣмъ и заря заиграетъ....
Тяжело!... И махнетъ онъ рукой
И, ружье опустивши, въ могилу
Вновь уходитъ на сонъ и покой.

*
* *

И не видитъ, не знаетъ, покойникъ,
Что товарищей много вокругъ;
Что всѣ тоже и спятъ, и не знаютъ,
Какъ къ нимъ близокъ товаришъ и другъ —

*
* *

Что давно ужъ тѣ дни миновали,
Какъ разилъ супостатовъ отецъ;
Что и самъ онъ на сѣверѣ миломъ
Спитъ давно, вдохновенный боецъ —

*
* *

Что вѣка, и надъ царствами юга,
И надъ царствами сѣверныхъ зимъ,
Пролетятъ; — но Суворовской битвы
Не увидѣть нигдѣ уже имъ....

Д. фонъ-Лизандеръ.

ПИСЬМА
ИМЕРИТИНСКАГО ЦАРЯ АРЧИЛА
къ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину.

Въ 1663 году Имеретинскій Царь Вахтангъ IV (иначе Шахнавазъ I.) возвелъ старшаго сына своего Арчила на престолъ Имеретіи. Но Турки отняли у Арчила Имеретію. Тогда Вахтангъ въ 1668 г. далъ сыну своему, въ замѣнъ потеряннаго Царства, Кахетію, въ 1670 присоединилъ къ Кахетіи Карталинію. Но предъ кончиною своей Вахтангъ отдалъ Карталинію младшему сыну своему Георгію или Шахнавазу II. Тогда возгорѣлась между братьями междоусобная война; Турки и Персіяне взяли сторону Георгія и Царь Арчилъ, стѣсненный повсюду въ 1680 г. отправилъ въ Москву посольство къ Царю Ѳеодору Алексѣевичу, умолять Русскаго Владыку вступиться за единовѣрцевъ, защитить церковь Иверской земли отъ Магометанъ и дозволить ему самому переселиться въ Москву; почему изъ Астрахани посланы были стрѣльцы для принятія и охраненія его. Въ 1683 г. Царь Арчилъ, съ супругою своею Екатериною Давидовною (внукою Царя Теймуразы), съ тремя сыновьями: Александромъ, Матвѣемъ и Давидомъ, и дочерью Дарьею прибылъ въ Астрахань; а въ 1685 г. Царь Арчилъ переселился, съ семействомъ своимъ, въ Москву. — Ему пожалованы были значительныя помѣстья и по указу отъ 13 Сентября 1686 г. онъ внесенъ былъ съ потомствомъ своимъ въ родословную книгу Князей Россійскихъ, подъ

именемъ Царя Имеретинскаго. Пользуясь новыми смутами на Кавказѣ, Царь Арчилъ, съ дозволенія Россійскаго Двора, явился въ Имеретію, собралъ себѣ преданныхъ Имеретинцевъ, и въ 1691 г. овладѣлъ Кутаисомъ, столицею Имеретіи, гдѣ и царствовалъ спокойно 13 мѣсяцевъ. Но Турки снова его выгнали. Арчилъ долго искалъ союзниковъ и войска въ земляхъ Кавказскихъ; долго боролся онъ съ Турками, но не могъ одолѣть ихъ. Изнуренный въ неравной борьбѣ и, потерявъ всю надежду возвратить престолъ Имеретинскій, онъ въ 1699 г. возвратился снова въ Москву и навсегда. Здѣсь посвящалъ онъ послѣдніе дни свои пользамъ своего отечества: перевелъ на Грузинской языкъ книги: Сирахову и Маккавейскія, которыхъ древніе переводы были истреблены, исправилъ искаженныя переписчиками книги Священнаго Писанія на Грузинскомъ языкѣ и печаталъ ихъ въ Московской Типографіи, иждивеніемъ Государя Петра Великаго. Царь Арчилъ скончался въ Москвѣ въ 1713 г. (*).

Въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ благоговѣйно хранится гвоздь Господень, привезенный въ Москву Царемъ Арчиломъ изъ Имеретіи.

Во многихъ старинныхъ боярскихъ домахъ находятся портреты Царя Арчила; иные принимаютъ его за изображеніе Патріарха Филарета; но короткіе волосы, Грузинскія черты лица, ясно обличаютъ ихъ ошибку (**).

(*) Супруга его, Царица Екатерина скончалась въ 1719 г., они оба погребены въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Старшій сынъ ихъ Александръ, первый Генералъ Фелдцейхмейстеръ Русскій, въ сраженіи подъ Нарвою былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стокгольмъ, гдѣ и скончался въ 1710 г. Супруга Александра Арчиловича Гликерія Ильинична скончалась 28 Іюля, 1720 г. на 51-мъ году отъ рожденія. Другой сынъ Царя Арчила Давидъ скончался 24 Октября 1687 г. на 7-мъ году своего возраста. Третій сынъ Матвѣй скончался 23 Марта 1713 г. Дочь ихъ Дарія въ 1722 г. жила еще въ подмосковномъ селѣ своемъ Всѣсвятскомъ.

(**) см. Древности Россійскаго Государства, изд. въ Москвѣ.

Представляя здѣсь письма Царя Арчила къ Фельдмаршалу Θедору Алексѣевичу Головину въ 1703 и 1704 годахъ, сохранившіяся въ родовыхъ моихъ бумагахъ, я полагаю тѣмъ оказать услугу Отечественной Исторіи.

Николай Головинъ

I.

Государь мой, бояринъ Θедоръ Алексѣевичъ!

Здравіе ваше, милостивыхъ моихъ, да сохранитъ Десница Вседержащая счастливо въ побѣдахъ надъ враги, на множество лѣтъ желаю.

За ваше къ намъ, пришельцемъ, заочное благопріятство, и за любезное твое писаніе, благодарно челомъ бью.

А что волкохищныхъ овецъ желая на горахъ взыскати, тамошнихъ мѣстъ свойство хощете отъ насъ познать, о семъ доношу здѣ вкратцѣ.

«Древо упадшо, всякъ разхищаетъ.»

Земли наши, Божіимъ попущеніемъ, нынѣ на двое разхищены, часть Персу, и часть Султану по неволѣ служатъ; однако-жь Султановы мѣста богатѣе и крѣпче, которыхъ земель имена: Иметъ, Самцхе, Саатамбангъ, Менгрелія, тожь и Одисъ, или Кохли, Гуріа, Абазіа и Чихетъ. Въ Цамцхѣ и Сатабагѣ грады и мѣста владѣетъ Турокъ и воеводы въ нихъ Турки. А иныя всякихъ чиновъ люди, и кресьяне, наши православные, а иные Армене и Жиды. И кромѣ сихъ двухъ земель, во всѣхъ предреченныхъ, ни единаго владѣльца Турчанина нѣтъ; но всѣ православные,

кромѣ Кутайса Имеретскаго. А подъ Персомъ нынѣ Кортли и Кахетъ, коими владѣетъ Николай Давыдовъ. Обусурманяся со всѣми въ городахъ нашихъ (кои подъ игомъ Турскимъ) люди служилые, торговые и ремесленные всѣ у себя ружье держатъ, и когда домашняя война бываетъ, на бой поголовно выходятъ по 100 тысячъ и больше. А ко внѣшней войнѣ выходило ихъ въ полы и менше, а прочія оставались дома, грады и фортецы лежатъ на крѣпкомъ положеніи мѣста, взялись отъ Кавкаса горы по Каспійскому морю и далѣ на горахъ и мѣстахъ неудобоходныхъ. Огненнаго бою у нихъ мало, и то не за обычай, а стѣнъ каменныхъ хотя и нѣтъ, однакожь всякая фамиліа на природныхъ крѣпяхъ имѣетъ себѣ изрядные фортецы, а наипаче нынѣ опасаяся вседневнаго нападенія отъ Турковъ, вельми укрѣпились предъ прежнимъ, ради убѣжища. И есть ли бы хотя тонкаго воздуха отъ Христіанскаго нашего Монарха въ помощь себѣ получили, всѣмъ извѣстно, чтобъ отъ обоихъ странъ во едино совокупився, за вѣру и отчизну свою до послѣднія капли крове стоять противъ обоихъ потщились, а нынѣ по нуждѣ служатъ ногамъ, что главы не имѣютъ. О дабы далъ мнѣ Богъ ваше лице счастливо узрѣть, тогдабъ и то донесъ, о чемъ и трости къ письму не случай нанесть. Потщуся же и чертежь, елико могу и помню, описавъ прислать къ вамъ. Вашъ въ услуженіи всегда,

старикъ Арчилъ Иверскій.

Желаю, государь, увѣдати, что ми повелится о семъ, по семъ мыслитъ туда человѣка моего послать, ради лучшей вѣдомости, но не дерзнухъ, какъ поволитъ Высочайшая Держава. При самомъ письмѣ семъ прислалъ письмо Іерусалимскій Патріархъ, а въ немъ пишетъ, что во Імеретѣ новоизбраннаго владѣтеля убили, и то увѣдавъ Султанъ, разъяривсь, послалъ въ Імеретъ войско свое на убійцевъ, а что будетъ, время окажетъ.

Съ Москвы, Іуніа 12 дня, 1703 году.

Милости вашей Александръ мой чрезъ письмо челомъ бьетъ изъ Стеколна.

II.

Премилосердой мой благодѣтель, бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичь!

Здравіе твое, милостиваго моего, Десница Вышняго на вѣки счасливо да соблюдетъ!

Прошу о позволеніи твоего здравія чрезъ писаніе къ намъ соизволить, чего и впредки истинно желаю.

За симъ здравіе твое, милостиваго моего, предавъ въ сохраненіе Вышняго, себѣ же не въ премѣнномъ желаніи твоемъ содержавъ,

Царь Арчилъ Имеретинскій.

III.

Сіятельнѣйшій и Превосходительнѣйшій Господине, Господине, истинный мой благодѣтелю Ѳеодоръ Алексѣевичь!

Еще при бытности вашей въ Москвѣ, не единократно Сіятельству вашему я доносилъ о дол-

говыхъ ефимкахъ сына моего, въ плѣнѣ пребывающаго, дабы ходатайствомъ вашимъ въ томъ — я получилъ, платежъ ради нашей неисправы изъ казны Его Царскаго Величества; о чемъ и нынѣ съ прилежаніемъ прошу, дабы ваша милость, въ томъ не изволилъ меня забвенна учинить, и у Царскаго Величества о томъ исходатайствовать, понеже Томасъ Книперъ непрестанно того долгу на мнѣ вымогаетъ, со многою угрозою, что сынъ мой тамо за то удержанъ будетъ.

И о семъ донесши, желаю Сіятельству вашему отъ Господа Бога многолѣтнаго здравія и счастливаго поведенія, — нижайшій во услугахъ

Царь Арчилъ.

IV.

Прошу Сіятельства вашего о заступленіи со многимъ прошеніемъ, чего уже терпѣти не мочно, потому что отовсюду людей моихъ и крестьянъ таскаютъ, и нынѣ изъ Приказу Земскихъ дѣлъ, для подводъ присылки ко мнѣ на дворъ непрестанные, и приходятъ салдаты, человѣкъ по шести и больши, и изъ палатъ, гдѣ я живу, людей моихъ таскаютъ, о чемъ къ господину Ивану Ивановичу Бутурлину посылалъ, чтобъ въ такомъ нагломъ приходѣ учинилъ уемъ и оборонъ; однако-жъ на мое прошеніе не смотритъ и слушать не хочетъ. Изволь, мой господине, о семъ къ нему отписать заступительно, чтобъ впредь такъ нагло не чинили, въ чемъ всегда на милость твою надеженъ, и кромѣ Сіятельства вашего, не имѣю

Царскому Величеству иного заступника и помощи подателя.

Царь Арчилъ Имеретинскій.

V.

Премилосердый мой господинъ, бояринъ Өедоръ Алексѣевичь!

Въ прошлыхъ временахъ, милости вашей, чрезъ почту въ письмѣ я своемъ просилъ о заступленіи васъ, къ Царскому Величеству, объ отпускѣ людей моихъ въ Грузинскую землю, а милость ваша въ то время писалъ ко мнѣ чрезъ почту жъ: «*Царское Величество приказалъ, де, отпускать противъ прежнихъ отпусковъ, и о томъ приказано Князю Борису Алексѣевичу*». Только онъ мнѣ о семъ ничего не учинилъ и до нынѣ.

О семъ прилежно прошу, благоволи, милость ваша, милостивно заступить предъ Царскимъ Величествомъ, которые прилучатся люди мои въ отпускахъ въ Грузинскую землю для нуждъ моихъ отпускать противъ прежнихъ отпусковъ до Астрахани, и дать водянымъ путемъ суды съ гребцами изъ Астрахани, по тому же въ судахъ, а сухимъ путемъ на подводахъ, съ провожатыми и съ кормомъ, а какъ тѣ, мои люди или иные явятца въ Астраханѣ къ Москвѣ, и ихъ бы потому-жъ противъ вышеописаннаго отпущать, и о томъ бы послать въ ратушу о послушаніи Астраханскихъ Бурмистровъ, память, чтобъ людямъ моимъ въ поѣздкахъ никокова удержанія не было.

И о вышеписанномъ прошеніи паки вельми на милость вашу надѣяніе возымѣю.

Царь Арчилъ всеусердпъ вашей милости поздравляетъ.

VI.

Милостивый нашъ благодѣтель, государь Өеодоръ Алексѣевичь!

Прошу у тебя, благодѣтеля нашего, милости присочисли къ первому твоему благодѣянію и сіе второе, чтобъ даръ вашъ совершенъ сіялъ надъ нами, благоволи донесть милостиво Высочайшей Державѣ, чтобъ, по Его милостивному повелѣнію, намъ пришельцемъ не лишитися владѣнія надъ тѣми питейными заводами, рыбными ловлями и таможенными доходцами, которые обрѣтаются нынѣ въ новопожалованныхъ намъ вотчинахъ; потому что и прежде насъ которые были помѣщики тамо, такими доходами они владѣли, и нынѣ, подобно сему, многіе во многихъ мѣстехъ владѣютъ же невозбранно. И вѣдаемъ, что если твое милостивое, къ Высочайшему, о насъ ходатайство предваритъ, благоволитъ помиловать насъ, подданныхъ его, за наше странство и разореніе, видя мою многобѣдственную, страждущую старость, а единымъ кресьянскимъ оброкомъ, за ихъ скудостью кромѣ вышепрошеныхъ доходовъ, живитись намъ истинно нечимъ. При сихъ, надѣяся на твою братскую ко мнѣ любовь, о гдѣ прошеніе предложить дерзнувый Арчилъ Царь, любезно поздравляя, челомъ бьетъ.

VII.

Государь мой Θеодоръ Алексѣевичь, здравіе ваше да сохранитъ Господь на лѣта многа благополучно!

Преждеприсланнымъ ко мнѣ отъ милости вашей писаніемъ въ печалѣхъ моихъ порадованъ, благодарнымъ сердцемъ предъ сею почтою къ назначеннымъ отъ васъ отвѣтствовахъ предложеніамъ, однако-жъ сомняся, достигнетъ ли васъ прежнее, чрезъ сіе второе обѣщаю, и чертежъ, не мотчавъ, препослать.

При семъ вашей милости доношу прошеніе мое. Прошедшихъ лѣтъ повелѣся намъ отъ Высочайшія Державы печатать книги на нашемъ языкѣ ради церковныя и гражданскія пользы нашему Иверскому народу, а наипаче въ тиранствѣ подъ Туркомъ и Персомъ сущимъ, кои зѣло великую скудость книгъ церковныхъ имѣютъ. И тогда начатое дѣло недостаткомъ литеръ и людей къ дѣлу приличныхъ остановилось, а нынѣ, за Божіею помощію, литеры нашего діалекта построились изрядно и художники къ дѣлу обрѣтаются искусные.

Прошу убо вашу любовь, донеси Державнейшему, дабы повелѣлъ въ своей Царской Типографіи на нашемъ языкѣ нѣколико книгъ церковныхъ напечатать и своимъ богатодарнымъ иждивеніемъ недостатку нашему помощи ради вѣчныя славы Его Благочестивому Царству и Христіанскія общія пользы прошу усердно.

Вашъ Арчилъ и челомъ бью.

Съ Москвы 1703, Іюля 2.

VIII.

Государь мой, Бояринъ Өеодоръ Алексѣевичь, здравіе ваше да сохранитъ Господь на лѣта многа благополучно желаю!

Отъ источникѣ вода жажду, а отъ васъ радостныя о побѣдахъ вѣсти, печальный намъ угашаютъ пламень. Ибо слыша о преславныхъ надъ враги вашими одолѣніяхъ, по премногу радуемся, съ твердою надеждою, что чрезъ высокую новаго Моисеа десницу прославится Богъ нашъ въ Шведскомъ Фараонѣ, изведетъ новаго Іизраиля людей изъ горкія плѣненія работы и утѣсненія; что и дай Боже! Предъ симъ чрезъ два писанія вашу Вельможность просихъ о доношеніи къ Высочайшему, да повелится намъ нашего языка литерами книги церковныя печатать, на печатномъ дворѣ Московскомъ по прежнему своему Монаршескому милостивому указу. Но до днесь о томъ не извѣстився отъ милости вашей; чаемъ что письма тѣ до васъ не достигли, въ которыхъ и о земляхъ нашихъ изъявися вамъ. Прошу, Государь, милости, прикажи возписать хотя мало нѣчто о повелѣномъ отъ васъ мнѣ, и о прошеніи моемъ семъ — на пользу, аще чрезъ иная къ инымъ и веселимся; но когда ваши къ намъ письма получимъ, паче усладимся.

Вашъ одолженный Арчилъ челомъ бью.

Іюля 28 1703 г.

На оборотѣ написано: Боярину Өедору Алексѣевичу Головину.

IX.

Милостивый мой Государь, Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичь здравіе ваше да хранитъ Господь на лѣта многа!

Не малою утѣшенія росою печальнаго моего сердца пламень утоленъ, егда увѣдахъ твое о насъ пришельцехъ милостивое стараніе, чрезъ которое отъ Высочайшія Державы получихомъ о желаемомъ нами печати книгъ дѣлѣ повелѣніе, еже бы то на свѣтъ производити. За что подножію Монаршеску должный поклонъ отдаемъ, а вашей милости благодарствуемъ. По преждеприсланному отъ милости вашей писанію, чертежъ, елико могъ и упомнихъ, мѣстамъ назначеннымъ, изготовилъ, и желаю увѣдать, какъ о немъ повелится, къ вамъ прислать, или у себя до времене держать. При семъ желаю милости вашей всѣхъ благъ

старикъ Арчилъ Имеретинскій челомъ бью.

Изъ Москвы, лѣта Господня,
Августа 12 дня, 1703 года.

X.

Государь мой, вельможный бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ десница Господня на лѣта многа желаю!

Что ино къ вамъ развѣ Іереміинъ гласъ возпишу, призва на мя Господь годъ, яко же сокрушити мя и любезныя моя, лишеніемъ и плѣненіемъ чадъ, многократнымъ возгорѣніемъ. А нынѣ и всеконечнымъ отъ огня разореніемъ, кото-

рой въ 26-й день Сентемвріа безъ насъ, отъ сосѣдей нашихъ нашедъ дворъ мой и все что въ немъ безъ остатка попалилъ; отъ чего и мнѣ не токмо коимъ при мнѣ пріютится въ такое время призимнее негдѣ. Просимъ вашу благость въ такомъ нашемъ бѣдственномъ разореніи о спосможеніи, къ созиданію, какъ васъ Господь о насъ наставитъ.

Александръ сынъ мой милости вашей поклонъ препосылаетъ, и вельми болѣзнуетъ, что письма наши къ нему не доходятъ уже больше полугода, просимъ государь милости, вели, коимъ либо способомъ сіе наше къ нему писаніице послать съ своими, и впредь, чрезъ кого бы лучше намъ посылати, желаемъ извѣститися отъ превелебности вашей. — Вашъ всегдашній старикъ Арчилъ челомъ чью.

Изъ Москвы, Сентября 29 дня, 1703 г.

На оборотѣ написано: Государю Боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину.

Его Царскаго Величества милостивѣйшій ко мнѣ благодѣтель и Господинъ Ѳедоръ Алексѣевичь, о Господѣ Бозѣ многолѣтно и благополучно въ здравіи и благоденствіи да будешь!

Пожалуй, мой милостивой, изволь о своемъ здравіи къ намъ писать; чего и впредь слышати всегда желаю. Да прошу, мой милостивой, ежели о сынѣ моемъ Александрѣ вѣдомость какая милости вашей извѣстна будетъ, прикажи, мой ми-

лосердой, чрезъ писаніе къ намъ писать и ево невольника забвенна не учинить.

Еще милости вашей докученъ являюся о прежде помянутомъ моемъ прошеніи къ Царскому Величеству, чрезъ вашу милость о палатныхъ моихъ строеніяхъ и о порожжемъ дворовомъ мѣстѣ, и о сихъ прошеніяхъ послалъ я къ милости вашей челобитную до Царскаго Величества. Пожалуй, премилосердой мой, ей всеконечная моя нужда о вышепомянутыхъ моихъ прошеніяхъ, милостивно призри, а я на милость твою во всемъ надеженъ.

Царь Арчилъ желая вашего здравія и поклоненіе предпосылаю.

XI.

Милостивой мой Государь, Ѳеодоръ Алексѣевичь, здравіе твое Государя моего щастливо да соблюдетъ десница вышняго Бога!

Едино сіе доношу милости вашей, что въ прошломъ 1702 году изъ Іерусалима Святѣйшій Патріархъ Досифей Іерусалимскій, отпустилъ племянника моего Грузинскія земли Архимандрита Доментія къ Москвѣ, съ Князь Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ и пріѣхалъ къ Москвѣ, а нынѣ Іерусалимскій Святѣйшій Патріархъ Досифей писалъ къ нему Доментію дважды, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему и нынѣ ево отпускаю во Іерусалимъ.

А вашему лицу докуку чиню, чтобъ ваша милость приказалъ дать ему Доментію съ людьми

ево изъ Государственнаго посольскаго приказу проѣзжую грамоту, какъ же ямскіе подводы съ прогоны и съ надлежащими нужды въ пути и проводника до рубежныхъ городовъ, и о семъ прошу вашей любви, не презри прошенія нашего сего!

Царь Арчилъ Имеретинскій желаетъ здравія вашего всегда и поклоненіе предпосылаетъ.

1703 г. Октября въ 11 день.

XII.

Пресіятельнѣйшій и Высокоблагороднѣйшій Господинъ, здравіе твое моего Государя десница Вышняго купно со всѣми твоими на вѣки счастливо да соблюдетъ!

Писаніе твое, моего Государя, писанное Іюля 28 дня, получилъ я у Петрополя Августа въ 7-й день, за которое нижайшее мое приношу благодареніе.

А что, Государь, изволилъ ты ко мнѣ писать о позволеніи печатанія книгъ, и о томъ указъ Монаршеской посланъ уже напредь сего къ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, велѣно дать позволеніе печатать, и на то употребить нѣкоторое число денегъ изъ казны его Монаршеской.

За симъ здравіе милости твоей, мой Государь, предавъ въ сохраненіе Вышняго, самаго же мене ко услуженію твоему представляя.

Отъ Петрополя, Августа 11 дня, 1703 г.

XIII.

Милостивый мой государь, Бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь на лѣта многа!

Желая радоватися о здравіи вашемъ, послахъ прежде сего къ милости вашей не едино письмо, въ которыхъ и нужды мнѣ облежащія въ кратцѣ воспомянухъ съ прошеніемъ, противъ которыхъ писемъ доднесь отповѣди не получивъ, уповаю васъ во многомъ управленіи дѣлъ, времени не имѣти о здравіи вашемъ возписать. Чрезъ настоящее же письмо милости вашей доношу о донесенномъ ко мнѣ отъ брата моего Леонтія письмѣ, имущемъ въ себѣ письмо отъ Шаха, въ которомъ, что содержится, посланъ переводъ къ Высокодержавнѣйшему, отъ чесого можетъ удобно ваше благоразуміе познать онаго мысль. Прошу, прочее благоволи, мой милостивой, благовременно вручить и внушить Высочайшему также и о прочихъ намъ належащихъ нуждахъ воспомянуть милостивно, а я на милость твою во всемъ надеженъ, и о предложенномъ изволеніе его милости писаніемъ ознаймить изволилъ, прошу усердно милости вашей должный

старикъ Арчилъ.

Изъ Москвы, лѣта Господня
1704 года, Іулія 19 дня.

РАЗЛУКА.

(Малороссійская пѣсня).

Милый шелъ горой высокой,
Милая — долиной;
Онъ зацвѣлъ румяной розой,
А она калиной.
На горѣ живетъ мой милый,
А я подъ горою —
Для чего живемъ мы розно,
Милый другъ, съ тобою?
Кабы жить намъ дали вмѣстѣ,
Жили-бъ мы съ тобою,
Жили-бъ, жили-бъ, мое сердце,
Какъ рыба съ водою!
Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку ловитъ,
А подруженька по миломъ,
Бѣлы ручки ломитъ.
Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку удитъ. —
Долго-ль, долго-ли по миломъ
Тосковать мнѣ будетъ?
Что рыбакъ надъ быстрой рѣчкой
Ласточкою вьется,
А подруженька по миломъ
Горлицею бьется.
Аль засыпался ты пылью,
Мятелицей, вьюгой,
Что не хочешь повидаться
Со своей подругой?
Что мятелица мнѣ, вьюга,
Буря, непогода! —
Вѣдь любился-жъ я съ тобою
Цѣлые два года!

Да враги мои злодѣи
Все-про-все узнали,
Все-про-все они узнали,
Въ люди разсказали.
Будь здорова, черноброва,
И прощай навѣки!...
Не теките, не бѣгите,
Слезъ горючихъ рѣки!

1851. *Н. Бергъ.*
Москва.

МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Проснись, борьбу веди съ страстями!
Передъ тобой широкой путь —
И ты орлиными очами
Рѣшись въ грядущее взглянуть!...

*
* *

Забудь, забудь мечты былыя,
Забудь несбыточныя сны,
Пусть гибнутъ грезы молодыя,
Не переживъ твоей весны.

*
* *

Въ тебѣ высокія стремленья,
И твердый духъ, и свѣтлый умъ,
И рай святыхъ, высокихъ думъ,
Тебѣ ли жизнь влачить въ томленьи?

*
* *

Тебѣ ли духомъ упадать,
Тебѣ ли очи жечь слезою,
И гордымъ сердцемъ изнывать,
И жить отжитою мечтою?

*
* *

Проснись — и вновь тебѣ легко,
Отрадно, сладостно вздохнется —

И море жизни распахнется
Передъ тобою широко!

*
* *

И вновь приникнутъ къ изголовью
Живыя, свѣтлыя мечты,
И жизнь съ восторгомъ и любовью
Тогда вполнѣ постигнешь ты.

Елизавета . . . . а.

НЕЗНАКОМКА.

. . . O felix, si quam dignabitur, inquit,
Ista virum. . . . *Превращ. Овидія. Кн. 8.*

Люблю, когда, склонясь прелестною головкой
Надъ пяльцами, она выводитъ по канвѣ
То розу пышную, то скромную фіалку,
Не отрывая глазъ, прилежна, какъ пчела!
Люблю, когда порой, работой утомившись,
Она разсѣянно откинется назадъ,
Подниметъ томные, лазуревые глазки
И локонъ медленно заложитъ за ушко, —
Потомъ заговоритъ, такъ просто и понятно,
Безъ вычуръ и затѣй, какъ дѣти говорятъ....
Я слушаю ее — и думаю невольно:
«О, счастливъ тотъ, кого ты мужемъ назовешь!»

К. Петерсонъ.

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

Какъ ко мнѣ ли, красной дѣвицѣ, безчастной,
Прикачнулось ненарокомъ горе злое!
Никому моя кручина не вдогадку;
Про нее лишь знаетъ только ретивое;
Да и то моей закрыто бѣлой грудью,
Запечатано навѣки крѣпкимъ словомъ.

В. Панаевъ.

ПѢСНЯ.

Годы молодые,
Скоро вы прошли!
Радости былыя
Навѣкъ унесли!

Все, что было мило,
Все, что сердце жгло
И ему такъ льстило —
Скрылось и прошло!

Лучшія желанья,
Свѣтлыя мечты,
Прелесть-упованья —
Блекнутъ, какъ цвѣты.

Знать угомонилось
Опыта рукой
Сердце, что такъ билось
Страстью иль враждой?...

Ужь ему тревогу
Не забить опять:
Надо-жь по-немногу
Сердцу отживать...

Надо же проститься
Съ жизнью молодой....
Полно-жь, сердце, биться!
Время на покой!

Дмитрій Сушковъ.

С. П. Б. 1830.

ПИРЫ И ТРАПЕЗЫ.

Трапезы ваши и пиры,
Какъ мнѣ ужасно надоѣли:
Въ глаза, другъ-съ другомъ вы добры;
А за глаза — другъ друга-бъ съѣли!...

Авдотья Глинка.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА,

шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи.

Кн. В. В. Львова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ.

Сергѣй Сергѣевичъ—Разанскій помѣщикъ лѣтъ 60-ти.
Θекла Сергѣевна—дочь его, лѣтъ 20, уѣздная барышня,
Флегонтій Сидоровичъ, чиновникъ, лѣтъ 25, полупорядочный.
Николай Евстигнѣевичъ, чиновникъ, лѣтъ 30, товарищъ и другъ его.
Терешка, увалень, слуга Сергѣя Сергѣевича.
Служитель въ гостинницѣ.

КАРТИНА I.

Г. Клинъ.

Комната въ гостинницѣ; двѣ двери по сторонамъ: одна запертая, другая входная. Въ глубинѣ два окна, между ними зеркало со столикомъ. Остальное убранство гостинничное.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Сергѣевичъ сидитъ возлѣ стола и съ трудомъ разбираетъ карту. Θекла Сергѣевна охорашивается передъ зеркаломъ.

Сер. Сер. Супъ съ курицей, щи зеленые, кок... коклеты съ свѣжимъ горошкомъ... все хорошо!— что говорить! да вѣдь всего не съѣсть. — Θеклуша, полно тебѣ охорашиваться-то: ну въ дорогѣ по дорожному, никто не взыщетъ, а до Петербурга еще успѣешь принарядиться. — На ка, посмотри!

Θек. Сер. *(Не оборачиваясь)*. Что, папаша?

Сер. Сер. Да вотъ карту.

Ѳек. Сер. *(Также)*. Вы знаете, папаша, я всегда прошу васъ гадать на валета трефоваго.

Сер. Сер. Вотъ теперь ужь ты съ валетомъ своимъ попала не туда: ужь онъ тутъ ни къ селу, ни къ городу. Я спрашиваю тебя: какое бы выбрать кушанье.

Ѳек. Сер. *(Разсѣянно)*. Какъ, папаша, вы ужь и объ кушаньи-то въ карты гадаете!

Сер. Сер Да нѣтъ! ты смотри сюда, дурочка! здѣсь видишь карта—ерестъ кушанью. Тутъ, чего хочешь, того просишь: супъ съ курицей, щи зеленыя...

Ѳек. Сер. *(Подходя къ отцу)*. Выберите сами, папаша! мнѣ право все равно, у меня и аппетиту вовсе нѣтъ — такъ хочется добраться до Петербурга.

И на яву, и въ сладкомъ сновидѣньѣ,
Все, Петербургъ, мечтаешься ты мнѣ!
Какой восторгъ, какое восхищенье—
Быть наконецъ въ волшебной сторонѣ!

Гдѣ есть проспектъ, гдѣ есть Адмиралтейство,
Гдѣ чудно все: и зданья и рѣка!
О нѣтъ, папа: сознайтеся, злодѣйство
Тащиться годъ сюда — изъ Сапожка!

О Петербургъ! въ тебѣ мое блаженство!
Тебѣ, тебѣ — сердечный мой привѣтъ!
Все чудно тамъ, все прелесть, совершенство!...
Гдѣ онъ, гдѣ онъ — мой трефовый валетъ!
(bis).

Сер. Сер. Неужто тебѣ такъ понравился Николай Евстигнѣевичь, что ты только и думаешь что объ немъ?

Ѳек. Сер. Э, папаша, съ чего вы это взяли? да я никогда и не думаю о Николаѣ Евстигнѣевичѣ. Что я выбирала его часто на балѣ, въ Сапожкѣ? такъ это отъ того, что онъ одинъ былъ въ башмакахъ! онъ былъ коммильфѣе другихъ, *(вздыхаетъ)*: ахъ нѣтъ! валетъ трефовой не онъ, совсѣмъ не онъ!

Сер. Сер. Разумѣется: дѣвичья душа — потемки, а я и на свѣту-то плохо вижу. На-же прочтемъ карту, да выберемъ вмѣстѣ.

Ѳек. Сер. Право, все равно *(беретъ карту)*: ну супъ, коклеты, да жареная дичь — и довольно.

Сер. Сер Ну такъ, такъ-такъ. Не лучше ли щи зеленыя? а? — или ужь все равно, супъ. *(Подходя къ двери)*. Эй, малый!

ЯВЛЕНІЕ II.

Сергѣй Сергѣевичъ, Ѳекла Сергѣевна, служитель.

Служ. Что изволите приказать?

Сер. Сер. Подай, братецъ, намъ супъ съ курицей, коклеты съ горошкомъ, да жаркую дичь. Какая у васъ тамъ дичь-то?

Служ. Есть рябчики, или прикажите тетерева.

Сер. Сер. Ну тетерева, такъ тетерева! тетеревъ посытнѣе. Да живо — я не люблю мѣшкатни.

Служ. Духомъ, сударь! все готово. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сергѣй Сергѣевичъ, Θекла Сергѣевна и слуга, который, то входитъ, то выходитъ, накрывая на столъ и готовя приборы.

Сер. Сер. *(Достаетъ изъ чемодана колоду картъ и, въ ожиданіи обѣда, гадаетъ).* Вотъ онъ крестовый-то валетъ! вотъ—на, видишь, Θеклуша, ему дорога.

Θек. Сер. Куда, папаша?

Сер. Сер *(Съ хитрой улыбкой)*, ужъ этого по картамъ не узнаешь, дочька! а должна быть дальная: видишь — шестерка пиковая. Да и дорога-то еще не одному, а съ бубновой дамой...

Θек. Сер. *(Разсѣянно)*, ужъ будто и съ бубновой дамой?

Сер. Сер. А что-жъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ съ бубновой дамой, мудренаго нѣтъ. А ты ужь и обрадовалась! ты думаешь бубновая-то дама только ты одна!

Θек. Сер. Нѣтъ, я такъ спросила, не подумавши.

Служ. *(Приноситъ супъ)*, готово, сударь!

Сер. Сер. Ай да молодецъ! — живо! *(садится съ дочерью за столъ, и разливаетъ супъ)* А что, любезный, что у васъ здѣсь новинькаго въ Клину.

Слуга. Да почитай, сударь, то есть, ничего нѣтъ, а вотъ только-что машина начала ходить по чугункѣ. —

Θек. Сер. *(Съ живостію).* Будто начала? Ахъ, папаша, какъ бы посмотрѣть на нее? Вотъ бы

намъ поѣхать по желѣзной дорогѣ! — а далеко ли ходитъ машина, голубчикъ?

Служ. До Вышняго-Волочка-штоли, сударыня, а что навѣрно не можемъ знать. — А знатно катаетъ!

Сер. Сер. Нѣтъ ужъ, Ѳеклуша, меня на эту штуку не поддѣнешь! ни за какія коврижки не поѣду я по желѣзной дорогѣ! помилуй, изъ чего? что мнѣ жизнь что ли надоѣла? да куда торопиться-то?

Служ. Да вы когда-нибудь изволили, сударь, видѣть чугунку и машину?

Сер. Сер. Нѣтъ, любезный, никогда не видывалъ ни чугунки, ни машины; да, признаться-сказать, и видѣть-то не хочу.

Служ. А диковинно, сударь! позвольте доложить: въ ней вѣдь ничего эдакого, чтобъ опаснаго, нѣтъ. Просто, примѣромъ сказать, чугунка; по ней машина и идетъ; пыхтитъ инда, знать не хочется ей тянуть-то чтоли! словно сидитъ въ ней кто-нибудь. Засвиститъ таково громко, да и пустится, а за ней все кареты, да повозки — да большія такія, просто, сударь, и смотрѣть-то, такъ волосъ дыбомъ. А впрочемъ, сударь, эдакого чего-нибудь, чтобы страшнаго, ничего нѣтъ!

Сер Сер Вы тамъ себѣ толкуйте, что хотите, а я на этой жаровнѣ съ самоваромъ не поѣду: тише ѣдешь, дальше будешь, а поспѣшишь, такъ людей насмѣшишь. —

Ѳек. Сер. Вы всегда боитесь всего новаго. А мнѣ бы страхъ-какъ хотѣлось хоть взглянуть на желѣзную дорогу. — Далеко она отсюда?

Служ. Нельзя сказать, чтобы очень далеко, сударыня, съ версту — больше не будетъ

Ѳек. Сер. Пойдемте, папенька, душенька!

Сер. Сер. Нѣтъ, голубушка, мнѣ теперь недосугъ. Благо мы отобѣдали, такъ я схожу въ лавки; надо закупить кое-что на дорогу; мы, все съ тобой прiѣли, что взято было изъ деревни, а въ Москвѣ некогда было: мы вѣдь тамъ только повернулись.

Ѳек. Сер. Какъ повернулись только? вѣдь мы въ Москвѣ двое сутокъ пробыли; не ужели здѣсь намѣрены вы пробыть болѣе этого? — да вѣдь это просто придетъ въ отчаянiе! когда же мы доѣдемъ до Петербурга?

Сер. Сер. Доѣдемъ, доѣдемъ, таранта ты эдакая! (*въ это время служитель собираетъ со стола*). Дай-ка мнѣ, братецъ, вонъ, зонтикъ мой, да шапку. Прощай, Ѳекла! я живо вернусь.

Ѳек. Сер (*Цѣлуетъ руку*) прощайте, папаша! смотрите-же: вотъ вы не хотите взять меня съ собой посмотрѣть на желѣзную дорогу, а я по ней одна уѣду!

Сер. Сер. Поѣзжай, поѣзжай, голубушка! а я ужь съ тобой не ѣздокъ, въ Моздокъ.

ЯВЛЕНIЕ IV.

Ѳекла Сергѣевна и служитель.

Ѳек. Сер. Скажи, голубчикъ, кто это тутъ рядомъ съ нами (*указываетъ на затворенную дверь*).

Служ. Не можемъ знать, сударыня. Какой-то пріѣзжій, должно быть чиновникъ.

Ѳек. Сер. Ужь онъ давно здѣсь?

Служ. Другой день, сударыня.

Ѳек. Сер. Нельзя ли узнать кто онъ таковъ? а? — спроси пожалуйста у кого-нибудь.

Служ. Не знаю у кого спросить-то: они одни пріѣхали, безъ человѣка. Развѣ у смотрителя?

Ѳек. Сер. Узнай, узнай пожалуйста. *(служитель уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Ѳекла Сергѣевна, одна.

Какое мученіе тащиться такъ, какъ мы ѣдемъ! восемь дней ѣхали мы четыреста верстъ изъ деревни до Москвы; тамъ просидѣла я въ заперти двое сутокъ. Сюда доѣхали довольно скоро: почти въ сутки, а вотъ опять сидимъ! и за чѣмъ? тоска, тоска не выносимая! ахъ Флегонтъ Сидоровичь! ежели бы ты зналъ, какъ страдаетъ твоя Ѳекла! ты счастливъ въ Петербургѣ, можетъ быть, и не думаешь объ ней... а она, бѣдная! кто напомнитъ тебѣ о Сапожковской барышнѣ? развѣ когда-нибудь, вспоминая былое съ Николаемъ Евстигнѣевичемъ, дойдетъ рѣчь и до тѣхъ дней, которые провели вы въ нашемъ краю.... Незабвенные дни! лучшіе дни моей жизни! и зачѣмъ такъ скоро кончился отпускъ вашъ? зачѣмъ отпускаютъ васъ только на 28 дней, а не на 28 недѣль, на 28 мѣсяцовъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Θекла Сергѣевна и служитель.

Служ. Чиновникъ Прокудинъ, сударыня.

Θек. Сер. *(Быстро, взволнованная).* Флегонтъ Сидоровичь?

Служ. Ужь этого не можемъ знать.

Θек. Сер. Какъ сказалъ ты, Прокудинъ?

Служ. Точно такъ, сударыня.

Θек. Сер. Ну, благодарствуй... ступай!... *(Служитель уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Θекла Сергѣевна, одна.

Θек. Сер. Ахъ Боже мой, что мнѣ дѣлать? какъ дать знать ему, что я здѣсь? *(подходитъ къ двери и смотритъ въ ключевую скважину).* Онъ, онъ — право онъ! *(смотритъ опять)* я узнаю походку его — и талію — и все — это онъ *(отходитъ отъ двери).* Какое мученіе! быть такъ близко и не видѣться! онъ, можетъ быть, уѣдетъ, не узнавъ, что Θеколка его была такъ близко *(опять подходитъ къ двери, нагибается къ скважинѣ, держась за ручку двери, которая вдругъ отворяется настежъ),* ай! *(Останавливается въ смущеніи).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Θекла Сергѣевна и Флегонтъ Сидоровичь.

Флег. Сид *(Вбѣгая въ растворенную дверь, бросается къ Θеклѣ Сергѣевнѣ и съ восторгомъ цалуетъ руку ея),* Θекла Сергѣевна! какое счастіе! какимъ образомъ?...

Ѳек. Сер. *(Смущенная).* Я... нечаянно... я думала... я смотрѣла...

Флег. Сид. Какъ счастливъ я, что дверь измѣнила вамъ! скажите, какъ попали вы въ Клинъ?

Ѳек. Сер. Мы ѣдемъ въ Петербургъ, но вы знаете, что папаша мой не тороплнвъ: вотъ ужь мы около двухъ недѣль въ дорогѣ; изъ Ѳомкина, изъ Сапожковскаго уѣзда, только сего дня попали сюда.

Флег. Сид. Гдѣ же Сергѣй Сергѣевичь?

Ѳек. Сер. Онъ пошелъ за покупками и вѣрно долго еще не возвратится; вы успѣете разсказать мнѣ, гдѣ вы были, что дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали отъ насъ? Гдѣ Николай Евстигнѣевичъ? отъ чего онъ не здѣсь? вѣдь вы съ нимъ не разлучны. Отчего вы не въ Петербургѣ?

Флег. Сид. Николай Евстигнѣевичъ въ Вышнемъ Волочкѣ. Какъ много утекло воды, съ тѣхъ поръ, какъ я блаженствовалъ у васъ! но время не изгладило изъ памяти моей слѣдовъ Сапожка! Сказать-ли вамъ? съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ я васъ, живу я только воспоминаніями—*(воспламеняясь)*: всегда, вездѣ думаю объ васъ, дышу вами, живу вами... о, простите!... прости, *(бросается на колѣни)*, прости, Ѳекла!.. *(вскакиваетъ, самъ испуганный этимъ именемъ).*

Ѳек. Сер. Что вы это, что вы, Флегонтъ Сидоровичь! нѣтъ, я не на то рождена, чтобы тотъ, кѣмъ наполнены умъ и сердце мое, полюбилъ меня; нѣтъ, я рождена подъ несчастной планя-

дой! съ минуты рожденія моего начались мученія мои — и на всю жизнь! вспомните: меня назвали Ѳеклой! что можетъ быть ужаснѣе!

Флег. Сид. О, ангелъ души моей! ежели бы вы были Агафья, еслибъ вы были Саломанида, и тогда чувства мои остались бы неизмѣнны. Увы! вѣдь я и самъ Сидоровичь—но на то была воля дѣда моего, дать это имя отцу моему, и я съ благоговѣніемъ чту память старика и не смѣю роптать на него!

Ѳек. Сер. Вы великодушны, Флегонтъ Сидоровичъ, вы мущина съ характеромъ твердымъ, а я женщина, я слабое существо...

Флег. Сид. Вы, вы лучшее украшеніе прекраснаго *пола!* для меня только и свѣта въ *окнѣ* что вы! о, благодѣтельная *дверь,* которая растворилась такъ кстати, чтобъ соединить насъ! зачѣмъ *стѣны* мѣшаютъ всему міру видѣть счастіе наше? *(въ восторгѣ):*

Ѳекла!... Ѳекла ты — для свѣта;
Для меня ты — милый другъ!

Ѳекла *(отчаянно).*

Ахъ! я — Ѳекла!... имя это
Мнѣ источникъ слезъ и мукъ!
И *подъ Ѳеклой*, какъ подъ ношей
Не подъ силу, истомлюсь!...
О! за чѣмъ я звать Флегошей
Васъ, Флегонтій, не рѣшусь?...

Флег. Отъ чего-жь? — вмѣсто имѣнья
Часто имя лишь берутъ —

Почему-жь мѣстоименья:
«Ты» — тебѣ не вставить тутъ?

Фекла. Пусть—въ мечтахъ.... но, ахъ, на дѣлѣ
Васъ Флегошей называть —
Я не смѣю!

Флег. Разъ ужь смѣли —
Такъ извольте продолжать.

Ѳек. Сер. Да скажите, какъ попали вы сюда?

Флег. Сид. Опять: *вы?* ты забыла условіе?

Ѳек. Сер. Да! скажи, Флегоша, какимъ образомъ попалъ ты въ Клинъ?

Флег. Сид. Я посланъ въ Вышній-Волочокъ по дѣламъ службы, и теперь еще не кончилъ возложеннаго на меня порученія. Третьяго дня вышло мнѣ свободное время; я предвидѣлъ, что еще два, три дня будутъ свободныхъ — мнѣ вздумалось воспользоваться ими и прокатиться по желѣзной дорогѣ.

Ѳек. Сер. Ахъ, Флегоша, какъ ты счастливъ! а мнѣ папаша не позволяетъ и взглянуть на нее.

Флег. Сид. Отдайся мнѣ, пойдемъ со мною; я не только покажу тебѣ желѣзную дорогу, но еще прокачу по ней—версты двѣ, три, не болѣе, и Сергѣй Сергѣевичь не успѣетъ еще возвратиться, какъ мы уже будемъ здѣсь. Не бойся ничего: ни тебя, ни меня никто здѣсь не знаетъ, и насъ примутъ за брата съ сестрой.

Ѳек. Сер. Страшно, Флегоша!

Флег. Сид. И! ничего! амуръ прикроетъ насъ крылушками своими и не отстанетъ отъ парово-

за. *(Беретъ ее за руку и ведетъ въ свою комнату: она успѣваетъ только взять шляпку. Въ это время, какъ Ѳекла Сергѣевна затворяетъ за собой дверь, входитъ Терешка).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Терешка, съ кулькомъ за плечами: въ полосатой, тиковой курткѣ, въ такихъ же панталонахъ и подпоясанъ кушакомъ по курткѣ; на головѣ картузъ.

Вишь сколько накупили! — Э! барыня! — куда это она? знать въ свою комнату. Вотъ что правда-то, то правда: ученье свѣтъ, а не ученье тьма! что я былъ въ Ѳомкинѣ? дуракъ, просто дуракъ и больше ничего! а теперь, какъ поѣздилъ по бѣлу свѣту, посмотрѣлъ все своими глазами — такъ ужь не то. Вотъ говорятъ: свѣтъ не клиномъ сошелся — слушаешь бывало, и думаешь себѣ: можетъ такъ, а можетъ и не такъ. Теперь навѣрно знаю, что такъ: ужь что своими глазами видѣлъ, такъ... Нарочно ходилъ за заставу; сѣмъ, молъ, взгляну своими глазами: вѣдь это Клинъ? сошелся-ли за нимъ свѣтъ? — нѣтъ, далеко, далеко все тоже видно. Еще тамъ, кажется, какъ будто маленько шире становится. —

ЯВЛЕНІЕ X.

Сергѣй Сергѣевичь и Терешка.

Сер. Сер. *(Входитъ обремененный покупкою):* Ну бери, бери, Терешка! насилу донесъ. — Ѳеклуша, а Ѳеклуша! гдѣ ты? гдѣ барышня, Терешка?

Тер. Пошла въ свою компату.

Сер. Сер. Въ какую свою комнату? мы только одну и заняли.

Тер. Да вонъ въ энту.

Сер. Сер. Въ эту? да это чья? кто тамъ живетъ? поди узнай. Да ты не врешь ли? навѣрное ли она пошла туда?

Тер. Помилуйте, сударь — самъ видѣлъ; а ужь что я своими глазами видѣлъ, такъ то вѣрно.

Сер. Сер. Ступай же, живо — узнай, чья это комната!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сергѣй Сергѣевичъ одинъ.

Странно!. . кто бы могъ быть тутъ?... не пустая же эта комната: ежели бы она была пустая, такъ не зачѣмъ запирать ее. Пустое! спрошу Ѳёклушку — ей не изъ чего запираться! — теперь, кажется, все закуплено... маленько отдохнуть, да и въ дорогу. Ужь коли здѣсь мы не живо повернулись, такъ я ужь и не знаю....

У меня чтобъ живо!
Какъ огнемъ гори!
Хоть и хлопотливо...
Ужь не говори!

Ѣхать-ли рѣшиться,
Хоть и въ дальній путь —
Живо уложиться...
Послѣ — отдохнуть.

(Усаживается въ кресло).

Пустишься-ль въ дорогу —
Ну ужь не зѣвай!
Ѣдемъ, слава Богу,
Мы въ далекій край!

Скачимъ, какъ по бѣгу,
Цѣлый Божій день....
Диво-ль, что къ ночлегу
Одолѣетъ лѣнь?...

(Начинаетъ дремать).

Здѣсь поѣли живо,
«*Да не въ этомъ суть!*»
Мы вѣдь еле-живы....
Надо-жь и вздохнуть!

(Засыпаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сергѣй Сергѣевичь и Терешка входитъ медленно.

Сер. Сер. *(съ просонья)*: что?

Тер. Ничего-съ.

Сер. Сер. Ну что, узналъ, кто живетъ въ этой комнатѣ?

Тер. Какже, узналъ-съ. Вѣдь вы приказали узнать, такъ какъ же не узнать?

Сер. Сер. Ну кто-же.

Тер. Вы, сударь.

Сер. Сер. Какъ я? что ты врешь, кто тебѣ сказалъ, что я?

Тер. Служитель здѣшній — ему какъ-же не знать! онъ чай видѣлъ своими глазами, а что ужь видѣлъ своими глазами, такъ...

Сер. Сер. Дуракъ! — кому лучше знать: мнѣ или ему? я и не думалъ занимать этой комнаты.

Тер. Ужь это воля ваша господская, а ему какъ же не знать, вѣдь онъ къ этому приставленъ. Я спрашиваю: слушай, землякъ! въ этой комнатѣ кто? да и показываю на эту комнату, а онъ говоритъ, проѣзжій, а вѣдь проѣзжій-то вы. —

Сер. Сер. *(Махнувъ рукой Терешкѣ, подходитъ къ двери, которая свободно отворяется и онъ входитъ въ нее).*

Тер. Ну не вѣрите, баринъ, такъ посмотрите сами! а что своими глазами видишь—такъ ужь.... *(Уходитъ). Перемѣна декораціи: сельская мѣстность, вдали желѣзная дорога, а по ней идетъ поѣздъ справа на лѣво. Занавѣсъ опускается.*

КАРТИНА II.

Г. Вышній-Волочокъ.

Комната въ гостинницѣ, дверь посрединѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Сергѣевичь сидитъ за столомъ и раскладываетъ карты, передъ нимъ Терешка.

Тер. Я и спрашиваю: да ты видѣлъ-ли своими глазами? а онъ говоритъ: еще бы не видать! да мой баринъ-то, Николай Евстигнѣевичь, сами у нихъ были.

Сер. Сер. Вона, вона... крестовый-то валетъ, да жлудовая дама все вмѣстѣ ложатся. То все

выходила дорога, а теперь марьяжъ! — вонъ оно какъ! а ужь карты не обманутъ, нѣтъ, — нечего дѣлать! — и откуда взялся этотъ... чтобъ ему! ужь коли мы съ тобой, Терешка, не живо собрались и не прискакали сюда, въ Вышній-Волочекъ, на курьерскихъ, такъ я ужь и не знаю, а Ѳеклушка съ валетомъ своимъ, говорятъ, ужь дня три, какъ уѣхала опять въ Клинъ. На бѣду мнѣ выдумали эту чугунку! и что ей вздумалось это кататься—шутка: двѣсти верстъ! да еще съ молодымъ человѣкомъ! говорятъ, въ вагонѣ ничего неопасно; ну ужь я не знаю, опасно тамъ, или нѣтъ, а все дѣло не ловко! — Да ты Николая-то Евстигнѣевича видѣлъ самъ, или нѣтъ?

Тер. Самого не видалъ, а Гаврюшку его видѣлъ. Потолстѣлъ, сударь! очень потолстѣлъ.

Сер. Сер. Что мнѣ до Гаврюшки, мнѣ бы хотѣлось повидаться съ Николаемъ Евстигнѣевичемъ.

Тер. *(Отворяетъ дверь)*, Да вотъ они никакъ и сами идутъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сергѣй Сергѣевичъ и Николай Евстигнѣевичъ

Сер. Сер. *(Идетъ навстрѣчу)*. Николай Евстигнѣевичъ! какъ я радъ! *(обнимаются)* вотъ гдѣ пришлось намъ встрѣтиться!...

Ник. Евс. Я какъ узналъ, Сергѣй Сергѣевичъ, что вы здѣсь, не преминулъ тотчасъ-же явиться

къ вамъ, обнять Сапожковскаго благодѣтеля моего, поблагодарить за милостивое вниманіе и за ласки молодому человѣку на чужой сторонѣ.

Сер. Сер. Полноте, полноте! стоитъ ли говорить объ этомъ, мы васъ всѣ такъ полюбили, что считали за своего, за семьянина. Я даже, признаться, думалъ, что Феша Сергѣевна моя влюблена въ васъ по уши; помните, въ Сапожкѣ-то, на балѣ?—а она вмѣсто того... Да что, правда ли, что вы видѣли ее здѣсь?

Ник. Евс. Видѣлъ, видѣлъ, Сергѣй Сергѣевичь, и отъ души порадовался ея счастію.

Сер. Сер. Какому счастію? велико счастіе прокатиться по желѣзной дорогѣ! да я за это счастіе-то гроша не дамъ, орѣха выѣденаго не дамъ! и какъ не стыдно это пріятелю вашему... я вотъ, слава Богу, вѣкъ доживаю и не летаю, сломя голову, а покуда нигдѣ и никуда не опаздывалъ.

Ник. Евс. Такъ вѣдь вы рѣшаетесь-же ѣхать сегодня по желѣзной дорогѣ?

Сер. Сер. Я? я? да съ чего вы это взяли? ни за что въ свѣтѣ!... что я съ ума сойду—что-ли?

Ник. Евс. Ну такъ мнѣ очень жаль васъ, почтеннѣйшій Сергѣй Сергѣевичь, а вы въ первый разъ опоздаете! мнѣ говорила и Ѳекла Сергѣевна и Флегонтъ Сидоровичъ тоже, что сегодня вечеромъ ихъ будутъ вѣнчать въ Клину. Они васъ подождутъ, подождутъ, а коли вы не подъѣдете, такъ Флегонту Сидоровичу мѣшкать нельзя; ему

надобно опять въ Вышній-Волочекъ — его служба требуетъ.

Сер. Сер. Что вы! Николай Евстигнѣевичь! что вы это! да вы полно... Терешка! Терешка!

ЯВЛЕНІЕ III.

Сергѣй Сергѣевичь, Николай Евстигнѣевичь и Терешка.

Тер. *(входитъ)*, чего изволите?

Сер. Сер. Терешка! живо... слышишь ты? сего дня барышня задумала вѣнчаться въ Клину .. живо, Терешка... спроси мнѣ пообѣдать, я маленько поотдохну, да и лошадей ..

Тер. Чудеса въ рѣшетѣ! *(выходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сергѣй Сѣргѣевичь и Николай Евстигнѣевичь.

Ник. Евс. Помилуйте, Сергѣй Сергѣевичь, да если вы и со вторымъ поѣздомъ поѣдете, такъ навѣрно опоздаете.

Сер. Сер. Что мнѣ до поѣздовъ вашихъ! я хочу ѣхать, по-христіански, какъ всѣ добрые люди съ поконъ вѣка ѣзжали, на лошадяхъ! не поѣду я на самоварѣ, словно вѣдьма на шабашъ.

Ник. Евс. Положимъ, что вы не будете сего дня на свадьбѣ — какъ ни горько это будетъ молодымъ, да дѣлать нечего! а вотъ что еще можетъ случиться: они, напрасно прождавши васъ, рѣшатся, можетъ быть, ѣхать сюда, и вѣрно по желѣзной дорогѣ — вы разъѣдетесь съ ними, и тогда какъ быть! а еще хуже, если Флегонтъ

Сидоровичь въ ожиданіи васъ потеряетъ по службѣ; ему велятъ возвратиться въ Петербургъ, отдадутъ подъ судъ, отставятъ, и тогда, что будетъ съ молодой женой его, съ Ѳеклой Сергѣевной?

Сер. Сер. Какъ съ женой?... ужь и съ женой... такъ скоро .. по желѣзной дорогѣ... точно... точно... да что же мнѣ дѣлать?

Ник. Евс. Рѣшиться ѣхать по желѣзной дорогѣ.

Сер. Сер. Мнѣ, по желѣзной дорогѣ — да вѣдь этого нельзя — это не можетъ быть! — я не трусъ, Николай Евстигнѣевичь, право не трусъ, вовсе не трусъ — да вѣдь я боюсь! вы понимаете это чувство? я боюсь! — ну какъ обозъ на встрѣчу, или стадо, или что-нибудь — вѣдь ужь свернуть съ дороги нѣтъ возможности! или вода вся выкипитъ — распаяется... да мало ли что можетъ случиться! вѣдь это не то, что въ экипажѣ, на лошадяхъ — вѣдь это безъ кучера, безъ возжей! ну вы вообразите только ѣхать безъ кучера и нѣкому править и нечѣмъ — нѣтъ, Николай Евстигнѣевичь, не могу, не могу и не могу.

Ник Евс. Угодно вамъ, Сергѣй Сергѣевичь, — я поѣду съ вами.

Сер. Сер. Что вы со мной дѣлаете! *(Ходитъ въ раздумьи)* Я право боюсь... ну а коли... *(махнувъ рукой)*, Терешка! Терешка!

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Сергѣевичь, Николай Евстигнѣевичь и Терешка, входитъ.

Сер. Сер. Терешка! я ѣду по желѣзной дорогѣ!

Тер. Ну баринъ! ужь воля ваша господская, а пока я не увижу своими глазами, воля ваша, не повѣрю. Неймется мнѣ вѣры.

Сер. Сер. Ѣду, Терешка, ѣду! прикажи подать намъ пообѣдать, не много отдохнувши, да и на чугунку!

Ник. Евс. Позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ отложить обѣдъ до Клина, а то мы опоздаемъ; вѣдь поѣздъ не ждетъ.

Сер. Сер. Какъ до Клина! что вы, Николай Евстигнѣевичь, вѣдь это двѣсти верстъ, — трое сутокъ!

Ник. Евс. По желѣзной-то дорогѣ? четыре, много пять часовъ!

Сер. Сер. *(почти въ отчаяніи)*. Боже мой, Боже мой! я и забываю, что мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ — такъ ужь, нечего дѣлать, до Клина, Терешка, поди сбирайся — да живо!

Тер. Неужто въ самомъ дѣлѣ? — а мнѣ прикажете, сударь, пѣшкомъ?

Сер. Сер. Нѣтъ, и ты съ нами... пойдемте, Николай Евстигнѣевичь (*Уходятъ*). *Перемѣна декораціи: таже сельская мѣстность и желѣзная дорога.*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Флегонтъ Сидоровичь входитъ цалуя руку Ѳеклы Сергѣевны.

Флег. Сид. Фани, другъ мой! какъ я счастливъ! ты моя, моя — и на вѣки!

Ѳек. Сер. Да, мы счастливы, Флегоша; но одна мысль смущаетъ меня, что папаша не благосло-

вилъ меня; но онъ добръ, онъ любитъ меня — и тебя любитъ — я знаю это; мы бросимся къ нему на шею, упадемъ къ его ногамъ и онъ проститъ насъ, онъ проститъ дѣтямъ своимъ, вѣдь и ты теперь будешь называть его папашей?

Флег. Сид. Да, Фани, и я назову его добрымъ батюшкой.

Ѳек. Сер. Отчего же не папаша?

Флег. Сид. Такъ, другъ мой, батюшка какъ-то лучше, чѣмъ папаша. Оно конечно ничего, а признайся, вѣдь тебѣ пріятнѣе, что я придумалъ называть тебя Фани, вмѣсто. . это любовь вложила мнѣ эту мысль...

Ѳек. Сер. Да, да! ты умѣлъ освѣтить всю жизнь мою новымъ свѣтомъ, и еслибъ не папаша...

(*Видѣнъ поѣздъ, который идетъ слѣва на право; изъ одного вагона машетъ кто-то платкомъ*).

Смотри, смотри! вонъ идетъ машина, видишь, условный знакъ: Николай Евстигнѣевичь машетъ платкомъ, стало быть онъ уговорилъ папашу ѣхать по желѣзной дорогѣ, а мы не дождались его! знаешь ли, другъ мой, что это еще болѣе огорчаетъ меня!...

Флег. Сид. А ежели онъ рѣшился ѣхать только для того, чтобы успѣть помѣшать свадьбѣ нашей? ежели бы онъ не согласился на наше счастіе, тогда, что было бы съ нами? — теперь все кончено: его гнѣвъ пройдетъ скоро и онъ согласится на то, чего нельзя уже перемѣнить.

Ѳек. Сер. Въ тебѣ одномъ утѣшеніе мое.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Флегонтъ Сидоровичь, Өекла Сергѣевна и Николай Евстигнѣевичь, вбѣгая

Ник. Евс. Ну что, кончено?

Флег. Сид. и Өек. Сер. (*вмѣстѣ*), Да, мы счастливы!

Өек. Сер. А что папаша?

Ник. Евс. Поздравляю васъ отъ души! — а Сергѣй Сергѣевичь опоздалъ! ну, что дѣлать! но успокойтесь, Өекла Сергѣевна, батюшкѣ вашему такъ понравилась быстрота, съ которой пронеслись мы двѣсти верстъ, что онъ совсѣмъ переродился и, кажется, не очень сердитъ на васъ за торопливость. Онъ сознаетъ преимущество быстраго сообщенія и чтобы проститься со старымъ образомъ мыслей своихъ, пошелъ поскорѣе пообѣдать, отдохнуть нѣсколько и явится, сюда— вы не успѣете предупредить его.—Вашъ папаша

Съ желѣзной дорогой
Мириться готовъ!
Большая уступка
Прошедшихъ вѣковъ!
Нашъ вѣкъ торопливый
Нельзя обвинять:
Родились мы поздно —
Пришлось догонять!

Өекла Сер. Желѣзной дороги
Мнѣ вѣкъ не забыть:
Она помогла мнѣ
Флегошу добыть.

Одно лишь тревожитъ
Сердечный покой,
Что не былъ мой милый
Папаша со мной.

Оба Въ мечтахъ, въ разговорахъ
Мы мчались — и вотъ
Мы дружно примчались
Сюда безъ хлопотъ.
А — можетъ — иные
Скучаютъ.... молчатъ —
И вдаль по дорогѣ
Сквозь сонъ ужь глядятъ?

Занавѣсъ опускается.—Оркестръ начинаетъ играть галопъ: «Желѣзная дорога». Во время интродукціи опять занавѣсъ поднимается и входитъ Сергѣй Сергѣевичъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сергѣй Сергѣевичъ [одинъ].

Живо по чугункѣ я сюда летѣлъ,
А на сватьбу къ дочкѣ все же не поспѣлъ!
Стыдно мнѣ признаться — но за чѣмъ и лгать —
Эдакъ по чугункѣ весело летать!
Все бы превосходно — да одно бѣда:
(По желѣзной дорогѣ идетъ паровозъ со свистомъ):
Свистъ!... О, пощадите! тише, господа!

УСЛАЖДЕНІЕ.

Какъ сладко, слезы проливая,
Душою къ Господу парить!
Его за все благодарить,
И жизнь, и *всѣхъ* Ему вручая,
Молиться, вѣрить и любить!

Н. Арсеньева.

ЛЮБОВЬ 15-ти ЛѢТНЕЙ ДѢВУШКИ.

РАЗСКАЗЪ (*).

И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой.
А. Пушкинъ (Ев. Онѣгинъ).

Не всегда, говорила Арбатова, я была такая старушка, какъ теперь. Было время, вотъ видишь ли, и мои глаза сверкали, и мои щеки были румяны, мои губы красны и жарки. — И я, вотъ видишь ли, имѣла легкую поступь, тонкую, гибкую талію; и мои волосы были густы, темны и длинны; и про мою руку говорили: «какая бѣленькая, пухленькая ручка!» — Теперь, Катя, потухъ огонь и въ глазахъ моихъ и на щекахъ моихъ, и холодно цѣлуютъ мои губы — Лишь сердце осталось теплымъ, по прежнему: оно, глупое, вѣрно, застынетъ тогда лишь, когда я сама остыну. — Не бѣда! состарѣться всѣмъ нужно, моя милочка! вѣдь мы, вотъ видишь ли, для того и родимся, чтобъ умереть — рано ли, поздно ли — а Богъ знаетъ, кто счастливѣй: тотъ ли, кто рано умираетъ, тотъ ли, кто поздно! все отъ жизни зависитъ. — Мнѣ было 15 лѣтъ. Какъ мнѣ это теперь странно и мило подумать: и мнѣ было 15 лѣтъ. А славные годы!

(*) Этотъ разсказъ — эпизодъ изъ романа, также мило, благородно и чисто по Русски написаннаго, какъ и напечатанный здѣсь изъ него отрывокъ. *Издатель.*

все такъ чисто, такъ свѣтло, такъ розово-ясно! сколько надеждъ! вѣры! упованій!... а чѣмъ кончаются всѣ эти посулы жизни? посмотри на мыльный пузырекъ: какъ онъ хорошъ! какъ одна краска смѣняется другою — одна другой лучше! всѣ переливы радуги въ чудномъ смѣшеніи!... но вотъ лопнулъ пузырекъ... однакожь, какъ бы то ни было, а Гёте правъ. Читала ты его Мейстера? впечатлѣнія юности, говоритъ онъ тамъ, никогда совершенно не изглаживаются, всегда остаются милыми и дорогими нашему сердцу —

«Bien fol qui se fie en sa belle jeunesse!»

Сказалъ Ронсаръ. Быть можетъ, онъ и правъ; но что же дѣлать? мы вѣримъ.

И такъ, милочка, мнѣ было 15 лѣтъ. Тогда родители мои были еще живы. Я, вотъ видишь ли, была у нихъ единственною дочерью. Меня баловали. А что у меня былъ за отецъ, милочка! помню его, какъ теперь. Помню: я никогда его не видала ни грустнымъ, ни сердитымъ. Онъ былъ постоянно и ровно веселъ. Онъ однакожъ никогда, ни при какомъ случаѣ, не изъявлялъ особенной радости. Но веселость его, тихая, спокойная, веселость сердца проглядывала въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ. И нельзя было не любить отца моего. Онъ на первый взглядъ казался холоднымъ, даже черезъ чуръ благоразумнымъ; но подъ этою холодностію скрывалась такая теплая душа, такъ много ума, почерпнутаго изъ опытовъ жизни, что его стоило

только узнать покороче, чтобы полюбить. Но возвратимся къ нашей исторіи. Было гулянье на Елагиномъ. У отца была коляска, новая, чудная, только-что купленная у Іохима. Онъ хотѣлъ, вотъ видишь ли, обновить ее. Мы поѣхали на Елагинъ.—Какъ все меня радовало! каждый цвѣтокъ, каждое деревцо, каждый листочикъ на деревѣ меня занималъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть неба лучше неба надъ Елагинымъ! мнѣ казалось, что всѣ люди были такіе добрые, милые! я, вотъ, видишь ли, была готова сказать имъ, что я ихъ люблю, готова была обнять ихъ всѣхъ,—всѣхъ,—мнѣ было 15 лѣтъ, я была въ новой колясκѣ, была на гуляньѣ. Мы подъѣхали, знаешь, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ гауптвахта и гдѣ всегда играетъ музыка, когда тамъ Царская Фамилія. Вдругъ, не знаю почему, весь рядъ экипажей остановился. Я была очень этому рада. Мнѣ хотѣлось хорошенько осмотрѣться; а пока мы ѣхали, этого никакъ не льзя было сдѣлать; лишь начнешь смотрѣть, а коляска ужь и проѣхала мимо.—Вотъ я смотрю. Людей то! людей то! и всѣ такіе, казалось мнѣ, веселые! все, вотъ видишь ли, моя милочка, зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на вещи: кто весело смотритъ, тому все весело.—Вдругъ я оглянулась: отъ коляски нашей шагахъ въ 10 стоитъ кто-то, наклонивъ голову и чертитъ по песку палочкой. Помню, какъ теперь: онъ былъ блѣдноватъ лицемъ, на немъ былъ черный сюртукъ, и черный атласный

жилетъ, застегнутый доверху, а длинные концы его чернаго галстуха едва, едва колебалъ вѣтеръ. Одной руки не было видно. Она была заложена за спину. Въ другой, одѣтой въ палевую перчатку, онъ держалъ тросточку и чертилъ... чертилъ... не знаю, почему мнѣ стало вдругъ жаль его; мнѣ вдругъ захотѣлось, чтобъ онъ пересталъ чертить, чтобъ онъ взглянулъ, чтобъ онъ улыбнулся мнѣ... mais pas si bête, онъ себѣ и не думалъ, а стоитъ себѣ, какъ будто бы тутъ, кромѣ его, никого и не было. Ты себѣ представить не можешь, милочка, какъ меня это бѣсило, а по какому праву? — ça me rongeait comme un ver, я готова была заплакать, зарыдать... но кто-то толкнулъ его, проходя мимо; онъ долженъ былъ сдѣлать шагъ впередъ, онъ поднялъ голову; онъ осмотрѣлся, такъ медленно, такъ неохотно, и вдругъ глаза его остановились на мнѣ. Я чувствовала, какъ я краснѣла; глаза мои потупились; рука моя невольно прижалась къ сердцу: такъ сильно оно вдругъ застучало... мы поѣхали далѣе. Я робко, робко приподняла глаза мои: онъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и опять тросточкой чертилъ на пескѣ.. Потомъ я его уже не видѣла. Я смотрѣла, искала его глазами: пропалъ! и мнѣ стало скучно. Я стала проситься домой. Мнѣ казалось, что всѣмъ домой хотѣлось; что всѣмъ соскучилось, какъ и мнѣ. Онъ безпрестанно мнѣ мерещился. Его блѣдное лице, его черный сюртукъ, и кончики галстуха, коле-

блемые вѣтромъ, все это, вотъ видишь ли, мелькало передъ моими глазами, и я все думала и не могла придумать: что это онъ чертилъ по песку тросточкой? мы пріѣхали домой. Я стала разсказывать, смѣяться, — я смѣялась, какъ дурочка Папа говорилъ: «какая Соничка веселенькая сегодня: какая говорунья; откуда у ней что берется.» А мое сердце такъ и жалось. Мнѣ такъ хотѣлось быть одной, молчать, плакать и думать объ немъ... На другой день маменька испугалась моей блѣдности, увѣряла, что я больна, и хотѣла непремѣнно послать за докторомъ. Я со слезами умоляла ее не посылать. Я думала: докторъ все узнаетъ, хотя изъ этого всего ничего сама не понимала.

Мой сонъ пропалъ. Мой аппетитъ пропалъ. За обѣдомъ я ѣла только тогда, когда на меня смотрѣлъ папа или maman. Но какъ душилъ меня каждый кусокъ, который я принуждала себя проглотить. Прошла недѣля. Я становилась покойнѣе. Сонъ мой рѣже прерывался, я начинала находить, что до-обѣденное время, время удивительно длинное. Образъ незнакомца уходилъ изъ памяти моей все дальше и дальше; съ каждымъ днемъ онъ становился все менѣе яснымъ въ душѣ моей. Прежняя жизнь, прежнія занятія опять вступили въ права свои. Наконецъ тетушка, теперь уже давно покойница, пригласила насъ на bal champêtre. Мысль о балѣ истребила и послѣдній слѣдъ воспоминанія объ немъ. Балъ,

моя милочка, признайся, заключаетъ въ себѣ большую прелесть для тебя еще и теперь. Подумай же, чѣмъ былъ балъ для меня, молоденькой 15-лѣтней дѣвушки. О, балъ! это, вотъ, видишь ли, такая музыка, при которой ни одно молодое женское сердце не останется равнодушнымъ. Съ лѣтами все проходитъ, какъ, при первой любви, проходитъ же и охота играть въ куклы!—мы поѣхали. Но мы были не одни. Съ нами была одна моя пріятельница Саша. Ее звали Александрой Ѳедоровной. Эту Сашу, вотъ видишь ли, я любила, какъ душу свою. Безъ нея мнѣ праздникъ былъ не въ праздникъ. Съ нею и самая дурная погода мнѣ казалась погодой прекрасной. И что была за дѣвушка! умная, любезная, услужливая и красавица такая!... помню, какъ я всегда радовалась, когда она мнѣ позволяла разчесывать свои длинные, черные, съ синимъ отливомъ, волосы. Когда иногда, вотъ видишь ли, я заглядывала въ ея черные глаза, мнѣ казалось, что собственные глаза мои тонутъ въ чемъ-то глубоко-прекраснымъ. Ротъ ея, правда, былъ нѣсколько великъ; но за то губы полныя, малиновыя... и верхнюю губу слегка оттѣнялъ пушокъ, и пушкомъ, словно персикъ какой нибудь, было покрыто все ея смуглое личико, какъ лица Италіанскихъ мальчиковъ, лѣтъ осьми. За то кожа ея была точно бархатная. Я очень ее любила, хотя она и частенько поперечитъ мнѣ бывало. Но она умѣла такъ говорить

свое: нѣтъ! что у меня никогда не доставало духу на нее сердиться. Мнѣ всегда казалось, что я виновата, а она права. Она, казалось, иногда, будто и уступаетъ мнѣ; а какъ все кончится и вижу, что я сдѣлала, какъ она хотѣла... я, милочка, ты знаешь, и теперь еще немножко вспыльчива. Но съ молоду, вотъ видишь ли, я была такой живчикъ, такая горячка, что ну поди! а вотъ Саша, напротивъ, ее бывало таки ничѣмъ изъ себя не выведешь. Все себѣ бывало спокойно разсуждаетъ. Я до сихъ поръ, видишь ли, понять не могу такую разсудительность. И признаюсь: мнѣ всегда казалось (разумѣется, есть исключенія), что разсудительность такая пріобрѣтается на счетъ сердца: чѣмъ больше разсудительности, тѣмъ оно суше. Но Богъ съ нимъ. Теперь мы на балъ ѣхали. Вотъ и пріѣхали. Мое сердце такъ и іокнуло. Ужь какъ свѣтлаго праздника ждала я этого бала, а теперь, вотъ видишь ли, съ охотою бы назадъ поѣхала и не посмотрѣла бы ни на что. Такая взяла робость, точно, какъ-будто бы я урока не знала, и въ классы входила, и сердитый учитель ожидалъ меня, чтобъ спросить — входимъ... я осмотрѣлась — все такъ свѣтло, такъ нарядно! я все еще робѣла немножко. Мнѣ такъ и хотѣлось схватить маменьку за платье... но теперь, вотъ видишь ли, я уже ни за что не вернулась бы назадъ. Мое сердце билось. Я думала. . по разныя разности, вотъ видишь ли, такъ перепутали всѣ

мои мысли, что я ничего не помнила; я только чувствовала, хотя и неясно, но за то глубоко чувствовала, что такъ счастлива, такъ.. мы стали танцовать. Съ каждымъ па, которое я дѣлала, моя робость изчезала все болѣе и болѣе; все живѣе, все опредѣлительнѣй, все полнѣй становилось мое удовольствіе.. я, какъ говорится, утопала въ блаженствѣ. Я уже оттанцовала двѣ кадрили и столько же вальсовъ; немножко запыхалась и сѣла подлѣ маменьки отдохнуть. Помню: какъ я всегда охотно возвращалась къ ней и садилась подлѣ нея. Мнѣ было такъ хорошо, такъ покойно подлѣ маменьки. Такою *защитительною* она мнѣ казалась. Тогда я такъ смѣло смотрѣла кругомъ. Ты засмѣешься, можетъ быть; но каждый разъ, когда я вижу, какъ цыплята прячутся подъ крыло насѣдки, у меня на глазахъ невольно навертываются слезы: мнѣ это такъ живо напоминаетъ мою добрую мамашу, мои первые, мои лучшіе годы.. (Арбатова замолчала на минуту, потомъ махнула рукой и продолжала): стали подавать мороженое. Ты знаешь: я еще и теперь люблю мороженое; но тогда я была безъ ума отъ мороженаго. Когда лакей съ подносомъ подошелъ ко мнѣ, я взглянула на матушку, съ такимъ умоляющимъ взоромъ, что ей стало смѣшно: она улыбнулась, приложила руку къ моему лбу, къ моимъ щекамъ и сказала мнѣ, по-французски: — «возми, мой ангельчикъ; только не торопись; ѣшь медленно!» Я взяла ра-

ковину съ мороженымъ, очень скромно потупила глаза свои и стала ѣсть, сперва тихо; но, послѣ первыхъ трехъ ложекъ, я уже забыла приказаніе матушки. Дѣти всегда остаются дѣтьми. Для нихъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, они живутъ только настоящимъ, Но, занимаясь такимъ пріятнымъ образомъ, я и не замѣтила, какъ ко мнѣ подошелъ дядя. Вдругъ онъ сказалъ и такъ для меня нечаянно, что я вздрогнула: Permettez, ma chère Sophie, de vous présenter un jeune homme, qui veut avoir le petit honneur et le grand plaisir de danser avec vous. Я взглянула. И кого-жь я увидѣла? вообрази себѣ, милочка, мое положеніе: онъ, мой незнакомецъ, стоялъ передо мною! до сихъ поръ не могу понять, какъ я усидѣла на мѣстѣ. Я ужасно смутилась, покраснѣла такъ, что мнѣ показалась, будто мое лице горитъ. Я что-то бормотала; но хоть убей меня, не помню что такое. Онъ поклонился мнѣ и пригласилъ меня на первую французскую кадриль. Онъ отошелъ. Мнѣ показалось, что все пошло ходенемъ около меня; но это скоро прошло. Вотъ раздались первые звуки новой Французской кадрили. Онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку. Пары стояли по мѣстамъ. Кадриль началась. Онъ заговорилъ со мною. Каждое слово его, каждый звукъ его голоса впивались въ мое сердце. Ты улыбаешься; тебѣ кажется страннымъ, милочка, что я съ такимъ жаромъ разсказываю. Но старость, вотъ видишь ли, любитъ

разсказывать. Такъ охотно воспоминаетъ о томъ, что было давно. Воспоминая, кажется, что снова переживаешь былое. Все такъ живо, Катя, такъ живо, рисуется въ нашемъ воображеніи. Въ умѣ остались одни лучи, тѣни изгладила память.

Его звали Өедоромъ Алексѣевичемъ. Фамилію умолчу. Дядя представилъ его моимъ родителямъ. Они пригласили его къ себѣ. Я была рада, счастлива; вся моя внутренность смѣялась: иначе не могу, не умѣю выразить то, что я чувствовала. Балъ пролетѣлъ, какъ сонъ. Мы вернулись домой. Саша, разумѣется, осталась у насъ ночевать. — Мы раздѣлись; легли; горничная ушла; лампада передъ образомъ Божіей Матери тускло освѣщала спальню. Мнѣ не спалось. Напрасно я ворочалась съ боку на бокъ. Въ виски мои колотило, какъ молоткомъ. Тайна тѣснила мое сердце. И однако-жь, ни за что на свѣтѣ,—ни Сашѣ, ни матушкѣ я бы не повѣрила этой тайны Наконецъ я собралась съ духомъ и спросила: «Саша, ты спишь?...» «Нѣтъ! а что?...» «Да такъ!—я хотѣла тебя спросить — ты вѣдь вѣрно его замѣтила — Өедоръ-то Алексѣичь—знаешь—онъ тебѣ понравился?» «Өедоръ Алексѣичь?» спросила Саша: «какой это Өедоръ Алексѣичь? Ахъ, да! вѣрно тотъ, который танцовалъ съ тобою мазурку и съ которымъ ты такъ охотно разговаривала». Я покраснѣла; я это чувствовала, по теплотѣ, мгновенно обдавшей все лицо мое, и отвѣчала: «Съ чего ты это взяла, что я съ нимъ такъ

охотно разговаривала? вовсе нѣтъ. И не думала». «Будто? вотъ я тебѣ такъ и повѣрила. Только, признаюсь, не понимаю, чѣмъ онъ тебѣ такъ приглянулся. Онъ просто блѣдненькій, немножко желтенкій, сухопаренькой танцоръ». «Ахъ, какая!...» И въ первый разъ я разсердилась на Сашу, въ первый разъ мнѣ показалось, что она нисколько не права, что она кругомъ виновата. Я встала очень рано. Мнѣ что-то говорило, что онъ непремѣнно *сегодня* будетъ у насъ. Нѣсколько разъ я порывалась передвинуть стрѣлку на нашихъ стѣнныхъ часахъ: мнѣ казалось, что она не двигается съ мѣста, что часы стоятъ. Наконецъ онъ пришелъ, ровно въ 2 часа. И что-жь бы ты думала? Я вѣдь ожидала его съ такимъ нетерпѣніемъ, до прихода его считала каждую минуту, каждую секунду — а теперь, когда онъ пришолъ, я ему едва поклонилась. Во все время его визита только разъ или два, и то украдкой, на него взглянула. А заговорить съ нимъ.... да объ этомъ я и подумать не смѣла Какъ я завидовала Сашѣ. Она поклонилась ему съ такою ласковой улыбкой, такъ смѣло смотрѣла ему прямо въ глаза, такъ умно, такъ ловко съ нимъ разговаривала Мнѣ однако-жь казалось, что онъ отвѣчалъ ей, хотя и учтиво, но какъ-то холодно, и безпрестанно посматривалъ на меня. Онъ нѣсколько разъ начиналъ со мною заговаривать. Я отвѣчала ему: «да-съ! нѣтъ-съ!» Не получая отъ меня другаго отвѣта, онъ сталъ разговаривать

исключительно съ батюшкой и очень ему понравился. Это я замѣтила изъ выраженія лица папаши. Потолковавъ съ полчаса, онъ раскланялся и ушелъ. Мнѣ показалось, что мнѣ онъ какъ-то особенно поклонился, и такъ печально. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, въ ней стало вдругъ такъ пусто, такъ грустно... Ахъ! еслибъ я смѣла, съ какою бы охотою я подбѣжала къ окну, чтобъ взглянуть еще разъ на него. Я только слышала, какъ онъ уѣхалъ. Я не тронулась съ мѣста; но за то душа моя полетѣла за нимъ.

Я задумалась Не помню, на долголи? Когда я взглянула, глаза мои встрѣтились съ глазами Саши, но она тотчасъ отвернулась, подошла къ фортепіано и стала что-то играть, не помню—что?

Онъ сталъ навѣщать насъ довольно часто. Робость моя передъ нимъ изчезала все болѣе и болѣе. Я ужь могла, какъ и другіе, говорить съ нимъ, смѣяться его шуткамъ. Но чѣмъ, повидимому, я откровеннѣй становилась съ нимъ, тѣмъ тщательнѣе старалась я скрывать отъ него мои чувства, мою любовь. Но, милочка, какъ эта борьба изнурила мое сердце, какъ часто тогда я завидовала мужчинамъ! Они такъ откровенно могутъ говорить и поступать, тогда-какъ мы, вотъ видишь ли, всего болѣе скрываемъ именно то, о чемъ бы всего охотнѣй говорили. Есть многое, чѣмъ гордятся мужчины и чего мы стыдимся. Не потому ли, можетъ быть, въ любви мы скрытнѣе мужчинъ, что въ ней они разыгрываютъ

роль побѣдителей, мы же—роль побѣжденныхъ? Но какъ бы то ни было, я молчала; была счастлива: я любила.... Между тѣмъ время летѣло. Вотъ и осень подошла. Листья желтѣютъ, падаютъ, поднимется вѣтеръ, начнетъ играть съ сухими листьями.... Но они такъ печально шумятъ, какъ будто жалуясь. Для меня, Катя, осень — самая скучная пора. Самый ясный осенній день все какъ-то грустенъ. И солнышко грустнѣе свѣтитъ. Не знаю, почему, но осень всегда напоминаетъ мнѣ человѣка, умирающаго въ лучшую пору жизни. Онъ самъ не знаетъ, что умираетъ. Онъ еще улыбается. Но его улыбка такъ печальна. То ли дѣло весна! и солнышко свѣтитъ такъ весело! и травка такая свѣжая! и жаворонки поютъ! А что осень? только слышишь плескъ дождя, да карканье галокъ. Но тогда осень показалась мнѣ краше обыкновеннаго. Когда онъ входилъ, и самое пасмурное небо для меня яснѣло. Да, Катя, моя милочка, правъ Шекспиръ, когда онъ сказалъ, что для женщины въ любимомъ мужчинѣ заключается вся ея вселенная.

Былъ пасмурный осенній день. Онъ долго не пріѣзжалъ. Нетерпѣніе, скука меня мучили, и я пошла въ садъ, чтобъ нѣсколько себя разсѣять. И въ самомъ дѣлѣ, эти полуобнаженныя деревья, это сѣрое небо, эти сухіе листья, которые хрустѣли подъ моими ногами, — все это какъ-то ладилось съ собственнымъ настроеніемъ души моей: я уже не скучала болѣе; мнѣ стало

такъ сладостно-грустно. Не знаю-долго ли я пробродила такимъ образомъ по дорожкамъ сада, какъ вдругъ за мною послышались шаги — я оглянулась — ко мнѣ подходила Саша; признаюсь тебѣ: меня взяла какая то досада и я почти невольно подумала: «очень нужно было приходить.» Но это была только минутная вспышка, и я тотчасъ протянула къ ней свою руку и обошлась съ нею еще ласковѣй обыкновеннаго. Мнѣ казалось, что я должна была загладить мою минутную вспышку. «Мнѣ сказали, что ты въ саду — сказала мнѣ Саша: и я тотчасъ пришла къ тебѣ. Видишь, какъ я тебя люблю!» О, въ этомъ я и не сомнѣвалась — отвѣчала я ей. Я взяла ее за руку и мы пошли дальше. «Знаешь ли что, Соня! сказала мнѣ, послѣ непродолжительнаго молчанія, Саша: я уже давно хотѣла спросить тебя: что это съ тобою? отъ чего ты все такая печальная? ты похудѣла, поблѣднѣла — ужь не больна ли ты?» Съ чего ты это взяла? напротивъ! я совершенно здорова. Но сердце мое забилось такъ шибко, что я невольно приложила къ нему руку свою. Нѣтъ.. ты не больна — это совершенно другая причина! говорила Саша, продолжая идти. Я знаю...» Я ничего не отвѣчала; но сердце мое билось все сильнѣй и сильнѣй. Вдругъ она остановилась, взяла меня за руку, посмотрѣла такъ проницательно, такъ пристально и сказала: ты влюблена, Соня!... Я чувствовала, какъ вся кровь бросилась мнѣ въ голову; я потупила

глаза, смѣшалась — потомъ вдругъ захохотала, такъ принужденно, такъ странно, и сказала: Богъ знаетъ, что ты выдумываешь. Саша, до сихъ поръ не спускавшая съ меня глазъ своихъ, потупилась и пошла дальше. «Нѣтъ, Соня! говорила она: я не выдумываю. Я тебя слишкомъ люблю, чтобъ не замѣчать за тобою, слишкомъ тебя знаю, чтобъ не понимать тебя.» — Но увѣряю тебя... «Соня, не увѣряй! ты мнѣ можешь не говорить, если хочешь; но для чего меня обманывать?» Я замолчала, я чувствовала, что Саша была права. Мы прошли нѣсколько шаговъ молча, потомъ Саша опять сказала: «у меня, Соничка, это дѣло рѣшенное, ты влюблена. Я даже знаю въ кого? Рука моя задрожала въ рукѣ Саши: мы всегда думаемъ, что то, о чемъ мы не говоримъ, никто и не знаетъ. «За чѣмъ ты скрытничаешь со мною, твоимъ лучшимъ другомъ? развѣ ты сомнѣваешься во мнѣ?» О, нѣтъ, Сашенька, нисколько! божусь тебѣ: нисколько! «Я знаю, Соня! продолжала Саша, пожавъ мою руку: какая тяжкая ноша, тайна, ни съ кѣмъ не раздѣленная! Попробуй! ты увидишь, какъ легко сердцу, когда довѣришься другу.» Я молчала и разсѣянно играла ногой сухими листьями. «Войдемъ!» сказала Саша, и почти втащила меня въ бесѣдку. Мы сѣли. Она обвила свою руку около моей шеи, притянула меня къ себѣ и спросила: «развѣ ты меня не любишь! ..» Ахъ, милочка, когда она говорила такимъ образомъ, голосъ ея

былъ такъ вкрадчивъ, такъ обольстителенъ, что я всегда уступала ей, всегда дѣлала, что она хотѣла. Знаю теперь, что я была глупа, я заплакала: я ей все разсказала. Она благодарила меня, цѣловала мнѣ руки, глаза, утѣшала меня, утирала мои слезы... Мы опять пошли гулять. Я была недовольна собою: мнѣ казалось, вотъ видишь ли, что повѣривъ ей любовь мою, я измѣнила любви. Саша говорила мнѣ: вотъ видишь ли, Соничка: не правда ли, тебѣ теперь легче? я ничего не отвѣчала ей; я только кивнула головой. «Онъ прекрасный человѣкъ! продолжала Саша: но онъ, какъ и всѣ мужчины, любитъ, пока не узнаетъ, что его также любятъ. По этому мы должны стараться скрывать это отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они сами не признаются намъ въ любви своей.

Развѣ не все равно? спросила я. Кто-жь мѣшаетъ имъ не разлюбить и послѣ признанія, если уже они такіе непостоянные? «Тутъ совершено другое дѣло. Прежде они только просто любятъ — и одна любовь имъ ничего не стоитъ; но какъ скоро они признаются, такъ тутъ уже къ любви примѣшивается честь ихъ, а чести они уже никогда не измѣняютъ.» Я ничего не поняла; но, можетъ быть, именно потому и стала ей вѣрить. Les enfants, les femmes et les malades sont sujets à être menés par les aureilles, говоритъ мой золотой умница Монтень. Почему же, спросила я, честь они ставятъ выше любви? Какъ почему?

да потому, что есть законы чести, а любовь никакихъ законовъ не имѣетъ Честь на примѣръ многое запрещаетъ Но ты любишь Ѳедора Алексѣевича—скажи сама; развѣ ты могла бы запретить ему то, что пріятно? Это доказательство, очень плохинькое, какъ я вижу теперь, показалось мнѣ тогда, чрезвычайно убѣдительнымъ. Ахъ! я и не подозрѣвала, какъ она коварно мнѣ совѣтовала. . Она еще многое говорила мнѣ, и наконецъ я дала ей слово обходиться съ нимъ, какъ нельзя холоднѣе, чтобы тѣмъ принудить его поскорѣе признаться мнѣ въ любви и такимъ образомъ лишить его возможности измѣнить мнѣ. Но какъ это для меня трудно будетъ, сказала я, и съ глупой довѣрчивостію 15-лѣтней дѣвочки взглянула на Сашу — и вдругъ не вольно вздрогнула: мнѣ показалось, что глаза ея такъ злобно, такъ насмѣшливо на меня глядѣли! — Въ это время лучь солнца, прорѣзавъ сѣрыя тучи, облилъ красноватымъ отблескомъ садъ, Сашу и меня — и покрылъ блистательной фольгой всѣ окна нашего дома. Не знаю, говорила ли я тебѣ, что мы имѣли собственный домъ на Петербургской сторонѣ съ обширнымъ садомъ. Я пристально взглянула на Сашу; она мнѣ такъ дружелюбно улыбалась, что я подумала: вѣрно я прежде обманулась. Когда мы послѣ того вошли въ гостиную, онъ былъ уже тамъ. Онъ такъ проворно вскочилъ, такъ радостно меня привѣтствовалъ,— а я поклонилась ему такъ сухо, такъ холодно,

что мнѣ самой стало стыдно. . я готова была заплакать.

Онъ сдѣлался почти ежедневнымъ нашимъ гостемъ. Но чѣмъ ласковѣй онъ обращался со мною, тѣмъ я обходилась съ нимъ холоднѣе, думая этимъ, въ моей 15-ти-лѣтней премудрости, скорѣй принудить его объясниться мнѣ въ любви своей. Но Саша, казалось, дала себѣ слово не оставлять ему ни малѣйшаго къ тому случая. Она почти отъ него прочь не отходила. Кажется, угадывала время его прихода Если въ одну дверь входилъ онъ, я могла быть увѣрена, что въ другую дверь войдетъ непремѣнно Саша. Она безпрестанно заговаривала съ нимъ, смѣялась, играла на фортепіано, пѣла съ нимъ дуэты, — а нечего сказать: голосъ она имѣла чудесный! — Признаюсь: меня иногда начинала мучить ревность. Разъ какъ-то, вотъ видишь ли, мнѣ вздумалось испытать: точно ли онъ любитъ меня больше, нежели Сашу. Вотъ какъ я къ этому приступила. Они сбирались пѣть какой-то дуэтъ изъ Россини. Разложили ноты Саша сѣла за флигель. Онъ сталъ за ея стуломъ. Саша начала прелюдію — въ эту самую минуту я его кликнула: «Ѳедоръ Алексѣевичъ!» и что же, милочка? онъ тотчасъ же подбѣжалъ ко мнѣ, такъ охотно, такъ радостно... Ахъ! милочка, еслибъ можно было, такъ я въ эту минуту полюбила бы его еще въ 1000 разъ болѣе! вѣрно взоръ мой былъ очень нѣженъ, потому-что онъ такъ *благодарно*

взглянулъ на меня... Я что то хотѣла ему сказать; но мое сердце, вотъ видишь ли, было такъ полно любви — вдругъ я вспомнила, что мнѣ говорила Саша, и я потупила глаза, и я заговорила съ нимъ объ узорѣ, по которому въ то время вышивала. — Но вообрази себѣ: Саша, когда онъ отошелъ онъ нея, даже и не оглянулась; она только перемѣнила ноты и запѣла одна. Сперва, правда, голосъ ея чуть-чуть дрожалъ, но это скоро прошло, — и она пропѣла также прекрасно, чудесно, какъ и всегда. — Онъ не отходилъ отъ моихъ пялецъ; но взялъ стулъ и сѣлъ противъ меня. Я наклонилась ближе къ работѣ и изъ подлобья на него взглянула: онъ такъ печально сидѣлъ и моталъ около пальца нитку красной шерсти. Всѣ цвѣты на канвѣ моей запрыгали передъ моими глазами и наконецъ слились въ какой то неопредѣленный туманъ — слеза упала на канву—но я закрыла ее рукой. Минуты чрезъ двѣ Саша подозвала его къ себѣ. Онъ всталъ, бросилъ нитку и медленно подошелъ къ Сашѣ. Эту нитку, вотъ видишь ли, я храню еще до сихъ поръ. Тебѣ смѣшно, милочка? но въ этой ниткѣ все наслѣдство любви моей. Дней пять или шесть послѣ того, я сидѣла одна въ гостиной и опять вышивала. Вдругъ — онъ вошелъ; Богъ знаетъ, отъ чего? но я такъ смѣшалась, что хотѣла встать, хотѣла позвонить, хотѣла послать за батюшкой — и не трогалась съ мѣста. Онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ о моемъ

здоровьѣ, взялъ стулъ и, по обыкновенію, сѣлъ напротивъ меня такъ близко, что насъ раздѣляли только одни пяльцы. Когда ни придешь къ вамъ, вы всегда занимаетесь, сказалъ онъ; у васъ совершенно пчелиное прилежаніе. Да-съ, отвѣчала я довольно глупо: я очень люблю вышивать, и я въ самомъ дѣлѣ начала шить, съ такою торопливостію, какъ будто бы отъ этого зависѣла жизнь моя. Онъ промолчалъ нѣсколько секундъ; потомъ опять сказалъ: скажите мнѣ, пожалуйста, Софья Николаевна!... вы на меня никогда не смотрите, когда со мною говорите! Не смотрю? повторила я: да чтожъ я на васъ смотрѣть стану. Я васъ и безъ того знаю. Г-мъ! сказалъ онъ: такъ вы только потому не смотрите, что знаете? развѣ вы только на незнакомыхъ смотрите? Нѣтъ-съ! — да я и на васъ смотрю... А я такъ знаю, отчего вы на меня не смотрите, продолжалъ онъ: это отъ того, что вы меня ненавидите. Ненавижу? вскликнула я, и переставъ шить, взглянула на него съ удивленіемъ; но онъ самъ смотрѣлъ на меня такъ внимательно, что я тотчасъ же невольно потупила глаза, и, думаю, едва слышно договорила: Богъ знаетъ, что вы выдумали. Ненавидѣть?.. да за что? Мало ли за что, Софья Николаевна! да такъ. —

»Вѣдь ненавидимъ мы и любимъ случайно.« Ненавидѣть?... и не думала. Вы всегда были со мною такъ добры, такъ любезны... Только потому то? спросилъ онъ, и въ голосѣ его было

что-то похожее на упрекъ. Но пусть будетъ по-вашему. Въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ, я ужь давно хотѣлъ васъ спросить объ этомъ; но до сихъ поръ все какъ-то не удавалось мнѣ, скажите: за чѣмъ вы такъ сухо со мною обращаетесь? развѣ такъ обращаются съ людьми, которыхъ находятъ добрыми, любезными? признаюсь вамъ, Софья Николаевна, ваше обращеніе со мною мнѣ кажется обиднымъ, даже жестокимъ, именно потому... И онъ вдругъ замолчалъ, какъ бы выжидая моего отвѣта. Но что я могла отвѣчать ему? Ты понимаешь, милочка, что я не имѣла ни малѣйшей возможности объяснить ему причину моего съ нимъ обращенія, Молчаніе теперь было такъ неловко. Я это чувствовала; но отвѣчать не могла ни за что на свѣтѣ. Вотъ видите, какъ вы! продолжалъ онъ: вы мнѣ даже отвѣчать не хотите... а я всегда такъ охотно говорю съ вами... Еслибъ вы знали, Софья Николаевна!... одно ваше слово... Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату, не вошла, а вбѣжала Саша, бросилась ко мнѣ на шею, стала меня цѣловать, увѣрять, что любитъ меня, что давно меня не видѣла; а мы только наканунѣ видѣлись. — Я, вотъ видишь ли, никогда не была злою, но въ эту минуту я ненавидѣла Сашу. Я думала, — въ чемъ и не ошибалась, — что она помѣшала ему признаться мнѣ въ любви своей, — и слѣдовательно, — она же мнѣ это вбила въ голову, — помѣшала ему поручиться мнѣ честію

за постоянство. Вскорѣ послѣ этого вошелъ батюшка, пришла maman, — и мы до самаго вечера не оставались съ нимъ на единѣ. Въ первый разъ въ жизни я сдѣлалась лицемѣркой. Я ласкала Сашу, а съ такою охотою разсорилась бы съ нею на всю жизнь. Это было въ первый и послѣдній разъ, что я оставалась съ нимъ на единѣ.

На той же самой недѣлѣ батюшкѣ понадобилось съѣздить въ Москву. Онъ увезъ туда съ собою и матушку и меня. Вмѣсто одного мѣсяца, какъ предполагалось сначала, мы пробыли въ Москвѣ почти цѣлый годъ. Этотъ годъ, не смотря на то, что Москва мнѣ понравилась (когда-нибудь разскажу тебѣ), время показалось мнѣ цѣлою, мучительною вѣчностью. Наконецъ мы вернулись въ Петербургъ. Я была такъ рада! такъ счастлива! я думала увидѣть его. Я уже не хотѣла болѣе скрывать передъ нимъ любви своей. Разлука научила меня, какъ мучительна неизвѣстность. Я просила батюшку дать знать ему о нашемъ пріѣздѣ... Вдругъ къ намъ приносятъ записку. Батюшка распечаталъ и сказалъ намъ очень весело: знаете ли что? Ѳедоръ Алексѣичь женится на Сашѣ. На будущей недѣлѣ свадьба. — Ахъ!... Я безъ чувствъ упала на полъ... Я была больна — наконецъ выздоровѣла. Ты видишь, милочка, живу и теперь. —

Арбатова замолчала.

— Но какъ же это? спросила, не много погодя,

о'Морфи. Разскажите мнѣ, какимъ образомъ все это устроилось!

— А вотъ какъ устроилось, милочка! отвѣчала Арбатова. Все это, разумѣется, я только позже узнала. Саша, вотъ видишь ли, такая, прости Господи!... не хорошо со мною поступила. Признаюсь: никакъ я отъ нея такихъ штукъ не ожидала. Она, вотъ видишь ли, увѣрила его, что я его нисколько не любила, что я любила другаго. Вѣдь угораздило же ее выдумать! Онъ ей, вотъ видишь ли, и повѣрилъ. Ну какъ было не повѣрить! вѣдь лучшая была моя пріятельница. Онъ сталъ къ ней ѣздить, т. е. къ ея родителямъ. Увидѣлъ, что она его любитъ: она была такая хорошенькая, — такая умница — я была далеко, въ Москвѣ, — ни слуху, ни духу обо мнѣ — ну вотъ онъ и женился на ней.

— Какъ ни слуху, ни духу? развѣ вы къ Сашѣ не писали?

— Какъ не писать? разумѣется, писала. Да она писемъ ему не показывала. А вотъ какъ! сказала о'Марфи. Но, драгоцѣнная моя, вы забыли мнѣ разсказать объ очень интересномъ: каковъ же онъ изъ себя то былъ? — Не ужь ли не разсказала? вотъ видишь, какая я еще вѣтреница! точно молоденькая дѣвочка. Но дѣло въ томъ, что я такъ живо его помню. Вотъ я, вѣроятно, и думала, что и ты также должна знать его. Онъ былъ, не то, чтобы худъ, но и не толстъ, а такъ, какъ должно быть молодому мужчинѣ.

Онъ былъ немножко блѣденъ; но это нисколько не вредило ему — напротивъ! Губы онъ имѣлъ прекрасныя. Носъ немножко длинный, съ горбикомъ. Все лице овальное. Волосы имѣлъ темно-русые: они на вискахъ чуточку вились. Брови густые; глаза, правда, сѣрые, но за то, когда онъ говорилъ, вотъ видишь ли, въ нихъ было такъ много ума и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушія, что я бы за всѣ черные, голубые и каріе глаза всего свѣта, вотъ видишь ли, не отдала бы этой пары сѣрыхъ глазъ. Чтожь до его характера, то онъ казался мнѣ немного нерѣшительнымъ и очень робкимъ. Когда онъ начиналъ на прим. говорить объ чемъ нибудь, то сперва, вотъ видишь ли, онъ всегда какъ-то конфузился, запинался, но потомъ, въ продолженіе разговора, говорилъ лучше; онъ даже красно говорилъ. При первомъ однакожь противурѣчіи, онъ опять краснѣлъ, путался и начиналъ говорить объ другомъ. Мнѣ это не нравилось. Впрочемъ онъ былъ, душа, человѣкъ! и такой образованный. О чемъ ни спроси его, все, бывало, знаетъ, только на своемъ поставить не умѣлъ. Да, я и забыла сказать: роста онъ былъ довольно высокаго. Вотъ тебѣ, милочка, и полный портретъ предмета моей первой и послѣдней любви.

— Какъ? спросила О'Морфи: Да развѣ вы потомъ никого уже болѣе не любили?... Эхъ! вы вѣтреницы! вѣтреницы! отвѣчала Арбатова. Сего дня въ одного влюбились, завтра, ни съ того,

ни съ сего, уже въ другаго и такъ далѣе.... Поди, учитывай васъ! нѣтъ, сударыня, понашему: полюбила разъ, вотъ видишь ли, да и полно! а по вашему то что? да впрочемъ развѣ вы любить умѣете? влюбляетесь только, милочка, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Но какъ же это она успѣла такъ обмануть васъ? спросила О'Морфи. — Какъ успѣла? да вотъ потому и обманула, что была четырьмя годами меня старше, милочка! отвѣчала Арбатова. Опытность, вотъ видишь ли, дѣло великое. Вотъ еслибъ я на прим. не вздумала умничать, да послѣдовала бы сердцу — такъ не сидѣть бы мнѣ въ старыхъ дѣвушкахъ. Такъ и ты, милочка, продолжала Арбатова, перестань выдумывать разныя штуки и мучить Склонскаго. Любишь его? такъ и показывай, что любишь. И дѣло будетъ, и счастлива ты будешь, вотъ видишь ли. — Любишь? такъ и слушай сердце: оно всегда лучше научитъ тебя, что дѣлать. Но что я тутъ толкую тебѣ? и съ моими, можетъ быть, уроками будетъ тоже, что и со всѣми бываетъ уроками: мы обыкновенно начинаемъ цѣнить ихъ тогда только, когда уже поздно ими пользоваться.

О'Морфи задумалась.

— Вотъ и дворецкой мой — сказала Арбатова — значитъ: обѣдъ готовъ. Пойдемъ, моя милочка!

К. Петерсонъ.

ЮНОСТЬ.

Въ тебѣ, о юность, все мнѣ свято!
Но не за то ты мнѣ мила,
Что ты весельемъ такъ богата,
Что ты въ надеждахъ такъ смѣла;
Что ты такъ вѣтрено, безпечно
Глядишь на жизненную даль,
Что такъ проходитъ скоротечно
Твоя любовь, твоя печаль...
За свойства лучшія, иныя,
Тебя я, молодость, люблю:
За чувства рыцарства прямыя
И за довѣрчивость твою!
За то, что опытомъ холоднымъ
Не связанъ добрый твой порывъ;
Что не молчитъ въ тебѣ призывъ
Къ дѣламъ и цѣлямъ благороднымъ;
Что возмущаетъ зло тебя,
Что свято истину любя —
Не понимаешь ты пристрастья,—
И правду выскажешь въ глаза;
Что есть въ тебѣ и жажда счастья,
И есть для ближняго слеза.

Марья Родзянка.

ХРАМУ СВЯТАГО ПЕТРА.

(въ вечеръ страстной пятницы).

Я видѣла тебя, о дивный храмъ,
Въ торжественные дни, когда Владыка Рима
Царемъ богослужилъ — и ты, неизмѣримый,
Былъ весь—сіянье.... пѣснь.... молитва... ѳиміамъ!...

Я видѣла тебя, когда передъ небесной
Смирялась власть земли, колѣнопреклоня!..
И праздникъ былъ такъ свѣтлъ, великъ, что мнила я —
Онъ міра лучшаго прообразъ намъ чудесный!...

Но нынѣ. .. я вхожу — и трауръ алтарей,
Безъ службы, безъ креста, безъ пѣнья, безъ огней....
Молчанье.... ужасъ.... все о чашѣ намъ Хрістовой,

Все о *Распятомъ* намъ такъ живо говоритъ,
Скорбитъ такъ искренно, что душу страхъ тѣснитъ....
И краше, стала ты, святѣе, сѣнь Петрова!...

Графиня Евдокія Растопчина.

Римъ. 29 Марта (10 Апр.) 1846.

ОРАНІЕНБАУМСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(А. Ѳ. А.......еву).

Увы! какъ быть, мой другъ! опять передо мною
Я вижу прежнее: отрадною мечтою
Я воскрешаю вновь картины старины,
Видѣнья смутныя, обманутые сны....
Какъ быть? Еще лѣта меня не остудили —
И равнодушіемъ души не умертвили!
Я чувствую, во мнѣ играетъ кровь —
И въ сердцѣ царствуетъ, по-прежнему, любовь ...
Все ожило, воскресло, обновилось,
Картиной стройною въ глазахъ моихъ раскрылось,
Заговорило вновь знакомымъ языкомъ —
И вотъ передо мной опять Ораньенбаумъ! (*)
Скажи: ты не забылъ живые разговоры,
И тайныя мечты, и косвенные взоры,
И вѣчный билліардъ, и карты, и стихи,
Куплеты легкіе — давнишніе грѣхи?
А взрывы ревности? а сладость ожиданья?
А *подъоконныя,* безсмѣнныя гулянья —
Туда, на лѣво все, поближе къ воротамъ,
Гдѣ сердцу весело, такой просторъ мечтамъ?...

(*) Читай: «Ораньенбомъ.»

Вотъ онъ—тесовый домъ; шесть оконъ, съ распашными
Въ проулокъ ставнями; крыльце на дворъ;
На взморье скромный садъ, и Балтика сѣдыми
Волнами въ берегъ бьетъ.... по улицѣ заборъ. ..
Нѣтъ, не забуду я, какъ мы вокругъ бродили,
Какъ мы настойчиво взглядъ милый сторожили,
Какъ цѣлые часы глядѣли на окно —
И было на душѣ то ясно, то темно!...
Все вижу я! и думой шаловливой
Рисую я тебя: наѣздникъ терпѣливой,
Поводья опустивъ, ты тащишься шажкомъ
На Финскомъ скакунѣ назадъ въ Ораньенбаумъ....
А мы, съ *учителемъ*, отъ смѣха помирая,
Пускаемся въ галопъ и воздухъ оглашая
Веселостью своей, все далѣе спѣшимъ,
Пока неволею въ конюшню не влетимъ.
А Богатырь—Кронштадтъ?... а хохотня?.., а рѣчи?...
А—помнишь ли—въ саду насильственныя встрѣчи?...
И мало-ль что еще!... Все сердце шевелитъ....
Воспоминаніе о прошломъ тяготитъ!
И вотъ—сижу, печальный, одинокой!
Изъ груди вырвется порою вздохъ глубокой....
На даль туманную въ раздумьѣ я гляжу —
И память о быломъ, какъ инвалидъ, бужу.

С. П. Б. *Дмитрій Сушковъ.*
1839.

С. С. ШЛИГТИНГЪ.

Хоть ваше лестное желанье —
Взять — въ дань съ меня — моихъ стиховъ —
Пріемлю я за приказанье,
И выполнить его готовъ;
Но я боюсь проговориться....
Боюсь сказать чего не льзя.. .
(Прошу, однако, не сердиться,
Въ минуту оправдаюсь я):

Сказать въ глаза, что вы родились
На зло, на пагубу мужчинъ,
Всѣхъ покорить распорядились —
Отъ усиковъ и до морщинъ, —
Нельзя ... нельзя: вы милой ручькой
Сей-часъ зажмете ротъ льстецу,
И пробѣжитъ мгновенной тучькой
Гнѣвъ по прекрасному лицу !...
Но вы никакъ не запретите
Сказать, что сердца доброты
(Спросите у кого хотите)
Не меньше въ васъ, чѣмъ красоты.

В. Панаевъ.

ПОРТРЕТЪ КУТУЗОВА.

И ТѢНЬ НАПОЛЕОНА,

ПОСТАВЛЕННЫЯ ВМѢСТѢ.

I.

Изъ *двоихъ,* столь славныхъ въ свѣтѣ,
Славнымъ днемъ Бородина,
Одного — здѣсь зримъ въ *портретѣ*,
А *другова* — *тѣнь* видна.

II.

Заслышавъ славнаго противника сосѣдство
И вспомнивъ Бородинскій день,
Пришла съ нимъ раздѣлить *безсмертія наслѣдство*
Наполеона тѣнь.

Ѳ. Глинка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КАРТИНЫ-ВОДЕВИЛЬ:

ВСЯ МОСКВА НА БАЛѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Надежда Андреевна Верейская.
Татьяна Михайловна.
Надежда Михайловна. } ея дочери.
Лидія Михайловна.
Михаилъ Алексан. Рѣсницкій.
Александръ Васил. Невѣринъ.
Владиміръ Никол. Фификовъ.
Софья Платоновна Ракеткина.
Катерина Самойловна, ея дочь.
Перепетуя Яковлевна Чибрикова, пріѣзжая помѣщица.
Луиза Осиповна Лизре, француженка, содерж. магазина.
Параша, швея въ магазинѣ.
Переваловъ, купецъ изъ Панской линіи.
Филька, слуга Чибриковой.
Прошка, слуга Нахрапкина.
Иванъ, слуга Тороватовыхъ.
Прочіе слуги и швеи.

Дѣйствіе въ Москвѣ.

Модный магазинъ: шкафы съ картонами, прилавокъ, конторка, ящики со стеклами; шляпки и чепцы на столбикахъ; свертки матерій, коробки съ цвѣтами, дамскія платья на вѣшалкахъ. Двери въ срединѣ и по сторонамъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Верейская съ дочерьми и Параша.

Верейская. Пожалуйста, душенька, что бы мое муаровое платье было готово къ завтрему, пораньше; я пришлю за нимъ часу въ 12-мъ. Ради Бога, не позабудьте сдѣлать юбку въ семь полотнищъ; на Надинкино платье наколите три букета сризовыхъ цвѣтовъ, которые я отобрала; одинъ букетъ положите особо; онъ пойдетъ къ корсажу. Темирино, съ тюникомъ, какъ мы говорили, перешейте по Лидинькиной мѣркѣ; его надобно почистить, да сдѣлать надставку къ юбкѣ по

полнѣе, подъ двумя біе. (*Дѣлаетъ складки на платкѣ*). Вотъ такъ! Вы меня понимаете? Лидія повыше Темиры, а Темирѣ, такъ и быть, сшейте ужь новое изъ бѣлаго крепа и уберите фіалками.

Темира. Мое платье я прошу васъ пустить подлиннѣе и въ груди пошире. Ни на что не похоже, какъ былъ съуженъ мой розовый тюникъ, который я надѣвала на прошедшій балъ; онъ до того былъ тѣсенъ, что я принуждена была отказать двумъ кавалерамъ, которые меня ангажировали на польку. Возможности не было танцовать!

Параша. Въ этомъ, сударыня, мы невиноваты: тюникъ сдѣланъ по вашей мѣркѣ, да матеріи было такъ мало, что мы были принуждены прибавлять въ корсажъ изъ юбки.

Лидинька. Вы, ma soeur, вѣчно недовольны вашими платьями. А мнѣ кажется, что у Карскихъ вы были лучше всѣхъ одѣты и танцовали безпрестанно. У васъ особенное умѣнье привлекать къ себѣ кавалеровъ. Этому искусству многія дѣвушки въ Москвѣ позавидуютъ. Вотъ, хоть бы Мишель Рѣсницкій — глазъ не спускалъ съ васъ во все продолженіе бала, такъ и слѣдилъ за вами; а это теперь первый кавалеръ въ Москвѣ. Бѣдный! не зналъ, что дѣлать отъ ревности! да, я видѣла его грустную мину, когда, поднявъ вѣеръ, который вы уронили, и приглашая васъ на мазурку, услышалъ въ отвѣтъ: Je suis engagée! А какъ вы весело перешоптывались съ усатымъ

Ландышевымъ. Этотъ успѣлъ абонировать васъ на всѣ контр-дансы. И вы еще жалуетесь на свою судьбу, на платья, которыя будто бы васъ тѣснятъ — стыдились бы, право!

Темира. Смотрите, пожалуйста, какъ эта дѣвчонка умничаетъ! иной подумаетъ, что она давно ужь въ свѣтѣ. Несносная болтунья, ребенокъ, который только-что отсталъ отъ куколъ и туда же разсуждаетъ. (*Лидіи*) Si vous vous mélez de choses qui ne vous regardent pas, mademoiselle, vous pouvez être sûre de rester à la maison et de revenir à vos poupées.

Верейская. Опять ссориться? что это вы не можете сказать двухъ словъ ладно другъ-другу. Ты говоришь, Темира, что она ребенокъ? стало быть ей простительно дѣлать дѣтскія заключенія; а, вамъ, Лидія Михайловна, совѣтую не разсуждать о томъ, чего вы не можете понимать.

Лидинька. Помилуйте, ma chére maman!...
Не ужь-то я другихъ глупѣе?
Я не одинъ прочла романъ, —
И вижу всѣ ея затѣи:
На балѣ глазками сестра
Такъ и слѣдитъ мужчинъ повсюду —
Все говоритъ: «Il m'aïmera!» —
И я учусь у ней покуда.

Надинька. Вы, maman, дали ей большую волю; она до того стала умничать, что нѣтъ возможности ни въ чемъ ее остановить; преизбалованная дѣвчонка! Послушай, Лидинька, вѣдь кончится тѣмъ, что ты никуда не поѣдешь, ни кто не бу-

детъ тебя любить, всѣ будутъ тебя удаляться. Comme c'est agrèable! ты не знаешь еще, какъ въ свѣтѣ строго судятъ молодыхъ дѣвушекъ.

Лидинька. Пусть я дитя,—недавно въ свѣтѣ,
Да взрослыхъ вижу я грѣхи:
Въ Москвѣ у всѣхъ дѣвицъ въ предметѣ
Одно: нарядъ, да женихи.
Быть скромной въ обществѣ напрасно!
Я слышу сплошь отъ пожилыхъ:
Кольнуть, царапнуть не опасно
Подъ-часъ своихъ и не-своихъ.

Верейская. То есть, ты хочешь сказать, гладить противъ шерсти. Ахъ, ты, моя разумница! Вся въ меня. Сколькихъ на моемъ вѣку отгадала я эдакимъ образомъ.—Да гдѣ же мадамъ Лизре? попросите ее сюда!

Параша. Она занимается въ своей комнатѣ съ одною дамою, тоже на счетъ уборовъ; все требуется теперь наскоро; остается всего одинъ день до бала. Мадамъ Лизре сей-часъ придетъ.

Верейская. Что и говорить! у васъ, чай, множество заказовъ къ завтрешнему дню. Къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ Тороватовой вся Москва звана! туалеты будутъ пренарядные. Ужь за недѣлю разсылали приглашенія. Говорятъ, что будетъ играть какой-то выписной оркестръ; пудовъ пять конфектъ заказано; будутъ разносить заморскія груши, величиною въ кулакъ. Всю новую обмундировку сшилъ Всеволодъ Саввичь своей прислугѣ. Что это, какъ наша матушка-Москва просвѣтилась.

Все стали бон-жанры. Живутъ, угощаютъ съ великолѣпіемъ, не то, что было въ-старину; бывало созовутъ на вечеръ, да и отпотчуютъ гостей чаемъ, да вареньемъ, или индѣекъ съ курятами нажарятъ къ ужину. Нѣтъ! теперь куда тебѣ! давай все стерлядей, пѣтушьи гребешки, да трюфли. Шампанское рѣкою льется. Лѣтъ тридцать назадъ здѣсь и понятія не имѣли о такой роскоши. Правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, будто къ завтрешнему балу пріѣдетъ цѣлый полкъ офицеровъ изъ Питера по желѣзной дорогѣ. И то сказать — для такого бала необходимы танцоры хорошіе. Я васъ прошу, пожалуйста не понеглижируйте моими платьями. Скажу сознательно, мнѣ хочется отличиться съ дочерьми. Есть чѣмъ и похвастаться: одна другой лучше; а ужь какъ воспитаны-то! Не много такихъ сыщется въ Москвѣ. Не одну я тысячу въ нихъ проучила. Все бы хорошо, да балики-то нынѣшніе тяжеленьки!

О! вывозить трехъ дочерей
Куда—какъ нынче трудно!
Балъ много требуетъ затѣй,
Что-бъ туалетъ былъ чудный!
Москва на это мудрена:
Не смѣй свернуть съ дороги,
Хоть душъ ужь сотня не одна
Изъ-за чепцовъ въ залогѣ.

(*Парашѣ*) Скажите, душенька, какія платья вы больше дѣлаете къ балу?

Параша. Всякихъ довольно, сударыня! (*подходитъ къ вѣшелкамъ*). Вотъ извольте посмотрѣть,

всего больше креповыхъ заказано; много газовыхъ; есть, которыя и изъ тюля. Ни въ одномъ магазинѣ больше нашего не найдете. Пожилымъ дамамъ шили изъ муаръ-антикъ, или шине, а барышнямъ все туники.

Надинька. И все съ цвѣтами?

Параша Цвѣтовъ просто не наготовимся; отъ семидесяти картоновъ, которые мы получили въ послѣднее время изъ Петербурга, очень мало теперь у насъ остается.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и четверо слугъ.

1-й слуга (*Парашѣ*). Княгиня Пропилеева прислала за платьемъ, и приказала спросить еще платье съ чехломъ, своей племянницы, барышни Горюновой.

Параша. Сей-часъ будетъ готово. (*Звонитъ, входитъ швея изъ боковой комнаты*). Кончили розовое тарлатановое платье съ букетами?

Швея. Осталось чехолъ подметать, былъ длиненъ.

2-й слуга. Софья Платоновна Ракеткина приказала получить два платья и головной уборъ.

Параша. Готовы. (*Снимаетъ платья съ вѣшалки, даетъ швеѣ уложить въ картоны, сама укладываетъ уборъ*).

3-й слуга. Лариса Семеновна Истрова проситъ свой блондовый чепчикъ съ цвѣтами и матерчатое платье, что у васъ перешивали.

Верейская. Пошла перекличка, точно весь туалетъ, всѣ вдругъ поднялись. Эдакая суматоха!

Параша. Вотъ эдакъ съ самаго ранняго утра. Повѣрите ли, голова кругомъ идетъ. (*Входятъ еще двѣ швеи, укладываютъ принесенныя платья и отдаютъ картонки людямъ*)

4-й слуга. Барышни Соликамскія въ другой разъ присылаютъ къ вамъ, не ужь-то не готовы ихъ платья?

Параша. Берите, берите, вотъ и счетъ. (*Слуги расходятся*).

Верейская. А какое вы дѣлаете для баронессы Лирской?

Параша. Розовое креповое въ два тюника; оно будетъ убрано скабьезами. Цвѣты выписаны прямо изъ Парижа. Къ этому платью Баронесса надѣваетъ берту изъ points de Bruxellè. Берта прелестная!

Надинька. Знаю, кто выписалъ и цвѣты и берту.

Параша. Баронъ, ея мужъ.

Темира. Есть у баронессы знакомые, которые гораздо предъусмотрительнѣе мужа. На этомъ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей.

Верейская. Что называется: Шевалье Галанъ! Вѣдь, право, подумаешь, на все-то мода! въ наше, степенное время, мы совсѣмъ не знали этихъ Голландскихъ пѣтушковъ, а нынче молодыя барыни безъ нихъ жить не могутъ.

Теперь совсѣмъ не то ужь стало!
Иной порядокъ здѣсь во всемъ!

Нѣтъ! встарь у насъ не такъ бывало:
Хозяинъ—мужъ въ дому своемъ!...
Теперь: мужъ—гость, а гость—какъ дома!...
—Намъ эта мода незнакома.

Да что-жь, дождусь ли я вашу хозяйку?

Параша. Сей-часъ, сударыня! (*Звонитъ, дѣвушка входитъ*) Позови сюда Луизу Осиповну.

Верейская. Да кто тамъ у нее?

Параша. Одна пріѣзжая изъ губерніи; третій день пристаетъ съ заказами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, мадамъ Лизре и Чибрикова.

М-мъ Лизре. Excusez-moi, mesdames, de vous avoir fait attendre si longtèms; voila depuis deux heures que je suis tourmentée par cette Dame avec ses commandes Ah! si vous savièz comme elle m ennuie.

Чибрикова. Ну, пожалуйста, не гнѣвайтесь, мадамъ! я человѣкъ въ Москвѣ заѣзжій, родня и сосѣди, Богъ съ ними, надавали пропасть коммиссій; хочется всѣмъ угодить и все закупить у васъ, мадамъ, по тому, что вашъ магазей слыветъ первымъ на Кузнецкомъ мосту. Много кой-чего еще мнѣ надобно. (*Вынимаетъ нѣсколько реэстровъ*). Кой-какія вещи мы уже поотобрали. Скажите же, матушка, всему рѣшительную цѣну; я вѣдь знаю, что у васъ не торгуются. Вы не повѣрите, мадамъ, какъ я васъ полюбила; ну, право, не вышла бы изъ вашего магазея. По всему видно, что вы

добродѣтельная женщина. Мушчатую-то кисейку, что я выбрала для моей невѣстки и гроденаплевую мантилью, вы мнѣ уступите, уступите, моя золотая!

М-мъ Лизре. Eh! qu'est-ce qu'elle me chante là?

Чибрикова. А за это я на-предки ваша покупательница. Смѣшно право! всего хочется, все у васъ прекрасно, да денегъ-то у меня на покупки не хватаетъ. Нынче затѣи-то вовсе не къ году. Черствыя пришли времена. Унасъ въ деревняхъ червякъ напалъ на озими. Какъ бы мнѣ отмѣтить, чего у меня недостаетъ?... (*идетъ къ дверямъ и кличетъ*): Филька! эй! куда ты дѣвался! войди сюда, подай мои покупки!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Филька въ полъ-пьяна; у него въ рукахъ нѣсколько большихъ свертковъ, которые онъ роняетъ, подавая Чибриковой салопъ на изнанку.

Чибрикова. Э, братъ Данилычъ, ты порядкомъ наздравствовался?... Вотъ они каковы, слуги-то, негодяи!

Филька. Нишни, матушка, барыня! Видишь ты, какая выдалась оказія: пошелъ было я къ повозкѣ, уложить твои укладочки.... Ахъ, мои сударики, всѣ онѣ расползлися! (*Параша помогаетъ ему собрать свертки*). А сватъ Пантелѣй мнѣ пырь въ глаза! Что, видно, говоритъ, твоя барыня дорвалась до магазей, промѣниваетъ степные рублевики на заморскую дрянь?

Чибрикова. Что? что такое? я тебѣ дамъ, пьяный олухъ! Экъ ты назюзился! всѣ матеріи у меня испачкалъ. Экое животное!

Филька. Нишни, матушка, барыня! Дрянь-то на Кузнецкомъ мосту не выкупишь! молвилъ сватъ: смотри, просидитъ она долго въ магазеѣ; пойдемъ-ка, говоритъ, Филиппъ Данилычъ, да обогрѣемся, выпьемъ пивца по стаканчику. Вотъ и зашли въ харчевню; употчивалъ меня Пантелѣй вдоволь! виноватъ, матушка, барыня, съ пятаго стакана у меня въ головушкѣ заговорило. Такая вотъ оказія! и самъ не радъ!

Чибрикова. (*Вырываетъ у него изъ рукъ салопъ*). Пошелъ вонъ, пьяный шатунъ! Дожидайся меня на подъѣздѣ. Вонъ, говорю тебѣ! (*Филька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, кромѣ Фильки.

М-мъ. Лизре. Voila par exemple une scene! (*Чибриковой*): не можна, сударинь, такъ шумитъ; на дворъ долшна выходи; я нѣтъ позволяй кричить въ magasin. (*Всѣ смѣются*).

Чибрикова. Атанде, мадамъ; я вотъ запишу у васъ мои счеты. (*Садится къ конторкѣ и записываетъ*).

Мад. Лизре. (*Верейской*) Madame! qu'est ce qu'il y a à vos ordres?

Темира. Maman vous prie de vous occuper de nos robes pour le bal de demain, on vient de vous apporter les étoffes. Votre couturiere sait comment

il faut les arranger. De grace faites votre possible que nous les ayons pour demain.

Мад. Лизре. Sans faute mesdames. Vous serèz satisfaites. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Рѣсницкій и Невѣринъ.

Рѣсницкій. Да входи, братецъ! чего ты испугался? ну не стыдно ли тебѣ? а еще Кавказскій воинъ! неустрашимо поражалъ Черкесовъ! и оторопѣлъ: гдѣ-жь? въ дамскомъ пріютѣ, на Кузнецкомъ мосту.... А! Надежда Андреевна! какой счастливый случай!... Позвольте вамъ представить Александра Васильевича Невѣрина, моего хорошаго знакомаго. (*Къ дочерямъ Верейской*): Mesdames! передъ вами неустрашимый Полькеръ, которому также легко осадить непріятельскую батарею, какъ провальсировать десять круговъ вальса à deux temps.

Верейская. Мы ужь знакомы по обществу. Вотъ мои дочери.—Намъ будетъ очень пріятно, если вы, когда-нибудь, насъ посѣтите. Откуда же вы пріѣхали въ Москву?

Невѣринъ. Изъ Пятигорска.

Темира. (*Тихо Надинкѣ*). Изъ Пятигорска! Ахъ, ma chère Эсперансъ, какъ это интересно! я думаю, онъ видѣлъ Шамиля. Поправь, пожалуйста, мою прическу.

Надинька. Воевалъ съ Черкесами! — Пожалуйста одерни мое платье.

Невѣринъ. Михаило Александровичь взялъ на себя трудъ представить меня вамъ; я вполнѣ обязанъ его дружбѣ.

Рѣсницк Ну не смущайся-жь, мой герой!
Будь съ дамами любезенъ, милый!
(Темирѣ): Немножко дикъ пріятель мой.
Вотъ испытать бы ваши силы
Ума и красоты —

Темира. Надинъ!
Займись — онъ этого достоинъ.

Надинька. Да какъ, скажите намъ, вашъ воинъ
Попалъ съ Кавказа въ магазинъ?

Рѣсницкій Баронесса Лирская, къ которой я заѣхалъ съ визитомъ, писала при мнѣ сюда записку касательно своего бальнаго платья; я вызвался лично передать въ магазинъ порученіе баронессы; только-что сѣлъ въ экипажъ, попадается мнѣ этотъ милостивый государь, я усадилъ его съ собою и лишь повернули съ Петровки, гляжу—вашъ ландо, сердце мое затрепетало—и, натурально, чувство радости овладѣло и моимъ спутникомъ.

Темира *(Невѣрину)*. Вы погостите у насъ въ Москвѣ?

Надинька. Повеселитесь на нашихъ балахъ?

Лидинька. На Кавказѣ какую польку больше танцуютъ? Здѣсь теперь въ модѣ Полька-мазурка и Полька-трамбланъ.

Верейская. Трамбланъ всего интереснѣе. Такая для меня прелесть эта Трамбланъ, что, если-бъ

не было совѣстно, сама бы, кажется, пустилась въ Трамбланъ. *(Дочерямъ)*. Старайтесь быть любезными. Женихъ съ Кавказа, молодецъ собою и конечно ужь съ состояніемъ, да это просто кладъ. *(Невѣрину)*. Знаете ли? Москва — дивный городъ для баловъ. Зиму только и дѣлаютъ здѣсь, что танцуютъ; да визитныя карточки развозятъ.

Чибрикова. А почемъ у васъ эти чепцы? покажи-ка, вонъ тотъ, съ лиловыми лентами. *(Параша подастъ чепецъ, Чибрикова подходитъ къ зеркалу и примѣриваетъ его)*.

Параша. Этотъ чепчикъ къ вамъ очень идетъ; совершенно по вашей головѣ сдѣланъ.

Чибрикова. Въ пору-то онъ въ пору! да какъ-то не фасонистъ, похожъ на воронье гнѣздо. Нѣтъ, мать моя, спасибо, больно старитъ этотъ чепчикъ. Попробуй я въ него нарядиться, сосѣди засмѣютъ и какъ разъ пожалуютъ въ бабушки. Пожалуйте-ка вонъ энтотъ, съ пунцовыми бантами.

Параша *(подавая другой чепчикъ)*. Это самый послѣдній фасонъ; только вчера получили изъ Петербурга, по машинѣ; еще нигдѣ, кромѣ нашего магазина,. и нѣтъ этихъ чепцовъ.

Рѣсницкій *(тихо Парашѣ*. Да и покупательницъ такихъ мало видно.

Чибрикова. Ну вотъ этотъ поскладнѣе, поцвѣтистѣе. А что за него безчестья?

Параша. Вы насъ, сударыня, обижаете. Мы ведемъ нашу торговлю на честномъ словѣ.

Чибрикова. Ахъ! мать моя! я вѣдь не къ тому сказала; честь ваша при васъ; я, только спросила, чего чепчикъ стоитъ?

Параша. Позвольте. *(Беретъ у нее чепецъ и разсматриваетъ приколотую бумажку).* 12 рублей.

Чибрикова. И, мать моя, дорогонько; возьми-ка цѣлковыхъ три; вѣдь нынче всюду торгъ на серебро, даже и у насъ въ Тамбовѣ никакой товаръ иначе не продаютъ.

Рѣсницкій *(Невѣрину).* Ужь не сестра ли это знаменитой Курдюковой?

Параша. Очень я это знаю, и мы вѣдь серебромъ просимъ.

Чибрикова Какъ? что? простой чепчикъ съ рюшемъ, съ аршинчикомъ ленточки, двѣнадцать цѣлковыхъ! да развѣ онъ какой блондовой? да въ своемъ ли вы умѣ?

Гдѣ это слыхано? Вамъ грѣхъ
Просить такъ дорого! въ обновѣ
Мнѣ нѣтъ большой нужды! не спѣхъ!
Куплю я чепчикъ и въ Тамбовѣ.
За что тутъ сорокъ дать рублей?
Нѣтъ! прохожу я здѣсь и въ старомъ,
А дома у меня пять швей —
Все смастерятъ и даромъ.

Параша. Какъ вамъ угодно. Дешевле не льзя отдать.

Чибрикова. Знаю, моя красавица, что запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Да уступите что нибудь. Усовѣсти ты свою хозяйку. *(Къ мадамъ Лизре).*

Мадамъ! голубушка! ванде! уступи, мадамъ, пожалуйста.

Мад. Лизре. Ah! qu'elle creature insupportable!...

Чибрикова. Что? что такое? креатура? за что? да по какому праву? что, развѣ я васъ обидѣла? что нашла дорогимъ вашъ чепецъ? прошу быть осторожнѣе, госпожа, Кузнецкая мадамъ! знайте съ кѣмъ дѣло имѣете? я не кто-нибудь. Я Перепетуя Яковлевна Чибрикова, столбовая Елатомская дворянка, по мужѣ, чиновница 12 класса; мужъ мой почтъ-содержателемъ былъ, имѣлъ на себѣ знакъ непорочной службы. Понимаете ли вы, что это такое?

Параша. Луиза Осиповна! какъ прикажете? Цѣна отмѣчена—12 р. сер., а они изволятъ давать только три.

М-мъ Лизре. Ah! qu'on le lui donne et qu'il n'en soit plus question.

Чибрикова. Что такое? говоритъ о костюмѣ? каковъ ни есть, матушка, дома сшитъ, не въ магазеѣ.

Параша. Мадамъ Лизре приказала вамъ отдать чепчикъ

Чибрикова. Ну вотъ давно бы такъ. Извольте получать денежки. *(Расплачивается)*. Уложите же вы мнѣ его хорошенько. *(Параша кладетъ чепчикъ въ картонку)*. Положили? ну, хорошо. Вотъ что значитъ: умѣть дѣло сладить; съ нарядымъ чепцомъ—и семь цѣлковыхъ дома. *(Уходя)*. Ужь подлинно модный магазей! такъ и наровятъ

обобрать, какъ липку; развѣсь только наша сестра уши—наскажутъ тебѣ съ три короба! и говорятъ еще, что неторгуются. Пустяки, пробуютъ чивость нашей братьи заѣзжихъ. А тоже, что и въ панской линіи, только въ томъ разница, что не зазываютъ. Да и на что? Мы, дворяне, сами лѣземъ къ нимъ на Кузнецкій мостъ. Въ эти обирательные магазеи, *(Беретъ свои свертки подъ руку и картонъ съ чепцомъ у Параши и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, кромѣ Чибриковой.

Темира. Voila une originale!

М-мъ Лизре. Ah! si vous saviez Mademoiselle, comme elle m'a obscedée avec ses emplettes. Je ne savais que dévenir.

Рѣсницкій, Madame! j'ai une robe a réclamer: la Baronne Lirsky m'a chargée de vous rappeler sa robe de bal.

М-мъ Лизре. Elle vient d'etre achevée et je suis persuadée que madame la Baronne en sera contente! Elle aime a se bien metre. Elle est svelte, bien faite, c'est une des plus belles personnes de la ville.

Темира. Стройна-то—такъ! да вотъ бѣда:
Чрезъ чуръ ретива для паркета.

Рѣсницкій. Какая ножка! талья!

Темира. Да —
Да—только съ помощью корсета.
А мужъ ея, ужь какъ смѣшонъ!
Какъ глупы всѣ его пруэссы!

Все въ Гранъ-сеньоры лѣзетъ онъ,
Супругъ хваленый Баронессы!...

Рѣсницкій. Вы нынче очень язвительны, Татьяна Михайловна, этого я неожидалъ отъ васъ. *(Невѣрину).* Ну что, какъ тебѣ она нравится? вѣдь умна?

Невѣринъ *(тихо Рѣсницкому).* Ничего невижу умнаго; кокетка и злословна. Я полагалъ найдти въ ней совсѣмъ другое.

Рѣсницкій. Смиренницу, чувствительную, нетакъ ли? что и говорить, ты сантиментальная душа. Выкинь, братецъ, эту дурь изъ головы, это условіе прошедшаго вѣка. Нынче ищутъ любезность и состояніе.

М-мъ Лизре *(Верейской).* Pardonnez madame si je vous quitte, j'ai des commandes à expedier. *(Уходитъ въ боковую комнату).*

Верейская. *(Невѣрину).* Вы знакомы съ Тороватовыми?

Невѣринъ. Знакомъ-съ.

Надинька. Располагаете быть у нихъ на балѣ?

Невѣринъ. Я получилъ приглашеніе.

Темира. Сбирается множество. Не знаю, гдѣ только помѣстится вся публика. Домъ Тороватовыхъ не великъ.

Рѣсницкій. Что-жь такое? Хоть бы еще былъ меньше. Не думаете ли вы, что Всеволодъ Саввичь отстанетъ отъ другихъ? Да онъ въ петлю полѣзетъ, а дастъ балъ; онъ, какъ ученый труженикъ, ищетъ степени студента—Аристократа.

Прокликалъ кличь на блестящій свой балъ, для того, чтобъ на другой день его бранили во всѣхъ концахъ Москвы.

Невѣринъ. Критики избѣжать нельзя, это общая участь всѣхъ, кто принимаетъ. Говорятъ, что домъ Тороватовыхъ убранъ прекрасно: изящная меблировка; все à la rénaissance.

Надинька. Помилуйте, страшная во всемъ безвкусица! ни въ чемъ нѣтъ комфорта.

Верейская. Этакихъ пестрыхъ домовъ поискать въ Москвѣ. Вотъ ужь, что называется: теремъ съ цацами!

Темира. Первый салонъ обставленъ какими-то раззолочеными креслами, съ пьющими журавлями, плющевые боскеты у входовъ, только, что въ нихъ недостаетъ щолкающихъ соловьевъ, потолки размалеваны подъ финифть....

Лидинька. А вспомните картины-то, ma soeur.

Рѣсницкій. Ну позвольте, картины не дурны, батальной живописи.

Надинька. Хороша батальная живопись! Мамаево побоище! людей полна передняя и швейцаръ разодѣтый, звонитъ всѣмъ при входѣ, умора да и только.

Верейская. А самая худшая мебель въ домѣ, это хозяева.

Невѣринъ (*въ сторону*). И у матушки и у сестрицъ язычки не бархатные.

Рѣсницкій. А что вы скажете о Грушенькѣ Тороватовой, одна изъ первыхъ невѣстъ въ го-

родѣ. Двѣ тысячи душъ въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Молода, хороша, образована, интересна...

Верейская. И полноте, Михайло Александровичь, не вы бы говорили, не я бы слушала, откуда вы насчитали эти тысячи? много, что пять сотъ, да и тѣ въ укладкѣ, извѣстно, что Тороватовы только пыль въ глаза пускаютъ.

Дѣвицы всѣ на перечетъ
Въ Москвѣ, съ хорошимъ воспитаньемъ;
У жениховъ одинъ расчетъ:
Найти невѣсту съ состояньемъ.
Здѣсь трудно истину узнать,
Въ учотѣ душъ обычай странный;
Сулятъ пять сотъ, а выйдетъ пять,
И тѣ давно въ казнѣ сохранной!

Темира. Что касается до лѣтъ Грушеньки Тороватовой, я очень хорошо ихъ знаю: семь лѣтъ назадъ ей было шестнадцать.

Рѣсницкій. Да она другую зиму выѣзжаетъ.

Верейская. Это удивляетъ васъ! извѣстная уловка матерей — держать дольше дочь подъ спудомъ, чтобъ она казалась моложе.

Темира. А ужь какая минодіерка, эта Грушенька! какая притворщица!

Рѣсницкій (*въ сторону*). Рѣшительно, онѣ никого въ покоѣ не оставятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже: Ракеткина и ея дочь Катенька.

Ракеткина (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Погубили! испортили! безъ ножа, что называется, зарѣзали?

(*Верейской*). Посмотрите, матушка, полюбуйтесь на свою работу! какъ вы одѣли мою Катишь? а еще слывешь лучшею магазейщицею въ Москвѣ.., бальное платье ей чуть не по колѣни. Вѣдь моя дочь не балетная танцовщица! ну чтожь вы молчите и вытаращили глаза? отвѣчай-те же?

Верейская. Что вы? въ своемъ ли умѣ? — за кого вы меня принимаете?

Ракеткина. Я же вамъ докажу себя! докажу, мадамъ Лизре!

Верейская. Опомнитесь, васъ надобно въ жолтый домъ посадить. Я такая же здѣсь мадамъ, какъ и вы...

Катенька (*тихо матери*). Полноте, маминька, вы ошиблись, это не модистка, позвольте мнѣ снять это платье, мнѣ право совѣстно!

Ракеткина. Нѣтъ, подожди, сударыня, вѣдь ты не шутиха (*Верейской*). Извините, если я ошиблась. Надо же мнѣ найти судъ и расправу. Завтра балъ званый, а Катишь моя безъ платья. Нельзя же куцей ѣхать.

Рѣсницкій, (*Смѣясь съ другими*). Успокойтесь, не гнѣвайтесь, сей-часъ придетъ хозяйка магазина.

Ракеткина. Извините, милостивый государь! это такое безчестье, такое невиданное посрамленіе, я никакъ не снесу. (*Хочетъ отворить дверь въ боковую комнату и встрѣчаетъ Парашу*). Пожалуйка сюда, ты, быстроглазая! что это вы настряпали съ вашей мастерицей? на что похоже,

Катишино платье? изкромсали у меня крепъ, котораго было очень довольно и на большой ростъ, что? видно матерія не ваша? все вамъ мало? сшили тюникъ словно на карлу. Видно, понадобилось вамъ аршинчика два на куколки?

Параша. Не знаю, сударыня, какъ это могло случиться, развѣ мы какъ нибудь мѣркой ошиблись. Сей-часъ переправимъ.

Катенька. Ахъ, нѣтъ, перешивать это платье ни какъ нельзя. Надобно его ужь такъ оставить, Оно мнѣ вездѣ узко. Видно не судьба мнѣ быть у Тороватовыхъ на балѣ. (*Плачетъ*). Что ни задумаю, ни что не ладится!...

Во всемъ мнѣ вѣчно неудача!
Переправлять! ужь кто видалъ....

Ракетк. Не льзя ли обойтись безъ плача?

Катен. Да въ чемъ поѣду я на балъ?

Ракетк. Какъ горю пособить мы знаемъ:
Надѣнь тюникъ зеленый свой.

Катенька. *(Все плачетъ).*
Что-съ?... быть зеленымъ попугаемъ,
Мнѣ передъ цѣлою Москвой!

Параша. Позвольте-ка, сударыня! я теперь только разсмотрѣла. Это вѣдь со всѣмъ не ваше платье; а барышни Горюнковой, которая гораздо ниже васъ ростомъ и худощавѣе. Вамъ отпустили его ошибкой; оба платья одинаковыя и уборка почти таже.

Катенька. Гдѣ же мое-то?

Параша Должно быть, отнесли къ Княгинѣ

Простите, ради Бога, нашу оплошность. Перепутали въ магазинѣ.

Ракеткина. Стало быть Катишино платье не укорочено; пошлите же поскорѣе обмѣнять. Вы такой настроили суматохи, столько надѣлали горя моей Катишъ, что хоть ложись да умирай.

Параша. Это наша вина, не гнѣвайтесь, сударыня! я сей-часъ прикажу послать за платьемъ къ Княгинѣ и чрезъ полчаса сама привезу къ вамъ.

Катенька. Да вы знаете ли, какъ меня зовутъ? запишите пожалуста, чтобъ не забыть: креповое, бѣлое платье Катеринѣ Самойловнѣ Ракеткиной.

Ракеткина. Ну, слава Богу! бѣда поправилась. (*Верейской*) еще разъ, извините, сударыня, я со всѣмъ было голову потеряла. Поѣдемъ, поѣдемъ, Катишь! надобно еще намъ завернуть къ парикмахеру. (*Уходитъ и Параша уходитъ въ боковую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, кромѣ вышедшихъ.

Рѣсницкій. Ну, что вы скажите объ этой дамѣ?

Верейская. Я, право, думала, что она бѣшеная, съ какимъ азартомъ на меня наскочила!

Надинька. Хороша, правду сказать, и ея Катишъ въ окороченомъ платьѣ.

Темира. Надобно быть Настасьей Ѳедоровной, чтобъ отрыть для балу такое знакомство.

Лидинька. Эта Катишь просто какая-то убогая; какъ она рыдала — ни на что не похоже.

(*Темира, входящей мадамъ Лизре.*)

A! vous voila madame. Nous venons d'etre témoins d'une nouvelle scene fort plaisante.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже: Лизре и Параша.

Мадамъ Лизре. Je n'en peux plus avec ces robes; je viens d'envoyer aprés celle que l'on a porté ailleur.

Гжа. Верейская. Которой-то теперь часъ? не пора ли намъ?

Невѣринъ. Второй въ началѣ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и слуга Нахрапкиной, потомъ слуга Тороватовыхъ.

Слуга Нахрапкиной. Барыня приказала получить здѣсь платья, которыя дѣлали къ балу. А баринъ велѣлъ узнать отъ хозяйки, не ошибка ли дискать въ старомъ счету; вотъ извольте посмотрѣть. (*Показываетъ счетъ*). Поставлено за все цѣны, а за разглаживанье барежеваго платья особо 3 р. сер. да еще за освѣженіе цвѣтовъ три же цѣлковыхъ.

Параша. Это мы со всѣхъ беремъ.

Верейская (*въ сторону*). Какія обязательныя! удивительно ли, послѣ этого, что скоро обогащаются въ Россіи?

М-мъ Лизре. Qu'est ce qu'il dit cet homme? что, душенька, хочетъ сказать для цвѣты?

Слуга Пахрапкиной. Баринъ именно мнѣ приказывалъ, смотри, говоритъ, Прошка, разтолкуй, этой мадамѣ, что она деретъ деньги безбожно. Вотъ вамъ записка. (*Отдаетъ*).

М-мъ Лизре. (*Прочитавъ записку и счетъ*). Mais, qu'est ce qu'il y a donc de trop? c'est tout à fait juste, нѣтъ много, эта настояща, что въ магазинъ стоитъ.

Слуга Нахрапкиной. Какъ вамъ, мадамъ, угодно; а только Пафнутій Сергѣевичь, баринъ мой, г-нъ Нахрапкинъ, приказалъ вамъ сказать, что за глаженье утюгомъ онъ не будетъ, ни подъ какимъ видомъ, платить денегъ; а цвѣты, говоритъ, и дома у меня вспрыснутъ водою.

М-мъ Лизре. Il ne sait ce qu'il dit! rendez lui les Robes. (*Уходитъ*).

Параша (*отдаетъ большой картонъ слугѣ*). Вотъ возьмите!

Слуга (*уходя*). Правду сказать, хорошій магазинъ! за тряпье берутъ деньги, а нашъ братъ хожалый никогда и гривенника не видалъ отъ нихъ на чай. (*Входитъ слуга Тороватовыхъ*).

Слуга Тороватовыхъ. Настасья Ѳедоровна Тороватова, прислала меня за барышниньмъ платьемъ, да велѣла спросить гирлянду, которую у васъ заказывала, да еще бѣлую мантилью, да вѣеръ съ марманбу, готово ли все это?

Параша. Только-что хотѣли было послать. Вотъ и счетъ всему; скажите барышнѣ, чтобъ

примѣрила платье; если неловко будетъ сидѣть, то чтобъ прислала, мы тотчасъ поправимъ.

Слуга. Понимаю. Позвольте мнѣ отъ васъ узнать, гдѣ мнѣ здѣсь найти Французскаго башмачника Блинова, съ ногъ сбился искавши его; сказали, что недалеко отъ стеклянной галлереи; всѣхъ спрашивалъ, не нашелъ башмачника Блинова; фамилія, кажись, подходитъ къ Русской, а ни кто его не знаетъ; адресъ же сдѣланъ, на бѣду, по Французски.

Рѣсницкій (*беретъ у него записку*). Дай-ка сюда: Cordonnièr Bruno, trois paires de souliers blancs. Какого же ты ищешь Блинова? тутъ сказано Брюно.

Слуга. Ну, такъ и есть Бриновъ. Такъ мнѣ барыня и толковала; я и не забылъ бы эту фамилью, да сбило меня вотъ что: говорю самъ себѣ, стоитъ только вспомнить блины, анъ вышло совсѣмъ не то... какъ бишь, вы изволили его назвать?

Рѣсницкій. Брюно!

Слуга. Ну ужь теперь не забуду. А мастеръ своего дѣла! отъ кого изъ нашей братьи ни послышишь, всѣ поминаютъ этого Брюлова. Крѣпко, говорятъ, работаетъ, да и нашего брата не забываетъ. (*Параша подаетъ ему картонъ, онъ, уходитъ*).

Верейская. А какое платье вы дѣлали Грушенькѣ Тороватовой?

Параша. Голубое газовое, на атласномъ чех-

лѣ; она блондинка, къ ней очень идетъ этотъ туалетъ; на голову надѣваетъ розовую гирлянду, съ незабудками.

Темира. Воображаю, какъ она будетъ въ этой гирляндѣ красива: маленькая, тоненькая...

Рѣсницкій. Талья у нее прекрасная.

Надинька. О вкусахъ не спорятъ, Михайло Александровичь! Грушенька Тороватова очень похожа на эти полевые желтенькіе цвѣточки, какъ бишь ихъ называютъ? ну да вы знаете; на нихъ обыкновенно образуется пуховая шапочка, какъ дунешь такъ пухъ и разлетится.

Лидинька. Одуваньчики, вѣрное сравненіе!

Невѣринъ, (*всторону*). Оставятъ ли онѣ кого нибудь въ покоѣ?

Верейская. Время намъ домой, надобно еще переодѣться, да ѣхать въ благотворительный концертъ. чтобы билеты даромъ не пропали. А вы...

Рѣсницкій. Нѣтъ, Надежда Андреевна! намъ съ моимъ пріятелемъ надо кой-куда еще съѣздить. Онъ, видите, еще знакомится съ Москвой. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Параша одна. Ну, у насъ нынче славный праздникъ въ магазинѣ; сколько гостей перебывало; хоть бы однимъ глазкомъ взглянула на этотъ балъ, изъ за котораго господа такъ захлопотались; а вѣдь чай, не лучше нашихъ маскарадовъ въ большомъ театрѣ? да ужь конечно не

будетъ такого раздолья, разгула, какъ въ маскерадѣ! въ прошлую зиму, на масляницѣ, подарилъ мнѣ билетъ одинъ гусарскій офицерчикъ, я достала себѣ хорошенькое домино, надѣла, какъ добрые люди, полумаску — и ужь потѣшилась же я порядкомъ, вплоть до разсвѣта.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Параша и Фификовъ.

Фификовъ. Есть у васъ бальныя перчатки?

Параша. Какихъ вамъ угодно? женскихъ или мужскихъ?

Фификовъ. Вы видите, что я не дама.

Параша. Спросите у перчаточныхъ мастеровъ. У насъ только дамскія.

Фификовъ. Да что же у васъ есть?

Параша. Всѣ принадлежности дамскаго туалета.

Фификовъ. Ну а можно ли у васъ имѣть румяна?

Параша. Румянъ мы то же не держимъ, мало спрашиваютъ. Зайдите въ косметической магазинъ, тамъ есть.

Фификовъ. Мало спрашиваютъ! теперь такъ стали румяниться, какъ ужь давно не красились. Въ Парижѣ вошли въ моду румяны, такъ и у насъ рѣшительно всѣ стали съ признакомъ здоровья: не различишь старухъ отъ молодыхъ!. . А сколько паръ платья поставилъ вашъ магазинъ къ завтрешнему балу? ваша фабрика, чай, работаетъ безъ устали. Вся Москва сберется у Торо-

ватовыхъ. Это скорѣе будетъ раутъ, чѣмъ балъ. На танцы нынче мало и охотниковъ. Надобно имѣть особый интересъ въ дамѣ, чтобы натирать съ ней паркеты. Всего вѣрнѣе пріѣхать на балъ передъ ужиномъ — à la bon ton — окинуть общество глазами, выпить бутылочку шампанскаго, выкурить сигарку или затянуться изъ трубочки въ особой комнатѣ, поболтать съ любезницами и потомъ явиться въ Англійской клубъ, для окончанія вечера. Что это, подумаешь, за прелесть — Москва.

Право, городъ дивный въ мірѣ!
Древній памятникъ вѣковъ!
Въ немъ большихъ чудесъ четыре,
Есть и сорокъ сороковъ.
Башня — колоколъ! царь-пушка!
И Иванъ великій есть!
Величавая старушка!
Всѣхъ красотъ ея не счесть.
Кремль зубчатый и большое
Въ немъ крыльцо изъ всѣхъ крылецъ!
Бьется сильно ретивое,
Какъ посмотришь на дворецъ,
На кольчуги, на писчали
Нашихъ витязей-бояръ,
На доспѣхи, что отняли
У Французовъ и Татаръ!...
Въ ней садовъ, бульваровъ много,
Изъ Мытищъ водопроводъ,
Есть желѣзная дорога —
Русскій коврикъ — самолетъ!
Меньше сутокъ въ Питеръ можно
Съѣздитъ, модный сшить нарядъ,

Покутить тамъ осторожно
И вернуться въ день назадъ.
Мостъ Кузнецкій, клубы, балы,
Здѣсь въ особенной чести,
Веселись — себѣ, пожалуй,
Лишь умѣй себя вести.
Тьма невѣстъ здѣсь малодушныхъ,
Селадоновъ позднихъ лѣтъ,
Сказокъ, сплетней, часто скучныхъ,—
Да, скажите, гдѣ жъ ихъ нѣтъ?

Параша. Прекрасно вы описываете Москву. Позвольте же спросить, вы здѣшній житель? служите здѣсь?

Фификовъ. Я просто, что называется, воспитанникъ природы, посѣтитель клуба и бульваровъ. Ношу усы и не брѣю бороды—для контенанса, а одѣваюсъ фантастически, какъ вы видите, для того, чтобъ быть замѣченнымъ, казаться интереснѣе.

Параша. А знаете ли что! хотите ли, чтобъ я вамъ сказала всю правду! не разсердитесь?

Фификовъ. Говори, говори, пожалуй, я люблю слышать правду, что можетъ быть милѣе правды!

Параша. Смотрите же, чуръ не сердиться! Вы себя этимъ уродуете; вы походите на большую обезьяну! словомъ, вы ни купецъ, ни баринъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Параша, Фификовъ и Переваловъ.

Переваловъ. Добраго здоровья, мамзель! какъ

васъ величать по отечеству? спросить позвольте-съ: дома хозяйка, или нѣтъ?

Параша. Что вамъ надобно?

Переваловъ. (*Вынимаетъ счетъ*). Не пуще большой счетецъ; за 12 штукъ братаго тарлатану, 26 кусковъ газу, кисеи букъ-муслиновой штукъ съ 10, да подкладочной марли, никакъ кусковъ 15.... аккуратъ все прописано въ итогѣ.

Параша. Хозяйкѣ теперь недосужно; зашли бы завтра. (*Фификову*). Ну, вотъ купецъ съ бородой, онъ въ своемъ быту много пристойнѣе.

Фификовъ (*уходя*). Дерзкая швейка! просто неучъ! чего требовать отъ торговки? невѣжа!

Переваловъ (*въ слѣдъ Фификову*). Смотрите пожалуста, какой азартный!... Настоящее дѣло-съ. По торговлѣ у насъ, изволите видѣть, всякой день сводится счетъ, недоимокъ въ книгахъ недопускаемъ, такъ-съ, настоящее дѣло, и потому слѣдуетъ поплатиться.

Параша. Вы не въ первый разъ ставите товаръ на нашъ магазинъ, стало быть можете быть увѣрены.

Переваловъ. Понимаемъ, любезное дѣло-съ; какъ ниже слѣдующій счетъ будетъ очищенъ, то на душѣ будетъ покойнѣе-съ, а для вашей хозяйки никакой разницы это не составитъ. Времена нынѣ, извольте видѣть, тугія, денегъ мало въ оборотѣ, такъ-съ, настоящее дѣло; нашъ братъ ходитъ подъ часъ, истинно—право, десяти цѣлковыхъ не соберешь, а за товаръ тоже надобно

расплачиваться; нынѣ, не приведи Богъ кредитоваться.

Параша. Ахъ! какіе вы сомнительные, кажется, за нашимъ магазиномъ ваши деньги никогда не пропадали. Ужь я вамъ сказала, завтра въ 10 часу; оставьте вашъ счетъ, я его отдамъ Луизѣ Осиповнѣ.

Переваловъ. Такъ-съ, настоящее дѣло-съ. Вы, пожалуйте, попросите ихъ, чтобъ не задержали деньгами; истинная нужда, изволите видѣть; доложу вамъ, нынѣ по лѣту, произошелъ съ нами казусный случай: отправили мы товаръ къ Макарью, на шести тройкахъ-съ, на имя крайне состоятельнаго купца Долгушкина, была при этомъ послана и накладная, хорошо-съ, любезное дѣло-съ, сумму слѣдовало получить въ Нижнемъ и были мы въ ожиданіи оной; что жъ бы вы думали? товаръ сложили, Ферапонтъ Прохоровичь выдалъ нашему прикащику въ полученіи полную квитанцію, и завѣрилъ его, что остальныя деньги высланы съ почтою въ Москву, настоящее дѣло-съ; молодецъ нашъ, не будь плохъ, на словѣ повѣрилъ ему, а денежки четыре тысячи серебромъ и теперь гуляютъ. Ну вотъ изволь послѣ этого вѣрить! другу и не другу закаешься кредитоваться.

Параша. Ну, да, это, просто, мошенникъ, и вы сами...

Переваловъ. Настоящее дѣло-съ.

Параша. На счетъ нашъ, говорю вамъ, будьте

покойны, деньги здѣсь вѣрныя, Богъ милостивъ, такого случая не произойдетъ, завтра все, до копѣйки, получите.

Переваловъ. Любезное дѣло-съ; и поэтому я пришлю завтра къ вамъ молодца, въ 8 часовъ утра, онъ будетъ дожидаться у дверей магазина, человѣкъ вѣрный и грамотный, къ пріему денегъ способный, любезное дѣло-съ. Въ полученіи онъ роспишется на счетѣ. За тѣмъ счастливо оставаться. Настоящее дѣло-съ! но касательно кредита долженъ вамъ сказать вотъ что-съ:

Упалъ ужь какъ-то весь кредитъ!
Къ богатству страсть всѣхъ одолѣла:
Всякъ обмануть лишь наровитъ —
Вотъ настоящее-то дѣло!
Сидѣлецъ смотритъ обсчитать
Покупщиковъ народъ почтенный,
Хитрятъ — подъ-часъ — и дочь и мать,
Хитритъ со старшимъ подчиненный,—
Тутъ госпожа, тамъ господинъ —
Не Господа честному слову!
Хитритъ и модный магазинъ:
Сулитъ заморскую обнову,
А весь товаръ—съ панской, отъ насъ. . .
Французъ мудритъ.... намъ,—молвлю смѣло—
Пора быть Русскими, пора-съ!
Вотъ настоящее-то дѣло.

Будьте здоровы, желаемъ вамъ всякого благополучія *(уходитъ. Параша провожаетъ его).*

П. Араповъ (*).

(*) Эта піэса уже одобрена Ценсурою для представленія на Театрѣ.

Издатель.

НЕ СТАЛО У ЛЮДЕЙ ПОЭЗІИ!...

Не стало у людей поэзіи!
Все рѣчь о скучныхъ *барышахъ:*
Съ какой-то *прѣсностью магнезіи*
Тоска тоскуетъ въ ихъ душахъ!

*
* *

И вотъ тяжелая *существенность*,
Какъ сѣрая, подъ осень, мгла,
Изъ душъ ихъ нѣжность и Божественность
Своимъ налётомъ изгнала́.

*
* *

Въ сердцахъ ни жизни, ни движенія,
Вездѣ фабричный трудъ головъ:
Любовь и *дружба*, какъ явленія
Не сбывшихся, давнишнихъ сновъ!...

* *
*

Увлекшись обаяньемъ *пластики,*
Въ угарѣ *славы міровой*,
Поэты — вѣка — *головастики* —
Живутъ и пишутъ *головой!...*

*
* *

Весь міръ становится *машиною*,
Гдѣ люди — *гайки*, да *винты:*
У *чувствъ*, — давно заплывшихъ тиною, —
Восторгъ и слёзы отняты.

*
* *

Спѣша къ находкѣ за находкою
Души бездушный опекунъ
Смѣется надъ своей сироткою
Умъ — старый демонъ и хвастунъ.

*
* *

Кругомъ обшарила *несчастную*
Его костлявая рука —

И собственность ея прекрасную
Онъ всю распродалъ *съ молотка!*...

* * *

Не стало у людей поэзіи,
Всѣхъ жметъ *расчетъ*, — стальной кумiръ, —
И безъ чудесъ *палингинезіи*,
Цвѣтовъ и звуковъ сгибнетъ міръ....

Ѳ. Глинка.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА.

Съ восторгомъ я смотрю на небо голубое,
Люблю глядѣть на синеву морей,
Но я всегда засматриваюсь вдвое
На томную лазурь твоихъ очей.

Какъ небо, — взоръ твой дышетъ красотою,
Какъ море, — онъ глубокъ, неуловимъ!
Ты взоромъ поведешь.... и я готовъ съ мольбою,
Какъ предъ богинею, упасть къ ногамъ твоимъ!

К. Петерсонъ.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Вотъ ужь и осень наложила
Свою суровую печать:
Сады и рощи обнажила —
И окна начали вставлять;
Вотъ слякоть на дворѣ — и грязно,
По камелькамъ дрова трещатъ,
А вотъ и пылію алмазной
Сады и улицы блестятъ!...
А что-же сердце? Тоже томно,
Упало, какъ осенній листъ;
И изъ своей свѣтлицы скромной
Я слушаю осенній свистъ!...

1845. *Авдотья Глинка.*
4-е Ноября.

РАЗСКАЗЪ, ВЗЯТЫЙ ИЗЪ *СОВРЕМЕННОЙ ЭПОПЕИ:* «СТРИКУЛИСТЪ.»

Герой этой повѣсти, П. Г. Транзигиловъ, не служащій Коллежскій Регистраторъ, лѣнтяй, бѣднякъ и постоянный посѣтитель клубовъ, всѣ свои надежды на счастливую будущность сосредоточилъ въ игрѣ: лото, палки, преферансъ — цѣль и средства его праздной жизни. Въ настоящемъ разсказѣ ему везло, какъ говорятъ игроки. Нѣкто А. К. Сдобный, далъ ему въ займы бѣленькую (25 р. ас.) и записалъ его въ клубъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Игрецкія, научныя выраженія и поговорки напечатаны курсивомъ. *Издат.*

Отрывокъ изъ главы 2-й.

Проигравшіеся, общипанные партнеры Сергѣя Алексѣича, съ кислыми лицами, отошли отъ стола и пошли уже отыгрываться между собою, возставъ другъ на друга... Транзигиловъ все это видѣлъ. Нѣтъ, думалъ онъ, вотъ кремень! вотъ человѣкъ (*), какимъ бы я желалъ быть!... и буду во чтобы ни стало!... и онъ опрометью побѣжалъ въ столовую, хватилъ сряду три рюмки очищенной, закусилъ, да еще три рюмки какой-то мальвазіи; его зашатало... Въ это время закусывалъ нѣкто Макаръ Семенычъ, всегдашній посѣтитель клуба. Какъ его фамилія, никто незналъ, но за то всѣ знали, что это Макаръ Семенычъ. *Онъ былъ въ подмазкѣ.*

— Петръ Григорьичъ, пойдемъ въ палки, сказалъ онъ Транзигилову.

(*) Панфиловъ, обыгравшій Сергѣя Алексѣевича.

«Да вѣдь ты ползаешь по маленькой и не позволяешь увеличивать.

— Эхъ, какой ты, братецъ! да развѣ ты-то, по большой играешь?

«Нѣтъ, ты ужь черезъ чуръ мелокъ, позволь увеличивать и *на вольныя фигуры.*»

Макару Семенычу сегодня смерть — какъ хотѣлось отыграться.

— Пойдемъ, почемъ хочешь, сказалъ онъ, я на все буду согласенъ.

«Ну, коли такъ, то пойдемъ.»

Макаръ Семенычь былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ людей, которые понятія не знаютъ въ игрѣ, съ которыми игроки дѣлаютъ всѣ возможныя продѣлки и они все-таки остаются въ выигрышѣ. Бывало Макаръ Семенычь назначитъ восемь фигуръ и изъ нихъ три прозѣваетъ; эти прозёванныя фигуры отжилитъ въ свою пользу противникъ, а къ Макару Семенычу все-таки придутъ остальныя пять фигуръ и онъ все-таки останется въ выигрышѣ.

Макаръ Семенычь назначилъ королей и дамъ по 25 р. асс. въ двѣ сдачи осадилъ Транзигилова и сказалъ: я кончилъ, сосчитаемтесь. За Транзигиловымъ оказалось 420 руб. асс.

— Дайте мнѣ пять рублей, сказалъ Транзигиловъ. Макаръ Семенычь, воображая, что это для сдачи, отдалъ ему пять рублей.

«Такъ за мной теперь будетъ ровно 425 руб., сказалъ Транзигиловъ, всталъ съ своего мѣста,

отправился въ столовую и еще хватилъ мальвазіи. Между тѣмъ Макаръ Семенычь долженъ былъ, какъ выигравшій, заплатить и за карты; отъ *запаленнаго чернячка* онъ пришелъ еще въ сильнѣйшую *подмазку* и сталъ метаться по всѣмъ комнатамъ, отыскивая себѣ игру; но игроковъ уже не оказалось, почему онъ опять подошелъ къ Петру Григорьичу и сказалъ, ужь какъ-то разсѣянно: не сыграть ли намъ еще?

«Да что, ты бастуешь на бездѣлицѣ; изволь, сядемъ на 12 королей съ фигурами, съ правомъ ставить, что вздумается, смотря знаешь эдакъ — по инстинкту.

«Ну хорошо, идетъ »

Транзигиловъ на сей разъ засадилъ Макара Семеныча въ уголъ къ печкѣ, такъ, что никому и подойти нельзя было, да и залѣпилъ ему восемь фигуръ, каждую по сту рублей.

«Велика!» сказалъ Макаръ Семенычь.

— Если такъ, то ничего нейдетъ.

«Ну хорошо.»

На сей разъ счастіе невполнѣ благопріятствовало Макару Семенычу; одна фигура оказалась на столѣ и пять на сторонѣ Транзигилова; тотъ примѣтно ободрился, и вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль: Макаръ Семенычь все ставитъ королей и дамъ,—подумалъ онъ: постой же! — И началъ четныя карты, которыя ему слѣдовали при сдачѣ, класть на верхъ, присоединяя къ нимъ королей и дамъ, а нечетныя

внизъ; *ударъ* выигралъ онъ огромный, такъ-что почти всѣ карты были у него въ рукахъ. Когда же онъ ихъ сталъ пересчитывать, то сдѣлалъ имъ *переплетецъ*, т. е. бралъ одну карту сверху и одну снизу, считая по парамъ; потомъ, показывая видъ, что потасовалъ колоду, онъ сдѣлалъ маленькій *коробочикъ* подъ четную карту и, притиснувъ колоду указательнымъ пальцемъ, далъ снять Макару Семенычу. Тотъ прямо наткнулся на *коробокъ* и снялъ подъ четную карту. Транзигиловъ былъ уже обеспеченъ, что всѣ фигуры будутъ на его сторонѣ.

— Хвати-ка, *сатани-ка* ихъ по 500 руб. сказалъ онъ Макару Семенычу.

Макаръ Семенычь уже неразъ испыталъ вѣрность ему дамъ и королей.

«Хорошо, сказалъ онъ — и написалъ: К. и Д. по 500 руб. Транзигиловъ началъ сдавать и выигралъ всѣ фигуры.

— Баста, сказалъ онъ — и по расчету получилъ съ Макара Семеныча пять тысячь рублей.

Макаръ Семенычь *осатанѣлъ*, въ полномъ значеніи этого слова, по всему клубу сдѣлалась суматоха; всѣ знали необъятное счастіе Макара Семеныча, его мелкую игру и совершенное безденежье Транзигилова, хохотъ распространился по всѣмъ заламъ. — Гдѣ, гдѣ этотъ Транзигиловъ, спрашивали многіе. Вотъ онъ, вотъ онъ! показывали знавшіе Петра Григорьича. Молодецъ! — прибавляли нѣсколько голосовъ. Одни

только закоренѣлые жители клубовъ, сидящіе молча съ трубочками подлѣ грошовыхъ преферансовъ и никогда не находящіе себѣ партіи, по извѣстнымъ имъ самимъ причинамъ, пришли отъ этого выигрыша Транзигилова въ ожесточеніе; они, съ неописанною завистію, по очереди, подходили къ Макару Семенычу, смотрѣли на него съ участіемъ и говорили въ одинъ голосъ: помилуйте, кого вы наградили? ну что вы могли у него выиграть? вѣдь извѣстно, что онъ игралъ съ вами на *брюнета* (*).

Макаръ Семенычь, кроткій, какъ овечка, слушалъ наставленія и кушалъ арбузъ; а нашъ Петръ Григорьевичь сидѣлъ уже бариномъ въ столовой, передъ нимъ стояла бутылка шампанскаго и онъ громко кричалъ человѣку: принеси мнѣ устрицъ! Онъ имѣлъ отвращеніе отъ устрицъ, но непремѣнно хотѣлъ разыграть изъ себя bon genre. Знакомыхъ у него на сей разъ не оказалось и потому онъ пировалъ одинъ. Онъ было пригласилъ Макара Семеныча, но тотъ съ досады отказался, только какой-то господинъ, проходя мимо, сказалъ Транзигилову на ухо въ то время, когда этотъ наливалъ ему бокалъ: мнѣ твоего шампанскаго не надо, а я, братъ, завтра утромъ заѣду взять свою долю *за четъ и не четъ,* а если не такъ, то я тебѣ, Макаръ, *испорчу* (*).

(*) Брюнетъ, — играющій въ долгъ на неопредѣленное время.

(*) Испортить, — значитъ: предупредить о фальшивой игрѣ, о безденежьѣ и т. п.

— Хорошо, хорошо, завтра поговоримъ, отвѣчалъ въ полголоса Петръ Григорьичь.

Между тѣмъ залы клуба начинали уже пустѣть, но Транзигилову никакъ не хотѣлось оставить этотъ храмъ счастія. Онъ никогда еще не имѣлъ и 100 руб. свободныхъ денегъ, а теперь у него было чистыхъ пять тысячь!... Онъ закурилъ трубку и сталъ ходить по комнатамъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. На игравшихъ въ лото, на мелкіе висты и преферансы онъ смотрѣлъ съ невниманіемъ, близкимъ къ самому обидному презрѣнію. Наконецъ раздался звонокъ, предувѣдомлявшій о штрафѣ, расчетливые люди начали убираться по домамъ; но что значитъ теперь полтинникъ для Транзигилова? въ одной рукѣ держалъ онъ трубку, а въ другой огромную грушу, которую также самонадѣянно, не сказавъ ни слова, взялъ съ прилавка кондитера. Тотъ удивился такому неожиданному похищенію и спросилъ его фамилію у человѣка.

Транзигиловъ, сказалъ человѣкъ, гость Кислова, и кондитеръ внесъ въ списокъ свою грушу.

Между тѣмъ растворилась дверь и вошелъ Князь Рукавниковъ.

— Принеси мнѣ, дружокъ, сигару, сказалъ Князь служителю, мягкимъ голосомъ, совершенно непохожимъ на тѣ повелѣнія, какія иногда даютъ Транзигиловы клубнымъ людямъ, какъ на примѣръ: ей, ей, ты, человѣкъ! подай скорѣе

трубку, табакъ у меня свой! ей, ты, клюковнаго морсу! ну, скорѣй!

Князь Рукавниковъ жилъ за границей, имѣлъ громадное состояніе, пользовался уваженіемъ всего общества; никогда неосторожное, оскорбительное слово не срывалось съ языка его. Играя по большой игрѣ, князь всегда отказывался отъ дольщиковъ. Я играю для разсѣянія, говорилъ онъ, и мнѣ не проигрышъ оставитъ непріятное впечатлѣніе, а то, что я своею неудачею могу ввести въ убытокъ другаго. Князь совсѣмъ не былъ записнымъ игрокомъ и игралъ непостоянно; всегда снисходительный, уступчивый, онъ сохранялъ благородное равнодушіе и одинаковое расположеніе, какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ. Ни одного слова неумѣстной радости при выигрышѣ, такъ озлобляющей противника, и ни одного слова ропота, при самомъ поразительномъ несчастіи, никто изъ играющихъ не слыхалъ отъ князя. Но когда князь игралъ, то онъ былъ весь вниманіе; не закрывая въ тентирѣ сдаваемыхъ картъ, онъ держалъ пари на огромныя суммы съ многими лицами и никогда еще не случалось, чтобы князь просмотрѣлъ свою карту; напротивъ, прп разсѣяніи противника, онъ самъ напоминалъ ему о его выигрышѣ. Князь пріѣзжалъ всегда въ клубъ безъ денегъ и, проигрывая по 10—20 тысячь и болѣе, обыкновенно вынималъ изъ портфеля клочекъ бумажки, разсѣянно спрашивалъ фамилію выигравшаго, иногда

даже его давнишняго знакомаго, потомъ молча вписывалъ сумму проигрыша и вставалъ изъ-за стола, сдѣлавъ вѣжливый поклонъ обыгравшему его человѣку. На другой день, ровно въ девять часовъ, пріѣхавши въ клубъ, побѣдитель встрѣчалъ уже князя, который, молча, при поклонѣ, вручалъ ему проигранныя деньги. Случалось, что князь не имѣлъ иногда на готовѣ денегъ—и, не смотря на то, что всякій ему съ удовольствіемъ бы отсрочилъ, или всякій бы далъ любую сумму на слово, князь не любилъ одолжаться, онъ обыкновенно на другой день призывалъ ростовщика, занималъ у него необходимую сумму на нѣсколько дней и возвращалъ съ огромными процентами. Въ то время, когда входилъ князь, ему подвернулся Транзигиловъ съ трубкою и грушею и неосторожно толкнулъ его. Князь извинился, осмотрѣлъ нѣсколько пристально незнакомую ему физіономію Петра Григорьича и прошелъ въ *инферналъ;* но тамъ уже никого не было, одни только лакеи стояли, вытянувшись, у дверей.

— А гдѣ Сергѣй Алексѣичь? спросилъ Князь человѣка.

«Изволилъ сей часъ уѣхать-съ.»

— А Панфиловъ и Кунцевъ?

«Тоже уѣхали, ваше Сіятельство!»

— Подай мнѣ лимонаду.

Транзигиловъ, самъ не зная—какъ, очутился въ *инферналъ*, сѣлъ въ углу на кушеткѣ и сталъ

смотрѣть безсознательно въ каминъ; князь не замѣтилъ его.

— Посмотри, любезный, сказалъ онъ человѣку, нѣтъ ли кого въ столовой и скажи мнѣ.

Человѣкъ воротился и отвѣчалъ: тамъ никого нѣтъ, ваше Сіятельство, т. е. есть, да незнакомые вамъ.

— Такъ скажи, чтобъ моя карета не уѣзжала, я сей часъ поѣду.

«Нынѣ вамъ нѣтъ игры, ваше Сіять—ство, сказалъ изъ другаго угла Транзигиловъ

Въ это только время князь его примѣтилъ, онъ приложилъ лорнетъ и, увѣрившись, что съ нимъ говоритъ человѣкъ незнакомый, отвѣчалъ вѣжливо:

— Да, я уже опоздалъ.

«А гдѣ вы изволили быть, ваше Сіять—ство?»

Этотъ наивный вопросъ вызвалъ на лицѣ князя улыбку, и онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ нельзя никакъ было пріѣхать ранѣе.

«А нынѣ была сильная схватка, большая катавасія, прибавилъ Транзигиловъ: Панфиловъ въ лоскъ положилъ Сергѣя Алексѣича и компанію.

— Право!

«Онъ выигралъ триста тысячь-съ.

— Право!

«И я выигралъ тоже, ваше Сіять—ство, я у Панфилова былъ въ долѣ, мнѣ досталось десять тысячь, (это онъ солгалъ), да еще у Макара Семеныча зашибъ тысченокъ пять

— А, такъ вы тоже играете? сказалъ разсѣянно князь, при чемъ, выпивъ стаканъ лимонаду и сдѣлавъ полупоклонъ новому знакомцу, онъ намѣривался уже уйти.

«Да вамъ не угодно ли играть, ваше Сіять—ство? вдругъ спросилъ его рѣшительно Транзиговъ.

— Съ кѣмъ же?

«Да со мной...

Неизвѣстно почему, князь пріостановился отвѣчать, потомъ слегка улыбнулся и сказалъ: стало быть votre journée n'est pas encore faite?

«И съ рефетомъ, ваше Сіятельство, и съ рефетомъ! какъ вамъ угодно...

«Ей, человѣкъ, карты и трубку! закричалъ Транзигиловъ и между тѣмъ выбѣжалъ изъ комнаты...

— Кто это? спросилъ князь у служителя.

«Транзигиловъ-съ.

— Транзигиловъ, Транзигиловъ,—твердилъ про себя князь, какой онъ круглый и черный!... Въ это время принесены были карты и появился Петръ Григорьичь, онъ быстро распечаталъ колоду и обратился къ князю.

«Почемъ вамъ угодно, ваше Сіять—ство?

—Извольте сами назначить, я буду на все согласенъ.

Транзигиловъ задумался.

«Вѣдь вы ломите большую, ваше Сіять—ство, я знаю, по этому я долженъ назначить...

— Я вамъ уже сказалъ, какъ вамъ угодно...

«Извольте, пуень по десяти рублей, а фигуры, на первый разъ, по пяти тысячь *съ пресомъ* вдвое.

— Pardon, какъ ваша фамилія?

«Транзигиловъ-съ... я живу въ Конюшенной, прибавилъ Петръ Григорьичъ, Богъ знаетъ уже для чего, — въ приходѣ у Власія-съ, деревянный домъ, почти на самомъ углу...

Князь приготовился сдавать, Транзигиловъ выдернулъ на удачу пиковую двойку и назначилъ ее *пресомъ*. Всѣ четыре двойки упали на сторону Транзигилова, онъ записалъ за Княземъ 25 тыс. руб. Когда пришла очередь сдавать Транзигилову, Князь поставилъ всѣхъ тузовъ ровно по 15 тысячь. Транзигиловъ сказалъ: очень хорошо, и дрожащею рукою взялъ колоду. По первымъ двумъ *абцугамъ* два туза уже были выиграны Транзигиловымъ. При началѣ таліи у него было мутно въ глазахъ, онъ не зналъ, какъ уравнять біеніе своего сердца, а теперь онъ уже могъ быть спокоенъ, въ эту талію проиграть ему уже не было возможности; но еслибъ кто внимательно всмотрѣлся въ физіономію Транзигилова, то именно въ эту-то счастливую минуту лицо его вдругъ поблѣднѣло, какъ полотно, и онъ смѣшался... что же такъ обезпокоило и озадачило нашего героя?... увы! онъ издалека услышалъ стукъ костыля Адама Калиныча и ужаснулся мысли, что патронъ, его записавшій и давшій

ему на разживу 25 рублей, вдругъ увидитъ его за такою страшною игрою. Между тѣмъ остальные тузы не выходили, а костыль стучалъ все шибче и шибче; ясно было, что Адамъ Калинычь шелъ въ инферналъ. Наконецъ послышался голосъ изъ другой комнаты:

— Тутъ есть кто-нибудь?

«Какъ же-съ, Князь Рукавниковъ и Транзитовъ, — отвѣчалъ человѣкъ

— Какой Транзитовъ?

«Транзигиловъ, отвѣчалъ другой человѣкъ.

— Чтожь они дѣлаютъ?

«Играютъ-съ.

— Ты, братецъ, блонды плетешь, сказалъ удивленный Адамъ Калинычь. — Транзигиловъ играетъ съ княземъ? да развѣ князь въ орѣхи началъ играть? и съ этими словами Адамъ Калинычъ появился въ инферналѣ. Онъ остановился, какъ окаменѣлый, у входа и сказалъ: князь! это вы?

«Я.

— Транзигиловъ! это ты?

«Я съ, отвѣчалъ тотъ.

«То-то, теперь и я вѣрю, что это ты, а то я думалъ, что это какой-нибудь Маркизъ Французскій, нѣтъ ли молъ у насъ какого другаго Транзигилова? и старикъ съ негодованіемъ подошелъ къ столу. Онъ ужаснулся, увидавъ огромную марку игры, но потомъ немного успокоился,

когда, окинувъ столъ, удостовѣрился, что его гость былъ не въ проигрышѣ...

Въ самое это время два туза упали на сторону Транзигилова. Баста! сказалъ въ восторгѣ Транзигиловъ, по окончаніи сдачи: я больше ваше Сіять—ство не играю, я бы и сталъ продолжать, но мнѣ нѣкогда, одно дѣльцо...

— Какъ ваша фамилія?

«Транзигиловъ-съ.

Князь записалъ его фамилію на вынутомъ клочкѣ бумажки, поставилъ противъ нея 85 т. руб. и всталъ, сдѣлавъ вѣжливый поклонъ Транзигилову. Транзигиловъ, расплачиваясь за карты, гордо бросилъ слугѣ 25 рублей, прибавилъ громко: сдачи не надо! и вышелъ изъ комнаты.

— Что вы это дѣлаете, Князь? сказалъ Адамъ Калинычь въ полголоса: вѣдь вы играли съ нищимъ... я ему нынче подарилъ 25 руб. ну что вы у него могли выиграть?

Князь улыбнулся. — Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ, бѣдному человѣку деньги нужнѣе, чѣмъ намъ съ вами... ну а вы, Адамъ Калинычь, что вы нынче сдѣлали?

— Ничего, сей-часъ понтировалъ въ *мамашку*, да не шло.

«Пора домой, сказалъ Князь и оставилъ Адама Калиныча; который на костылѣ догналъ объѣдавшагося грушами Петра Григорьича.

— Ну, проклятый! бѣги и молись Богу; благодари, что все такъ кончилось, а то вѣдь я

право тебя бы вотъ этимъ костылемъ отдѣлалъ .. какъ можно дѣлать такія мерзости?...

«Я не понимаю, что вы говорите, милостивый государь, прервалъ самонадѣянно Транзигиловъ, который былъ совсѣмъ уже не тотъ, что утромъ. Вотъ вамъ ваши 25 руб. что я у васъ занялъ... прошу васъ оставить меня въ покоѣ, — я самъ знаю, что дѣлаю, и мнѣ не надо учителей, убирайтесь съ своими совѣтами къ чёрту!

Адамъ Калинычь выпучилъ глаза и уже не нашелся, что отвѣчать. Транзигиловъ вышелъ въ швейцарскую и бросилъ 50 руб. на столъ.

— Вотъ вамъ, ребята, на чай! сказалъ онъ. Прислуга посмотрѣла съ удивленіемъ еще на недавняго паразита.

— Извощика! закричалъ Транзигиловъ, бодро выйдя на подъѣздъ. Катай, бестія, скорѣй въ Конюшенную, къ Власію!

«Знаю, знаю, отвѣчалъ ванька и помчалъ счастливца на своемъ тряскомъ колиберѣ. Имъ повстрѣчался рядъ бочекъ, который они объѣхали. На протяжный вопросъ будочника: кто идетъ? Транзигиловъ прокричалъ: *чортъ!* за симъ онъ промчался мимо освѣщеннаго дома Князя, гдѣ еще швейцаръ ожидалъ его у подъѣзда и, въ то самое время, когда Транзигиловъ повернулъ въ переулокъ, изъ противоположнаго переулка подъѣхала къ подъѣзду богатаго дома освѣщенная яркими фонарями карета Князя...

— Подожди! и я буду тоже ѣздить съ фонарями!... сказалъ про себя Транзигиловъ и какъ бы самъ испугался произнесеннаго имъ каламбура. Спустя минутъ пять онъ уже долбилъ въ калитку своего скромнаго жилища.

П. Вистенгофъ (*).

ВОЗЗВАНІЕ.

Покори, покори, покори
Эту землю мятежную!
Подари, подари, подари
Насъ любовію нѣжною!...
Развратилися мы,
Возмутилися мы,
Стали бурны умы....
Всякій злобой вскипѣлъ —
Не хватаетъ ужь стрѣлъ:
Всѣ, другъ въ друга, безщадно стрѣляютъ!
Жалки люди твои,
Стали всѣ судіи,
Всё корятъ, все слѣдятъ, все мараютъ!
Только, слѣпо любя,
Мы не судимъ себя —
Свое *я* и ростимъ и лелѣемъ!
Пусть порой и поймемъ,
Что не такъ мы живемъ;
Но поправить себя не умѣемъ!...

*
* *

(*) Авторъ «Очерковъ Московской жизни» и печатаемыхъ въ Москвитянинѣ «Записокъ игрока.» *Издатель.*

Обуздай, обуздай, обуздай
Это бурное жизни волненье!
Не кидай, не кидай, не кидай
Бѣдныхъ чадъ — суетѣ на съѣденье!...
Ты смиряешь волканъ,
Предъ Тобой ураганъ
Поджимаетъ свистящія крылья:
Онъ прошелъ, какъ бѣда,
Разорилъ города,
И лѣса повалились, какъ былья,
Отъ напора *его* ...
Отъ перста-жь Твоего,
Онъ разслабъ—и разстаялъ могучій!...
Но сильнѣе его
У народа сего
Произволъ, непокорно-летучій!...

*
* *

Укроти, укроти, укроти
Всѣ волненія вредныя;
Позлати, позлати, позлати
Струны сердца ихъ мѣдныя!...

Ѳ Глинка.

КАРТИНЫ

РУССКАГО БЫТА ВЪ СТАРИНУ.

Изъ записокъ, Москва 1845 года.

Весело жили въ старину на Руси. Не поньшѣшнему, не на показъ, а спросту, безъ роскоши, безъ щегольства, по силамъ. Теперь съ жалостью или съ насмѣшливой улыбкой смотрѣли бы на жизнь нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Смѣйтесь, смѣйтесь себѣ, черезъ чуръ оевропившіеся сынки и дочьки, надъ вашими старичками и старушками; а мнѣ отрадно рисовать въ моемъ воображеньи ихъ фламандскія забавы на пути жизни тихой, скромной, возможно-блаженной.

Нарисую же, сколько позволитъ память, картины Русскаго въ старину быта. Что было лѣтъ за 30 за 40 — спишу съ природы, что было за 50, 60 лѣтъ и дальше — съ разсказовъ: «съ преданій старины глубокой.»

И худое и доброе представлю въ истинномъ свѣтѣ. Ни яркихъ красокъ, ни мрачныхъ тѣней не накину ни на то, ни на другое. Всегда *прошедшее* — урокъ *будущему*. Станемъ же искать въ быломъ, не пищи только все унижающему самолюбію, а наставленій къ умаленію человѣческой гордости. Люди — вездѣ люди. Всѣ времена обнаруживаютъ свое смѣшное и разумное, свое нелѣпое и прекрасное, свое дурное и хорошее.

I КАРТИНА.

Утро.

Дворецкій, дворникъ, ключница, нянька и дядьки — первые на ногахъ. Дворецкій идетъ толкать подъ бока не милосердо храпящихъ слугъ на войлокахъ, подъ тулупами, по гостинымъ и заламъ. Это все народъ молодой, новобраный и непьющій. Они быстро схватываютъ и убираютъ свои подвижныя постели подъ лѣсницы, на чердакъ и въ чуланы. Это будитъ спящихъ по чуланамъ и подъ лѣсницами стариковъ, которые служили и пили «мертвую чашу» еще при дѣдушкахъ и бабушкахъ настоящихъ господъ. Въ прихожей валяются по залавкамъ самые вѣрные и надежные сторожа — крѣпыши, переставшіе пить, или пьющіе только по праздникамъ и съ господскаго позволенья, отправясь со двора на цѣлый день. Отпроситься со двора — значило: баринъ ужь и не спрашивай уволеннаго двое сутокъ!... въ первые онъ пьетъ, во вторые опохмѣляется. — Буфетчикъ, 60 или подъ 70 лѣтъ, послышавъ движеніе около своей канурки, выходитъ съ помойною лаханью, переночевавшей у его изголовья. Вотъ началась уборка покоевъ; некрашенные полы вспрыскиваютъ водою и выметаютъ, ужь не пыль, а грязь истертыми и ощипанными щетками; а на женской половинѣ ту же грязь выпроваживаютъ вѣниками, побывавшими не одну субботу въ торговой банѣ и пощекотавшими, до хохота, на полкѣ, не одну спи-

ну дебѣлыхъ горничныхъ. Между тѣмъ дворникъ будитъ, въ свой чередъ, конюховъ и отпираетъ ворота; а ключница будитъ поваренка, чтобъ скорѣе поставилъ на огонь черный чайникъ, самоваръ еще не въ большомъ былъ употребленьи, и спѣшитъ за сливками и сухарями; а няньки и дядьки моютъ, чешутъ и одѣваютъ барскихъ дѣтокъ; а конюха работаютъ то метлой, то скребницей. Тутъ повалилъ народъ со всѣхъ сторонъ: кто съ вязанкой дровъ. кто съ вязанкой сѣна, кто съ ведромъ воды, кто съ припасами съѣстными. Вотъ старый баринъ и старая барыня изволили выйти изъ спальной въ диванную черезъ дѣвичью. Служанки, толстыя, свѣжія, краснощекія, кланяются, принимаютъ разныя приказанія и разбѣгаются — такъ, что дѣвичья — хоть шаромъ покати! тутъ ужь барыня звони и кричи себѣ, сколько угодно: дѣвка! дѣвка! что вы, оглохли-что ли? Афимья! Малашка! Катя! тфу-пропасть! ни одной!... Явилась Кузьминична, ключница. — Помилуй, мать моя, да куда онѣ, окаянныя, прости Господи! запропастились? кличу, кличу, недокличусь!... Матушка, сударыня! дозвольте мнѣ, глупой холопкѣ вашей, доложить: всѣ за дѣломъ пошли; Афишу сами изволили за мною послать; я побѣжала сюда, а ее оставила у погреба, постеречи; Катю встрѣтила идучи — Катюша! Катюша! куда-молъ катишь?... бриться-де, барину — за горячей водой. А ты-молъ, Малаша!... Кондратьича позвать: вишь, вчера шпан-

скія кудри въ песокъ разсыпались... Добро, добро! да гдѣже Дашка, Сашка, Машка?... Всѣ, матушка, за дѣломъ: та — изъ спальной-то... понесла вонъ... рукомойники, та — собачку проваживаетъ, та — мѣдный тазъ кирпичемъ чиститъ, та—бѣлье дѣтское просушиваетъ... всѣмъ, госпожа ты наша милостивая! всѣмъ вдоволь хлопотъ! вѣдь у насъ же не Богъ вѣсть что дѣвокъ-то!... А чтожь дворецкій не является? — сказалъ баринъ, прихлебывая изъ блюдечка, въ родѣ лахани, и переливая на блюдечко за каждымъ глоткомъ теплую, чуть-желтоватую водицу, въ родѣ зеленаго чая, изъ чашки, въ родѣ суповой миски. — Здѣсь! прогремѣлъ въ дверяхъ высокій, круглолицый, лысый и дородный дѣтина, за 40 лѣтъ, держась одною рукою за замокъ, держа другую смиренно на груди и расположивъ, въ знакъ почтенія, пять пальцевъ, въ пяти промежуткахъ застегнутыхъ на петли пуговицъ: *по квартерамъ* — тогдашнее, военное выраженіе... Что скажешь?... Все, сударь, благополучно. Только Афонька, пока еще вы почивали, опять нагрубилъ мадамѣ, а мусью-то и кулаки показалъ... Ахъ, онъ бестія! ахъ, онъ каналья! на конюшню его .. Что вы нахмурились, дорогой читатель! не судите по началу разсказа о концѣ: если вы такъ привыкните разбирать все, что изволите читать, то вы вовся ничего не одобрите; никакая хрія не устоитъ при вашихъ подкопахъ, никакое предложеніе въ самой кудрявой рѣчи не дойдетъ до заключенія — и такъ

терпѣнье, читатель?... А Филька проспался? спросилъ баринъ. Каится, что вчера не вернулся отъ кума во время — сказалъ управитель — а всего-то за три дома и пропадалъ... Знаемъ мы вашихъ кумовьевъ! сидѣлъ мошенникъ въ кабакѣ; а я выхожу изъ гостей, кричу: Филька! Филька! не тутъ-то было! чужіе люди посадили меня въ возокъ. Хорошо еще, что хоть шубу оставилъ въ прихожей... Виноватъ, дуракъ! кругомъ виноватъ — что и говорить! а.... смѣю доложить... человѣкъ-то онъ — ражій! за что ни возьмись — на все гораздъ! а ужь усерденъ, усерденъ! да и то сказать — не льзя сказать, что бы ужь онъ былъ горькая пьяница... Какъ! не пьяница? да знаешь ли ты, пустая голова, пословицу: не тотъ воръ, кто крадетъ; а кто ворамъ потакаетъ. А ты еще вздумалъ вступаться за него—а!... Смѣю ли я вступаться за кого? господское слово—намъ законъ. А мнѣ, по глупости холопской моей, думалось, что онъ это... такъ... подъ-часъ... запоемъ... какъ бы болѣзнь какая... Въ солдаты его. Чтожь? вѣдь это бы не худо, любезный читатель! сколько шалуновъ военная служба, не только-что исправила, а даже возвысила, прославила и упрочила на благородномъ поприщѣ самоотверженія изъ безкорыстной любви къ отечеству?... Ну, пошелъ! молвилъ, нахмурясь баринъ. Управитель почтительно поклонился и вышелъ, приглаживая свой рѣдковолосый затылокъ. Баринъ остался очень доволенъ, что наконецъ

рѣшился, въ страхъ и назиданіе безчисленной дворнѣ, показать справедливую строгость надъ двумя изъ закоснѣлыхъ негодяевъ. Да вотъ бѣда: не пройдетъ получаса — Филька придетъ съ повинною; а повинную голову и мечь не сѣчетъ; за Аѳоньку повалятся въ ноги трясущійся всѣмъ тѣломъ отъ древности Федосѣичь — его отецъ, заслуженная, на костыляхъ, Парѳеновна, его мать, и бѣленькая, пригоженькая, въ слезахъ и въ трепетѣ Акуля — его четырнадцатилѣтняя сестра. И вотъ Филька опять будетъ пить мертвую чашу, а Аѳонька опять грубить встрѣчному и поперечному, по крайней мѣрѣ, до перваго рекрутскаго набора, если только до того времени не уйдутъ изъ лѣтъ, не уходятъ здоровье, или хоть не утратятъ переднихъ украшеній десенъ ... Сколько съ наборами, въ старину, бывало хлопотъ, побѣговъ, ловли, самоувѣчій!...

Плетется старая, престарая, самой старой барыни няня — и чебурахъ ей въ ноги. Что ты, Василиса Ѳоминична! что съ тобою, няня?... Согрѣшила, окаянная! попуталъ лукавый на старости!... Да, что такое? что случилось?... Охъ! мать ты моя родная! стыдно молвить, а грѣшно утаить... внучка-то моя... Варвара-то, негодная... отпросись у меня вечоръ въ гости — я дескать, бабушка, недалеко, вотъ черезъ пять что-ли-то дворовъ — свадьба-молъ, господа дѣвку выдаютъ за подьячаго — посмотрю только, какъ невѣсту пріодѣнутъ... поди себѣ... анъ и слѣдъ прос-

тылъ!... Какъ! затянула барыня—дома не ночевала?... за мужика ее... Вотъ и прекрасныя читательницы, особенно изъ барышенъ, сердито губки надули! да вы погодите гнѣваться: дѣло не такъ страшно кончится, какъ вы воображаете. А притомъ: мужъ, мужикъ, муженекъ, мужичекъ, мужчина, все это... да нѣтъ, о корнесловіи послѣ... Покорно благодарю! прошептала Василиса Ѳоминична — и поплелась къ себѣ на печку и думаетъ, распаривая свои высохшія косточки; заварила Варя кашу... что-то будетъ ко времени!... да, авось, ничего! а не то—не угадаешь—можетъ статься, и въ кормилицы возьмутъ: молодая-то барыня давно отдыхаетъ — чай, года съ полтора? не равенъ часъ! не узнаешь! Богъ милостивъ! и захрапѣла старуха въ сладкихъ мечтахъ о внучкѣ; а внучка-то вошла тишкомъ, сѣла подъ окошечко, «какъ ни въ чемъ не бывала» и пошла плести кружева, и ходятъ коклюшки взадъ и впередъ, и ставитъ тьмы темъ булавокъ рядами «какъ встрепанная»—и мурлычитъ себѣ въ полголоса пѣсеньку «какъ правая».

Вотъ входитъ въ диванную молодой баринъ, съ молодою барынею; за ними бѣгутъ дѣти, съ няньками и дядьками; а за ними выступаютъ мадамъ и мусье. Молодой баринъ и молодая барыня подошли къ ручкѣ стараго барина и старой барыни; внучатъ по-очередно подводятъ къ нимъ няньки и дядьки подъ благословеніе; дѣвчёнки, съ присѣданьями, мальчишки, съ расшар-

киваньями, лепечутъ: bon jour, grand papa! comment vous portez vous grand'maman!... мусье и мадамъ освѣдомляются о прошедшей ночи, о здоровьѣ, о морозѣ на дворѣ, хватаясь за носъ и уши, и съ ужасомъ разсказывая въ сотый разъ, какъ они у нихъ бѣлѣютъ на вѣтру зимою. — Тутъ старикъ — за Московскія вѣдомости, старуха — за чулокъ, сынокъ — за книгу, супруга его — за пяльцы, дѣти — кто за игрушки, кто за азбуку, кто за урокъ съ мадамой и мусье.

Такъ утро и пройдетъ, не суетно, не шумно, безгрѣшно, безпечально, до вожделѣннаго часа семейной трапезы, за которую всѣ, кромѣ эмигранта и эмигрантки, садятся съ крестомъ и молитвою. Послѣ обѣда вся семья, отъ мала до велика, подходитъ къ старшимъ поцѣловать ручку. Нынче этотъ православный обычай выводится: хозяевъ не благодарятъ за хлѣбъ—за соль, рѣдко кто перекрестится передъ столомъ, а ужь послѣ стола почти никто. Правда, было бы еще за что и благодарить. Конечно, въ старину гостепріимство неволило гостя: откушайте того, хлебните другого; оно и скучненько; да теперь другая бѣда, теперь, какъ будто не-хотя дадутъ вамъ мѣсто за столомъ, а ужь вѣрно не поподчуютъ васъ ни чѣмъ. За то, нынче какая непринужденность — скажутъ мнѣ: ѣшь, пьешь, говоришь — какъ кому угодно — не отягощая желудка и не связывая языка; а тогда, особенно семейные обѣды, чисто — монашеская трапеза; мол-

чанье прерывалось только возгласами къ дѣтямъ учителя или гувернантки: сидите прямо! не качайтесь! приберите ваши локти!... не спорю! нынче веселѣе, раздольнѣе, нынче и желудокъ и голова и сердце въ совокупной работѣ за обѣдомъ, нынче предлагаются и разрѣшаются многіе, очень важные, животрепещущіе вопросы — за столомъ и... и подъ столомъ; да недогадливыя наши бабушки не понимали ни краснорѣчивыхъ взглядовъ, ни разговорныхъ ногъ, только мадамы и мамзели — эмигрантки, злополучные выходцы къ намъ изъ Франціи, разумѣли этотъ языкъ глазъ и ногъ. Оттого дѣдушки были смышленѣе бабушекъ.

2 картина.

Обѣдъ.

Въ домѣ почетнаго барина назначенъ обѣдъ, по случаю радостнаго дня рожденья пятидесятилѣтней подруги его. Наканунѣ, свечера , поваръ призванъ въ столовую на совѣщаніе.

Баринъ. Завтра у насъ гости.

Барыня. Надо постараться, чтобъ не стыдно было чужихъ людей.

Поваръ. Кажется, всегда у насъ всего вдоволь.

Барыня. Горячее: супъ и уха.

Баринъ. Именинный пирогъ — въ полтора аршина, подать съ одной стороны, а кулебяку съ другой.

Поваръ. На холодное что прикажете?

Баринъ. На холодное — погорячѣе говядину, въ перекладку съ ветчиной.

Барыня. Потомъ блюдо рыбы.

Баринъ. Ну, а соусы — обыкновенное дѣло: красный соусъ, бѣлый соусъ, пуддингъ подъ ромомъ. Послѣ жаркаго хлѣбенное. Знаешь, этакъ, покозыристѣе. Вотъ это, что къ верху топырится балдахиномъ, съ обливными бисквитами, съ миндальнымъ печеньемъ, марцыпанами, съ сахарными вычурами...

Поваръ. Знаемъ-съ! сердечки изъ леденца, лавровые вѣнки изъ миндаля, грибки шоколадные, вензеля барыни и барышенъ..,

Баринъ. Въ заключенье — бланманже и желе.

Барыня. Теперь, поди съ Богомъ!

Гастрономическое примѣчаніе: Въ извѣстныя времена года праздничный столъ измѣняется. — Такъ, на примѣръ, съ Рождества буженина изгоняетъ говядину вплоть до новаго года; на масляницѣ появляются блины; о постахъ и говорить нечего, кто ихъ не знаетъ; а на Святой недѣлѣ зеленые щи и зеленый соусъ, вмѣсто краснаго и бѣлаго, также неизбѣжны за обѣдомъ, какъ крашеныя яица, куличь и чёрно-сѣрая четверговая соль за завтракомъ.

Поваръ ушелъ. Господа легли почивать. На зарѣ они отправились къ заутрени, потомъ къ ранней обѣдни, потомъ отдохнули часокъ, другой, потомъ отслужили дома молебенъ съ водосвятіемъ и со слезами, въ полномъ смиреніи, отъ

чистаго сердца, благодаря Бога за всѣ Его милости къ недостойнымъ рабамъ и неключимымъ грѣшникамъ. Тутъ баринъ и барыня пріодѣлись по праздничному и сѣли другъ противъ друга въ гостиной на жесткомъ канапе, принимать поздравителей и подарки, за которые придется послѣ въ свой чередъ отдариваться. Вотъ скоро первый часъ. Столъ накрытъ, *покоемъ* , и установленъ зеркальными, серебряными и стальными плато, съ фонтанами и фарфоровыми куколками: маркизы съ собачками, китайцы съ зонтиками, пастушки съ посошками, пастушки съ овечками и барашками и т. д. Лѣтомъ скатерть должна быть усыпана цвѣтами: астры, васильки, желтыя шапки, ноготки, барская спѣсь и т. п. Люди умыты и причесаны. Долгополые сюртуки починены и почищены. Руки только не такъ бѣлы, какъ снѣгъ — всегда въ работѣ; а перчатокъ въ старину и господа не носили. Съѣзжаются гости. Онѣ не киваютъ головой кой-кому мимоходомъ, не отдѣлываются полупоклономъ отъ хозяйки и пожатіемъ руки отъ хозяина; каждый гость и каждая гостья кланяются или присѣдаютъ, при входѣ въ пріемную, на востокъ и западъ, на полдень и полночь; потомъ мужчины подходятъ къ ручкѣ хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ барынь и барышень — и уносятъ сотни поцѣлуевъ на обѣихъ щекахъ; барыни и барышни, разцѣловавшись съ хозяйками и удостоивъ хозяина ручки, въ свой чередъ лобызаются между собою. Послѣ такихъ

трудовъ, хозяинъ приглашаетъ гостей, для подкрѣпленья силъ *пофриштикать*, или, какъ чаще говорилось тогда, *перекусить* до обѣда и *глотнуть* для возбужденія апетита. Крафины, штофы, бутылки, съ водками, настойками, запеканки и закуски — чего хочешь, того просишь! «ѣшь— не хочу!...» просто — роскошъ Лукулла! разница только въ томъ, что древніе обжоры возлежали съ своими амфорами за трапезой, а новѣйшіе лакомки на ногахъ одолѣваютъ хоть какой завтракъ.

Столовый дворецкій важно провозглашаетъ: «кушать поставлено.» Всѣ встрепенулись, засуетились и двинулись изъ гостиной длиннымъ польскимъ, по-парно, чинно, въ столовую. Тутъ мужчины отправились на одну сторону, а барыни и барышни на другую. Мѣста заняты по лѣтамъ, чинамъ и значенію. Домашней прислугѣ за всѣми не поспѣть, даромъ-что тогда не сдавали съ опорожненной тарелкой прибора, а все кушали, и сладкое и горькое, одною ложкою и вилкою, только ножи обтирая о корку хлѣба. Домашняя прислуга бѣгаетъ изъ буфета въ кухню, изъ кухни въ буфетъ, да обноситъ кругомъ стола кушанье и вино, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ названій; а за спинами гостей стоятъ и зѣваютъ съ тарелками ихъ же собственные люди, прибывшіе за возками, санями и пошевнями. Хозяинъ и хозяйка радушно и упрямо — стоитъ Демьяновой ухи — угощаютъ всѣхъ и каждаго; а

музыка съ хоръ, или изъ угла заглушаетъ всѣ молительные *пожалуйте, покушайте!... покорно благодарю!... да отвѣдайте! .. мочи нѣтъ!... хоть немножечко.. пьютъ для друга, ѣдятъ для себя... такъ хлебните рябиновки .. еще не прикажете-ль?...* а музыка-то гремитъ — трещитъ — бурлитъ — и только стукотня стульевъ съ концемъ обѣда и шумъ возсоединенія разлученныхъ столомъ паръ, для обратнаго шествія въ пріемную, покрываютъ трескотню и пискотню домашнихъ скрипачей, барабанщиковъ и *духоборцевъ:* фаготъ, волторны и т. п.. Между тѣмъ въ гостиной передъ главнымъ канапе столъ усѣянъ лакомствами: варенья, смоква, шептала и т. д.

Одолѣвъ три трапезы, надо отдохнуть — и начались опять рукоприкладства, ланитолобзанья, шарканья и присѣданья, съ поговорками: «не худо теперь на боковую;» время къ Храповицкому»... (дядюшка-то мой въ пословицу оборотился)... «и сытъ и пьянъ»... пора гостямъ со двора!...» «Гость до обѣда соловей, а послѣ обѣда воробей.»

3 картина.

Вечеръ.

Бьетъ 6 часовъ — домъ полонъ гостей. Не по-нынѣшнему. Нынче хозяинъ тремя часами позже освѣтитъ домъ, а ждеть, ждетъ, на-силу къ полуночи дождется званыхъ... за то куда-какъ много избранныхъ!

Послѣ обычныхъ привѣтствій, чмоканій и поклоновъ, почетныя изъ не играющихъ, ни въ карты, ни въ лото, лицъ размѣстились, семейными въ рамкахъ портретами по стѣнкамъ, на канапе, софу, лодочки и кресла, побесѣдовать, какъ слѣдуетъ степеннымъ особамъ, «о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ» — точь въ точь, какъ на теперечныхъ, у не-многихъ, безкартежныхъ, не плясовыхъ, умоохотныхъ вечерахъ, гдѣ записные говоруны, отъявленные остроумцы и неподдѣльно любезныя разговорщицы подъ-часъ изъ кожи и кожицы лѣзутъ вонъ, чтобъ завязать, поддержать, оживить разговоръ, который однакожь часто не клеится, прихрамываетъ, покачивается со стороны на сторону, словомъ: идетъ, какъ говорятъ Французы, à baton rompu, de coq-a-l'âne, т. е. въ перекидку, въ перебой, перерывисто, изъ пустаго въ порожнее. Странно! отъ чего бы это такъ иногда случалось? посмотришь — кажется, собрались все люди умные, образованные, начитанные, готовые, во-что бы ни стало, выручить, вынести на плечахъ радушныхъ хозяевъ изъ скучныхъ хлопотъ гостепріимства, люди испытаннаго краснобайства, слѣдящіе за полетомъ просвѣщенія во всѣхъ журналахъ, газетахъ и листкахъ, знающіе положительно все, что говорилось и случилось во всѣхъ камерахъ и парламентахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и минеральныхъ водахъ, люди, такъ сказать, погруженные во всѣ современные вопросы, истины и *афориз-*

мы!... западные дикіе парадоксы — сказать бы, да боюсь!. . Приведу нѣсколько примѣровъ: 1 Россія, говорятъ, еще далеко отстала въ человѣколюбіи отъ благораствореннаго Запада, съ его пауперизмомъ и пролетаріатствомъ, съ его гильотинами и пустынно-тюремнымъ жительствомъ преступниковъ, изъ которыхъ рѣдко кто не сойдетъ съ ума отъ одиночества и бездѣлья, 2: нашъ Петръ Великій вовся непохожъ на малорослаго Наполеона, который очень справедливо поступилъ, уничтоживъ Венецію и Геную; а. . . . . Суворовъ — пусть онъ себѣ Генералиссимусъ и начальникъ иноземныхъ войскъ—выѣзжалъ только на штыкахъ, да, какъ отчаянный, на стѣны лезъ съ своими безотвѣтными дикарями: доказательство тому — Измаилъ, Очаковъ, Прага, Туртукай и т. д. а въ сущности-то онъ какая-то воплощенная странность, какая-то загадка ходячая, и никогда не понять его ни Французу, ни Нѣмцу, ни Англичанину, ни Итальянцу, и при томъ этотъ хваленый Суворовъ былъ подъ Нови, какъ бельмо на глазу для непобѣдимой Франціи. 3: на Руси никогда не подумали зажечь пламенныхъ костровъ *инквизиціи* во славу Бога и въ знаменіе безкорыстной любви къ ближнему миролюбивой братіи; а между тѣмъ терпимость у насъ неразвита, — не такъ-какъ въ Римѣ, или хоть въ торговой Великобританіи; разсѣянные же повсюду на Руси Кирки и Синагоги, Костелы и Мечети доказываютъ только, что есть

у насъ упрямые народцы, которые явно продолжаютъ молиться по-своему, какая бы тутъ ни была господствующая вѣра. 4: Россія, Русь, Бѣлоруссія, Малороссія, Чермная Русь, Россіянинъ, Русъ, Россъ, Русскій, все это... будто не Русское, и всѣ слова эти — вымышленныя, или Нѣмецкія, искаженныя, и народа такого нигдѣ и никогда не существовало и, наконецъ, Словене или Славяне— (Я для того здѣсь *или* поставилъ, чтобъ меня въ журналахъ не бранили! *К. Шаховской* — производите ихъ хоть отъ *слова*, хоть отъ *славы*, вовся не были и не могли быть завоевателями, какъ люди простые и добрые, мирные и смирные, упросившіе Варягъ поцарствовать на такъ называемой Руси и угощавшіе столько разъ гостей незваныхъ—Татаръ, гостей непрошеныхъ — Ляховъ, гостей нежданыхъ — *двадесятъ языкъ* съ Корсиканцомъ; а такимъ образомъ: и такъ называемая Россія — (много-много, что собирательное слово) — эта, такъ называемая въ простонародіи Россія, какъ ужь сказано и доказано, ничего и никогда не завоевала — стоитъ только развернуть любую географическую карту, чтобы убѣдиться въ истинѣ этой современной истины. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ужь не Богъ вѣсть какая даль отъ любой колыбели этого не-воинственнаго государства, хоть отъ Новгорода, хоть отъ Кіева, хоть бы даже отъ Москвы, на примѣръ — до Камчатки и Американскихъ береговъ, до Арарата и Персіи, до Китайской границы и

Киргизскихъ степей? а ужь о Балтійскомъ, о Черномъ, о Бѣломъ, о Каспійскомъ моряхъ, о Дунаѣ или Прутѣ, о Царствѣ Польскомъ, о Княжествѣ Финляндскомъ и говорить нечего — это рукой подать, откуда ни двинься!.. Да и что жь вправду за пространство ужь будто бы такое огромное подъ этой Россіей? всего-то какая нибудь девятая часть шара земнаго, съ лишечками, да кой-гдѣ прирѣзками по краямъ и угламъ безобразной и вовся неокругленной площади, правильнѣе сказать, степи: вѣдь ужь теперь доказано Нѣмцами, что Россія, вплоть до Урала и Кавказа, гладкая, ровная степь, которую должно раздѣлить: 1 на *безлѣсную*, что бы ни говорили народныя сказки объ Ильѣ-Муромцѣ, съ его лѣсами, о Бѣловѣжской пущѣ, о лѣшихъ въ Новгородскихъ, Тверскихъ, Ярославскихъ, Костромскихъ лѣсахъ, о звѣряхъ въ Литовскихъ, Минскихъ, Вологодскихъ, объ отщепенцахъ въ Брянскихъ и прочихъ подобныхъ рощахъ и заросляхъ; 2 на *безводную*, сколько-бъ ни вздувались лужи—Пейпусъ и прочія, такъ называемыя озера, и куда-бъ ни бѣжали Волга, Днѣпръ, Днѣстръ и подобные имъ ручьи, и 3 главнѣйше — на *безгорную*, какъ бы ни таращились себѣ Валдай, холмы Москвы, Бѣлоруссіи, Вологды, Бессарабіи, Четырдагъ, Лисавы, Богдоула и т. п. мелочи. А что до Варваровъ, разныхъ племенъ и названій, которые когда-то, впрочемъ гораздо позже всемірнаго потопа, разгуливая, за отсутствіемъ мамонтовъ въ Русской

или Славянской Скиѳіи, разбѣгались отъ моря до моря, отъ Карпатскихъ горъ и Дуная до Скандинавіи и Китая, отъ Эльбы, Везера и Вислы до Тмутараканя, отъ Дакіи до Каспія, Кавказа и Киргизовъ, и которые, или истреблены, или прогнаны, или усвоены и обрусѣны, или усвоены и невполнѣ еще обрусѣны, по краткости времени, такъ это все сдѣлалось очень просто: одни сами собою вымерли, какъ допотопные мамонты, другіе доброю волею ушли, какъ и знобкіе слоны, а прочіе, какъ захотѣли. такъ и остались на своихъ мѣстахъ — и живутъ себѣ припѣваючи, не дуя въ усъ, спустя рукава, на морозѣ и на знoѣ, кто въ какой полосѣ родился: «кто гдѣ родился, тотъ тамъ и пригодился.» Про Словенскіе же разливы на востокъ и западъ, про подвиги дружинъ и полковъ Олега, Игоря, Святослава, Св. Владиміра, Ярослава, Мономаха, Св. Александра Невскаго, Димитрія Донскаго и прочихъ и прочихъ, про страхи Византіи со временъ Юстиніана и слѣпаго Велизарія, которому, какъ увѣрялъ любезный и добродушный Мерзляковъ:

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя...

и къ которому, также слѣпой и несчастный Жилинъ привлекалъ своимъ заунывнымъ пѣніемъ всѣ чувствительныя до-Наполеоновскаго времени сердца; наконецъ, про разселенія Славянскихъ народовъ отъ Балтики до Адріатики, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, про дань, изъ-стари платимую

Руси Ливоніей и Эстоніей, про Литовскій Статутъ, сочиненный, послѣ Русской Правды, на древле Русскомъ языкѣ, про древніе Русскіе города въ при-Балтійской сторонѣ, про церкви въ ней и Финляндіи, православныя искони, про все это и многое другое, подобное и не подобное передано, то Греками лгунами, то Скандинавами хвастунами, то Нѣмцами мечтателями. Однимъ словомъ: сообразя хорошенько лѣтописи, саги, хронографы, дѣеписанія съ преданіями, т. е. сказками, пѣснями, пословицами, поговорками, на каждомъ шагу увидишь, что наши жалкіе праотцы — въ качествѣ Славянъ... вовся не славны воинскими дѣлами; въ качествѣ же Словенъ.... слова путнаго не сказали!!

И такъ: Русь — чистый миѳъ; а Карамзинъ — смышленый бахарь, сказочникъ, балагуръ, не хуже Шлецера, Миллера, Хилкова, Щербатова, Болтина, Татищева, Елагина и подобныхъ этимъ краснобаевъ-разскащиковъ!!

Крутые лбы, горбатые носы и навислыя губы — искони признакъ ума-разума. Отчего-жь эти лбы, эти носы, эти губы сидятъ около стѣнокъ, нахмуря лобъ, повѣся носъ, надувши губы? Видно у нихъ зашелъ умъ-за-разумъ?... И ништо имъ! не сиди сложа руки, не цыгань играющихъ въ карты, которые преспокойно-себѣ

размѣстились за ломберными столиками. Маріажъ, ламушъ, бостонъ, ломберъ, три и три, тентере, пикетъ, а иногда и трикъ-тракъ, и шахматы и по-просту шашки пріятно разнообразятъ занятія старушекъ и старичковъ. Въ боскетѣ или диванной охотники до науки о числахъ слѣпятъ себѣ глаза за лото и три часа къ ряду, при протяжномъ напѣвѣ знаменательныхъ чиселъ, безпрерывно вскрикиваютъ, въ нѣсколько голосовъ: амбо! терно, кватерно! выигралъ! выиграла! Въ залахъ молодежъ играетъ въ затѣйливые фанты: охъ болитъ! что болитъ? сердце!... отгадай — не скажу!... Потомъ въ жмурки, потомъ въ веревочку, потомъ въ булавочку, наконецъ въ кошку и мышку.

Между тѣмъ въ отдаленномъ кабинетѣ, куда ускользаютъ изъ залы черезъ коридоръ только жрецы и жертвы фортуны, протянутъ длинный рядъ сплоченныхъ столовъ. Посреди заботливо тасуетъ карты банкомётъ; по-обѣ руки и противъ него расположились его товарищи для зоркаго наблюденія за срывальщиками, чтобъ не сказать сорванцами, за понтёрами; кругомъ небрежно ломаютъ колоды ополчившіеся на царя Фараона витязи. Кипы ассигнацій, кучки золота и груды серебра на столѣ. Игра начинается, углы загибаются, мелки рисуютъ роковыя числа по зеленому сукну, бумажки летаютъ изъ рукъ

въ руки, червонцы и цѣлковые бѣгаютъ взадъ и впередъ по столу, счастливыя карты въ безпрестанной работѣ, несчастливыя сыплются подъ столы, кто на выдержку, кто на рутэ, кто на угадъ; тотъ пароле, тотъ кѐнзелево, тотъ на пэ, тотъ отписалъ, тотъ мазу; тамъ соника, тутъ пліе, тотъ зашибъ, тотъ прошибся; сердца бьются, лица блѣднѣютъ, глаза горятъ, руки дрожатъ, губы судорогами подергиваетъ, брови хмурятся, ноздри раздуваются... и жаръ и холодъ, и говоръ и мертвая тишина!...

Въ дѣвичьей также кипитъ игра: въ дурачки, въ фофаны, въ любопытную, въ навалку. Горничныя забавляютъ дѣтокъ барскихъ картами. Въ лакейской потѣшаются по-носкамъ и въ горку. Только самые степенные изъ домашней прислуги не участвуютъ въ забавѣ гостей — скороходовъ, гайдуковъ и араповъ. Эти, разумѣется, люди пожилые, удалясь въ чуланчики, вяжутъ чулки, портняжничаютъ, или постукиваютъ молоткомъ по гвоздямъ и подошвамъ, пришиваемымъ къ новымъ головкамъ старыхъ голенищъ, или тихонько распоряжаются шиломъ, обсоюзивая протертые передки, или отдираютъ изношенныя подметки отъ сапоговъ, отданныхъ въ перетяжку. Въ будни всѣ эти работы производятся явно, на всей красотѣ, въ прихожей, на крыльцѣ, а когда господа въ гостяхъ, такъ и въ офиціанской.

Вотъ ужь фанты разыграны и выкуплены десятками поцѣлуевъ, то съ хохотомъ, то съ опу-

щенными глазками, съ румянцемъ стыдливости, и будто не хотя, и будто равнодушно, а иногда такъ съ біеніемъ сердца и съ тайнымъ пожатіемъ руки. А длинные ряды тѣней: блѣдныхъ, красныхъ, желтыхъ, черныхъ, зеленыхъ — приросли къ роковымъ столамъ губительнаго банка!..

. . . .

Вотъ ломберъ и бостонъ, ламушъ и марьяжъ, пикетъ и тентере, три-и-три и трикъ-тракъ кончены; шахматы и шашки оставлены; училище ариѳметики — лото, закрыто; и бесѣда неиграющихъ оживлена разсказами пришельцевъ о странныхъ и рѣдкихъ играхъ, о побѣдахъ и пораженьяхъ, объ игрецкихъ тонкостяхъ и прорухахъ, о пикахъ и репикахъ, о шлемахъ и капотахъ, о доведяхъ и шахахъ, о двухъ квинтахъ у одного игрока и т. п. А длинные ряды тѣней: блѣдныхъ, красныхъ, желтыхъ, черныхъ, зеленыхъ— приросли къ роковымъ столамъ губительнаго банка. . . . .

. . . .

Вотъ и ужинъ готовъ, и ужинъ конченъ и гости разъѣхались, и хозяйки отправились на покой, и хозяинъ захрапѣлъ въ углу.... а страшныя тѣни всѣхъ цвѣтовъ—прикованы къ доскамъ нескончаемой пытки!... . . . .

. . . .

Прошла ночь, прошло утро; а они—банкометы и понтеры.... нѣтъ! ужасна эта картина; оставлю ее недописанною....

4 картина.

Балъ.

Въ-старину и на балы сбирались, какъ на простые вечера: въ 6 часовъ двѣ плошки ужь теплятся у крыльца, продувной фонарь озаряетъ дорогу отъ воротъ къ дому, на лѣстницѣ, по стѣнкамъ, горятъ, или, правильнѣе сказать, таютъ сальные огарки, въ прихожей цѣльная свѣча перемѣстилась изъ будничной бутылки, съ разбитымъ горлышкомъ, въ жестяной подсвѣчникъ, въ пріемныхъ покояхъ стеклянныя, на проволокахъ, подвѣски блестятъ отъ огня дрожащихъ и оплывающихъ въ люстрахъ свѣчей-аплике (сало, налитое въ восковой чехолъ), жирандоли ярко отражаются въ покрывающихъ простѣнки зеркалахъ, а на окнахъ маканыя, (сальныя, толстофитильныя), свѣчи воткнуты въ деревянные, некрашеные треугольники, съ тремя жестяными горлышками по концамъ и на верхнемъ углу.

Открывается балъ. «Длинный польской» потянулся извивистой змѣей по всѣмъ горницамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, спутницы ихъ въ этой чинной прогулкѣ, выкидываютъ разныя продѣлки: то щеголевато кланяясь и присѣдая, то миловидно изгибаясь и повертываясь, то важно скользя и пошаркивая, то замысловато покачиваясь и прискакивая на одну ножку. Вотъ начинается отбой: непопавшіе въ польской мужчины, одинъ, за другимъ, оста-

навливаютъ первую пару и хлопнувъ въ ладоши отбиваютъ даму; кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются слѣдующимъ, переходя отъ одной къ другой; а кавалеръ послѣдней пары остается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется въ боскетъ или къ одному изъ картежныхъ столовъ, отдохнуть отъ своего подвига; а иной, преслѣдуемый обидными со всѣхъ сторонъ словами: усталъ! въ отставку! на покой! отчаянно бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданыя-нежданныя встрѣчи, извиненья, шутки, прибаутки весело кончаютъ длинный польской, къ общему удовольствiю.

Я не засталъ ни бархатныхъ, или атласныхъ кафтановъ, ни раздувавшихся парусами фижмъ, ни знаменательныхъ мушекъ, ни даже бѣлилъ, румянъ и сурмилъ, которыя, впрочемъ, опять стали появляться на Руси, къ преждевременной старости кожи, къ ущербу зубовъ и къ превращенiю волосъ въ войлокъ. Я говорю, однако, слышанное отъ зоркихъ людей; а самъ этого не видалъ — я близорукъ и никакъ не умѣю отличить бѣлизны отъ бѣлилъ, румянца отъ румянъ, крашеныхъ бакенбардъ отъ природно-черной опушки лица, ни поддѣльной округлости и полноты отъ неискуственной прелести стройнаго стана; словомъ: я ничего не вижу, не замѣчаю — я женатъ и мнѣ въ будущемъ 1846 году стукнетъ 50 лѣтъ.

Вообще же я имѣю больше довѣрія къ смуглымъ, блѣднымъ, сѣдымъ и худощавымъ—тутъ не боишься обмана; а ужъ черезъ чуръ бѣлыя, румяныя и какъ въ черную рамку вставленныя лица—какъ-то.... однако-жь, что мнѣ до нихъ за дѣло? я, вѣдь, не Балтазаръ Балтазаровичь Баронъ фонъ-Штольнъ-Шихтъ-Шплейзафенъ и Оберъ-бергъ-гауптманъ, котораго за длинно-не Русское названіе въ одномъ городкѣ когда-то унтеръ-офицеръ не пустилъ было въ заставу, смекая, что онъ насмѣхъ выдумалъ такую тарабарщину, что-бъ сбить унтерскій постъ съ толку, и который, Балтазаръ Балтазаровичь, Баронъ фонъ-Штольнъ-Шихтъ-Шплейзафенъ и Оберъ-бергъ-гауптманъ, ненавидя контрабанды и разговаривая однажды въ театрѣ съ извѣстнымъ щеголемъ временъ Александра, гласно доказывалъ ему, будто бы онъ, щеголь, весь, съ ногъ до головы, воплощенная контробанда: и цвѣтъ лица, и цвѣтъ волосъ, и полнота икръ и высота груди, и круглота рукъ, все это ходячая контрабанда.

Не говорю о станѣ, статности и статяхъ дѣйствующихъ лицъ на балѣ. Это всегда зависитъ, болѣе или менѣе, отъ покроя одежды, отъ выше или ниже поднятаго, или опущеннаго пояса, отъ узкой или широкой посадки платья на плечахъ, груди и спинѣ, отъ присутствія или отсутствія крахмала, при чемъ одна и та-же красавица обращается то въ гору, то въ дудку. Но не льзя пройти молчаніемъ ручки и ножки нашихъ дѣлу-

шекъ и бабушекъ. Руки обыкновенно выгибались дугообразно, поднимались, съ особенною важностію, опускались тихо, мѣрно и никогда не висѣли плетью, а всегда держались полукружіемъ, въ родѣ не натянутаго тетивою лука. Что до ногъ: онѣ такъ были вывернуты, что, при первой постановкѣ танцующихъ, пятки казались сросшимися близнецами. Не понимаю, какъ такія ноги ходили, танцовали, даже бѣгали и прыгали, да еще на превысокихъ каблукахъ! Мнѣ кажется, что и теперь еще, по носкамъ башмаковъ или сапоговъ, можно распознать учившихся классически и самоучекъ — романтиковъ: если носки глядятъ въ противоположныя стороны, на лѣво и на право, а пятки цѣлуются—эти ноги были въ рукахъ, по-крайней-мѣрѣ, Ламираля, Морелли или Саломони; если же носки помахиваютъ на ходу прямо подъ носомъ, или, непримѣтно, чуть-чуть уклоняются вправо и влѣво — эти ноги моложе даже Іогеля, который по-сю-пору выправляетъ и руководитъ, конечно, четвертое, если не пятое, плясуновъ и плясавицъ, поколѣніе—и колѣна, вовся не сгибающіяся, или до того сгибающіяся на ходу, что пятки, ни-вѣсть куда попадаютъ.... эти колѣна ужь самыхъ отчаянныхъ *нео-ходоковъ:* первыя—чистые *оксиданталы,* школы братства не сгибающагося и только личности своей поклоняющагося (гегелисты, прогресисты, гуманисты и т. д.); вторыя—природные *Словенофилы*, школы трепаковъ, (надо видѣть ихъ кама-

ринскаго мужичка, трепака, голубца, казачка, и т. д.).

Но оставимъ политико-философо-ученыя изслѣдованія о значеніи народной пляски и походки въ психологическомъ отношеніи. Постараюсь лучше вспомнить нѣкоторыя отличительныя черты щегольства, совершенно измѣнившагося уже послѣ нашествія на Россію Запада съ Наполеономъ. Начну съ головы. Прически, наколки и гребни постоянно приближали женскія головки къ небу. Мужскія головы, также къ верху съ невыразимо взбитыми волосами, безпрестанно напоминали о вѣчныхъ снѣгахъ

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный основали,
Гдѣ.... и т. д. *Херасковъ*.

По-просту сказать, бѣлая пудра летѣла съ головы, по вѣтру и противъ вѣтра, во всѣ стороны и щедро осыпала и друзей и не-друговъ.

Шеи мужскія всегда были украшены бѣлою кисеею, а грудь манижкою, съ батистовыми брыжами въ мельчайшихъ складкахъ. Женщины показывали только шейки, горлышко и чуть-чуть изъ-подъ душки верхнюю часть груди—косточки, (дѣвушки ни чего не показывали); а ужь ни пуховой спинки à la venus, ни крылообразныхъ лопатокъ à la papillon, ни волнуемыхъ любовью, или вальсомъ прелестей, à la nourrice, въ тѣ патріархальныя времена ни видомъ не видано,

ни слухомъ не слыхано!... Говорятъ будто бы наши бабушки и прабабушки рѣже занемогали простудою, любовію, спазмами, завистью, хандроіі и нервной слабостью, чѣмъ наши сестрицы и кузины.... А отчего бы ихъ ручки — единственный образчикъ, или, правильнѣе сказать, казовый конецъ женскоіі красоты, надъ которымъ только и возможны были наблюденія — отъ кисти до локотка — большею частью бывали красно-багроваго цвѣта? не ужь-то же это признакъ чистоты, невинности и мира душевнаго?... да, кажется, такъ: безмятежное и непорочное сердце не откидываетъ кровь то въ лице, то въ голову, то въ разныя полости, отъ чего и шумъ въ ушахъ, и краска въ носу, и блѣдныя губы, и стѣсненіе въ груди, и перемѣшанная со вздохами зѣвота; кровь преспокойно течетъ себѣ, куда и какъ слѣдуетъ, обтекаетъ и орошаетъ всѣ части разумно и правильно, ни на какую безъ пути и безъ толку не напретъ, ни какой и не заморитъ медленностью или застоемъ; а оконечности-то между тѣмъ не блѣднѣютъ и ноготки на пальчикахъ такъ и глядятъ румяными корольками—рѣшено: красныя ручки—вывѣска добродѣтели, безмятежности и чистоты.

И такъ мое почтеніе, почтеннѣйшія бабушки! не хочу и времени тратить надъ описаніемъ вашихъ нарядовъ, да и стоитъ ли труда говорить о нарядѣ куклы? а вы—извините мою откровенность—вы, по нынѣшнему, именно—куклы: вы,

если и случалось вамъ подъ часъ помечтать смолоду, такъ это были мечты, все какія-то тихія, безгрѣшныя, о суженомъ, о ряженомъ; а чуть пошлетъ вамъ Богъ желаннаго супруга, по сердцу и благословенію родителей, а вовся не по вашему выбору, вы и забросите дѣвичьи и дѣвственныя мечты за печку, да только ужь и знаете, что вязать сожителямъ своимъ колпаки и нагрѣвать на изразцевой лежанкѣ ночное бѣлье, дѣтскіе свивальники и пеленки. Вы если и читали иногда романы, такъ васъ плѣняла Памелла—награжденная добродѣтель; а тревожилъ Ринальдо Ринальдини—просто разбойникъ; верхъ же упоительной чувствительности для вашего невиннаго воображенія, это — письма Терезы и Фальдони, которыя—кто бы подумалъ—перевелъ съ Французскаго на Русскій угрюмый Профессоръ М. Т. Каченовскій. Вы понятія не имѣли объ изящности и изяществѣ не-человѣческихъ страстей, о буряхъ сердца восторженнаго, о проклятіяхъ, отравленіяхъ, убійствахъ, самоубійствахъ, о невинныхъ, благородныхъ, силою обстоятельствъ оправдываемыхъ кражахъ и зажигательствахъ, о невыразимыхъ наслажденіяхъ: страдать любовью преступною, непобѣдимою, роковою, изступленною и быть *непонятой* любовью законною, наконецъ, о блаженствѣ: встрѣтить какого нибудь Антоніо, безъ рода, безъ племени, безъ званья, безъ имени, безъ чести, безъ совѣсти—и для него забыть и мужа и дѣтей, и отца и мать, и вѣру и ро-

дину.... да, добрыя бабушки! вы не постигали, въ своей дѣтской простотѣ, сколько во всемъ этомъ великаго, высокаго, прекраснаго, безкорыстнаго, западнаго! сколько нужно на это просвѣщенія, твердости, мужества, однимъ словомъ, силы духа, (libre arbitre) — своеволія разума!... Цѣлую ваши, дуго-радуго-образныя, ручки, мои, неповинныя бабушки! и бѣгу отъ васъ къ вывернутымъ на изнанку ножкамъ дѣдушекъ. Ножки ихъ и... какъ бы сказать... и сытная часть туловища отличались щегольскимъ нарядомъ: плисовое или саржевое полуплатьице, почти дѣтское, едва застегивалось четырестороннимъ бантомъ и чуть держалось на свободно перекинутыхъ черезъ плечи помочахъ; не очень тонкое бѣлье выбивалось между поясомъ этого платьеца и камзоломъ, съ карманами; въ карманахъ звонили и били съ репетиціею, чуть не съ будильниками, тяжелыя, луковицею, часы; ключики и нѣсколько сердоликовыхъ, полновѣсныхъ печатокъ болтались, по обѣ стороны камзола, на длинныхъ цѣпочкахъ; а саржа, между тѣмъ, къ низу широко разбѣгалась и падала разнообразными складками до колѣнъ, подъ которыми, надъ икрами, останавливались побѣги стразовыми пряжками; огромные башмаки также стягивались блестящими стразами; а стрѣлки по шелковымъ чулкамъ узорчато струились отъ ската икры до счиколотокъ.

Вотъ длинный польской превратился въ круглый, со всѣми затѣями, попарными ходами, вы-

ходами и обходами, большими и малыми кругами, крестами, цѣпью и т. д. Вотъ рисуется важно-плавно-скучно-безсмысленный *минаветъ*. Вотъ выстраивается въ два ряда экосезъ или англезъ. Потомъ начинаются кадрили, не нынѣшнія, Французскія, а простыя, препростыя кадрили съ вальсомъ, за ними — манимаска или краковьякъ, пергурдинъ или матрадура. Въ заключеніе—горлица или мятелица. Послѣ ужина—тампетъ или попури. Лѣтъ тридцать назадъ все это было поглощено безконечнымъ котильономъ, вѣтренымъ гросфатеромъ и стукотливой мазуркой. Теперь угрожаетъ всѣмъ, прежнимъ и новѣйшимъ танцамъ нашествіе пoлекъ: пoлекъ скачущихъ и кружащихся, полекъ покачивающихся и трясущихся, полекъ змѣей изгибающихся и со стороны на сторону кидающихся, полекъ.... да всѣхъ видовъ, ухватокъ и прелестей полекъ не уловить! кто бывалъ въ Польшѣ, тотъ по себѣ это знаетъ.

Правду сказать, что это за балы! попрыгали, поболтали, поужинали, разъѣхались—и захрапѣли! Какъ-таки никакихъ послѣдствій: ни сладкой безсонницы, ни волненья въ душѣ, ни замираній сердца, ни тревожныхъ сновъ, ни тайныхъ свиданій, ни нѣжной переписки, ни сомнѣній, ни хитростей, ни ревности, ни обмановъ, ни толковъ и разсказовъ, ничего того, что въ наше золотое время бываетъ, не только послѣ большаго бала или стиснутаго раута, а даже послѣ маленькой

вечеринки—охъ! бабушки, бабушки! скучно съ вами въ городѣ! переселюсь въ деревню.

Не даромъ говорятъ: Москва царство, а деревня рай.

5 КАРТИНА.

Деревня.

Очагъ! очагъ! родной очагъ!...
Изъ несочиненной пѣсни.

Хорошо въ деревнѣ: 1) Вольный воздухъ: обдуваетъ вѣтеръ кругомъ господскій домъ, посвистываетъ въ малѣйшія щелки, какъ панъ (разумѣется не Польскій панъ, а Греческій), въ свою семитростниковую свирѣль, бѣгаетъ по чердаку, надуваетъ парусами просушиваемое на веревкахъ бѣлье, выгоняетъ и загоняетъ голубей въ слуховыя окна и постукиваетъ, какъ домовой, печными вьюшками, притаясь въ трубѣ. 2) Привольная жизнь: отсутствіе снуровокъ и застежекъ, причесокъ и перчатокъ, широкіе халаты на мужчинахъ, просторныя платья на женщинахъ, чуть-не праматерняя одежда на дѣтяхъ, грязь или пыль на ногахъ, небритыя бороды, лица загорѣлыя — о, природа! о, сельская простота! о, первобытные люди! о! о! о!... 3) Пріятное однообразіе: безгрѣшная скука, непорочная сонливость, неразорительная обжорливость, отдыхъ пытливому уму, покой тревожному сердцу.

Здорово въ деревнѣ: встаютъ рано, кушаютъ рано, ложатся спать рано. Солнечные часы, деревен-

ская скотина и хозяйскій желудокъ почти всегда въ согласіи, всегда, взаимно, другъ-дружку повѣряютъ и всегда, при нѣкоторой разности — выгона съ дворовъ или загона съ пастьбища въ деревню стада съ указаніемъ часовой стрѣлки — оказывается, что желудки поставлены вѣрно и скотина исправна, а вретъ только солнце. Въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть питательнѣе и успокоительнѣе, какъ восемь разъ покушать и три раза въ сутки соснуть, и все въ одни и тѣже часы? — пробужденіе отъ сна сопровождается коротенькой молитвой, въ простотѣ сердецъ, и упоительнымъ чаемъ, со всѣми принадлежностями. Потомъ занятія по хозяйству, чтеніе, рукодѣлья, музыка. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ завтракъ. Послѣ завтрака—краткое отдохновеніе, съ недочитанной книгой, дремота, полузабвеніе, полусонъ. Передъ обѣдомъ — закуска. Послѣ обѣда — двучасовой сонъ, для сваренія желудка. Тутъ—кофей и лакомство. Позже — чай и полдникъ. Наконецъ ужинъ и положительный сонъ, т. е. и баринъ и барыня, перекрестя дѣтокъ, отправляются, совокупно, въ опочивальню, тогда-какъ послѣ обѣденное отдохновеніе стараго барина обыкновенно бываетъ одиночное, въ отдаленной горницѣ, выгаданной на чердакѣ, подальше отъ шума и мухъ, отъ солнца и духоты, гдѣ проволочныя, въ открытомъ венеціанскомъ окнѣ, сѣтки, пропуская вѣтерокъ, не впускаютъ комаровъ, а суконныя вставки ограждаютъ свѣтлицу отъ излишняго свѣта.

По предчувствію, еще мало извѣстнаго у насъ въ старину, животнаго магнитизма, для усыпленія барина, по очереди, наряжалась одна изъ горничныхъ щекотать барскую головку и поглаживать барскія ножки, при нашептываніи, когда сказокъ, когда домашнихъ сплетней, что вполнѣ замѣняло дворовую и сельскую полицію: послѣ жирнаго обѣда, у стараго барина кровь въ голову поднимается и ноги холодѣютъ; а освѣжась, при пособіи ного-глаженія и волосоиграніа, благотворнымъ сномъ, онъ выходитъ на балконъ съ бѣлымъ лицемъ, излишняя краска опустилась къ пальцамъ разогрѣтыхъ ногъ, глаза свѣтлѣе и спокойнѣе... Это — *отданіе* (реакція) магнитизма: le fluide magnetique, т. е. магнитическій токъ. Это дивное дѣйствіе непостижимой силы, и усыпляющей и возстановляющей, рукой или взоромъ убаюкавающаго, тѣло и части убаюкиваемаго, этотъ fluide, это теченіе или токъ, эта сила, установляя полное согласіе, созвучность, равновѣсіе, сочувствіе въ дѣйствительномъ и страдательномъ лицахъ, это непосредственное вліяніе одного, это самовластіе другаго, этотъ... эта... это — однимъ словомъ: прочтите хоть только съ три сотни книгъ, тетрадокъ, статеекъ, современныхъ изданій о магнитизмѣ — кстати и о мисцитизмѣ — и повѣрьте, на первый разъ, хоть видѣнья Преворскія съ мечтаніями Сведенборгскими — и вы убѣдитесь, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, положеніяхъ, обстоятельствахъ, отношеніяхъ, при

извѣстномъ состояніи духа, при нѣкоторомъ раздраженіи или ослабленіи нервъ, при созвучности на одинъ ладъ настроенныхъ душъ, и проч. и т. д. и т. п... и — вы легко убѣдитесь въ томъ, что я хотѣлъ объяснить вамъ одну изъ основныхъ истинъ психологіи, физіологіи, кранологіи, миѳологіи, даже демонологіи, — прочтите, прочтите только, что говорятъ ученые люди о магнитизмѣ въ Египтѣ, въ Индіи, въ Парижѣ — и вы согласитесь, что, сравнительно, я вамъ еще ничего не сказалъ, какъ ничего же не скажутъ и всѣ груды книгъ отъ Месмера до Делёза. А — шутки въ сторону—необъяснимое явленіе—магнетизмъ! въ моихъ понятіяхъ это-обоюдо-острый мечь, это-сложная стихія добра и зла, это — оружіе и чистыхъ побужденій сердца и внушеній князя тьмы, это — одна изъ тѣхъ тайнъ, которымъ разгадка положена за гробовой доской.

Весело въ деревнѣ: хлопоты и совѣщанія, по управленію имѣніемъ и домомъ, съ прикащикомъ, старостой, ключницей, поваромъ и прочими должностными лицами прекраснаго и не краснаго пола, происходятъ въ два пріема: утромъ, между чаемъ и завтракомъ, и вечеромъ, между чаемъ и ужиномъ. Все прочее, досужное отъ сна и ѣды, время идетъ, какъ по маслу. Баринъ поглядываетъ на хозяйственныя постройки, на разсадку липъ или березъ въ разбиваемомъ саду, по англійскому вкусу, на стрижку елей и сосенъ, словно рекрутовъ подъ гребенку, въ старинномъ

саду, съ прямыми, на-крестъ дорогами, съ темными аллеями, съ куртинами, шпалерами, сухими канавками, подъемными мостиками, деревянными солдатиками и разными затѣями, сюрпризами, Китайскими бесѣдками, оранжереями; покушавъ, мимоходомъ, вишень и поглазѣвъ на поливку кадокъ съ персиками и абрикосами, баринъ отправляется полюбоваться на рытье пруда, по чьему-то указанію, какъ вздумалось, гдѣ ни попало, безъ всякихъ ученыхъ выкладокъ, измѣреній и соображеній о качествѣ земли, о положеніи мѣста, объ отношеніи поверхности почвы къ лону ближней рѣчки или ручья, которыя обязаны наполнить тинистый прудъ—хоть-себѣ высохни со всѣми своими ключами и родниками. За то въ немъ будутъ водиться караси и—лягушки, которыхъ пѣніе, сравнительно съ напѣвами многихъ изъ прочихъ сельскихъ музыкантовъ, не на много и хуже: ну что, напримѣръ, хорошаго въ пѣсняхъ стрекозы и жука, галки и вороны, грязной хавроньи и бѣлаго лебедя, наконецъ самого красиваго павлина и забіяки индѣйскаго пѣтуха?... Барыня занимается — все въ свое время — наблюденіемъ за сушеньемъ бѣлыхъ грибовъ, земляники и листьевъ черной смородины, за соленьемъ груздей или рыжаковъ, за моченьемъ грушъ и брусники, за настойкою рябиновки, за снятіемъ пѣнокъ съ варенья сахарнаго для угощенья дѣтей, за приготовленіемъ медовыхъ ягодниковъ и т. д. И на днѣ всѣхъ этихъ заботъ лежитъ,

не одно гостепріимство, а и попеченіе о здравіи и благоденствіи дома: тутъ многое пойдетъ въ войну съ золотухой, простудой и разстройствами желудковъ. Вотъ деревенскія бабы принесли холстину и нитки; а мужички крестьянское сукно; а скотники овчины и кожи съ палой скотины. Выдается приказъ домашнимъ портнымъ, швеямъ и сапожникамъ обшить дворню... Барышни, то читаютъ Малерба: La mort a des rigueurs à nul autre pareilles—и ужасаются! то, всхлипывая, повторяютъ его же стишки:

Et, rose, elle a vecu ce que vivent les roses—
L'espace d'un matin! ..

То заучиваютъ наизусть идилліи Дезульеръ—и плѣняются каждой овечкой, каждымъ барашкомъ, слушая музыкальное блѣяніе; то задумываются надъ глубокимъ смысломъ Французскихъ проповѣдей и похвальныхъ словъ, часто вовся непохвальнымъ особамъ; то, поскучавъ съ Телемакомъ и Нумою Помпиліемъ, заглядываютъ урывками и тайкомъ въ романы Дюкредюмениль, Жанлисъ и Радклифъ; то переписываютъ въ завѣтныя тетрадки нѣжнѣйшіе изъ нѣжныхъ стиховъ Сумарокова, погружаясь въ бездну чувствъ и чувствительности современныхъ чувствователей и мыслителей, перенося въ туже завѣтную тетрадь счастливое выраженіе въ прозѣ и пламенныя строчки новыхъ стихотворцевъ, и дополняя

всѣ эти выписки своими бѣглыми мыслями, вспышками дѣвичьяго сердца и отрывками мечтаній, сновъ, гаданій и темныхъ желаній. Кончивъ литературныя занятія, онѣ, съ толстымъ, подъ-мышкой, словаремъ или пѣсенникомъ, отправляются, сперва въ садъ — отвѣдать запрещенныхъ плодовъ, потомъ въ огородъ — покушать съ грядокъ огурчиковъ и моркови, наконецъ на ржаное поле — нарвать васильковъ. На обратномъ пути, черезъ лугъ и рощу, словарь и пѣсенникъ украсили свои листы разными листочками съ деревьевъ, узорчатыми травками и незатѣйливыми цвѣтками. Иногда прогулка направляется къ ручейку, къ овражкамъ и болотистымъ луговинамъ на богатую жатву незабудокъ и pensées — Иванъ-да Марья. Подъ часъ знойное солнце загоняетъ гулялыщицъ на скотный дворъ, гдѣ сметана или творогъ съ цѣльнымъ молокомъ освѣжаетъ утомленные члены и сердца, сильно бившіеся, при гаданьи, по дорогѣ, на вѣщихъ цвѣтахъ, такъ щедро разсыпанныхъ природою по полямъ — на муку и сладость любопытнымъ дочькамъ любопытной Евы. Чуть дѣвственные пальчики коснутся бѣлыхъ листочковъ вѣщаго цвѣтка — и эти бѣлые листочки, отдѣляясь отъ желтой головки стебелька, запоютъ оракуломъ вѣщія слова: il m'aime... un peu.... beaucoup.... passionement.... point du tout.... Какая это ужасная ворожба: *онъ любитъ* — да какъ? *чуть-чуть*... все равно, что ничуть; *очень любитъ*—на долго ли?... *стра-*

стно — страшно: страстные люди, большею частью, невыносимо — взыскательны, вспыльчивы, ревнивы, мстительны, злопамятны, упрямы, однимъ словомъ: неугомонны Сколько же каждый звукъ вѣщихъ листочковъ долженъ родить въ умѣ гадальщицъ жаркихъ, животрепещущихъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ! не говорю ужь о убійственномъ отвѣтѣ: не любитъ... нисколько... ни даже — чуть-чуть; это — послѣдній приговоръ судьбы страдалицѣ. Только ворожба на Святкахъ можетъ иногда успокоить разочарованное сердце; а между Святками и зловѣщимъ желто-бѣлымъ цвѣткомъ оно не живетъ, не надѣется, не мечтаетъ, не гадаетъ.

Покуда сестрицы, такъ невинно, такъ по дѣвичьи проводятъ золотое время юности, вплоть до разумнаго времени замужства, братцы ихъ, отъ 14 до 9 лѣтъ, и ниже и выше, въ досужные часы отъ чтенія, или уроковъ, упражняются, смотря по смыслу, по силамъ и по возрасту, съ подростками изъ многолюдной дворни (четвертая или пятая часть всего населенія), съ мальчишками и дѣвчонками, сбѣгающимися, отъ нечего дѣлать, на барскій дворъ, позабавить молодыхъ господъ гимнастикой — *тѣлоутружденіе, членоупражненіе, силоразвитіе*... смѣйтесь, а я люблю переводить иностранныя слова и увѣренъ, что это всегда возможно — стоитъ только хорошенько подумать: всякая вещь, всякое дѣйствіе, все отвлеченное—

единожды вещь приспособлена къ свойственному употребленію, дѣйствіе перенято, мысль понята— непремѣнно можетъ и должно быть выражено на нашемъ богатомъ, могучемъ, гибкомъ, разумномъ языкѣ; иначе: мы попугаи и обезьяны, — повторяемъ слова, какъ звуки, безъ смысла; а дѣйствуемъ, безсознательно, передразниваемъ. Даже научныя (техническія) выраженья т. е. выраженья, собственно принадлежащія тѣмъ или другимъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ, и тѣ, всѣ могутъ быть переведены, или объяснены, или наконецъ замѣнены Русскимъ словомъ. Нѣтъ, разумѣется, надобности изгонять всѣ иностранныя слова, безъ исключенья; многія, за давностью, получили право гражданства, какъ и переселенцы (Колонисты) изъ разныхъ краевъ. Однако же переселенцы, въ продолженіе времени, большею частью, не только отстаютъ отъ своего языка, а даже нравами, повѣрьями, привычками и т. д. перерождаются въ туземныхъ обитателей — напримѣръ: Нѣжинскіе Греки, Булгары, мѣстами, даже Нѣмцы теперь — чисто-на чисто Малороссы. А Варяги-то, или Норманны — куда дѣлись? Языки, какъ народы: чуждые въ нихъ притоки неизбѣжны — лишь бы пришельцы не употребили во зло гостепріимство. Языкъ — главнѣйшая стихія народности: у насъ онъ хранитель ученія Церкви православной, преданій древности, уроковъ доблести, всей Русской жизни, съ ея нравами, обычаями, умомъ — разумомъ!

въ немъ сила, въ немъ гордость, въ немъ слава народная!... Какъ же можно искажать его, не только словами иностранными, но даже оборотами, выраженьями, цѣлою рѣчью, далеко не Русскою, не Славянскою, не церковною?.. Возвращаюсь къ *силоразвитію, членоупражненію, тѣлоутружденію*,—вотъ три слова на одно.—Найдутся также у насъ слова и на вещи, предметы, открытія, отвлеченности, (абстрактивы), искусства, ремесла и все проч. хоть бы не у насъ изобрѣтенное и выдуманное: паровозъ, пароходъ, парагонъ (вагонъ), былина (фактъ), просадь (аллея), читалище (библіотека), воздушный шаръ, корабль, пушка, порохъ, свѣтопись (дагеротипъ), миловидность, прелесть (граціозность, грація), простодушіе, (наивность), трунить, гулять, подшучивать, (мистифировать), успѣхъ, преуспѣяніе, преуспѣваніе, развитіе, постепенность, послѣдовательность (прогресъ, во всѣхъ значеньяхъ), заключенье, выводъ, послѣдствіе (результатъ), лакомка, обжора, объѣдала (гастрономъ, въ разныхъ приложеніяхъ), причуды, прихоть, привередничество, затѣи, (капризъ, въ какомъ угодно смыслѣ), неожиданность, нечаянность (сюрпризъ)... Но довольно; можно огромный словарь составить, если вспомнить всѣ слова, выраженія и обороты, такъ легко, такъ опредѣлительно рисующія и объясняющія въ Русской рѣчи и вещи, и предметы, и мысли, и чувства — откуда бы ихъ ни занесло на Русь. . Пойду опять къ дѣтямъ. (Свай-

ка, бабки, мячи, чехарда, горѣлки, пусканье бумажнаго змѣя подъ облака, гонка голубей съ голубятни, ястребиная охота, ырянье въ водѣ, все это удивительно-какъ развиваетъ въ играющихъ понятія общечеловѣческія (гуманныя): о силѣ, ловкости, быстротѣ, искусствѣ, сметливости, красотѣ, смѣлости и т. д. Между тѣмъ сверстники, высокіе и малые, подрастая, связываются привычкою и безотчетною, христіанскою любовью — и наконецъ, товарищи дѣтства и отрочества, ставъ въ зрѣломъ возрастѣ на крайнихъ ступеняхъ лѣстницы породъ и званій, постепенно — одни спускаются, другіе поднимаются, заслугами и признательностью, и нечувствительно сходятся на серединѣ—и господа становятся отцами, а слуги домочадцами.

Въ деревнѣ случается порой, что и старый баринъ съ пожилою барыней, какъ дѣти, веселятся въ кругу своихъ вѣрныхъ челядинцевъ: созовутъ въ столовую горничныхъ, молодыхъ и старыхъ, да запѣвалъ и бойкихъ плясуновъ изъ дворовыхъ — и пошла потѣха: и пѣсни и пляски—что твои цыгане!.. старая барыня съ участіемъ слѣдитъ за всѣми движеньями и прыжками сельскихъ Дюпоровъ, за толкотней толпы въ кругахъ и за пляской на-выходъ доморощенныхъ Фанни и Тальони. Самъ старый баринъ, приплясывая, разумѣется, на одномъ, своемъ барскомъ мѣстѣ, у открытаго окна, или прислонясь къ ломберно-

му столу, или за спинкой Волтеровыхъ креслъ, на которыхъ сидитъ барыня, мало по малу начинаетъ подтягивать — ай! во лузяхъ!... во-полѣ береза стояла... воръ воробей... потомъ рѣшительно примыкаетъ къ хору и напослѣдокъ совершенно слагаетъ съ себя все величіе домовладыки, утопая въ весельи, какъ сыръ въ маслѣ!... тутъ ужь, понимается, и братцы съ сестрицами пустились въ другой горницѣ, кто Русскую, кто цыганскую, кто съ шалью, кто просто вальсъ.

Въ благодатную пору лѣснаго лакомства и барченки съ барышнями, и гувернеръ съ мадамой, и нянюшки съ горничными пуще всего любятъ ходить по ягоды, по орѣшки, по грибы. Особенно по грибы; рѣдкая изъ молодыхъ и бойкихъ дѣвушекъ не принесетъ домой кузовка подъ-орѣшниковъ или подъ-березниковъ, конечно, не безъ пособія молодыхъ господъ, которые, безпечно щелкая орѣхи, кладутъ грибки въ ихъ кузовки. Только гувернеръ, помня свое заморское происхожденіе, не пособляетъ дѣвушкамъ, а ищетъ отъ зноя прохладной тѣни, съ книжкою въ рукахъ и подъ ручку съ мадамой. Гуляя и разсуждая о воспитаніи, они не забываютъ своихъ священныхъ обязанностей къ дѣтямъ — и непрестанно прислушиваются къ ихъ голосамъ.

Иногда удовольствіе сухопутныхъ прогулокъ замѣняется плаваньемъ въ шлюбкѣ по прудамъ, съ пѣсенниками или роговою музыкою. Кто сла-

галъ эти пѣсни: и слова и напѣвы? два имя покуда дошли до насъ: Ванька Каинъ и Стенька Разинъ. Послѣ ихъ многіе, не изъ разбойниковъ, также слагали пѣсни очень удачно; а кто же сочинители до-разбойничьихъ пѣсенъ?... ужь, конечно, не Варяги — приморскіе разбойники: саги — не пѣсня, какъ сказка — не исторія. Такъ, или почти такъ заняты въ деревнѣ и батюшка и матушка и братцы и сестрицы, съ утра до вечера. Въ эту же пору вся семья сбирается въ одну горницу, освѣщаемую двумя макаными свѣчами—и тутъ, при блескахъ и трескахъ, то ярко вспыхивающихъ, то тускло нагарающихъ свѣтиленъ, озаряется картина семейнаго, патріархальнаго, *родоваго быта:* старый баринъ играетъ съ гувернеромъ въ шашки; старая барыня внимательно вяжетъ чулокъ или колпакъ; старшія дочьки разсѣянно вяжутъ шелковые снурочки на рагулькахъ, или шерстяныя косынки на предлинныхъ прутахъ, разговаривая о сосѣдкахъ и сосѣдяхъ, бывшихъ, или еще не бывшихъ у нихъ въ гостяхъ; старшіе сынки разсуждаютъ объ ожидающей ихъ службѣ отечеству, вникаютъ въ разсказы отца о быломъ на бѣломъ свѣтѣ, понимаютъ сердцемъ нѣсколько полусловъ заботливо-тревожной о ихъ будущности матери, изрѣдка намекаютъ о будущности сестрицъ, значительно съ ними перемигиваясь, и снимаютъ щипцами нагорѣвшія свѣтильни съ толстыхъ свѣчей; а мадамъ, что-то презанимательное чи-

таетъ про себя: вѣроятно, или новую Элоизу, Руссо—разглашателя, или посланіе старой Элоизы къ Абеларду, Сладострастника-Колардо,—чтеніе, по тогдашнему, нѣсколько щекотливое; а по новому воззрѣнію, очень нравственное; теперь смѣло бы можно сочетать обѣихъ Элоизъ съ извѣстнымъ Шевалье Фоблазомъ, даромъ-что и старики читали этотъ романъ со стыдомъ по поламъ; да и пустить бы ихъ, въ сопровожденіи Поль-де-Кока, стыдить, усовѣщивать и обращать на путь истины новѣйшихъ героевъ и героинь Евгенія Сю, Жоржъ Занда, Сулье, Дюма, Гюго, частью, даже Бальзака, и многихъ, многихъ писателей, которыхъ у насъ читаютъ, не краснѣя, и въ безстыдныхъ подлинникахъ и въ варварскихъ переводахъ, гдѣ, на половину Французскихъ словъ и выраженій напечатано Русскими буквами, а тамъ понимай, какъ знаешь! и кто же читаетъ эти порожденія *грязи, скверны* и *пота* (Souillé и Su), съ достойными ихъ союзниками по произведеніямъ и по переложеніямъ Французскихъ буквъ на Русскія? — молодыя женщины, иногда и дѣвицы высшаго общества!... придалъ бы я этимъ сочинителямъ и переводчикамъ всякихъ мерзостей въ прозвище имена *Сулье и Сю*, по точному ихъ смыслу въ переводѣ: М. П — Сю, Л. Л-Сулье, Н. С-Кокъ и т. д. И такъ мадамъ занята назидательнымъ чтеніемъ. Дѣти, между тѣмъ, играютъ въ сосѣднихъ покояхъ въ гулючки, стукаются лбами о столы и стулья, шумятъ,

окликаются, замолкаютъ, опять шумятъ и кричатъ, опять стихаютъ и напослѣдокъ, по угламъ и по стѣнкамъ, кто сидя, кто стоя, покачиваясь и таращa по временамъ глазенки, дремлютъ въ ожиданіи ужина. Вотъ шашки и рукодѣлья покинуты; братцы и сестрицы, какъ маятники, слоняются взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, отъ диванной, гдѣ горятъ двѣ свѣчи, черезъ большую и малую гостиную, гдѣ не горитъ и ночника, до столовой, гдѣ скоро кукушка пробьетъ девять часовъ, гдѣ столъ ужь накрытъ, гдѣ свѣтитъ изъ буфета огарокъ, гдѣ раздаются музыкальныя храпѣнья, свисты, скрежетъ, взвизгиванія, вздохи и т. п. звуки вѣрныхъ слугъ изъ передней и добрыхъ служанокъ изъ задней, черезъ длинный переходъ, горницы. Мусье и мадамъ разгуливаютъ своимъ чередомъ по столовой, вспоминая, каждый, о своей родинѣ и поглядывая на кукушку. Батюшка и матушка раскладываютъ *гранпасіансы*, потомъ мечутъ *ранконтръ*, пошучивая *о первой встрѣчѣ* своей въ молодости, въ заключеніе пытаются пытать *симпатію* — и пресимпатически, съ полнымъ сочувствіемъ, очень дружно и звучно начинаютъ зѣвать, зѣвать—и колокольчикъ зазвенѣлъ и вожделѣнное слово прогремѣло въ устахъ домовладыки: «ужинать!»

Таково обыкновенное, будничное теченіе времени въ деревнѣ, кромѣ субботъ: тутъ Русская баня — родоначальница всѣхъ возможныхъ купаній, погруженій, вспрыскиваній, орошеній, моче-

ній Присница, въ купальняхъ, брызгушкахъ (дождевой душъ), и въ простыняхъ, измѣняетъ весь порядокъ въ домѣ; баня—предметъ разговоровъ, источникъ дѣятельности, цѣль желаній; истопницы приглашаютъ дѣвушекъ опарить баню — визгъ, хохотъ, плесканье, говоръ; идутъ господа, сперва мужчины, по очереди, потомъ барыня и барышни; каждый и каждая порядочно понѣжатся, послѣ омовенья или паренья, въ нероскошномъ передбанникѣ; за ними *верхніе* люди, напослѣдокъ—вся *нижняя* изъ людскихъ дворня. Тутъ ужь только и слышно: «поддавай! поддавай!...» Паръ глаза ѣстъ, вѣники свистятъ, а Русскій народецъ все кричитъ себѣ: поддавай! поддавай, не бойсь!

Впрочемъ это, безмятежное, непорочное, здоровое однообразіе сельскаго быта не рѣдко нарушается: 1) наѣздами, набѣгами и нашествіями кочующихъ изъ гостей въ гости сосѣдей и сосѣдокъ въ нѣсколькихъ рыдванахъ, съ ордою людей, дѣтей и дѣвокъ, съ табунами лошадей, со стаями мосекъ и шавокъ—и всѣхъ ихъ, разумѣется, угости, накорми, напой, упокой!... 2) Стеченіемъ изъ окрестностей народа въ храмовые праздники. Тутъ обѣдня, молебны, крестный ходъ; потомъ угощенье на барскомъ дворѣ: брага, хмѣльной медъ, калачи, баранки, золотые пѣтушки, сусальныя бабы, Цареградскіе стручки, орѣхи; напослѣдокъ, качели, коньки, удальство, волокитство, хороводы, заплетися плетень, лихая

пляска, подъ пьяную руку, заливныя пѣсни въ полпьяна, поцѣлуи, споры, схватки, мировая за ковшомъ цѣловальника. 3) Выѣздомъ господъ въ поле къ открытію посѣва, при чемъ они бросаютъ зерна больше на себя, чѣмъ на пашню, по очень извинительной неловкости въ этомъ, не обычномъ для нихъ дѣлѣ. 4) Началомъ и заключеніемъ сѣнокоса, предшествуемаго и кончаемаго пѣснями, какъ и всѣ сельскія работы. 5) Приносомъ огромнаго снопа передъ барскій домъ, нарядными крестьянскими дѣвицами, при громогласномъ пѣньи молодыхъ и старыхъ бабъ—и бочка пива катится въ народъ. 6) Путешествіемъ, въ свой чередъ, помѣщика и помѣщицы съ дѣтьми, съ болонками и съ прислугою, по ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, при свиданіи съ которыми предложены и разрѣшены всѣ первой важности современные вопросы: о всходахъ, объ умолотѣ, о погодѣ, о рекрутскомъ наборѣ, о женихахъ и невѣстахъ, о Капитанъ-Исправникѣ и приходскихъ попахъ. 7) Охотою: лѣтомъ — отдѣльно, не людно, съ выборомъ ближайшихъ мѣстъ, съ бережью, чтобъ не помять хлѣбовъ и травъ; осенью — съ сосѣдями, подальше, въ отъѣзжее поле, на нѣсколько дней; зимою — по пороши. Съ ружьемъ и лягавыми тогда еще мало таскались по лѣсамъ и болотамъ. За дичью, къ столу, ходили кой-какіе стрѣлки, по наряду.

Охота напоминаетъ что-то воинственное: и всадники и воеводы одѣты и вооружены, сообраз-

но званію, значенію и должности; шаровары или рейтузы сверхъ сапоговъ, куртки, чекмени, венгерки, казакины съ потранташами, картузы, шляпы, шапочки, колпаки, ермолки, турецкіе въ серебряной обдѣлкѣ кинжалы, съ чернью, съ цвѣтными камнями, охотничьи ножи въ рябой, ослиной кожѣ, съ костяными рукоятками, Тульскіе и Турецкіе пистолеты, арапники и хлыстики, свистки и духовые рога.

Передовой отрядъ составляютъ псари, которые ведутъ гончихъ на смычкахъ. Главное войско — ловчіе, съ борзыми, всѣхъ породъ, статей, наклонностей, достоинствъ, добродѣтелей. Однѣ — чудо въ открытомъ полѣ: сильны, смѣлы, увертливы, хитры, терпѣливы! другія — прелесть накороткѣ: легки, бойки, горячи, неистовы!... Я впрочемъ не берусь подробно описывать происхожденіе, названія, поколѣнія, переселенія, отличительныя черты крови и нравовъ, обликъ, стать, ростъ, глаза, морды, ноги, хвосты, уши — особенно уши этихъ четвероногихъ спутниковъ двуногаго человѣчества, столь разнообразныхъ, разнохарактерныхъ, разнородныхъ, смотря по народамъ, съ которыми родились, водились и переселялись, смотря по породѣ, духу, силѣ, образованности, развитію самихъ народовъ, домосѣдствующихъ и путешествующихъ, смотря по климатамъ и мѣстностямъ — отъ первой собаки до варварскаго, возмутительнаго, безчеловѣч.... безсобачнаго, мизопесьяго обычая безжалостныхъ

охотниковъ сгонять домой собакъ арапниками, если онѣ, бѣдняжки, не спросясь, отправятся на гулянье, на свиданье, или на поединокъ, при вѣтренности Фидельки, при лукавствѣ Кастора, при невѣжливости Милорда и т. п. Филопесы или кинофилы, желающіе тѣснѣе сознакомиться съ этими неизмѣнными друзьями и усердными сподвижниками человѣчества, хотя и они, подъчасъ, бѣсятся, какъ люди, могутъ прочесть въ Москвитянинѣ нынѣшняго 1845 г. прекрасную, презанимательную и преназидательную статью одного изъ извѣстныхъ, изъ лучшихъ и изъ лѣнивѣйшихъ у насъ писателей, даромъ-что ему дались и стихи и проза.... За борзыми тянутся охотники-господа на дрожкахъ, въ одноколкахъ и колâскахъ; за ними подвигаются линейки съ барынями и барышнями; около ихъ красуется молодежъ на пресмирныхъ, мелкихъ, доморощенныхъ иноходцахъ, или на пѣгихъ, сивыхъ и буланыхъ россинантахъ, выслуживших всѣ сроки, съѣвшихъ всѣ зубы и перебывавшихъ и подъ охотниками и подъ дугой, и у дышла и у сохи. Но каковы бы ни были лошади и ѣздоки: и трястись рысью и скакать съ размаху, какъ на качеляхъ, не опасно—сѣдла, словно кресла, мягкія, глубокія, не хуже казацкихъ, съ передкомъ и спинкой. Это главный штабъ. Далѣе—запасное войско: стремянные ведутъ господскихъ лошадей и на сворахъ отличнѣйшихъ изъ борзыхъ. Наконецъ—обозъ, съ палатками, съѣстными припаса-

ми, напитками, таганами, кострюлями, сковородами и всякою всячиною.... Вотъ достигли мѣста дѣйствія. Гончія пущены съ разныхъ точекъ въ лѣсъ. Псари трубятъ, порскаютъ и хлопаютъ арапниками. Собаки визжатъ, лаютъ, бѣгаютъ, нюхаютъ, вдругъ зальются, вдругъ замолкнутъ, вдругъ затянутъ всѣми стаями такую пѣсню, напавъ на слѣдъ зайца, волка, или лисицы, что лѣсъ дрожитъ, въ ушахъ трещитъ. По опушкѣ лѣса ловчіе выжидаютъ звѣря или звѣрка, чтобъ проводить его дальше, на поляну, гдѣ нетерпѣливо высматриваютъ желаннаго гостя стремянные—и вотъ добыча направлена прямёхонько на господъ..... ату его!...

Читая Вальтеръ-Скотта, я много замѣчалъ сходства въ образѣ жизни нашихъ прадѣдовъ съ обычаями Шотландцевъ и Англичанъ: и длинные обѣды, и попойки, и кулачные бои, и соколья или ястребиная охота, и псовые полки, и скачки, и бѣги, и заклады, и огромная дворня. Точно также я лично удостовѣрился въ сходствѣ съ Польками не одноплеменныхъ имъ Молдаванокъ и Волошановъ, въ очень многихъ отношеньяхъ, особенно же въ похвальной любви къ ближнему, всегда исполненной самоотверженія и сострадательности:

Давайте ближняго любить....
Съ сосѣдокъ добрыхъ начиная.

Точно также встрѣчается, ужь не сходство, а тождество—любовной кротости, смиренномудрія,

терпимости и зрѣломыслія въ учителяхъ Синагогъ и въ учителяхъ Философіи, отъ Спинозы до Гегеля.... Отъ чего бы это все такъ было?... Отъ чего бы также, напримѣръ, наши дѣдушки и бабушки меньше нашего учились, гораздо меньше читали и еще меньше писали; а жили, любили, вѣровали, служили и, особенно, умирали умнѣе, чѣмъ мы? Отъ чего бы семейный бытъ на Руси—и не очень еще давно—былъ крѣпокъ взаимной любовью всѣхъ членовъ семьи: старшіе любили и назидали младшихъ, младшіе любили и уважали старшихъ, равные другъ-друга любили и поддерживали связи родства и дружбы откровенностью и довѣріемъ. Отчего: въ-старину не знали пышныхъ словъ — мораль, филантропія, мистицизмъ, пауперизмъ, патріотизмъ, гуманность, и проч. туманность, а люди были нравственны, т. е. нравственны по обычаямъ и понятіямъ времени; были вообще благотворительны, человѣколюбивы, набожны, и всегда были готовы въ огонь и воду за отечество, за вѣру, за Царя, за правду, за честь Русскаго имени.... Отчего бы и теперь Христіанскія добродѣтели: страхъ Божій, любовь къ ближнему, смиреніе, терпѣніе, нищелюбіе, самоотверженіе, уцѣлѣли, безъ примѣси мудрованія, своекорыстія, хвастовства, лицемѣрія, честолюбія, въ простомъ народѣ больше, нежели въ образованныхъ... *Европейцахъ?*... Отчего бы..., нѣтъ! замолчу: боюсь кончить картины Русскаго въ-старину быта карикатурою

современности, въ которую, самъ не чувствуя, уже я впалъ своими вопросами: теперь вѣдь все обращается въ вопросъ, все разлагается, все разрѣшается, все—блесну современною ученостью — все нынче *анализъ* и *синтезъ! синтезъ и анализъ!* все *конкретное*—a priori, все *фактическое*—a posteriori, все *объективное* и *субъективное* въ *прогрессъ критицизма* и *гуманности*—все подлежитъ *анализу* и *синтезу!*... Бѣдные, бѣдные дѣды и прадѣды, бабушки и прабабушки наши! вамъ не понять бы и словечка изъ нашихъ премудрыхъ и премудреныхъ рѣчей! о! какъ вы мелки, съ вашими, простočеловѣческими мыслями, думками, понятіями, передъ нашими исполинскими идеями, созерцательными думами, геніальными взглядами на жизнь, на міръ, на тварь, на будущность природы и человѣчества, но.... но вы не постигнете, пигмеи, насъ, промиѳеевъ—хищниковъ все пожирающаго огня.... только не съ неба.

Николай Сушковъ.

СПОРЪ.

1.

Между *солнцемъ* и *землею*
Жаркій споръ идетъ:
То все тянетъ кверху *стебель*,
Та все *корень* жметъ.

2.

Нераздѣльно оба дѣлятъ,
Добычу свою:
Солнце говоритъ: «Я свѣтомъ
«Цвѣтъ мой оболью;

3.

«И живой вѣнокъ эмальной,
«Я любимцу дамъ
«И росой его кристальной
«Сбрызну по зарямъ!»

4.

А *земля:* «*Корнямъ* пушистымъ,
«Что могу, — я дамъ:
«Пусть по темнымъ и нечистымъ,
«Стелятся путямъ!...»

5.

Не такой-ли споръ у неба
И земли идетъ
За любимца — человѣка,
За его судьбу? —

6.

Человѣкъ — дитя земное;
Но земнымъ не сытъ,
И про счастіе *иное*
Часто говоритъ.

7.

И, грустя во тмѣ наземной,
Полюбившій свѣтъ,
Къ цѣли высшей и священной,
Все летитъ поэтъ!...

Ѳ. Глинка.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
THE HECKMAN BINDERY, INC.
BOUND TO PLEASE
JUN 73
N. MANCHESTER,
INDIANA